Годъ 2-й. Кн. VI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1890, № 3.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1890.

Печатать разрѣшается. Москва, 10 сентября, 1890 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Ординарный профессоръ

Всеволодъ Миллеръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТГОЛОСКИ ХРИСТІАНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ

ВЪ МОНГОЛЬСКИХЪ СКАЗКАХЪ.

Миѳологическая теорія происхожденія народныхъ сказаній и повѣрій, главными представителями которой на Западѣ были Я. Гриммъ, Маннгардтъ, Шварцъ, А. де-Губернатисъ, въ Россіи—Аѳанасьевъ и О. Миллеръ, получила надлежащее ограниченіе со стороны ученыхъ представителей теоріи литературнаго заимствованія: Бенфея, акад. А. Веселовскаго, Драгоманова, Кёлера, Вебера, Коскена, Чайльда и др. Но и въ области научныхъ изслѣдованій послѣдователей теоріи литературнаго заимствованія въ послѣднее время замѣтна усиленная дѣятельность по пересмотру установленныхъ путей распространенія сказаній. Можно предвидѣть, что на основаніи новыхъ добытыхъ наукой фактическихъ данныхъ послѣдуетъ ограниченіе вліянія древней индійской словесности, повидимому, нѣсколько преувеличеннаго въ ущербъ другихъ возможныхъ вліяній, и, затѣмъ, на очереди стоитъ сокращеніе размѣровъ вліянія богомильской литературы. Взамѣнъ этихъ ограниченій все съ большей и большей рельефностью выдвигается дѣйствительно громадное вліяніе христіанской канонической и апокрифической литературы, проникавшее въ древности на отдаленный Сѣверъ и Востокъ. Въ послѣднее время много шуму въ западно-европейской научной литературѣ надѣлала попытка извѣстнаго лингвиста профессора университета въ Христіаніи Софуса Бугге объяснить саги скандинавской Эдды христіанскими преданіями, проникавши-

ми во времена викинговъ на отдаленный Сѣверъ при посредствѣ христіанскихъ проповѣдниковъ-монаховъ Британскихъ островов. По объясненію Бугге выходитъ, что Локи произошелъ изъ Люцифера; сказаніе о смерти Бальдура—отзвукъ христіанскихъ сказаній о смерти Спасителя, міровое дерево Игдразиль—крестное древо апокрифовъ и т. д.

Теперь наступила очередь азіатскаго Востока, и очень можетъ быть, что та первенствующая роль, которая до сихъ поръ отводилась ему въ исторіи повѣстей и сказаній (Бенфей, г. Стасовъ и др.), будетъ со временемъ значительно ограничена въ пользу христіанскаго Востока съ византійской литературой. Относительно Монголіи археологія прямо заставляетъ пересмотрѣть историко-литературный матеріалъ. Въ этомъ отношеніи важныя указанія дали несторіанскіе памятники Семирѣченской области, бывшіе на выставкѣ при VIII Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, именно, камни съ сирскими надписями и крестами съ несторіанскихъ кладбищъ XIII—XIV в., открытыхъ въ 1885 г. близъ городовъ Пишпека и Токмака.

Проф. Д. А. Хвольсонъ на VIII Археологическомъ съѣздѣ, въ засѣданіи отдѣленія древностей восточныхъ и языческихъ (17 янв.), разъяснилъ важное значеніе несторіанъ на азіатскомъ Востокѣ. Несторіане послѣ изгнанія ихъ изъ Византійской имперіи переселились въ царство Сассанидовъ, гдѣ основали школы, въ которыхъ преподавались богословскія и свѣтскія науки. Они переводили сочиненія Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ писателей на сирійскій языкъ и писали комментаріи къ нимъ. Они также занимались медициной, вслѣдствіе чего играли значительную роль при дворѣ Сассанидовъ, а впослѣдствіи у халифовъ. Со временъ халифа Элъ-Мамуна несторіане занимались переводами на арабскій языкъ греческихъ сочиненій Аристотеля, Платона, Гиппократа, Галлена, Діоскорида, Птоломея и др. Ихъ переводы впослѣдствіи были переведены на латинскій языкъ. Кромѣ того, несторіане, какъ ревностные христіане, разсылали своихъ миссіонеровъ повсюду для распространенія христіанской вѣры—въ Среднюю

Азію, въ Южный и Сѣверный Китай, къ монгольскимъ и тюркскимъ племенамъ, такъ что въ X и XI вѣкахъ цѣлыя тюркскія племена приняли христіанство *).

Несторіане жили поселеніями на дальнемъ Востокѣ—въ Туркестанѣ, Китаѣ, съ VII по XIV в. (до Тамерлана). Свѣдѣнія о нихъ сохранились въ китайско-сирской надписи VIII в. близъ г. Синанфу, въ китайскихъ государственныхъ актахъ, въ восточныхъ хроникахъ и въ разсказахъ путешественниковъ XIII и XIV вѣковъ. Несторіанъ было много въ царствѣ хановъ, которые съ уваженіемъ относились къ ихъ вѣрѣ и и отчасти соблюдали ихъ религіозные обряды; нерѣдко жены и дѣти хановъ и знати были христіанами, и несторіане являлись порой при дворахъ учителями св. Писанія. Въ землѣ Кераитовъ, на сѣверъ отъ изгиба Гоанго, несторіанство господствовало. Здѣсь правили Ванк-Ханы, или цари Іоанны, изъ коихъ знаменитъ современникъ, вассалъ и противникъ Чингисъ-хана (сочиненія D'Ohosson'а и Howarth'а, цит. въ *Опис. Археол. Выст.*, зала 8, стр. 50). Слѣдъ несторіанъ на дальнемъ Востокѣ остался въ образованіи изъ ихъ письма азбукъ, уйгурской, монгольской, манжурской; ихъ же вліяніе предполагается въ нѣкоторыхъ чертахъ религіознаго обряда и въ священной одеждѣ буддистовъ. Семирѣченскія находки восполняютъ свѣдѣнія о распространеніи христіанства въ Монголіи. Семирѣченская несторіанская паства была смѣшанная—сирско-тюркская; на камняхъ встрѣчаются и тюркскія имена, особенно у женщинъ. Многіе камни относятся ко времени чумы XIV в., перешедшей затѣмъ изъ Азіи въ Европу. (Литература предмета указана въ *Опис. Археол. Выст. VIII Арх. Съѣз.*, зала 8, стр. 51—52; кромѣ того, см. *Петрова*, Христ. общины на Востокѣ).

Христіанскія вліянія могли проникать въ Монголію, независимо отъ несторіанъ, въ древности — съ христіанскими плѣнниками, завозимыми изъ Европы, въ позднѣйшее время—

---

*) Изложеніе реферата см. въ *Моск. Вѣд.* 1890 г. № 20 и въ брош. „*Занятія VIII Арх. Съѣзда*", стр. 96—97.

отъ русскихъ. Н. М. Ядринцевъ въ сообщеніи объ этнографическихъ наблюденіяхъ въ Монголіи, прочитанномъ въ Москвѣ 19 января 1890 г. въ засѣданіи Общества Любитетей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, указывалъ, между прочимъ, что въ XIII в. въ столицѣ монгольскихъ хановъ Каракорумѣ было много плѣнниковъ-христіанъ изъ Европы. Кромѣ того, въ Каракорумъ являлись посланники и миссіи со всей Азіи и Европы: сюда шли францисканскіе монахи отъ Людовика Святого и отъ папы Иннокентія IV, Плано Карпини, Марко Поло, епископъ изъ Руана, армянскіе принцы, русскіе князья Ярославичи. Рубруквисъ говоритъ о великолѣпномъ ханскомъ дворцѣ въ Каракорумѣ. Парижскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Вилліамъ Буше, бывшій плѣнникомъ, сдѣлалъ монгольскому хану серебряное дерево со змѣями, съ которыхъ текли напитки во время пировъ. Г. Ядринцевъ нашелъ на мѣстѣ Каракорума развалины ханскихъ дворцовъ, мало говорящія о прежнемъ ихъ величіи и роскоши.

Историческія и археологическія свидѣтельства о распространеніи христіанства въ Монголіи въ древнее время предполагаютъ уже литературныя вліянія. Въ монгольскихъ сказкахъ и преданіяхъ обнаруживается значительное число такихъ мотивовъ, которые могутъ быть отнесены на счетъ христіанскихъ литературныхъ вліяній; опредѣленіе затрудняется позднѣйшими буддистическими наслоеніями.

Сказанія монголовъ *о мірозданіи* въ связи съ однородными сказаніями другихъ народовъ, преимущественно славянъ, подробно обслѣдованы акад. А. Н. Веселовскимъ въ статьѣ: „Дуалистическія повѣрья о мірозданіи“ (XI очеркъ Разыск. въ обл. рус. дух. стиха *). Монгольскія сказанія о мірозданіи такъ сходны съ русскими сказаніями этого рода, что уже Шифнеръ усмотрѣлъ въ нихъ вліяніе христіанства, прине-

*) Дополненія къ этой статьѣ того же автора см. въ V кн. „Этногр. Обозр.“; небольшая замѣтка А. Р. о сказаніяхъ о сотвореніи земли въ „Вислѣ“ 1890 г. II, 387.

сеннаго русской культурой, наряду съ вліяніемъ буддійскимъ. Акад. Веселовскій замѣчаетъ по этому поводу: „Слѣды буддизма въ именахъ собственныхъ несомнѣнны... Что касается до русскаго элемента, то въ данномъ случаѣ онъ явился-бы проводникомъ не столько христіанскаго, сколько спеціально отреченнаго, именно богомильскаго содержанія“ (19). Если въ рядъ этихъ предположеній вставимъ предположеніе о несторіанскомъ вліяніи, какъ самомъ сильномъ, то общій вопросъ о вліяніяхъ можно считать почти исчерпаннымъ.

Монгольскія сказанія о мірозданіи не стоятъ одиноко въ инородческихъ литературахъ. Весьма сходныя сказанія записаны у горныхъ черемисовъ Казанскаго края, мордвы, вотяковъ, вогуловъ. Всѣ преданія о мірозданіи, записанныя среди инородческихъ элементовъ русскаго населенія, оказываются сходными, нерѣдко буквальны, съ разсказами русскими и болгарскими и съ старой повѣстью о мірозданіи, распространенной въ рукописяхъ, особенно среди нашихъ раскольниковъ. Возможно, что раскольничья колонизація занесла сказанія о мірозданіи на окраины русской земли, гдѣ они были приняты и усвоены инородцами (*Весел.*, 32); но это предположеніе не исключаетъ возможности другихъ путей распространенія сказаній о мірозданіи, именно, несторіанскихъ изъ Византіи и Персіи.

Въ связи съ многочисленными преданіями о сотвореніи міра и человѣка (у *Потан.* IV, 218 и сл., 797, 800), достаточно подробно и разносторонне разсмотрѣнными А. Н. Веселовскимъ, стоятъ разсказы о сотвореніи солнца (*Потан.* IV, 225), о замороженіи моря (ib. 801) и нѣкоторые другіе, находящіеся въ очевидной зависимости отъ апокрифической литературы.

Монгольскія сказанія *о потопѣ*, повидимому, представляютъ отзвукъ библейскаго повѣствованія о потопѣ. Алтайцы вѣрятъ, что самъ (плотъ), на которомъ спасся предокъ нынѣшняго человѣчества, и теперь цѣлъ; онъ стоитъ на горѣ Адыганъ на правомъ берегу р. Катуни. Кто взойдетъ на эту гору, тотъ уже не возвратится оттуда, умретъ (*Потан.* IV,

208). Послѣдняя подробность напоминаетъ извѣстное новгородское сказаніе о раѣ, XIV в. Въ варіантѣ во время потопа спасся одинъ старикъ съ сыновьями на плоту; одинъ изъ этихъ сыновей былъ Хамъ (ib. 207). Все живое и растущее явилось послѣ потопа. Монгольскій Прометей Кезеръ Чинчисъ-Кайраканъ открылъ послѣ потопа огонь, научилъ людей курить вино и далъ народу порядокъ и законы (ib. 208).

Сказанія о потопѣ встрѣчаются чуть ли не у всѣхъ народовъ земного шара, и весьма возможно, что такого рода сказанія существовали у монголовъ до появленія христіанскихъ литературныхъ вліяній и затѣмъ подчинились послѣднимъ. Сказанія о потопѣ найдены въ глухихъ мѣстахъ Америки, Африки и Австраліи, среди варварскихъ и дикихъ народовъ. Въ сказаніи караибовъ послѣ потопа остаются только мужчина и женщина, которые, подобно греческимъ Девкаліону и Пиррѣ, создаютъ людей изъ камней. Въ однихъ мѣстахъ причиной потопа называютъ грѣхи, въ другихъ—винятъ злого подземнаго бога. (*Reville,* Les relig. des peuples non civilisés, I, 279, 320, 353, 373, 402; II, 128, 150).

Легенды *о Соломонѣ* представлялись увлекательными для всѣхъ народовъ, прямо или косвенно знакомившихся съ ними, въ литературной или устной передачѣ. Въ литературахъ христіанскихъ и мусульманскихъ народовъ апокрифы о Соломонѣ оставили глубокіе слѣды. Столь же сильно отразилось ихъ вліяніе на народной словесности, пѣсняхъ, сказаніяхъ, поговоркахъ. Не ушли отъ вліянія соломоновскаго цикла сказаній и монголы; въ монгольскихъ сказкахъ сохранилось нѣсколько мотивовъ апокрифовъ о Соломонѣ.

Въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ царемъ птицъ является ханъ Гариде. На западѣ, въ мусульманскихъ легендахъ царь, собирающій птицъ къ себѣ на помощь, отправляясь въ походъ, и знающій ихъ языкъ — это царь Соломонъ. Къ Соломоновой женѣ относится разсказъ о женѣ хана Гариде, которая требовала постройки кибитки изъ птичьихъ носовъ.

(*Потанинъ,* IV, 764 и 784). Послѣдній мотивъ встрѣчается въ малорусской сказкѣ про Кука (*Чубинскій*, II, № 34) *).

Въ сказкѣ тобольскихъ Татаръ, возникшей, вѣроятно, подъ прямымъ вліяніемъ русскихъ народныхъ сказокъ о дѣтствѣ Соломона, бѣднякъ Саламджа былъ найденъ на соломѣ и вскормленъ лисицей. Въ русскихъ сибирскихъ сказкахъ о Соломонѣ мать выбрасываетъ въ поле Соломона за то, что онъ, будучи еще въ утробѣ, упрекалъ мать за распутство; ребенка нашелъ одинъ крестьянинъ въ соломѣ и далъ ему имя Соломонъ. (*Потан.*, IV, 898).

На повѣствовательномъ мотивѣ о коварной и жестокой женѣ Соломона построена монгольская сказка про Гумъ-хана: Гумъ-ханъ, возвратясь съ охоты, засталъ свою молодую жену больной; она сказала ему, что не выздоровѣетъ, пока не съѣстъ сердца и почекъ двухъ сыновей Гумъ-хана. Ханъ приказалъ исполнить ея желаніе; но слуга оставилъ дѣтей живыми, закололь двухъ собакъ и поднесъ ханшѣ ихъ сердца и почки. Жена хана была шулмусъ—чертовка, дочь сатаны Мангиса. (Ibid., 496).

Въ обширной монгольской сказкѣ про Боско одинъ мотивъ напоминаетъ тотъ циклъ сказаній, типомъ которыхъ служитъ библейскій судъ Соломона по заявленію претензіи двухъ женщинъ на одного ребенка. Тунгусъ похищаетъ у калѣки-якута жену. Калѣка вызвалъ его на поединокъ, который продолжался 30 дней, и споръ не былъ рѣшенъ. Тогда якутъ обратился въ желѣзный гвоздь, а тунгусъ въ расплавленное олово и спустились къ подземному духу Арсандолѣ на судъ. Арсандола рѣшилъ въ пользу якута. Тунгусъ остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и предложилъ идти на судъ въ страну свѣтлаго духа Ай-Тойону. Якутъ обратился въ дятла, а тунгусъ въ сокола и полетѣли къ Ай-Тойону; но и Ай-Тойонъ рѣшилъ споръ въ пользу якута. Тунгусъ предлагаетъ якуту разрѣзать его жену пополамъ, чтобы каждый взялъ по половинѣ. Якутъ

*) Литовскія легенды о царь-птицѣ *Кукасъ* или *Кукисъ* записаны г. Э. А. Вольтеромъ. См. „Этногр. Обозр.“, кн. VI. *Ред.*

ни за что не хотѣлъ согласиться на это, потому что жена его была уже на третьемъ мѣсяцѣ беременности. Споръ окончился новымъ поединкомъ, въ которомъ якутъ убилъ тунгуса. (Ibid., 639).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сказанія подобнаго рода распространены у многихъ народовъ. Гедозъ, въ „Мелюзинѣ" 1889 г., указалъ на существованіе сказаній типа Соломонова суда по жалобѣ двухъ женщинъ въ Индіи, Тибетѣ, Персіи, Египтѣ, Сербіи и Англіи.

Опредѣлить слѣды христіанской догматики и евангельской морали въ монгольскихъ сказаніяхъ затруднительно, потому что на нихъ налегъ толстый слой религіозныхъ буддистическихъ вліяній и разныхъ доморощенныхъ суевѣрій.

Въ монгольскихъ повѣрьяхъ о Телегеѣ, повидимому, скрывается обломокъ христіанскаго ученія *о св. Троицѣ.* „Дерево и камень, говорятъ монголы, на землѣ создалъ Оронъ Телегей Кайраканъ, Оронъ Телегей няшъ, Ташъ булгашъ. Три кайракана на небѣ: Кезеръ, Чингисъ и Амурсана; всѣ они трое—одно, джангызла. Ихъ всѣхъ вмѣстѣ называютъ Телегей. Всѣ трое сильны и страшны; человѣкъ не можетъ вынести ихъ вида: увидѣвъ—умираетъ". (*Потанинъ.* Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 225). Въ монгольскихъ сказкахъ о сотвореніи міра, построенныхъ несомнѣнно на христіанско-апокрифической литературѣ, творцами міра являются три лица (ib. 218 и сл.). Въ сказкахъ про Шидырвана выступаютъ уже три брата — князья Шитыръ, Ченгисъ и Амурсанъ. Въ одной сказкѣ Шитыръ составляетъ заговоръ противъ царя Богдо. Заговоръ былъ открытъ и Шитыръ схваченъ. Богдо хотѣлъ его казнить: рубили ему голову до трехъ разъ, но онъ все воскресалъ (ib. 298).

Евангельское сказаніе *объ искушеніи Спасителя дьяволомъ въ пустынѣ,* повидимому, отразилось въ слѣдующей монгольской сказкѣ. У Бурхынъ-Бакши были два шаби. Ханъ шулмусовъ (демоновъ) пришелъ къ этимъ шаби и сталъ соблазнять ихъ убить своего учителя; но шаби не согласились. Бурхынъ-Бакши ушелъ въ одно уединенное мѣсто, чтобы помолиться

наединѣ. Ханъ шулмусовъ пришелъ къ нему и сталъ просить у него самого его смерти. Бурхынъ-Бакши молился, ничего не говоря. Ханъ шулмусовъ отрубилъ ему руку; Бурхынъ-Бакши продолжалъ молиться. Ханъ шулмусовъ отрубилъ ему другую руку. Бурхынъ-Гакши продолжалъ молчать. Тогда ханъ шулмусовъ спросилъ его: „Ты ли Бурхынъ-Бакши?"— „Если я Бурхынъ-Бакши, отвѣтилъ тотъ, то мое тѣло снова будетъ цѣло". И руки его снова приросли къ тѣлу. (*Потан.*, IV, 271).

Не утверждая навѣрное, можно лишь предположить, что евангельское сказаніе *о насыщеніи пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами* въ сильно измѣненной формѣ просвѣчиваетъ въ монгольской сказкѣ о дочери Лусай-хана. Пріѣхалъ ханъ съ двумя тысячами солдатъ. Солдаты убили трехъ хучгунъ-хулугунъ (звѣрки изъ рода грызуновъ) и когда стали жарить ихъ, то засмотрѣлись на красавицу дочь Лусай-хана и сожгли жаркое. Стали они жаловаться красавицѣ, что, засмотрѣвшись на нее, сожгли ханское кушанье, и ханъ убьетъ ихъ за это. Красавица сжалилась надъ ними, сдѣлала изъ муки три такихъ же хучгунъ-хулугуны и сказала: «Не узнаетъ вашъ ханъ, что не настоящія». Принесли они хану кушанье; тотъ поѣлъ и отдалъ остатки солдатамъ; они всѣ наѣлись и не могли всего съѣсть. Тогда ханъ велѣлъ солдатамъ убить на другой день пять хулугунъ, предполагая, что пяти хватитъ всѣмъ солдатамъ на два дня. Солдаты убили пять хулугунъ и зажарили ихъ, какъ слѣдуетъ. Принесли хану; онъ одинъ все съѣлъ и не наѣлся; сталъ ихъ спрашивать: «Какъ такъ, вчера три звѣрка было—мы всѣ насытились, а сегодня пять— и одному мало, чтобы быть сытымъ?» Тогда солдаты разсказали, что̀ случилось наканунѣ, и ханъ поѣхалъ посмотрѣть на красавицу. (Ibid. 521). Въ монгольскомъ умѣ не удержался возвышенный христіанскій образъ милосердаго Спасителя. который накормилъ проголодавшійся народъ изъ любви къ человѣку, и вмѣсто Христа является красавица-дочь хана, вмѣсто народа, жаждущаго исцѣленія отъ болѣзней и поученія, являются солдаты, вмѣсто пяти хлѣбовъ—пять съѣдобныхъ

степныхъ звѣрковъ. Характерными остатками древняго литературнаго преданія можно признать приготовленіе хулугунъ изъ тѣста, что сдѣлала дочь Лусай-хана, число пять хулугунъ и большое число солдатъ, насытившихся тремя хулугунами.

Возможно, что разсказъ о хулугунахъ представляетъ странствующій литературный мотивъ. Въ малоазіатской мусульманской легендѣ о чудесахъ шейха Туръ-Гасанъ-Вели и Діобана находится, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. Турецкій султанъ Мурадъ съ громаднымъ войскомъ проходилъ мимо горъ, гдѣ жили эти великіе старцы-аскеты. Когда они привѣтствовали Мурада, послѣдній сошелъ съ коня. Шейхи пригласили на обѣдъ султана и всю его армію, между тѣмъ у Гассана было немного муки, а у Діобана кусочекъ масла и корзина ячменя. Старики соединили этотъ скудный запасъ пищи и приготовили столько пилава, что хватило султану и всему его войску. Ячменемъ Діобана насыщена была кавалерія султана. (*Carnoy et Nicolaides,* Traditions de l'Asie Mineure, 214).

Этотъ сказочный мотивъ изрѣдка встрѣчается и въ славянскихъ сказкахъ. Такъ, въ одной польской сказкѣ три царевны желаютъ выйти замужъ за королевича. Старшая сестра говоритъ, что въ одну минуту можетъ обшить полкъ войска, средняя — что накормитъ полкъ войска однимъ гороховымъ зерномъ, а младшая—что родитъ девять золотоволосыхъ сыновей. Королевичъ предпочитаетъ послѣднюю. (*Chełchowski,* Powiesci i opowiadania, I, № 38).

Евангельское повѣствованіе *о странствованіяхъ Спасителя* по Галилеѣ и Іудеѣ оказывало глубокое впечатлѣніе на умъ народный, куда ни проникало ученіе христіанское. Древняя христіанская письменность не ограничилась каноническими сказаніями о переходахъ Спасителя изъ одного селенія въ другое, о проповѣди и чудесахъ при томъ совершавшихся, но расширила ихъ путемъ поэтическихъ вымысловъ, внесеніемъ апокрифическихъ сказаній о томъ, что Христосъ плугомъ оралъ, помогая крестьянину въ его полевыхъ работахъ, превратилъ мужика или жену его въ медвѣдя, въ черепаху,

за попытку испугать Его, уменьшилъ хлѣбный колосъ за скупость одной женщины и т. п. Апокрифическія сказанія о хожденіи Христа по землѣ нашли широкій доступъ и въ Монголію, и до сихъ поръ пересказываются, обнаруживая иногда чрезвычайное, почти буквальное сходство съ европейскими, въ частности русскими сказаніями этого рода. Таковы сказанія о хлѣбномъ колосѣ: 1) Прежде зерна покрывали стебель ржи отъ верхушки до земли; кто-то, принявъ это растеніе за ненужное, сталъ ногой ошмыгивать зерна, и они всѣ осыпались; прибѣжала собака и стала просить оставить для нея. Только и осталось, сколько теперь есть на колосѣ. Поэтому слѣдуетъ засѣвать хлѣбъ на собаку или на дѣтей, чтобы хлѣбъ хорошо родился. 2) Въ старое время вмѣсто снѣга падала съ неба бѣлая мука. Одна женщина подтерла своего ребенка тѣстомъ, и съ той поры вмѣсто муки сталъ падать снѣгъ. Г. Потанинъ уже указалъ на сходныя сказанія—великорусское (Аѳанас., Поэт. воззр. I. 434, 484), малорусское (Чубин., I. 156), болгарское (Каравел., Памят. I. 239) и осетинское (Сборн. свѣд. о Кавк. горц. IX, 20).

Къ этому же разряду христіанскихъ апокрифическихъ легендъ относится слѣдующая монгольская сказка: «Бурхынъ-Бакши въ древности ходилъ съ двумя шаби (=„Богъ та святый Петро" малорусскихъ легендъ) подъ видомъ батырчи съ хабчикомъ за спиной. Пришли они къ одной женщинѣ, у которой было тысяча коровъ, и попросили у ней молока. Женщина въ это время доила и положила нищимъ въ чашку вмѣсто молока коровьяго аргалу. «Живи же ты», сказалъ святой, «тысячу лѣтъ въ аргалѣ». Послѣ этого женщина обратилась въ червя, который живетъ въ навозѣ. Голыя бѣдныя дѣти въ бѣдной деревнѣ даютъ этимъ странникамъ пищу и получаютъ отъ нихъ великую награду. (*Потан.* IV, 271).

Сказаніе о томъ, почему у пшеницы одинъ колосъ, повторяется въ сходной по основному мотиву формѣ въ Малой Азіи. Въ 1886 г. здѣсь записанъ разсказъ, что въ древности на пшеницѣ было много колосьевъ, и сборъ хлѣба потому былъ весьма обиленъ; но послѣ того, какъ одна нечестивая

женщина подтерла своего ребенка блиномъ, Богъ оставилъ людямъ одинъ только колосъ, и съ того времени люди стали терпѣть отъ неурожаевъ и голода. (*Carnoy et Nicolaides*, о. с. 243).

Тожественныя сказанія записаны у поляковъ (въ Zbiór'ѣ Wiadom. etc.). Въ малорусскихъ сказаніяхъ о стоколосѣ говорится, что на землѣ былъ золотой вѣкъ: хлѣба и всего тогда было очень много; колосья доходили до земли (былъ хлѣбъ стоколосъ). Уменьшилъ Богъ колосья за то, что когда Спаситель и свв. ап. Петръ и Павелъ въ видѣ нищихъ попросили у одной женщины милостыни, то женщина отдала имъ тотъ кусокъ хлѣба, которымъ отерла своего ребенка. Богъ подошелъ тогда къ растущей пшеницѣ и сталъ отирать ее снизу до верху, въ намѣреніи отереть всю; въ это время собаки начали выть, и Богъ оставилъ немного для нихъ. Человѣкъ пользуется теперь собачей частью. (*Чубинск.*, I, 156, 84; *Драгом.*, 14). Г. Шимонъ Матусякъ, со словъ „лѣсовиковъ" Сандомирской пущи, разсказываетъ нѣсколько иначе это преданіе. Ржаной колосъ былъ прежде вдвое больше. Богородица, желая убѣдиться въ милосердіи людей, пришла въ деревню подъ видомъ нищей просить милостыни. Женщина пекла лепешки и отказала ей дать кусочекъ, говоря: „убирайся, старая корга, я предпочитаю дать собакѣ". Богородица, разгнѣвавшись, вышла на поле, взяла колосъ и оборвала его верхушку, сколько захватила рука, остальная же часть осталась на память, и то лишь благодаря заступничеству Христа („Przegląd Akademicki." 1881, II, статья: Nasze kwiaty polne, въ концѣ *).

Апокрифы *о крестномъ древѣ* глубоко проникли въ литературу и устную словесность разныхъ народовъ Европы и Азіи. Въ особенности широкой популярностью отличается мотивъ о кающемся разбойникѣ. Мотивъ этотъ встрѣчается въ Толковой Палеѣ, въ компиляціи апокрифовъ болгарскаго попа Іереміи, въ болѣе позднихъ (XVI—XVII вв.) рукописяхъ отре-

*) Въ той же статьѣ находится варіантъ легенды о побояхъ св. Петра, о которой была рѣчь въ V кн. „Этн. Обозр.", стр. 146. *Ред.*

ченныхъ книгъ, въ сказаніяхъ русскихъ, поляковъ, сербовъ, французовъ, нѣмцевъ и мн. др. народовъ. Въ компиляціи апокрифовъ попа Іереміи X в. говорится сначала объ одномъ кающемся разбойникѣ Амвросіи, оберегавшемъ 35 лѣтъ крестное древо въ Меррѣ, затѣмъ о другомъ кающемся разбойникѣ Ѳомѣ, который во искупленіе своихъ грѣховъ оберегалъ крестное дерево въ царствованіе Давида. (*М. Соколовъ*, Матер. и замѣт. по старин. слав. литер., 78). Въ славянской рукописи XVI в., изданной г. Тихонравовымъ, мотивъ о кающемся разбойникѣ пріуроченъ къ Лоту: „Древо разбойниче, на немъ же распятся разбойникъ вѣрный. Тоже древо израсте изъ главенъ пречюдно и красно зѣло, еже принесе три главнѣ Лотъ, егда согрѣши, пріиде ко Авραаму на покаяніе. Аврамъ же посла его взяти огонь на Нилой рѣцѣ, того же огонь звѣріе стрѣгуть; егда же пріиде Лотъ, обрѣте звѣріе спящи и взя три главнѣ и принесе ко Аврааму. Авраамъ же повелѣ ему посадити главнѣ да процвѣтутъ и плодъ створятъ; рече ему: тогда будешь прощенъ. Лотъ же посади ихъ на горницѣ мѣстѣ, поливаше ихъ трижды въ день и проростоша главня и взыде древо пречюдно и прекрасно зѣло“ (*Тихонравовъ*, Памят. отреч. литер. I, 305). На этотъ апокрифическій мотивъ существуетъ весьма много сказаній и повѣстей у разныхъ народовъ. *А. Н. Веселовскій* въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ и *И. А. Карловичъ* въ „Wisl'ѣ“ 1888 и 1889 годовъ собрали много сказаній о кающемся разбойникѣ.

Монгольскимъ отголоскомъ апокрифа о крестномъ древѣ и кающемся разбойникѣ представляется сказка „Шыттыкуръ-бурханъ“, точнѣе, слѣдующій вставленный въ нее эпизодъ: Одинъ старикъ лама спасъ жизнь молодому человѣку. Молодой человѣкъ хотѣлъ его отблагодарить. Старикъ сказалъ. „Я былъ уже святъ, а теперь опять сдѣлалъ грѣхъ, утаивъ тебя; я не могу уже быть бурханомъ“. Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ все готовъ сдѣлать, чтобы возвратить ему безгрѣшность. Старикъ сказалъ: „Для этого нужно принести Шыттыкуръ-бурхана, а тебѣ этого не сдѣлать, потому что онъ находится очень далеко, за пятьсотъ лѣтъ пути, и за все

время пути, когда его несешь, надо быть безмолвнымъ, а если что-нибудь скажешь, то опять назадъ воротишься". Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ принесетъ Шыттыкура молча. Старикъ объяснилъ, что Шыттыкуръ живетъ подъ тремя зандынъ-деревьями, что видъ имѣетъ сѣдого старика, а нести его надобно на спинѣ, посадивши въ большую домбу (деревянный жбанъ). Молодой человѣкъ такъ и сдѣлалъ: пришелъ къ тремъ зандынъ-деревьямъ, помолился, посадилъ Шыттыкура въ домбу, которую нашелъ тутъ, и отправился обратно. Дорóгой Шыттыкуръ сказалъ: „Поговоримъ! Ты только слушай; я буду говорить, а на вопросы ты кивай головой; или самъ говори, а я буду слушать; ты только не долженъ отвѣчать на мои вопросы". Вотъ они и отправились; они приближались уже къ мѣсту назначенія, какъ вдругъ молодой человѣкъ проговорился, и Шыттыкура съ нимъ не стало. Такимъ образомъ, онъ три раза ходилъ за нимъ и всякій разъ не могъ донести до мѣста. Онъ пошелъ къ ламѣ сказать, что не можетъ принести Шыттыкура, но не нашелъ и ламы; онъ удивился, но увидѣлъ вскорѣ ламу на небѣ. Лама сталъ бурханомъ и сказалъ, чтобы онъ больше не ходилъ за Шыттыкуромъ. „Ты, говоритъ, искупилъ уже мой грѣхъ своими трудами". (*Потанинъ*, Оч. сѣв.-зап. Монг. IV, 533 и сл.). Монгольскій варіантъ сказанія о покаяніи разбойника имѣетъ ту характерную чисто-восточную особенность, что искупленіе грѣховъ достигается чужимъ трудомъ. Къ древнимъ чертамъ сказанія относятся три зандынъ-дерева, соотвѣтствующія тремъ деревьямъ (кедръ, певга и кипарисъ) апокрифовъ, искупительное значеніе труда и значительное ограниченіе въ пользованіи рѣчью, соотвѣтствующее полному безмолвію апокрифовъ. Забыто, что кается разбойникъ, и потому согрѣшеніе ламы обусловлено тѣмъ частнымъ случаемъ, что онъ спасъ жизнь молодого человѣка, утаивъ его отъ врага. Одна дѣйствующая личность апокрифическихъ сказаній въ монгольской сказкѣ раздвоена на двѣ: старика и молодого человѣка. Шыттыкуръ-бурханъ соотвѣтствуетъ демону тѣхъ народныхъ сказокъ, весьма распространенныхъ и

многочисленныхъ, въ которыхъ сынъ отправляется въ адъ искупать грѣхъ своего отца, по неосторожности давшаго демону рукописаніе или закрѣпленное кровью обязательство отдать демону свою душу или то, что пріобрѣтено въ домѣ лучшаго въ данный моментъ, во время его отсутствія, причемъ такимъ пріобрѣтеніемъ оказывается обыкновенно сынъ, который, выросши, и является спасителемъ своего легкомысленнаго родителя. Домба монгольской сказки соотвѣтствуетъ адскому ложу или кумовой кровати малорусскихъ и другихъ сродныхъ народныхъ сказаній о кающемся грѣшникѣ.

Изъ христіанскихъ сказаній объ ангелахъ и святыхъ нужно искать на монгольской почвѣ наиболѣе распространенныхъ на христіанскомъ Востокѣ (въ Византіи) сказаній *объ архангелѣ Михаилѣ* и сказаній *о св. великомученикѣ Георгіи.*

Архангелъ Михаилъ считался покровителемъ церкви, невидимымъ намѣстникомъ Христа. Почитаніе арх. Михаила въ Византіи особенно сильно обнаружилось во время Василія Македонянина, построившаго нѣсколько церквей имени Архангела (*Кондаковъ*, Труды VI Археол. Съѣзда, III, 58). Въ началѣ IV вѣка вблизи Константинополя на Босфорѣ, по свидѣтельству Созомена, уже былъ храмъ Арх. Михаила (ib. 8). Почитаніе Арх. Михаила пустило глубокіе корни какъ въ западной, такъ и въ восточной Европѣ. Въ „Legenda aurea“ Якова де Ворагине, пользовавшагося византійскими сочиненіями, между прочимъ, находится слѣдующее выраженіе объ арх. Михаилѣ: «Ipse olim princeps fuit Synagogae, sed nunc constitutus est a Domino in principem ecclesiae». И на Руси почитаніе арх. Михаила вскорѣ послѣ принятія русскими христіанства получило быстрое и широкое распространеніе. Въ 1070 г. въ Россіи состоялась закладка церкви св. Михаила въ мѣстечкѣ Всеволожѣ. Извѣстно, что городъ Кіевъ чтитъ арх. Михаила, какъ своего патрона, и изображаетъ его на своемъ гербѣ. Архангелу Михаилу посвященъ одинъ изъ придѣловъ Кіево-Софійскаго собора. Съ теченіемъ времени почитаніе арх. Михаила пріобрѣтаетъ все болѣе значенія (*Айналовъ и Рѣдинъ*, Кіево-Соф. Соб. 8).

Въ литературѣ и искусствѣ христіанскихъ народовъ архангелъ Михаилъ является съ мечомъ въ рукѣ, какъ великій сокрушитель темныхъ силъ сатаны. Особенно ярко выразилось воинствующее значеніе арх. Михаила въ „Потерянномъ Раѣ“ Мильтона. Сказанія объ арх. Михаилѣ, какъ великомъ полководцѣ небесныхъ силъ, низвергнувшемъ, по повелѣнію Господа, сатану и всѣхъ его аггеловъ въ бездну, легко могли привиться и на монгольской почвѣ, при условіяхъ монгольскаго воинскаго быта. Христіанскимъ повѣствованіямъ о побѣдѣ арх. Михаила надъ сатаной отвѣчаетъ монгольская сказка о побѣдѣ Очирвани надъ Лосы. Очирвани — богъ съ большой физической силой, подвластный богу неба Тенгри. Лосы — большой змѣй, жившій въ водѣ и пускавшій ядъ по землѣ, отчего мерли люди и скотъ. Тенгри повелѣлъ Очирвани спуститься на землю и укротить Лосы. У Очирвани силъ не хватило для борьбы съ Лосы; послѣдній не только не сдался на его слова, но чуть самого Очирвани не побѣдилъ. Очирвани поднялся съ земли, улетѣлъ на высокую гору Сумеръ Улы, постился, молился и курилъ благовонія передъ Тенгри, прося о дарованіи ему силы, и чрезъ семь дней обратился въ Канъ-Гариде, схватилъ Лосы за голову, обтащилъ три раза вокругъ вершины горы и голову придавилъ ему камнемъ. Лосы былъ такъ великъ, что когда голова его лежала, придавленная камнемъ на вершинѣ горы, а тѣло было три раза обернуто вокругъ горы, хвостъ его все-таки лежалъ въ водѣ. И теперь Очирвани держитъ Лосы въ повиновеніи (*Потан.* IV, 228). Г. Потанинъ указываетъ на сходные миѳическіе мотивы въ русскихъ сказкахъ (ib. 801), но возможно, что миѳическіе мотивы съ теченіемъ времени выросли на основной христіанской легендарной почвѣ. Такимъ наростомъ можно признать способъ прикрѣпленія змѣя къ горѣ (*Чубин.* II 248).

Въ алтайскомъ разсказѣ объ искушеніи Адама и Евы (Теренгая и Эдьи) въ раю дьяволомъ находится слѣдующій эпизодъ о Мандиширѣ. Жилъ въ то время человѣкъ божій Мандишире (по объясненію Шифнера буддійскій Mandshuçri). Мандишире подумалъ про себя: наши люди живутъ на землѣ,

а люди Эрлика (сатаны) на небѣ; это неладно. Пошелъ онъ воевать съ Эрликомъ, а тотъ обратилъ его въ бѣгство, поразивъ огнемъ. Мандишире жалуется Богу. „Нѣтъ никого сильнѣе меня, сказалъ Господь. Эрликъ теперь тебя сильнѣе; его время не пришло; когда придетъ, я тебѣ скажу". Когда пришло время, Господь далъ Мандишире свое благословеніе и копье, которымъ онъ и разрушаетъ небо Эрлика и свергаетъ его людей внизъ; изъ обломковъ произошли скалы, камни, горы,—такъ исказилась ровная земля, созданная Богомъ. Народъ Эрлика также попадалъ на землю, кто куда попалъ: одни въ воду, другіе въ лѣсъ или на камни, и всѣ умерли. Господь прогналъ Эрлика подъ землю. Эрликъ бьетъ молотомъ по полосѣ и создаетъ лягушку, змѣю, медвѣдя, кабана, верблюда, алмыса (волосатаго демона) и шулмуса (демона). Господь бросилъ всѣ орудія Эрлика въ огонь; изъ мѣха вышла женщина, изъ полосы и молота - мужчина Господь плюнулъ на женщину, и она обратилась въ цаплю, перомъ которой не оперишь стрѣлы и которая дѣлаетъ вонючими болота; плюнулъ и на мужчину, и онъ обратился крысой съ длинными ногами и безъ рукъ, сидящую въ дому, грызущую старыя подошвы (*Веселовск.*, Разыск., XI, 21—22). «Эрликъ алтайской сказки—Сатанаилъ богомильской легенды, говоритъ акад. Веселовскій; Мандышире, не взирая на свое буддійское прозвище, архангелъ Михаилъ» (ibid. 23).

Почитаніе св. великомученика *Георія* на Востокѣ стояло чрезвычайно высоко. Въ Константинополѣ св. Георгію была посвящена каѳедральная церковь. Онъ считался покровителемъ Константинополя и чтился какъ одинъ изъ трехъ святителей греческой церкви (Григорій Богословъ, вмч. Георгій и Дмитрій). Вел. кн. Владиміру приписываютъ построеніе церкви имени Георгія вслѣдъ за церковью св. Василія. Одинъ изъ придѣловъ Кіево-Софійскаго собора, нынѣ посвященный Григорію Богослову, въ древности былъ посвященъ св. вмк. Георгію (*Айналовъ и Рѣдинъ*, Кіево-Соф. Соб., 8). Извѣстно, какое широкое распространеніе получили на Руси духовные стихи про Егорія Храбраго, какъ много народныхъ повѣрій

въ Россіи и на Кавказѣ связано съ именемъ этого святого. Естественно, что и къ монголамъ легко могли привиться христіанскія легенды о вмч. Георгіи. Въ русскихъ духовныхъ стихахъ Егорій Храбрый является установителемъ порядка на землѣ и укротителемъ дикихъ звѣрей. Въ монгольскихъ сказкахъ соотвѣтствующую дѣятельность обнаруживаетъ Тунгъ-Караты-ханъ. Монгольскія былины о Караты-ханѣ состоятъ изъ многихъ разнородныхъ мотивовъ: тутъ есть и похищеніе солнца и луны, и мотивъ о томъ, какъ Караты-ханъ далъ знать о себѣ женѣ, бросивъ въ сосудъ, изъ котораго она пила воду, кольцо и браслетъ, и мотивъ о томъ, какъ Караты-ханъ обратился въ крысу и перегрызъ доспѣхи войска своего врага Джюсунъ-хана, чтó роднитъ Караты-хана съ русскимъ былевымъ Волхомъ. Для нашей цѣли важны три мотива, связанные съ именемъ Караты-хана: 1) уничтоженіе чудовищныхъ змѣй Амыръ-Могуса и Темиръ-Могуса, 2) уменьшеніе размѣровъ волка и ворона и 3) проходъ сквозь скалу.

Въ сказаніяхъ о св. Георгіи Побѣдоносцѣ и въ иконописныхъ изображеніяхъ этого святого въ особенности выдвигается его торжество надъ змѣемъ. Въ духовныхъ русскихъ стихахъ оказывается уже много змѣевъ и появляются огненные змѣи.

У монголовъ Караты-ханъ побѣждаетъ двухъ огромныхъ змѣевъ — обычное сказочное двоеніе, изъ ряда столь же обычныхъ сказочныхъ умноженій предмета съ одного на 3, 7, 10. Одинъ змѣй является большимъ, какъ гора, другой, какъ земля, весь желѣзный, съ однимъ полымъ мѣстомъ—пупомъ, въ который Караты-ханъ и стрѣляетъ. Змѣи эти сначала ѣли людей, потомъ стали ѣсть громадные камни. Караты-ханъ вырѣзалъ у змѣевъ легкія, которыя оказались такими большими, что едва вмѣстились въ ханскомъ домѣ. (*Потан.*, ib. 378).

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ про Егорія Храбраго поется:

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ...
Ни пройти Егорію, не проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:

„Вы, волки, волки рискучіе,
Разойдитеся, разбредитеся,
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А ходите вы повременно,
Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
Отъ свята Егорья благословенное!

Подобный подвигъ монголами приписанъ Караты-хану. Обратившись въ худого мальчика, онъ поѣхалъ къ Терь-хану. На дорогѣ онъ встрѣтилъ волка—„носъ сажень, ноги по три сажени". Волкъ кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!" Караты-ханъ посторонился и спросилъ: „Куда, волкъ, бѣжишь?" Волкъ отвѣтилъ: „Задавить коня Караты-хана". Тогда Караты-ханъ схватилъ его, билъ, билъ, обломалъ ему носъ и ноги до величины, какая теперь у волка, и сказалъ: „Будь же ты отнынѣ такой!" Такая же исторія случилась и съ ворономъ съ саженнымъ носомъ и трехсаженными крыльями и еще съ какимъ-то чудовищемъ „аза", которое Караты-ханъ истеръ въ порошокъ и развѣялъ по вѣтру, причемъ изъ него пошли комары и оводы. (*Потан.*, 376).

Кстати, отмѣтимъ здѣсь еще одну характерную подробность. Въ русскихъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ волки являются собаками Егорія (*Номисъ,* Приказки, 10; *П. И.*, Харьк. Сборн. 1887 г., 76; *Чубин.* II, 7). Въ монгольскихъ повѣрьяхъ и сказкахъ волки—собаки Тенгри, бога неба и грома (*Потан.*, 142).

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ Георгій встрѣтилъ, между прочимъ, „горы толкучія" и велѣлъ имъ остановиться. Караты-ханъ встрѣтилъ на дорогѣ страшный утесъ. По совѣту своего коня, онъ пустилъ въ утесъ стрѣлу, пробилъ его насквозь и проѣхалъ черезъ дыру. Далѣе онъ подъѣхалъ къ непролазной грязи и опять пустилъ стрѣлу. Грязь высохла, и Караты-ханъ благополучно проѣхалъ по ней. Эта грязь соотвѣтствуетъ „быстрымъ рѣкамъ текучіимъ" русскихъ духовныхъ стиховъ про Егорія Храбраго.

Эти сходства между подвигами Караты-хана и Егорія Храб-

раго не могутъ считаться случайными совпаденіями. Заимствованія тутъ также не представляются достаточно вѣроятными, и наиболѣе правдоподобнымъ можетъ считаться предположеніе о существованіи общаго литературнаго источника въ видѣ апокрифа о Георгіи, Извѣстно, что кромѣ житія св. Георгія, принятаго церковью, ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи; и въ древнихъ статьяхъ объ отреченныхъ книгахъ, между прочимъ, упоминается „Георгіево мученіе".

Н. Ѳ. Сумцовъ.

О СВАДЕБНЫХЪ ПЛАТЕЖАХЪ И О ПРИДАНОМЪ

У КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

„Мы должны изучать дикіе и старые народы для того, чтобы изучить законы, которые при новыхъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ хорошо или дурно въ нашемъ собственномъ развитіи".

(*Тейлоръ*, Первобытная Культура).

„Все варварское перестаетъ насъ поражать, а безвкусное — оскорблять, когда мы разсматриваемъ это, какъ начало и необходимые переходы"

(*Гейне*).

Изученіе развитія человѣческой мысли и исторіи приводитъ къ тому заключенію, что характеры и нравы людей всего міра обнаруживаютъ удивительное однообразіе и постоянство явленій. Культурныя явленія, какъ слѣдствія отъ общихъ сходныхъ причинъ, безпрестанно повторяются. И съ этой широкой точки зрѣнія каждое явленіе соціальной жизни народа представляетъ великій интересъ при объясненіи современныхъ явленій нашей собственной жизни. Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи пословица итальянца: „весь міръ—это одна страна" прекрасно оправдывается самою жизнью человѣка и его развитіемъ.

Изученіе институтовъ одного народа часто служитъ ключомъ къ объясненію и уразумѣнію общественныхъ явленій другого. Вотъ почему и предметъ настоящей статьи нелишенъ извѣстнаго интереса и нѣкотораго значенія. И дѣйствительно, въ обычномъ правѣ кавказскихъ горцевъ, въ боль-

шинствѣ стоящихъ на низкихъ ступеняхъ общественнаго развитія, какъ говоритъ Леонтовичъ, сохранилось не мало институтовъ глубокой старины, по своему происхожденію и характеру принадлежащихъ къ такимъ явленіямъ общественной культуры, которая на первыхъ порахъ встрѣчалась въ исторіи всѣхъ народовъ.

Чтобы понять настоящій институтъ приданаго у горцевъ Кавказа, намъ необходимо нѣсколько коснуться брака той давней, глубокой старины, о которой уцѣлѣла только память въ исторіи человѣчества, когда впервые утверждались семейные порядки и подготовлялись общественныя учрежденія,— брака въ родовомъ состояніи народовъ.

Среди различныхъ теорій происхожденія и первобытнаго устройства семьи болѣе утвердившеюся является та, что гетеризмъ есть первоначальное состояніе брака, и что изъ общиннаго брака развился бракъ индивидуальный, вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ. Во времена родового быта браки совершались насильственно, по преимуществу чрезъ похищенія и умычки женщинъ мужчинами.

Но похищеніе женщины, равно какъ убійство и всякое воровство, наносило величайшій позоръ и обиду потерпѣвшему, и этотъ позоръ смывался только кровью. Мы видимъ въ эти времена страшныя, жестокія кровомщенія за женщинъ: цѣлые роды и племена погибали, вырѣзывая другъ друга. Само собою разумѣется, говоритъ Вилькенъ въ своемъ трудѣ „О первобытныхъ формахъ брака и о происхожденіи семьи“, что послѣ того, какъ похищенія женщинъ стали чаще, войны по поводу ихъ должны были стать рѣже: хвататься за оружіе изъ-за каждой женщины, которую похитилъ кто-нибудь изъ чужого племени, перестало быть дѣломъ, подходящимъ для цѣлаго племени. Тогда законы и всесильные обычаи переносятъ дѣло кровавой мести за похищеніе женщины на родственниковъ и родителей похищенной: они заставили послѣднихъ съ мечемъ въ рукѣ требовать отъ похитителя или отъ его племени удовлетворенія за нанесен-

ный позоръ, смывавшійся только кровью. Итти наперекоръ общественному мнѣнію въ этомъ смыслѣ значило бы итти наперекоръ святой обязанности, предписываемой мужской храбростью и мужской честью, и, кромѣ того, обнаружить величайшую трусость, — говоритъ Вилькенъ, — и оскорбить тѣни умершихъ предковъ, олицетворенныхъ обыкновенно въ домашнихъ богахъ,—скажемъ мы съ своей стороны.

Но время роковымъ образомъ сокрушаетъ обычаи и общественные устои: наступаетъ эпоха штрафовъ, эпоха композицій, уплатъ пеней. Штрафы стали удовлетворять всякую обиду, наносимую первобытному человѣку, въ томъ числѣ и обиду отъ похищенія женщины. Обыкновенно похититель стремился до начала войны предложить вознагражденіе, *выкупить невѣсту*, *вывести ее изъ рода*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что плата за невѣсту есть ничто иное, какъ денежная пеня, замѣняющая право мести, и что бракъ, основанный на коммерческихъ началахъ—на договорѣ купли и продажи, появляется только на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія народовъ и представляетъ собою значительный шагъ прогресса.

Изслѣдователи часто поражались тѣмъ фактомъ, что извѣстный обычай или институтъ, повсюду и всегда считавшійся достояніемъ только одного какого-нибудь народа, одного племени, встрѣчается между тѣмъ почти въ тождественныхъ формахъ у другихъ народовъ, не имѣвшихъ на первый взглядъ ничего общаго съ первымъ, пока не пришли къ тому выводу, что эти обычаи и институты суть плоды человѣческой исторіи, что они всемірные и необходимые фазисы, чрезъ которые человѣчество медленно влачитъ свой тяжкій путь развитія и цивилизаціи. Такъ и по данному вопросу всѣ болѣе или менѣе извѣстные изслѣдователи, какъ Леббокъ, Тэйлоръ, Мэнъ, Максимъ Ковалевскій, Макъ-Леннанъ, Вилькенъ, Фюстель-де-Куланжъ и другіе, почти единогласно утверждаютъ, что повсюду, гдѣ только имъ приходилось изслѣдовать первобытныя учрежденія, они встрѣчали обычаи продажи женщинъ и дѣвицъ жениху за ту или другую цѣну ихъ родственниками, родителями или цѣлымъ племенемъ.

У насъ въ Россіи и теперь еще во многихъ мѣстахъ слышатся жалобы на дороговизну невѣстъ, какъ напримѣръ въ Нижегородской губ., гдѣ невѣста стоитъ отъ 15 до 120 руб. (Сборн. стат. свѣд. Нижегор. г. за 1880 г.) Въ обрядовой же части свадебнаго ритуала всѣхъ русскихъ народностей торговля изъ-за невѣсты между женихомъ и ея родными производится и теперь по всѣмъ правиламъ договора купли и продажи, не считая ужъ свадебныхъ подарковъ, которые во многихъ случаяхъ замѣнили собою денежную плату.

Изъ другихъ народностей, живущихъ въ Россіи, едва ли не съ наибольшей ясностью сохранили обычай продажи невѣстъ народы кавказскіе. На нихъ то мы и остановимъ наше вниманіе по интересующему насъ вопросу, и постараемся собрать и сгруппировать имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Оставляя въ сторонѣ чисто-обрядовую часть свадебнаго ритуала, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ имущественныя юридическія отношенія.

I.

Обращаясь къ горцамъ Кавказа, мы видимъ, что у нихъ подъ вліяніемъ родового порядка еще и въ настоящее время сохранились такого рода явленія: у черкесовъ дѣвушка, выдаваемая замужъ, продается или отцомъ, или братомъ, или ближайшимъ родственникомъ, у котораго она жила въ домѣ, будучи сиротою; за нее берутъ *калымъ*, иначе говоря, плату, выкупъ. Черкешенки такимъ образомъ продаются за различное вознагражденіе, при чемъ эквивалентомъ стоимости продаваемой или выкупаемой женщины могутъ служить различныя цѣнности. Такъ, въ одномъ черкесскомъ сказаніи мнѣ пришлось встрѣтить повѣсть о продажѣ однимъ черкесомъ какому-то турецкому пашѣ своей дочери, причемъ не мало возовъ бархата, парчи, сукна и всякаго другого добра было привезено черкесу.

По мусульманскому праву бракъ считается гражданскимъ актомъ, договоромъ обоюднаго соглашенія, и предъ вступленіемъ въ бракъ требуется исполненіе обряда сватовства, гдѣ чрезъ представителей съ обѣихъ сторонъ изъявляется

взаимное согласіе на вступленіе въ бракъ. Согласіе обозначается пріемомъ родителями невѣсты особаго подарка, присылаемаго женихомъ. Въ прежнее время женихъ присылалъ панцырь въ подарокъ родителямъ невѣсты.

У православныхъ черкесовъ въ настоящее время, въ случаѣ согласія, родственники жениха приносятъ подарки въ домъ невѣсты. Обыкновенно приносится вино, нѣсколько перстней для невѣсты и матеріи на платье; все это передается ея матери.

У черкесовъ неправославныхъ и не магометанъ сватовство состояло въ отправленіи въ домъ невѣсты съ однимъ изъ родственниковъ жениха или его пріятелей коня, котораго сватающійся поручалъ передать отцу, брату или кому-нибудь изъ старшихъ семейства невѣсты. Конь оставался, если предложеніе принималось, въ противномъ же случаѣ его отсылали обратно приславшему. То-же самое явленіе замѣчается у ногайцевъ, чеченцевъ, кумыковъ, ингилойцевъ и др. По принятіи подарка родственниками невѣсты, послѣдняя считается съ этого момента уже принадлежащей жениху.

Плата за невѣсту носитъ различныя названія по племенамъ и мѣсту. Такъ, у черкесовъ она называется *калымъ*, у осетинъ—*ирадъ*, у ингилойцевъ—*мелче*, у аварскихъ горцевъ—*магори* и т. д.

Останавливаясь подробнѣе на интересномъ вопросѣ, какъ великъ выкупъ и каковъ его эквивалентъ, мы находимъ въ источникахъ слѣдующее. Въ старинное время *калымъ* достигалъ весьма значительной цѣнности; притомъ цѣнность калыма поднималась до maxim'а или опускалась до minim'а, смотря по родовитости и знатности происхожденія невѣсты. Чѣмъ знатнѣе и древнѣе родъ, къ которому принадлежитъ невѣста, тѣмъ болѣе платитъ женихъ. У черкесовъ, наприм., въ прежнее время женихъ выплачивалъ калымъ своимъ вооруженіемъ, какъ самымъ цѣннымъ и въ то же время самымъ почетнымъ эквивалентомъ, по слѣдующей градаціи: за княжну платилось: a) лучшій панцырь, стоившій 2-хъ рабынь, b) другой панцырь, цѣнность котораго равнялась одной рабыни c) налокотники цѣнностью одной рабыни, d) еще налокот-

ники и шишлакъ стоимостью въ одну рабыню, e) шашка цѣною въ одну рабыню, f) еще шашка похуже, g) пять лошадей, изъ которыхъ стоимость одной непремѣнно измѣрялась цѣною одной рабыни, остальныхъ же лошадей роднымъ невѣсты предоставлялось брать на выборъ, какія только понравятся. Такимъ образомъ, калымъ за невѣсту-княжну достигалъ изрядной цѣнности отъ 6 до 15 и болѣе рабынь, не считая другихъ предметовъ высокой стоимости; и вмѣсто вооруженія женихъ часто платилъ дѣйствительно рабынями. Далѣе, за дочь узденя (дворянина) калымъ достигалъ отъ 800 до 1200 руб.; за простую крестьянку—отъ 200 до 300 руб. Но теченіе времени измѣняетъ величину калыма къ невыгодѣ какъ родителей и родственниковъ невѣсты, такъ и самой ея, ибо отъ величины калыма зависитъ и величина приданаго невѣсты, какъ увидимъ ниже. Въ настоящее время платится за княжну только 500 руб., и то если она дѣвица; вдова же цѣнится менѣе: калымъ за нее достигаетъ только 300 руб.

Уваженіе черкеса къ знатности происхожденія доходитъ до изумительной послѣдовательности: такъ глубоко всосалась въ кровь его сословная рознь и общественное неравенство. У узденей первой степени за дѣвицу платится теперь до 350 р. за вдову 200; а у остальныхъ черкесскихъ дворянъ калымъ представляетъ собою уже меньшую цѣнность: за дѣвицу 220 р. и за вдову 150 руб. За „черныхъ дѣвокъ“ [1]) платится калыму 160 руб. У вольныхъ черкесовъ за дѣвицу — 150 руб. за вдову—100 руб. У шапсуговъ и натухажцевъ калымъ состоялъ— за дочь князя изъ 50 — 60 сха (сха равняется 60 — 80 быкамъ), за дочь простолюдина—25 сха.

У тѣхъ поколѣній черкесскаго народа, гдѣ не было рѣзкаго сословнаго дѣленія и гдѣ общественное благосостояніе обусловливалось низкимъ уровнемъ развитія культуры и гражданственности, позволялось уплачивать калымъ мальчиками или дѣвочками, притомъ въ слѣдующей градаціи: за княжну

[1]) Черной дѣвкой называется дѣвица простого происхожденія—изъ чернаго люда.

женихъ платитъ отъ 3 до 8 мальчиковъ или дѣвочекъ, а за простую невѣсту-крестьянку выплачивалось только 1 — 2 дѣвочки, или столько же мальчиковъ. Если же не было дѣтей, которые пріобрѣтались или посредствомъ купли и продажи или войною, то эквивалентомъ калыма является скотъ крупный или мелкій въ извѣстномъ количествѣ головъ.

Едва ли нужно говорить,—замѣчу я словами Мэна,—что скотъ, названіе котораго способствовало образованію современнаго термина для личной собственности, занимаетъ не менѣе почетное мѣсто во всѣхъ древнихъ системахъ права. Древнѣйшее римское право относило его къ самому высшему разряду и ставило рядомъ съ землей и рабами, какъ одинъ изъ видовъ res mancipium.

Калымъ обыкновенно здѣсь поступалъ въ пользу отца, брата или дяди невѣсты, а если у послѣдней совершенно не было родныхъ, то женитьба происходила и безъ платы калыма. Здѣсь видна уже историческая послѣдовательность примѣненія принципа калыма, а при анализѣ—и самое основаніе его.

Осетинскій *ирадъ* по величинѣ своей былъ также разнообразенъ, смотря по происхожденію и достаткамъ невѣсты. Здѣсь также строго и ревниво оберегается равенство браковъ. Старшина напримѣръ (дворянинъ по нашему) ни за что не рѣшится выдать свою дочь за фарсалака (однодворца). За дочь старшины платится отъ 30 до 100 коровъ и сверхъ того 50 руб. деньгами; за дочь однодворца—15 коровъ. Выкупъ невѣсты можетъ быть составленъ и изъ другихъ, даже разнородныхъ предметовъ, напр.: 20 быковъ, 10 коровъ, ружье, котелъ для пива и т. п. Иногда женихъ, не имѣя возможности выплатить ирадъ и не будучи въ состояніи похитить невѣсту, поступалъ въ простые батраки въ домъ отца невѣсты и служилъ лѣтъ 8 для пріобрѣтенія права жениться на избранной имъ дѣвушкѣ. Въ настоящее время выкупъ платится почти исключительно деньгами.

Въ разныя времена въ сѣверной Осетіи у разныхъ народныхъ сословій размѣръ калыма за дѣвушку былъ неодинаковъ.

До окончательнаго покоренія Осетіи русскими, чистый калымъ у алдаръ, картатинцевъ и аллагирцевъ представительныхъ фамилій, простирался, какъ говорятъ старики, до 1000 руб. или 100 быковъ, полагая цѣнность каждаго въ 10 руб. Такъ какъ такую сумму трудно, а нерѣдко и невозможно было выплачивать чистыми деньгами и скотомъ, которымъ большею частью прежде выплачивали калымъ, то осетины платили въ такихъ случаяхъ оружіемъ, цѣна котораго вслѣдствіе этого поднималась до баснословно громадныхъ размѣровъ: нерѣдко шашки, самыя обыкновенныя, правда доставшіяся отъ отцовъ, въ небогатой оправѣ, цѣнились въ 100 и 150 р. Съ покореніемъ Осетіи русскими и почти до 1866 года калымъ у тагаурцевъ, куртатинцевъ и аллагирцевъ уменьшился до 440 руб., а у фарсалаковъ и кавдасардовъ сначала до 330 руб., а потомъ до 150 руб. Въ 1866 году собрались во Владикавказѣ пледставители трехъ сословій сѣверной Осетіи и постановили норму калыма въ 200 руб. какъ для тагаурцевъ, такъ и для фарсалаковъ и кавдасардовъ сѣверной Осетіи. Собственно таугарцы платятъ родителямъ невѣсты только 100 руб., а остальныя 100 руб. родители, согласно постановленію шаріата, записываютъ въ собственность невѣсты при договорномъ условіи *въ накяхъ* (контрактъ), чтобы впослѣдствіи, въ случаѣ развода, она могла получить эти деньги въ свою полную собственность. Другіе осетины-мусульмане записываютъ въ накяхъ только 50 руб., родители же осетинъ-христіанъ и до сихъ поръ берутъ весь выкупъ въ свою личную пользу. Прежде тотчасъ же послѣ сватовства дѣлались женихомъ не въ зачетъ слѣдующіе подарки въ видѣ задатка калыма: конь—прямо какъ часть калыма, конь для матери невѣсты, конь для ближайшаго родственника тещи, конь для кормильца невѣсты, если только онъ былъ у нея. Всѣ эти подарки теперь не дѣлаются.

Изъ нѣкоторыхъ сказаній Нартовъ видно, что калымъ въ прежнее время былъ несравненно цѣннѣе и достигалъ по тогдашнимъ временамъ громаднѣйшей суммы. Такъ въ сказаніи: „Какъ родился Батразъ“ (одинъ изъ героевъ Осетіи), мы читаемъ, что герой Халицъ дѣлается зятемъ какого-то неизвѣст-

наго, таинственнаго всадника и платитъ *ирадъ* въ 3000 монетъ золотомъ, хотя, конечно, сказки очень склонны къ преувеличеніямъ.

У чеченцевъ, гдѣ, говоря вообще, народъ не богатъ и гдѣ сословныхъ классовъ, такъ рѣзко очерченныхъ, какъ напр. въ Кабардѣ, никогда не было, калымы (*урдау*) не превышали никогда 250 руб. Но и эта сумма должна была пасть вслѣдствіе экономическихъ и чисто политическихъ причинъ. Надо принять во вниманіе, что женщина въ бытѣ вообще горца и въ частности чеченца представляетъ важный элементъ въ экономическомъ отношеніи: домашнія работы, тасканіе вязанокъ дровъ, сѣна, тяжелыхъ кувшиновъ съ водой, работы въ садахъ, на террасахъ и у саклей лежатъ на женщинѣ, въ то время какъ мужчины проводятъ всѣ дни въ пріятномъ farniente или пустой бесѣдѣ другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, уходъ женщины изъ семейства представляетъ весьма цѣнную потерю въ глазахъ родителей или родственниковъ ея, выгоды которыхъ заставляли удержать дѣвушку какъ можно долѣе при семьѣ, вслѣдствіе чего нерѣдко бывали отказы женихамъ. Развившаяся поражающая бѣдность во время войны съ Россіей, а вслѣдъ затѣмъ и страшно уменьшившееся количество браковъ, вызвало со стороны Шамиля особое наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ. Имамъ приказалъ устривать насильственные браки. Отецъ семейства сажался въ яму, если въ назначенный срокъ не выдавалъ замужъ своей дочери или вообще женщины изъ своей семьи, и содержался въ заключеніи до выхода замужъ дочери или родственницы. Калымы же по настоянію имама были уменьшены со тою же цѣлью — до 20 руб. за дѣвушку и до 10 руб. за вдову; кромѣ того, женихъ обязанъ былъ дать на свадебные расходы отъ 6 до 8 руб. Платили выкупъ и скотомъ — 2 коровы за невѣсту. Въ Ичкеріи калымъ за дѣвушку при Шамилѣ, опять таки по настоянію его, положенъ былъ въ 28 руб. за дѣвицу, а за вдову 16 руб. Въ разоренныхъ селахъ и мѣстахъ, прилегавшихъ къ русскимъ границамъ, выкупъ падалъ еще ниже: здѣсь женихъ

отдавалъ отцу невѣсты только 3 руб., съ обязательствомъ остальные уплатить послѣ; кромѣ того, онъ обязывался по договору всегда имѣть на имя жены или лошадь, или пару воловъ и коровъ, или нѣсколько головъ мелкаго скота.

У назрановцевъ и ингушей выкупъ былъ одинаковый для всѣхъ сословій, такъ какъ ингуши всѣ равны между собою; равнялся онъ 18 коровамъ, цѣною по 10 руб. каждая. Но въ 1863 году народный судъ постановилъ, чтобы женихъ вносилъ калыму 25 руб.

У кабардинцевъ выкупъ за невѣсту доходитъ и теперь до значительной суммы: за дочь князя 1500 руб.; особенно часто эта сумма встрѣчается у таубіевъ изъ фамиліи Урсубьевыхъ; простые таубіи, т. е. менѣе знатные князья, платятъ калыму 700 — 1000 руб.; дочери узденей отъ 400 до 1000 руб.; лица простого происхожденія, нисшій слой общества—не свыше 300 руб.

При совершеніи договора половину, а чаще всего треть калыма женихъ обязывается выплатить сейчасъ же; спустя нѣкоторое время послѣ уплаты первой трети, уплачивается вторая, а спустя годъ или около этого времени женихъ можетъ взять невѣсту въ свой домъ, и уже послѣ доплачиваетъ остальную часть калыма. Но такое раздѣленіе калыма на части для взноса не составляетъ обязательнаго, необходимаго условія для каждаго кабардинца. Очень часто о размѣрѣ частей калыма и срокахъ взноса его въ накяхъ включаются особые договорные пункты. Бываютъ случаи требованія уплаты калыма и за одинъ разъ. При совершеніи накяха, кромѣ уплаты части калыма, со стороны жениха слѣдуетъ сдѣлать подарки отцу или брату невѣсты—одну лошадь и пару быковъ; а эфендію, писавшему условіе — одну лошадь или, если женихъ человѣкъ не особенно богатый, 10 руб.

„Лѣтъ сто тому назадъ“, говоритъ Ипполитовъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ Аргунскаго уѣзда, „когда монеты въ обращеніи между горцами было весьма мало, калымы почти всѣ сполна выплачивались панцырями, шишаками, оружіемъ и холопами, а въ особенности холопками. Бывали примѣры

что за дочь князя платили калымъ въ десять холоповъ, въ счетъ которыхъ давалось обыкновенно два дорогихъ панцыря, два шишака, два налокотника, двѣ шашки, а остальное доплачивалось или лошадьми или же дѣйствительно холопками. Стоимость упомянутыхъ вещей доходила въ старое время до 14 холоповъ-унаутъ *) за панцырь или шашку. И теперь еще можно встрѣтить горцевъ, у которыхъ эти вещи, большею частью всѣ временъ крестовыхъ походовъ или періода существованія республикъ Генуэзской и Венеціанской, бережливо, какъ святыня, хранятся въ сундукахъ и только разъ или два въ годъ вынимаются самымъ близкимъ узденемъ или аталыкомъ для чистки. Между этими вещами встрѣчаются такія, которыя для нашихъ европейскихъ антикваріевъ были бы дѣйствительно находкой".

У дагестанскихъ горныхъ племенъ, лезгинъ, салатавцевъ, андійцевъ, койсобулинцевъ, дидойцевъ и другихъ, калымъ или совершенно палъ, будучи замѣненъ *кебинъ-хаккомъ*, брачнымъ договоромъ, который есть ничто иное, какъ обезпеченіе, даваемое женихомъ невѣстѣ на случай развода или своей смерти, или же дошелъ до своей минимальной цифры. Такъ, напр., въ Игали за дѣвушку платится 12 гарнцевъ пшеницы; въ Богулялѣ — одна саба пшеницы или ячменя, что равняется нашимъ 20 фунтамъ; въ Унцукулѣ—1 р. и т. п.

Въ южномъ Дагестанѣ, а именно въ Самурскомъ и Кюринскомъ округахъ и въ части Табасарани, родственники дѣвицы, при изъявленіи согласія на бракъ, выговаривали отъ жениха условленную сумму въ свою пользу. У кюринцевъ и табасаранцевъ существовала прежде такая же оцѣнка для дѣвицъ, вдовъ и разведенныхъ женщинъ, какъ и у кабар-

*) Холопы-унауты—это люди, не имѣвшіе никакихъ правъ, всегда незаконнорожденные, жившіе при домѣ владѣльца и исполнявшіе на дворѣ и въ комнатахъ всѣ работы по приказанію своихъ господъ. Продавались они семействами и порознь. Средняя цѣна унаутъ была 300 — 400 руб. Особенно дорого цѣнились женщины-унаутки: цѣна ихъ доходила до 500 руб.

динцевъ, чеченцевъ и другихъ, при чемъ послѣднія, т. е. вдовы и разведенныя, цѣнились вдвое дешевле первыхъ. Этотъ обычай сталъ теперь выводиться, и если родители берутъ съ жениховъ деньги за невѣстъ въ свою пользу, то при заключеніи брачнаго договора включаютъ взятую сумму въ *кебинъ-хакка*.

У кумыковъ и ногайцевъ вносились *калымы* и *алыгамы* за дѣвушекъ полные и за вдовъ половинные.

Въ Катайро-табасаранскомъ округѣ всякій мужчина, желающій жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ, обыкновенно, платилъ такъ называемый *іолъ-пули*, условленную плату родственникамъ ея, а за не имѣніемъ таковыхъ—опекуну. При этомъ встрѣчается весьма интересное явленіе, прекрасно характеризующее бракъ по понятіямъ горца: если мужчина, сватаясь за дѣвушку изъ другого семейства, условливается въ свою очередь выдать за мужъ за кого-нибудь изъ членовъ семьи невѣсты свою сестру или дочь, то въ такомъ случаѣ іолъ-пули не платился, и обмѣнъ этотъ называется *башъ баша*. Если при этомъ сватовствѣ дѣвица одной стороны не достигла еще возраста, въ который дозволяется вступать въ бракъ, то ея сторона доплачивала по условію семейству, изъ котораго бралась совершеннолѣтняя дѣвица. Опредѣленной цѣны іолъ-пули не было; она вполнѣ зависѣла отъ обоюднаго соглашенія и доходила отъ 100 до 400 руб., причемъ обыкновенно за дѣвушку платилось болѣе, нежели за вдову.

Нашъ историкъ Соловьевъ даетъ указаніе на существованіе подобнаго же факта во время родового быта славянъ. Онъ говоритъ, что обязанность давать *вѣно*, при обычаѣ взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе, если родъ отпускалъ дѣвушку въ чужой родъ и въ то же время имѣлъ возможность пріобрѣсти женъ для своихъ членовъ изъ чужого рода.

Адатомъ 1862 года іолъ-пули былъ отмѣненъ совершенно, и старшины объявили, чтобы кромѣ кебина ничего не платилось. Кебинъ, какъ я уже выше замѣтилъ, это договорное обязательство жениха въ пользу невѣсты въ денежной формѣ.

Вышеуказаннымъ адатомъ кебинъ былъ назначенъ отъ 30 до 40 р. Въ Самурскомъ округѣ, впрочемъ, іолъ-пули существуетъ и до сихъ поръ въ той же формѣ, въ какой онъ существовалъ прежде. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дагестана эта форма брачнаго платежа перешла въ другую. Здѣсь іолъ-пули называются деньги, которыя пошли въ затрату на доставку невѣсты изъ дома отца или родственника въ домъ жениха. Эти деньги также платятся отцу невѣсты.

У сванетъ за жену платятъ 60 коровъ, цѣна весьма большая, вслѣдствіе чего каждый предпочитаетъ взять себѣ невѣсту силою. У грузинъ женихъ платитъ отцу своей невѣсты такъ называемое *саостато* – стоимость воспитанія ея съ прибавленіемъ головного убора. Кромѣ того, женихъ обязанъ купить вѣнцы, которые въ Грузіи не составляютъ принадлежность церкви. Хевсуры въ знакъ обрученія посылаютъ родителямъ невѣсты 20 коп., пшавы – 1 р. 20 к., тушины — хлѣбъ-соль. Принявши эти знаки обрученія, также какъ и у другихъ, родители не имѣютъ права выдавать своихъ дочерей за другого. У хевсуръ женихъ даетъ родителямъ невѣсты кромѣ сказаннаго выше задатка извѣстное количество коровъ. Пшавецъ, женившійся на вдовѣ, даетъ родителямъ ея три коровы. Отсюда мы заключаемъ, что за дѣвицу у пшавовъ платится женихомъ по 6 коровъ, такъ какъ дѣвица цѣнится вдвое дороже разведенной или вдовы.

Горскіе евреи въ старину пользовались адатомъ, по которому женихъ долженъ былъ дать отцу невѣсты передъ свадьбой 1 корову, 12 рубъ (18 пуд.) пшеницы, 2 рубы (3 пуд.) сарачинскаго пшена, 20 куръ, 3 арш. шелковой матеріи и одну бѣлую простыню. Въ настоящее время онъ даетъ только 10 куръ, 1 рубу ($1^1/_2$ пуд.) сарачинскаго пшена, 3 арш. шелковой матеріи и одну бѣлую простыню.

Татары женятся рѣдко моложе 25 лѣтъ, потому что для совершенія этого акта необходимо имѣть достаточныя средства, чтобы сдѣлать невѣстѣ подарки и уплатить *кебинъ*. Величина кебина и здѣсь различна; зависитъ она отъ состоянія жениха, важности его происхожденія и красоты невѣсты

Такъ, у казахскихъ татаръ бѣдный вносилъ прежде за невѣсту отъ 20 до 40 руб., а богатый 500 руб.

У кубинцевъ кебинъ былъ не менѣе 20 червонцевъ, а беки платили отъ 50 до 100 червонцевъ; у текинцевъ кебинъ теперь совсѣмъ исчезъ.

У аварскихъ племенъ калымъ уже не дается.

Вообще же можно сказать, что у всѣхъ племенъ Кавказа женъ покупали и покупаютъ, что плата за невѣсту сначала цѣликомъ шла главѣ той семьи, къ которой принадлежала она, потомъ только родителямъ и родственникамъ ея. Надо замѣтить, что это уже акты позднѣйшаго развитія, ближайшіе къ настоящему времени. Прежде же выкупъ шелъ на пользу цѣлаго рода, цѣлаго племени, къ которому причисляла себя невѣста.

Мы видѣли, что бракъ у горцевъ былъ и теперь еще есть простой актъ купли-продажи, простое договорное условіе коммерческаго характера, и потому несущее съ обѣихъ договаривающихся сторонъ извѣстныя права и обязательства. У дагестанцевъ аварскаго происхожденія, напримѣръ, когда по совершеніи брачнаго обряда окажется, что не были въ точности соблюдены правила, установленныя шаріатомъ при бракосочетаніи, браки считаются недѣйствительными, и недѣйствительность акта выражается словами „*дарамъ бешну*", т. е. торгъ не годится. При обыкновенной куплѣ-продажѣ, какъ и при бракѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, употребляется та-же формула и торгъ заключается также при свидѣтеляхъ. Выкупъ у осетинъ долженъ быть строго опредѣленнымъ, иначе дѣвушка можетъ считаться незаконною женой; кромѣ того, по понятіямъ осетинъ, дѣвушка, купленная за уменьшенный ирадъ, или плѣнная, купленная у хозяина, считаются незаконными женами.

Отказаться отъ невѣсты безъ причины, по понятіямъ черкеса и всякаго другого горца, значитъ нанести тяжкое оскорбленіе какъ невѣстѣ, такъ и ея семейству. При этомъ часть калыма, выплаченная женихомъ, оставалась въ пользу той семьи, изъ которой женихъ желалъ взять себѣ невѣсту, и кромѣ того на немъ лежало обязательство къ выплаченной

части добавить столько, чтобы вся сумма цѣнностей составила половину стоимости всего выкупа. Но этимъ дѣло часто не кончается и доходитъ до кровавой мести. Мужъ можетъ также требовать отъ родственниковъ своей жены возврата всего калыма, если только представитъ практическія доказательства виновности женщины въ прелюбодѣяніи; не доказавшій этой виновности своей жены навсегда терялъ право получить весь выкупъ, и обыкновенно онъ требовалъ только половину калыма, другая же половина его оставалась въ пользу семьи невѣсты. Если же жена сама добровольно бросаетъ своего мужа и, возвратившись къ родителямъ, положительно отказывается возвратиться къ своему мужу, то послѣдній имѣетъ право получить весь калымъ обратно.

У ногайцевъ, если калымъ въ срокъ не уплаченъ, отецъ невѣсты въ правѣ отказать жениху и заключить брачное условіе съ другимъ ногайцемъ.

Брачное условіе или свадебный контрактъ у горскихъ евреевъ Кавказа заключаетъ раввинъ въ присутствіи родителей жениха и невѣсты и свидѣтелей. Въ условіи говорится, что мужъ долженъ кормить и одѣвать жену, жить честно и хорошо съ нею; въ случаѣ же развода, когда того захочетъ мужъ, онъ обязанъ выплатить ей извѣстную сумму по обычаю: если онъ женится на дѣвушкѣ, то 35 руб., если на вдовѣ или разводной — 15 руб.; кромѣ того, разводной остается въ собственность та одежда, которую женихъ ей сдѣлалъ до брака. Если же причиною развода будетъ жена, то она должна возвратить мужу всю одежду, справленную имъ для нея на свадьбу, а родители ея обязаны выплатить покинутому всѣ расходы, издержанные имъ на свою свадьбу.

Чеченецъ, еще будучи женихомъ, уже имѣетъ права на свою будущую жену. Онъ можетъ отказаться отъ нея или по ея просьбѣ дозволить ей выйти замужъ за другого; но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха и должна упросить, безропотно дождаться позволенія или согласія жениха на свое освобожденіе; въ противномъ случаѣ, женихъ, заплативъ калымъ, беретъ ее себѣ въ жены. Если почему

либо свадьба разстроится, то отецъ невѣсты отвозитъ сдѣланные женихомъ подарки и возвращаетъ калымъ. Послѣ этого дѣвушка становится свободной. Впрочемъ, это же замѣчается у всѣхъ почти горныхъ племенъ Кавказа.

У дагестанскихъ горныхъ племенъ послѣ сватовства жениху дозволяется дѣлать невѣстѣ подарки, *альхамъ*, которые по заключеніи брака, въ случаѣ отказа со стороны жениха, становятся ея собственностью; въ случаѣ же отказа со стороны невѣсты подарки возвращаются вдвое жениху. Качество и цѣнность подарковъ адатомъ, т. е. обычаемъ, не опредѣлены; это вполнѣ зависитъ отъ жениха, но въ числѣ подарковъ должно быть кольцо.

У кабардинцевъ, если случается, что женихъ умретъ еще до свадьбы, то по шаріату родные дѣвушки вправѣ требовать отъ родныхъ умершаго уплаты калыма, но мѣстный адатъ дѣлаетъ уступку, предоставивъ дѣвушкѣ пользоваться только половиною калыма; точно такою же частью пользуется она, если женихъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ отказался отъ нея.

По существу договоры относительно брака у всѣхъ почти горскихъ племенъ сводятся къ вышеупомянутымъ правамъ и обязательствамъ.

Мы видѣли, какъ значительны сравнительно калымы по своей величинѣ и цѣнности. Поэтому невольно рождается вопросъ: имѣлъ ли фактическую возможность женихъ выплатить эти выкупы, калымы, іолъ-пули и т. д. своей невѣстѣ или роднымъ ея во времена родового быта? откуда могъ взять такія крупныя суммы членъ рода, когда все имущество было родовымъ, такъ сказать, общимъ имуществомъ, находящимся въ нераздѣльномъ владѣніи и собственности? Наконецъ, является вопросъ, также не менѣе настоятельно требующій категорическаго разрѣшенія, откуда можетъ взять такія значительныя суммы горецъ, когда уже родовой бытъ разрушился.

Нѣтъ сомнѣнія, плата за невѣстъ давалась цѣлымъ родомъ. Мы уже упоминали, что въ родовомъ быту частной собствен-

ности не существовало, ибо древніе утвердили права собственности на началахъ, вполнѣ чуждыхъс овременнымъ поколѣніямъ. Собственность тогда, будучи нераздѣльной, вся сосредоточивалась въ рукахъ отца, родоначальника. Ни отдѣльное владѣніе приданымъ, ни общее владѣніе имуществомъ во времена родового быта народовъ положительно неизвѣстны. Все безусловно принадлежитъ родоначальнику-отцу, какъ прямому администратору и собственнику всего имущества. Всѣ плоды отъ трудовъ членовъ рода, все что ни пріобрѣталось ими, все было собственностью отца. „Родичи", говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, въ своемъ сочиненіи, «Древняя община», „связаны между собою тѣснѣйшими узами. Единясь отправленіемъ однихъ и тѣхъ же священныхъ обрядовъ, они помогаютъ другъ другу во всѣхъ житейскихъ нуждахъ. Цѣлый родъ отвѣчаетъ за долги каждаго изъ своихъ членовъ; онъ сообща выкупаетъ плѣннаго, онъ платитъ пеню за приговореннаго къ ней судомъ. Если кто-нибудь изъ родичей займетъ общественную должность, родъ дѣлаетъ складчину для покрытія сопряженныхъ съ ней расходовъ". Надо полагать, что родъ дѣлалъ складчину и тогда, когда родичъ покупалъ себѣ жену. Это чисто-апріорное положеніе доказывается цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, найденныхъ нами въ матеріалахъ о кавказскихъ горцахъ. Нижеслѣдующіе обычаи и дары иначе и нельзя объяснить, какъ переживаніемъ, какъ остатками, обломками отъ цѣлаго родового быта, отъ вліянія котораго горцу еще долго и долго не отдѣлаться.

У черкесовъ, напримѣръ, послѣ обрученія женихъ приглашаетъ къ себѣ родителей невѣсты, чтобы условиться о калымѣ. Иногда же для заключенія условій о калымѣ женихъ отправлялъ въ домъ невѣсты своего брата съ многочисленными друзьями, гдѣ они проводили нѣсколько сутокъ до окончательной сдѣлки, причемъ представители со стороны жениха каждый что нибудь платили за него. „Въ старину", разсказываетъ Дубровинъ, „у черкесовъ относительно калыма существовалъ прекрасный обычай: человѣкъ, желавшій всту-

пить въ бракъ, но не имѣвшій средствъ заплатить калымъ, собиралъ въ свой домъ какъ можно болѣе мужчинъ и объяснялъ имъ свое желаніе жениться; тогда каждый изъ гостей дѣлалъ ему подарокъ по своему состоянію".

У абхазцевъ, говорятъ, то же самое было очень недавно, и можетъ быть существуетъ и теперь: бѣдный абхазецъ, созвавши пріятелей и знакомыхъ, объявлялъ имъ свое намѣреніе жениться, и получалъ подарки отъ нихъ въ видѣ плѣнника, лошади, скота и т. п.

У кабардинцевъ замѣчателенъ также обычай, засвидѣтельствованный г. Грабовскимъ: молодежь, которая пріѣзжаетъ со стороны жениха за невѣстой, при отправленіи партіи одѣвается самымъ лучшимъ и богатымъ образомъ. Пріѣхавши въ аулъ невѣсты, они щеголяютъ предъ тамошнею молодежью своими нарядами, оружіемъ, лошадьми. Все это дѣлается съ цѣлью какъ можно болѣе возвысить достоинства жениха. Мѣстная молодежь какъ нельзя лучше пользуется хвастовствомъ пріѣзжихъ и обираетъ ихъ въ силу обычая съ ногъ до головы Такимъ образомъ къ отъѣзду эта партія молодежи, носящая въ данномъ случаѣ особое техническое названіе *кіедженеры*, обращается буквально въ толпу оборванцевъ; а мѣстная молодежь начинаетъ щеголять ихъ костюмами и оружіемъ.

Нѣчто подобное существуетъ кое-гдѣ и у осетинъ. Здѣсь дружки, пріѣзжающіе за невѣстой, обворовываются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ: деревня невѣсты крадетъ у кого узду, патроны, у кого сѣдло, у кого подпруги; всѣ шапки дружекъ остаются въ пользу деревни невѣсты, такъ что, уѣзжая, дружки завертываютъ свои головы въ рогожи, тряпки и т. п.

Эти на первый взглядъ весьма странные обычаи имѣютъ свое глубокое основаніе въ сѣдой старинѣ родового быта и такого состоянія, когда родъ невѣсты и жениха враждуютъ другъ съ другомъ, и вражда между ними прекращается только по уплатѣ родомъ жениха роду невѣсты извѣстныхъ цѣнностей.

Мы встрѣчаемъ еще болѣе выразительные обычаи въ этомъ смыслѣ. Такъ, при вступленіи въ бракъ таубія (князя) съ

каждаго двора въ аулѣ должны дать ему по одной штукѣ скота, стоющей не менѣе 10 руб.; подарокъ этотъ извѣстенъ у горцевъ подъ названіемъ *берне*.

„Обычай дѣлать подобные подарки", говоритъ Грабовскій, „существовалъ еще въ полномъ ходу года полтора тому назадъ, т. е. до того времени, пока не коснулась горъ крестьянская реформа, значительно перевернувшая экономическій бытъ горцевъ-владѣльцевъ. Правда, подарки эти въ ходу и въ настоящее время, но бывшіе подвластные таубіевъ даютъ уже ихъ не иначе, какъ по доброй волѣ, въ силу давнишняго прадѣдовскаго обычая, и потому еще, что правило: „стыдно отказать просьбѣ старшаго" въ большомъ ходу между горцами; тогда какъ въ прежнее время подарки эти были обязательны для каждаго подвластнаго".

У ингилойцевъ существуетъ масса всевозможныхъ взаимныхъ подарковъ между домами жениха и невѣсты. Наканунѣ отправленія *нишана*, т. е. большой посылки съ подарками, изъ дома жениха къ невѣстѣ, приглашаются родителями жениха ближайшіе ихъ родственники. Послѣдніе поздравляютъ родителей съ этимъ торжественнымъ днемъ и дарятъ — кто рубль, кто 50 копѣекъ, кто перстни. Все это отвозится невѣстѣ. Тамъ готовится ужинъ, на который приглашаются всѣ родственники и друзья родителей невѣсты; передъ ними выставляется все привезенное. Когда всѣ соберутся, посредникъ отъ жениха громко провозглашаетъ: „наши сватья прислали все видимое вами, дай Богъ имъ здоровья!" и всѣ повторяютъ тѣ же слова. Все съѣдобное, что бы ни прислалось, непремѣнно раздѣляется между присутствующими.

У ингилойцевъ же существуетъ другой обычай, источникомъ котораго, по нашему мнѣнію, также служитъ глубокая старина родового быта, положившаго свой неотразимый историческій отпечатокъ на дѣйствительную жизнь горца. „Въ свитѣ невѣсты есть гости собственно ея, такъ называемые *гомотанебулебы*, т. е. посланные; всѣхъ ихъ 9 человѣкъ. Мы не будемъ описывать, какъ ихъ кормятъ, какъ угощаютъ извѣстными строго опредѣленными порціями кушаній; замѣ-

тимъ только, что въ пользу ихъ идетъ большая часть такъ называемыхъ штрафовъ, которые собираются слѣдующимъ образомъ: наприм., гость долженъ прежде всего подойти къ жениху съ поздравленіемъ, а потомъ уже сѣсть; разъ онъ этого не исполнилъ, гомотанебулебы штрафуютъ провинившагося — привязываютъ его къ дереву, и одинъ бьетъ его какъ будто бы по ногамъ; привязанный вопитъ и взываетъ о помощи, но напрасно: онъ долженъ заплатить 10—20 коп., или же его домашніе должны прислать $1/_2$ ведра вина, или ветчины, или курицу, и тѣмъ только не исполнившій церемоніала освобождается.

Г. Грабовскій такъ описываетъ весьма интересный подобный же обычай, видѣнный имъ на свадьбѣ въ Кабардѣ; обычай этотъ, видоизмѣненный временемъ, до очевидности показываетъ свое коренное основаніе. „Во все время танцевъ", говоритъ Грабовскій, „между танцующими и особенно около любопытной толпы, суетился одинъ молодой человѣкъ, имѣющій въ рукахъ довольно большую и длинную палку; онъ то и дѣло отгонялъ наступавшую толпу, прикрикивалъ на танцующихъ, пускался самъ плясать, словомъ — поспѣвалъ всюду. Иногда въ два—три прыжка онъ оказывался посрединѣ площадки и, остановившись прямо въ упоръ передъ танцующей парой, заграждалъ ей дальнѣйшій путь своимъ посохомъ; парочка останавливалась, и кавалеръ медленно отправлялся рукой къ себѣ запазуху, доставалъ оттуда кошелекъ или портмоне и платилъ за свадебный пропускъ. Получивъ „выкупъ", молодой человѣкъ быстро удалялся, поднималъ вверхъ руку, показывая всѣмъ достоинство полученной имъ монеты или кредитнаго билета, пряталъ эти деньги и, очутившись вновь около толпы, успѣвшей въ его отсутствіе нахлынуть за указанную черту, безъ милосердія билъ по ногамъ переступившихъ границу. Слышались всеобщій хохотъ и брань тѣхъ, кому досталось отъ строгаго блюстителя порядка. Задержка танцующихъ и требованія „выкупа" повторялись довольно часто, причемъ не имѣвшіе денегъ давали какую-нибудь мелкую вещицу, въ родѣ натруски, кошелька и т. п.

Требовавшій „выкупа“ не ограничивался одними танцующими: часто, остановивъ дѣвушку, онъ обращался къ кому-нибудь изъ стоявшихъ въ сторонѣ и, разумѣется, выбиралъ такого, который по его расчету могъ заплатить деньги“. Выкупъ этотъ теперь идетъ въ пользу музыкантовъ.

Г. Дубровинъ передаетъ, что у осетинъ, когда дружки жениха приходятъ за невѣстой, то родственники послѣдней отбираютъ себѣ отъ нихъ все, что бы имъ ни понравилось. Мало того, дружки не только не могутъ не отдать того, что нравится родственникамъ невѣсты, а раздаютъ еще сами деньги, какъ бы въ придачу къ выкупу жениха.

Не менѣе интересный обычай, разъясняющій, кто прежде платилъ выкупы за невѣстъ, описываетъ г. Фонъ-Плотто. Обычай этотъ встрѣчается среди многихъ кавказскихъ племенъ. „Кто-нибудь изъ разбитныхъ парней беретъ большое яблоко и подходитъ съ нимъ прежде всего къ старшему въ домѣ, получаетъ отъ него рубля 2—3 мелкими деньгами, втыкаетъ ихъ въ яблоко и, ставъ въ срединѣ пирующихъ на свадьбѣ, кричитъ: „Эй, джамаатъ, слушайте новость!“ — „Дай Богъ, чтобы эта новость была пріятна“, отвѣчаетъ джамаатъ (общество). — „По милости Божьей, она хороша!“ продолжаетъ крикунъ: „дай Богъ здоровья хозяину дома (называетъ его по имени), онъ даритъ молодому столько-то рублей“. — „Дай Богъ здоровья!“ кричатъ гости. Потомъ каждый изъ присутствующихъ вручаетъ этому сборщику, кто что можетъ; о каждомъ изъ нихъ крикунъ оповѣщаетъ тѣми же фразами. Пересчитавъ собранныя деньги и завязавъ ихъ въ узелъ, сборщикъ кричитъ: „дай Богъ здоровья роднымъ, знакомымъ, сосѣдямъ и всему обществу нашего села за то, что они подарили нашему молодому столько рублей!“ — „Дай Богъ всѣмъ здоровья!“ какъ эхо повторяютъ гости.

У горскихъ евреевъ въ день брака вечеромъ собираются жители на свадьбу; женихъ садится, и возлѣ него разстилаютъ большой шелковый платокъ, на который кладутся подарки — деньги, различныя серебряныя и золотыя вещи отъ лицъ, подходящихъ къ жениху съ поздравленіями, не исключая ма-

тери жениха и его родственниковъ. Возлѣ платка стоитъ человѣкъ, который также провозглашаетъ, кто именно и сколько даетъ. Когда всѣ подарки соберутся, женихъ принимаетъ ихъ по счету при свидѣтеляхъ, и они записываются въ брачный договоръ.

У мугаловъ сборъ въ пользу жениха носитъ названіе *шабашъ*, и сборщикъ не провозглашаетъ именъ жертвователей. У лезгинъ съ общества совсѣмъ не собираютъ денегъ жениху, а родственники его сами дѣлаютъ складчину и собранное отдаютъ ему.

Въ одномъ изъ нартскихъ сказаній „Сосланъ" говорится, что Сосланъ женится и платитъ огромный калымъ „изъ собственнаго кармана". Очевидно, въ данномъ случаѣ выраженіе „изъ собственнаго кармана" имѣетъ особенную важность, и значитъ можно было пріобрѣтать себѣ невѣсту и не платить за нее изъ собственнаго кармана.

По докладу въ послѣдній пріѣздъ нашего покойнаго путешественника Миклухи-Маклая въ годичномъ засѣданіи Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, у папуасовъ невѣста покупается не мужчиной или его отцомъ, а всей общиной, къ которой принадлежитъ женящійся, и плата за нее взносится не родителямъ а всей общинѣ невѣсты. Плата эта заключается въ различныхъ подаркахъ, сносимыхъ всѣми членами общины жениха къ ногамъ невѣсты. По окончаніи брачныхъ церемоній зрители невѣстиной деревни собираютъ всѣ приношенія и уходятъ домой, и здѣсь уже раздѣляютъ добычу, такъ что всякій что-нибудь получаетъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы современными переживаніями оправдать положеніе, что въ прежнее время одинъ только родъ участвовалъ въ платежѣ за невѣсту своего члена. Можно было бы и не останавливаться такъ долго на этомъ вопросѣ, еслибы мы не имѣли въ виду вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что и въ настоящее время существуютъ платежи при горскихъ свадьбахъ не только со стороны лицъ, повидимому, совсѣмъ непричастныхъ къ браку, но даже и отъ цѣлыхъ общинъ.

Чтобы уже не возвращаться къ вопросу о платежахъ, помимо приданаго при свадьбахъ кавказскихъ горцевъ, мы должны сказать, что платежей этихъ въ формѣ различныхъ подарковъ со стороны жениха невѣстѣ и ея роднымъ и обратно существуетъ весьма много и въ самыхъ разнообразныхъ цѣнностяхъ. О подаркахъ можно сказать одно общее положеніе, что женихъ, родня его, знакомые и сосѣди—всѣ что-нибудь дарятъ невѣстѣ и ея близкимъ родственникамъ, что всѣ подарки жениха всегда цѣннѣе и многочисленнѣе подарковъ со стороны невѣсты; что невѣста отдариваетъ жениха и близкихъ ему родственниковъ обыкновенно самыми простыми и нецѣнными предметами, являющимися большею частью какъ продуктъ ея личнаго труда, наприм., различнымъ вязаньемъ—кушаками, носками, снурками и т. п., или шитьемъ—какими-нибудь предметами одежды.

Какъ многочисленны и разнообразны бываютъ другіе платежи, лучше всего покажетъ слѣдующее, хотя и скучное, но въ данномъ случаѣ, полагаемъ, необходимое описаніе ихъ у ингилойцевъ:

„Когда сватовство оканчивается, посредникъ жениха, или лучше сказать, сватъ, обязанъ къ извѣстному дню доставить задатокъ: 1 серебряный рубль, 1 шелковый платокъ, 1 серебряный перстень, 1 барана, 10 сдобныхъ хлѣбовъ, 1 чапахъ или литръ мелкихъ орѣховъ, столько же каштановъ, 15 и болѣе красныхъ яицъ, блюдо халвы, 3 десятка яблокъ и 4 чапы (2 ведра) вина. Привезенные орѣхи, яблоки, каштаны, яйца и халва раздаются гостямъ, а остатки прячутся. Платокъ, перстень и деньги беретъ мать невѣсты. Перстень она тотчасъ надѣваетъ на палецъ дочери, а остальное прячетъ въ сундукъ. На Ѳоминой недѣлѣ посредникъ долженъ доставить изъ дома жениха въ домъ невѣсты: 1 чапу ($^1/_2$ ведра) вина, 10 красныхъ яицъ, 5 сдобныхъ хлѣбовъ, четверть барашка, или столько же бараньей ветчины или вяленаго бараньяго мяса (кахаджи), 1 рубль, одну тафту (кусокъ канауса). По этому случаю, какъ и въ первый разъ, собираются родственники. Посредникъ, уѣзжая къ жениху, везетъ теперь и ему подарки:

кувшинъ съ виномъ, пару или двѣ шерстяныхъ носковъ и столько же паръ чарыховъ (обувь). Послѣ праздника Богоявленія родители невѣсты назначаютъ день, въ который посредникъ долженъ доставить нишанъ, т. е. большую посылку. Нишанъ обыкновенно состоитъ изъ 2-хъ барановъ, цѣлой бараньей ветчины, 6 ведеръ вина, 8 десятковъ яблокъ, 2 чапаха ($^1/_{15}$ чет.) мелкихъ орѣховъ, столько же каштановъ, 4 десятка красныхъ яицъ, 25 сдобныхъ хлѣбовъ и столько же простыхъ, 2 большія блюда халвы, 2 тафты, 1 лечакъ, 2 руб. денегъ и серебряный перстень. Кромѣ того, присоединяются всѣ подарки родственниковъ изъ денегъ, перстеней и другихъ вещей. Все съѣдобное дѣлится между гостями, а вещи и деньги прячутся матерью невѣсты. Тѣмъ изъ родныхъ жениха, которые прислали подарокъ невѣстѣ, посылаются носки, снурки для подвязки чарыховъ; тестю старшаго зятя и его женѣ — носки, чарыхи и снурки для нихъ". По прошествіи еще нѣкотораго времени назначается *порчисъ-нишани* (посылка матерій). Эта посылка заключаетъ въ себѣ одинъ чарташъ, т. е. длинный шелковый платокъ, которымъ закрываютъ лицо, 2 лечака, 2 или 3 тафты, 25 сдобныхъ хлѣбовъ и столько же простыхъ, отъ 4 до 6 десятковъ яицъ, 8 десятковъ яблокъ; мелкихъ орѣховъ и каштановъ посылается столько, сколько кто хочетъ, 5—6 ведеръ вина, 1 или 2 барана и цѣлую баранью ветчину. Если предполагается съиграть свадьбу скоро, то назначается еще нишанъ, въ которомъ должно быть не менѣе 30 сдобныхъ хлѣбовъ и столько же простыхъ, 30 штукъ красныхъ яицъ, 40 яблокъ, 1 чапахъ каштановъ и столько же мелкихъ орѣховъ, 5 ведеръ вина, 1 баранъ, деньгами — рубль, который долженъ быть завернутъ въ платокъ, 1 лечакъ, тафта и пара башмаковъ.

Невѣста ко дню свадьбы должна соткать собственноручно изъ разновременно присланной женихомъ шерсти и шелку 12 паласовъ или джиджимовъ и 4 одѣяла. Войлокъ для джиджимовъ, подкладки для одѣялъ и шерсть для матрацовъ должны быть доставлены женихомъ. Наканунѣ свадьбы изъ дома жениха присылается въ домъ невѣсты 25 чапаховъ пшеницы,

$12^1/_2$ ведеръ вина и живая скотина. Въ день вѣнчанія невѣста надѣваетъ подарокъ жениха—серебряный поясъ, стоящій не менѣе 25 руб., серебряную головную цѣпь и архалукъ съ серебряными пуговицами. Подругамъ невѣсты присылается отъ жениха 20 коп. Посредникъ получаетъ 1 руб., аксакхалъ (почетный пожилой человѣкъ)—одну курицу и кромѣ того за каждый день свадьбы по куску сырого мяса для шашлыка и $^1/_8$ всѣхъ штрафныхъ продуктовъ; державшій узду лошади, на которой ѣхала невѣста, 20 коп., ближайшая родственница невѣсты — *мдаде* получаетъ 2 руб. и т. д. Иногда подобные платежи тянутся лѣтъ 5—6, а то и цѣлыхъ 10, пока не совершится самая брачная церемонія.

Но въ прежнія времена были и послѣбрачные платежи, также не связанные съ приданымъ. Такъ, напримѣръ, у кабардинцевъ въ доброе старое время былъ обычай, по которому съ невѣстою вмѣстѣ отправляли въ домъ жениха женщину-прислугу—дегизу и одного холопа изъ болѣе приближенныхъ къ семьѣ невѣсты, такъ называемаго джемхагаса. Эти два лица обязывались прожить въ домѣ будущаго мужа дѣвушки, съ которой они посылались, въ качествѣ прислуги отъ одного до 3-хъ лѣтъ. И теперь еще знатные горцы посылаютъ эту свиту за невѣстой; но самая служба уже стала давно необязательной для посылаемыхъ и зависитъ отъ добровольнаго согласія. Согласиться же на подобную командировку далеко не прочь всякій бѣдный человѣкъ, ибо съ нею связаны весьма существенныя выгоды. По окончаніи срока командировки, дегиза дѣлаетъ пиръ, на которомъ каждый изъ присутствующихъ долженъ сдѣлать ей подарокъ: самъ таубій, при женѣ котораго жила дегиза, если онъ человѣкъ состоятельный, даетъ отъ 10 до 30 коровъ, 100—200 барановъ и полную женскую шелковую одежду; прочіе князья—по одной лошади, а простой народъ—по одной коровѣ. Кромѣ этихъ подарковъ таубій, у котораго жила дегиза, предоставляетъ ей въ пользу всю шерсть съ барановъ и шкуры съ зарѣзаннаго скота за все время пребыванія ея у него въ домѣ. Джемхагасъ, отправляясь

домой вмѣстѣ съ дегизою, получаетъ также полную одежду, полное оружіе и лошадь съ сѣдломъ.

Въ то время, какъ у богатыхъ горцевъ женихъ дѣлаетъ много весьма цѣнныхъ подарковъ своей невѣстѣ, въ бѣдномъ, простомъ народѣ горецъ довольствуется болѣе чѣмъ скромными подарками: часто женихъ-бѣднякъ ограничивается какимъ-нибудь кускомъ въ пять—шесть аршинъ миткаля или бязи.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о спеціальныхъ платежахъ, тѣсно связанныхъ съ похищеніемъ женщинъ.

У весьма немногихъ племенъ Кавказа оставленъ этотъ видъ брака, напротивъ, онъ вездѣ почти существуетъ, вездѣ карается адатами, и иногда довольно строго, а все-таки энергично держится у народцевъ: такъ еще сильно и живуче преданіе старины и обычая, такъ еще могуче вліяніе родового быта и состоянія въ характерѣ, нравахъ и учрежденіяхъ горца.

„Въ самомъ дѣлѣ, у кабардинцевъ, напримѣръ, развита страсть къ похищеніямъ женщинъ до такой степени",—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей этого племени", что они не ограничиваются ими, когда это дѣйствительно вызывается необходимостью, но прибѣгаютъ къ этому способу, будучи уже засватанными и за нѣсколько дней до свадьбы, живя въ одномъ аулѣ, а иной разъ—такъ и по сосѣдству".

Надо замѣтить, что штрафы за похищенія женщинъ хотя и послужили основаніемъ калымамъ, выкупамъ и т. п., теперь большею частью составляютъ особую группу брачныхъ платежей, поразительно подтверждающихъ высказанную нами еще въ началѣ мысль, что убійство человѣка, равно и похищеніе женщины наносило одинъ и тотъ же позоръ той семьѣ или тому роду, къ которому принадлежали убитый или похищенная, и что этотъ позоръ смывался только кровью оскорбителя. Отсюда неотразимо явствуетъ, что во времена композицій и пени убійца и похититель женщины должны нести одинаковую кару; и дѣйствительно, въ источникахъ по этому вопросу есть факты, прямо подтверждающіе этотъ выводъ. Мы видимъ, что у нѣкоторыхъ племенъ виновные въ томъ и въ

другомъ случаѣ несутъ одинаковое наказаніе; такъ, если не ошибаемся, у сванетовъ платится за убійство дѣвушки и за похищеніе ея одинаковая сумма штрафа—600 руб.; похитить вдову или убить ее — все равно приходится платить виновному 300 — 400 руб. и т. д. Послѣ эти штрафы начинаютъ разнообразиться и отдаляться отъ первоначальной идеи, лежащей въ основаніи ихъ.

У кабардинцевъ похититель женщины обязанъ присоединить подарокъ за безчестье, въ видѣ хорошей лошади, оружія и т. п. и, наконецъ, устроить примирительную пирушку, сваривъ для этого изъ нѣскольких пудовъ меду бузу и приготовивъ большое количество блюдъ съ явствами; обыкновенно отъ 10 до 30 блюдъ. А если при этомъ дѣло доходитъ еще до начальства, то съ виновнаго взыскивается штрафъ до 100 руб. и самъ онъ подвергается аресту на гауптвахтѣ до 3-хъ мѣсяцевъ.

У ингушъ за похищеніе дѣвушки, если она была согласна, штрафъ за безчестье опредѣляется 3-мя лошадьми.

По адатамъ даргинскихъ обществъ за увозъ дѣвицы или вдовы или разведенной съ мужемъ, если она увезена съ ея согласія, съ увезшаго взыскивается въ пользу родственниковъ увезенной 30 руб. и штрафъ въ пользу тургаковъ всего округа букъ, т. е. 7 котловъ по 2 руб. каждый. За насильственный увозъ взыскивается 50 руб.

По адату акушинскаго общества за насильственный увозъ съ одного только похитителя взыскивается штрафъ — семь быковъ и, если родственники увезенной согласятся на бракъ, то онъ платитъ деньгами или вещами: ей — 100 руб. и родственникамъ 100 руб., за вдову и разведенную—какъ ей, такъ и родственникамъ ея по 50 руб.

По адату мучинскаго общества и увезшій и увезенная платятъ штрафъ въ пользу джамаата (общества) по 12 руб., и сверхъ того съ увезшаго взыскивается въ пользу родственниковъ увезенной 8 руб. и т. д.

Обратно, у нѣкоторыхъ племенъ Кавказа похищеніе, повидимому, не только не карается, но даже поощряется. Осе-

тинъ, похитившій невѣсту, не платитъ совсѣмъ выкупа, или платитъ значительно меньшій противъ установленнаго. Но для этого требуются нѣкоторыя условія, а именно: похищеніе должно быть совершено съ согласія невѣсты и сдѣлано съ большой ловкостью, замѣчательнымъ удальствомъ и молодечествомъ, иначе пойманный часто платится жизнью, а боками всегда. То же самое у черкесовъ.

Прежде чѣмъ перейти теперь къ разсмотрѣнію юридической природы приданаго по законамъ и адатамъ горцевъ Кавказа, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ различной цѣнности выкуповъ и калымовъ за невѣстъ, доходящихъ отъ нѣсколькихъ тысячъ до рубля. Явленіе это объясняется множествомъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Выше мы видѣли, напримѣръ, какъ вліялъ Шамиль изъ политическихъ видовъ на пониженіе калыма. Но самыя главныя причины—это двѣ, по нашему мнѣнію—большее или меньшее вліяніе родового быта, а съ нимъ вмѣстѣ и кровавой мести, а потомъ наличное количество женщинъ. Чѣмъ болѣе женщинъ, тѣмъ менѣе цѣна на невѣстъ; и чѣмъ менѣе женщинъ, готовыхъ сдѣлаться супругами, тѣмъ выше поднимается цѣна на невѣстъ, а значитъ тѣмъ выше по цѣнѣ калымы и выкупы. Нельзя не видѣть въ этомъ обратномъ отношеніи общаго закона обмѣна—спроса и предложенія. Немудрено, что цѣна за женщинъ доходила иногда до громадныхъ суммъ, когда спросъ на нихъ, въ особенности красивыхъ, въ гаремы султановъ, различныхъ пашей, князей, узденей, при всеобщемъ многоженствѣ былъ весьма ощутителенъ, когда торговля живымъ товаромъ была выгодна и прибыльна. Припомнимъ, что недавно еще цѣлые корабли, наполненные черкешенками, отвозились въ Константинополь. Кромѣ того, нельзя не упомянуть о презрѣніи къ женщинѣ у большинства кавказскихъ племенъ, породившемъ варварскій обычай истребленія младенцевъ женскаго пола при рожденіи ихъ; и теперь еще нерѣдко можно встрѣтить какую-нибудь мать горянку, убившую 5—6 своихъ дѣвочекъ. Горецъ съ огорченіемъ и проклятіями встрѣчаетъ извѣстіе о рожденіи дѣвочки. Женщины, рожаю-

щія только дѣвочекъ, безжалостно, нещадно прогоняются своими мужьями. Таковы общія и главныя причины, вліяющія на повышеніе или пониженіе калымовъ.

Обращаемся теперь къ приданому.

II.

Тэйлоръ дѣлаетъ указаніе на основаніе развитія приданаго. Онъ думаетъ, что нѣкоторое обезпеченіе вдовы вмѣсто брака съ нею брата покойнаго ея мужа, что̀ практиковалось въ болѣе грубомъ состояніи общества, есть фундаментъ института приданаго. Что касается до другихъ народовъ, то можетъ быть это и было причиной дальнѣйшаго развитія интересующаго насъ института, но нельзя того же сказать про развитіе его у кавказскихъ горцевъ. Здѣсь основаніемъ приданаго является общечеловѣческое чувство любви и привязанности родителей къ своимъ дѣтямъ; эти вполнѣ естественныя чувства къ дочери пересиливаютъ родовыя тенденціи и убѣжденія отца, который и выдѣляетъ ей нѣкоторую долю изъ общаго родового имущества, когда она выходитъ замужъ. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ въ дѣйствительности считается виновникомъ жизни, а мать только кормилицей. „Отецъ первенствуетъ у огнища, онъ разводитъ и поддерживаетъ огонь—говоритъ Фюстель де-Куланжъ,—онъ его первосвященникъ. Во всѣхъ религіозныхъ актахъ высшая обязанность лежитъ на немъ: онъ закалаетъ жертву, его уста произносятъ молебное заклятіе, низводящее на него и на семью покровительство боговъ. Родъ и культъ продолжаются благодаря его личности; онъ одинъ представляетъ собою всю череду предковъ, и отъ него должна произойти вся череда потомковъ. На немъ держится домашній культъ, онъ почти въ правѣ сказать, подобно индусу: я самъ богъ. Прійдетъ смерть, онъ станетъ богоподобнымъ существомъ, молитвенно призываемымъ потомками“.

Немудрено поэтому, что все имущество должно было фактически принадлежать главѣ дома, какъ продолжателю рода и религіи; между тѣмъ какъ жена слыветъ только частью мужа—не болѣе, она пріобщается религіи мужа. Вотъ по-

этому-то имущество въ прежнее время и переходить только къ мужскому потомству, а не къ женщинѣ. Основное правило для культа въ древнемъ быту—это переходъ его вмѣстѣ съ имуществомъ отъ мужчины къ мужчинѣ по прямой линіи; коренное требованіе наслѣдованія въ древнюю эпоху — это приспособленіе имущества къ домашней религіи. „Дочь неспособна продолжать отческую вѣру, потому что она выходить замужъ, отрекаясь при этомъ отъ культа отца и усваивая себѣ культъ супруга. Она, стало-быть, не имѣетъ никакого права на наслѣдство; и вздумай отецъ отказать имѣніе дочери, собственность пришлось бы отдѣлить отъ культа, чего никакъ допустить нельзя. Дочь не смогла бы выполнить даже и первой обязанности наслѣдника—продолжать череду могильныхъ трапезъ, такъ какъ она приноситъ жертвы предкамъ своего мужа, поэтому религія воспрещаетъ ей наслѣдовать отцу“. То, что сказалъ Фюстель де-Куланжъ относительно древней общины Греціи и Рима, все это также свойственно всѣмъ почти народамъ Кавказа. Вотъ поэтому и здѣсь нельзя встрѣтить, за рѣдкими исключеніями, приданаго въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ.

Но непреодолимый ростъ культуры и гражданственности мало-по-малу разрушаетъ родовой бытъ народовъ, время все болѣе даетъ простора чувству родительской любви и привязанности, которая, постепенно побѣждая родовыя традиціи, все болѣе и болѣе настоятельно требуетъ отъ отца одинаково справедливаго его отношенія и къ сыну и къ дочери. Прежній выкупъ за невѣсту, который шелъ сначала всему роду, а потомъ родителямъ невѣсты или семейнымъ старшинамъ, уступается отцомъ или весь, или въ нѣкоторой своей части самой невѣстѣ. Далѣе то-же могучее чувство любви къ дѣтямъ потребовало отъ отца уже и того, чтобы дочери не исключались совсѣмъ изъ права наслѣдованія. Недвижимой собственности все-таки отецъ не могъ тронуть для своей дочери,— слишкомъ опутанъ онъ еще родовымъ контролемъ и традиціями; зато онъ выдѣляетъ нѣкоторыя части движимаго имущества для своей дочери, имущества, на которое, соб-

ственно говоря, и она имѣла нѣкоторое право, вложивъ въ общую массу его свою собственную часть, пріобрѣтенную ею трудомъ и лишеніями, которыми она могла бы улучшить свою жизнь въ чужой семьѣ или чужомъ родѣ.

Историческая жизнь горцевъ неодинаково шла у всѣхъ племенъ Кавказа, вслѣдствіе множества самыхъ разнообразныхъ и важныхъ причинъ. У однихъ племенъ культура и развитіе гражданственности стоятъ относительно высоко, въ то время какъ у другихъ появляются только зачатки ихъ существованія. Вотъ почему неудивительно встрѣтить среди горцевъ Кавказа въ области права много поучительнаго и на первый разъ даже страннаго; напр., у однихъ развито наслѣдственное право, которое стоитъ гораздо выше нашего русскаго, у другихъ же наслѣдственное право еще въ зачаткахъ своего развитія и совершенно исключаетъ женщину изъ права наслѣдованія. Немудрено поэтому относительно приданаго здѣсь встрѣтить чуть не всѣ стадіи его историческаго развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что находимъ мы въ источникахъ по этому вопросу. У чеченцевъ, наприм., приданое составляетъ весь калымъ, полученный отцомъ за свою дочь отъ жениха. У черкесовъ приданое заключается обыкновенно въ половинѣ калыма. Первую половину берутъ въ свою пользу родители невѣсты, а вторая поступаетъ въ „мехръ“ невѣсты, въ полную ея собственность. Эту собственность невѣста получаетъ уже послѣ брака. Что „мехръ“ составляетъ неотъемлемую собственность замужней женщины, это видно изъ того, что по наслѣдственному праву указанная часть имущества—надо думать, находящаяся въ общемъ владѣніи супруговъ,—не засчитывается въ имущество наслѣдователя, и жена, получающая наслѣдство послѣ смерти своего мужа, не получаетъ вновь свой мехръ въ числѣ наслѣдуемаго ею имущества. Мужъ, разводившійся съ своей женой и пожелавшій опять соединиться узами брака съ своей прежней супругой, обязывается снова выдѣлить своей супругѣ мехръ, но уже не платитъ вторичнаго калыма родственникамъ ея.

Въ сѣверной Осетіи таугарцы одну часть (половину) ирада въ 100 рублей платятъ родителямъ, а другую—также въ 100 руб. невѣстѣ, предварительно записавъ ее въ брачное договорное условіе—въ накяхъ. Осетины мусульмане отдаютъ въ приданое только $\frac{1}{4}$—50 рублей изъ 200 таковыхъ изъ калыма.

У назрановцевъ и ингушей родители невѣсты себѣ берутъ только около $\frac{1}{3}$—25 руб. изъ суммы выкупа, а остальную часть въ количествѣ 80 руб. отдаютъ дочери, записавъ эту сумму въ брачное условіе, если у жениха во время брака нѣтъ на лицо денегъ.

У горскихъ евреевъ приданое зависитъ совершенно отъ доброй воли отца: захочетъ онъ—отдастъ весь выкупъ въ приданое дочери и еще прибавляетъ какую-нибудь сумму къ нему, не захочетъ—и дочь уходитъ безъ всякаго приданаго въ чужую семью.

У кумыковъ приданое дѣлаетъ самъ женихъ; онъ отправляетъ къ невѣстѣ свадебные подарки, состоящіе изъ матерій, уборовъ, украшеній, и, кромѣ того, смотря по состоянію, извѣстное количество денегъ, на которыя родители невѣсты обязаны приготовить ей все необходимое въ домашнемъ быту.

Въ верхнемъ Кайтагѣ, въ селеніи Башлы, выкупъ за невѣсту въ 120 рублей идетъ весь на изготовленіе необходимаго приданаго.

У нѣкоторыхъ же горскихъ племенъ, обладающихъ болѣе или менѣе развитымъ наслѣдственнымъ правомъ, существуетъ приданое въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ. Напр., у кумыковъ дочерямъ по адату хотя и не предоставлено никакого права участвовать въ дѣлежѣ имѣнія, но такъ какъ отецъ полный властелинъ и хозяинъ своей собственности, то онъ и выдѣляетъ обыкновенно изъ своего имѣнія часть дочерямъ, руководствуясь при этомъ постановленіями шаріата, т. е. онъ не можетъ удѣлить дочери болѣе третьей части той доли собственности, которая приходится на каждаго брата. Въ случаѣ же смерти отца, неуспѣвшаго выдѣлить дочь, послѣдняя не получаетъ рѣшительно ничего изъ имѣнія отца, хотя

по шаріату, какъ мы видѣли, и имѣетъ нѣкоторую возможность на полученіе нѣкоторой доли изъ отцовскаго имущества. Въ этомъ случаѣ она переходитъ на житье къ брату, отъ котораго зависитъ составить ей приданое. Братья обязаны содержать своихъ сестеръ и выдавать ихъ замужъ съ приличнымъ приданымъ.

Къ такому же заключенію, т. е. что приданое дается родственниками невѣсты, мы можемъ придти, разсматривая наслѣдственное право у нѣкоторыхъ дагестанскихъ племенъ. Мы видимъ здѣсь, что братья передъ сестрами имѣютъ двѣ части, сестра при братѣ наслѣдуетъ третью часть; двѣ сестры и одинъ братъ дѣлятъ наслѣдство пополамъ; три сестры при одномъ братѣ получаютъ каждая пятую часть и т. д. Когда нѣтъ сыновей, тогда имѣніе дѣлится между дочерьми поровну, Женщина не имѣла права только наслѣдовать имѣній, заселенныхъ крестьянами, или самихъ крестьянъ; все это обыкновенно переходило къ нисходящимъ сыновьямъ наслѣдователя, а за неимѣніемъ ихъ въ боковыя восходящія линіи мужского пола. Женщины здѣсь наслѣдуютъ и въ боковыхъ линіяхъ, что и естественно и совершенно справедливо, чего нѣтъ однако по нашему русскому наслѣдственному праву; въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ наслѣдуютъ у дагестанскихъ племенъ третью часть, безъ братьевъ—половину, а другая отходитъ въ пользу ближайшихъ родственниковъ умершаго владѣльца мужской линіи. Такимъ образомъ, очевидно, что дѣвушка, получившая свою часть изъ имущества отца, имѣетъ уже и приданое.

У дагестанцевъ аварскаго происхожденія уполномоченный отъ жениха, получивъ согласіе родныхъ невѣсты, приступаетъ къ составленію условій брачнаго договора, причемъ опредѣляетъ количество приданаго.

По наслѣдственному праву Грузіи имѣніе послѣ родителей получаютъ сыновья; для того же, чтобы въ родовыхъ имѣніяхъ не могло появляться посторонняго совмѣстничества или права на владѣніе, теперь не замужнимъ дочерямъ выдѣляется приданое. То-же самое встрѣчаемъ мы у абхазцевъ и абазинъ.

Институтъ приданаго появляется прежде всего тамъ, гдѣ чувствуется развитое наслѣдственное право, гдѣ женщины одинаково съ мужчинами участвуютъ въ правѣ наслѣдованія. Отсюда неотразимо явствуетъ, что обычай надѣлять приданымъ дѣвицъ, выходящихъ замужъ, есть продуктъ развитія позднѣйшаго и послѣдняго времени горскихъ племенъ Кавказа. Этотъ институтъ не существуетъ еще среди многихъ племенъ дикаго Кавказа, какъ существуетъ онъ, напримѣръ, почти повсемѣстно въ Россіи, а потому обезпеченіе будущаго невѣсты съ матеріальной стороны здѣсь лежитъ на прямой обязанности жениха: онъ даетъ ей деньги въ видѣ подарковъ, онъ посылаетъ ей шерсть, шелкъ, волосъ и пр. и пр. для приготовленія ковровъ, войлоковъ, матрацовъ; онъ даритъ ей различные наряды и присылаетъ всевозможныхъ матерій для платья и бѣлья. Мало того, женихъ обязанъ обезпечить свою невѣсту на случай развода съ ней или своей смерти извѣстнымъ денежнымъ обязательствомъ, которое носитъ свое особое названіе — *кебина, гебина, кебинъ-хакка*, о которомъ мы выше уже упоминали. Не нужно смѣшивать эту форму обязательства съ калымомъ. Калымъ есть покупная условленная какая-нибудь цѣнность, выплачиваемая женихомъ отцу или родственникамъ невѣсты, за право обладать извѣстной дѣвицей, какъ супругой. Тогда какъ кебинъ-хаккъ есть новое обязательство, даваемое женихомъ своей невѣстѣ, или мужемъ своей женѣ; причемъ сумма денегъ и количество цѣнностей кебина назначается самою невѣстой и женой, а не родителями и родственниками ея, какъ это мы видимъ въ калымѣ. Это обязательство исполняется большею частью уже послѣ брачной жизни, и сумма кебина не отдается невѣстѣ, а только ставится въ брачное условіе, и выплачивается или самимъ женихомъ, когда онъ даетъ разводъ своей женѣ безъ всякаго законнаго повода, или же родственниками мужа изъ имущества, оставшагося послѣ смерти его. Величина этого обезпеченія совершенно произвольна, зависитъ отъ многихъ, самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, причемъ принимаются въ соображеніе малѣйшія обстоятельства сторонъ, напр. иму-

щественное состоянiе, положенiе, связи, лѣта и пр., и при томъ не только жениха и невѣсты, но и ихъ родителей. Большей частью критерiумомъ величины кебинъ-хакка служитъ размѣръ и цѣнность кебинъ-хакка, полученнаго матерью невѣсты при выходѣ въ замужзство за ея отца.

Величина и колебанiе кебина зависитъ отъ тѣхъ же соцiальныхъ причинъ, какъ и колебанiе выкупа невѣсты. Естественно, гдѣ на лицо являлось женщинъ, готовыхъ вступить въ бракъ, болѣе, чѣмъ того требовала общественная необходимость, тамъ размѣръ кебина замѣтно падалъ. Во времена напр. Шамиля въ селенiяхъ Гимра, Харакули и другихъ, бывшихъ вблизи нашей передовой линiи, изъ которыхъ мужчины въ цвѣтѣ силъ и здоровья часто попадали въ плѣнъ, или умирали геройскою смертью при набѣгахъ и защитѣ своихъ очаговъ, и гдѣ потому число женщинъ значительно превышало число мужчинъ, кебинъ-хаккъ падалъ до 1 рубля и даже 25 коп.

Причина появленiя кебина весьма понятна и ясна. Здѣсь рабское положенiе женщины, вѣчно приниженный и придавленный ея бытъ, полная зависимость отъ мужа и отца во всѣхъ отношенiяхъ, дикiй и часто разнузданный произволъ, насилiе мужа, по простой только прихоти прогоняющаго свою жену или предающаго ее на потѣху своего необузданнаго деспотизма, наконецъ, безнаказанное поруганiе ея нравственной и физической чистоты и въ то же время полнѣйшее безсилiе дать отпоръ и выбраться на лучшую дорогу жизни вслѣдствiе совершеннѣйшей необезпеченности—все это болѣе и болѣе обращало вниманiе горцевъ и, вмѣстѣ съ борьбою и протестомъ женщины за ея поруганныя и уничтоженныя общечеловѣческiя права, вызвало въ обществѣ сознанiе необходимости помочь горю беззащитной женщины, дать ей хоть какую-нибудь гарантiю для болѣе продолжительнаго, хотя и незавиднаго, существованiя въ качествѣ жены и матери, дать нѣкоторый отпоръ беззастѣнчивому капризу грубаго и безцеремоннаго деспотизма мужчины, очень часто ставящаго женщину въ самое безъисходное, тяжелое положенiе. Это об-

щественное стремленіе помочь женщинѣ, въ концѣ-концовъ претворившееся въ нѣчто реальное—въ денежное обезпеченіе, даваемое мужемъ своей женѣ, тѣмъ болѣе имѣло шансовъ своего осуществленія, чѣмъ болѣе проникали въ сознаніе горца важность и значеніе женщины въ хозяйствѣ и благополучіи всей семьи, а часто и самой главы ея. Въ самомъ дѣлѣ, все бремя заботъ, весь трудъ по домашнему хозяйству и всякая отвѣтственность за благоустройство дома цѣликомъ лежатъ на женщинѣ. Горецъ не могъ не замѣтить, что смерть жены его сосѣда гибельно отразилась на послѣднемъ: сосѣдъ сдѣлался нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Ничего не дѣлая, совершенно отвыкнувъ отъ труда, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, горецъ шляется изъ аула въ аулъ, нищенски выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Такія явленія встрѣчаются сплошь и рядомъ среди горскихъ племенъ.

Кромѣ того, появленію кебинъ-хакка также много способствовало исчезновеніе калымовъ, или лучше сказать, преобразованіе калымовъ. Во многихъ мѣстахъ кебинъ-хаккъ есть ничто иное, какъ калымъ, только выплачиваемый самой невѣстѣ и по требованію ея. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что шаріатъ даетъ браку форму торговой сдѣлки, и что утвержденіе муллою при свидѣтеляхъ условій кебина служитъ освященіемъ самаго брачнаго акта. Что касается формы кебинъ-хакка, то она видна изъ обряда бракосочетанія. Повѣренный невѣсты говоритъ троекратно: „я отдаю по довѣренности такую-то дѣвушку въ законныя жены такому-то за столько-то башмановъ мѣди, или за столько-то быковъ или коровъ, или за такое-то количество пахотной земли, или же, наконецъ, за столько-то денегъ и такое-то платье по повелѣнію Божію и по закону Магомета“. Повѣренный отъ жениха говоритъ: „я по довѣренности отъ такого-то добровольно беру въ законныя жены такую-то за то-то и то-то и проч.“ Всѣ предметы, назначенные въ кебинъ, въ данномъ случаѣ составляютъ опредѣленную цѣнность, которую жена имѣетъ право потребовать при разводѣ безъ всякаго повода со стороны ея; и послѣ смерти мужа, не оставившаго дѣтей,

вдова получаетъ также кебинъ изъ имѣнія покойнаго и возвращается въ домъ своихъ родителей.

Относительно развода одно изъ правилъ шаріата гласитъ, что если разводимая жена осталась дѣвственною на брачномъ ложѣ, то должна получить только половину условленнаго обезпеченія. Дагестанскіе мужья торопились тогда воспользоваться такимъ обстоятельствомъ, но Шамиль постановилъ, что мужъ, пробывшій наединѣ съ женою нѣсколько минутъ, обязанъ выдать ей при разводѣ весь кебинъ сполна. Если же жена первая заявляла желаніе развестись съ мужемъ, то она навсегда лишалась права получить условленный кебинъ.

Итакъ, о составленіи приданаго главнымъ образомъ заботится женихъ, за нимъ отецъ невѣсты, а если нѣтъ послѣдняго, то родственники, къ которымъ перешло имущество отца ея. Родители невѣсты по преимуществу дѣлаютъ приданое на выкупныя деньги, прибавляя что-нибудь изъ своего кошелька. Кромѣ того, приданое составляется изъ различныхъ многочисленныхъ подарковъ и приношеній, которыя дѣлаются невѣстѣ родными и знакомыми какъ со стороны жениха, такъ и со стороны самой невѣсты. Нерѣдки случаи, когда подарки записываются при свидѣтеляхъ въ брачныя условія, какъ собственность невѣсты, которая непремѣнно возвращается ей послѣ прекращенія брака.

Составъ приданаго, вообще говоря, не можетъ быть особенно разнообразенъ, такъ какъ неразнообразна и проста жизнь горца. Заключается оно большею частью въ движимомъ имуществѣ изъ двухъ частей: это—съ одной стороны имущество, состоящее изъ разнаго рода платья, одежды, дѣвическихъ украшеній, постели и необходимыхъ предметовъ по обиходу возникающаго отдѣльнаго хозяйства, какъ напр., котелъ, тазъ, рукомойникъ, зеркальце и т. п.; съ другой же стороны—скотъ, который приносится во многихъ мѣстахъ въ подарокъ невѣстѣ какъ самимъ женихомъ, такъ его отцомъ и родственниками, и деньги, образовавшіяся изъ калыма и подарковъ, полученныхъ отъ родственниковъ, близкой родни и знакомыхъ. У ингилойцевъ христіанъ, гдѣ бракъ уже съ

формальной стороны утратилъ характеръ торговой сдѣлки, женихъ давалъ на руки невѣстѣ прежде 400—500 рублей, теперь даетъ только 30 руб. дѣвицѣ, а 50 руб. вдовѣ.

Что касается величины придачаго, то ее нѣтъ возможности опредѣлить, такъ какъ это совершенно зависитъ отъ того или другого имущественнаго положенія семей, вступающихъ въ родство. Впрочемъ, иногда она опредѣляется въ брачномъ договорѣ, или дѣлается по требованію обычая и старинныхъ традицій общины. У тушинъ отецъ, а послѣ его смерти родственники или братья обязаны воспитать и выдать замужъ дѣвушку съ приличнымъ приданымъ, *семкауры*, состоящимъ изъ серебряныхъ нагрудныхъ ожерелій и разныхъ украшеній одежды. Г. Грабовскій разсказываетъ, что въ концѣ 1877 г., онъ видѣлъ одну свадьбу кабардинскаго таубія, къ которому было привезено придадное невѣсты на нѣсколькихъ лошадяхъ; заключалось оно въ сундукахъ съ коврами, тюфяками, подушками и т. п.

Въ сказкѣ „Черный Нартъ" волшебный старикъ отдаетъ свою красавицу дочь за меньшаго брата и навьючиваетъ ей въ приданое сто повозокъ сокровищами. Въ другой нартовской сказкѣ „Красавица Езензулахъ"—женится юноша на Езензулахъ, забираетъ свою красавицу, все ея имущество съ рабами и рабынями, съ сокровищами и полнымъ хозяйствомъ ея, забираетъ даже всѣхъ богатырей ея съ собою и ѣдетъ въ свой родной замокъ.

У Грузинъ теперь каждая сваха имѣетъ *сіа;* т. е. списокъ приданому, въ родѣ нашей рядной записи.

Все, что дается отовсюду невѣстѣ, составляетъ ея неотъемлемую собственность. Имущество жены считается неприкосновеннымъ. Безъ ея согласія мужъ не имѣетъ права имъ распоряжаться; а еслибы мужъ вздумалъ принудить свою жену къ уступкѣ принадлежащей ей собственности, то она всегда имѣетъ возможность прибѣгнуть къ своимъ родственникамъ и требовать защиты.

Нѣтъ сомнѣнія, что различнаго рода животныя, даваемыя въ приданое, утилизируются послѣ въ общей массѣ семей-

наго имущества, являясь общимъ предметомъ пользованія; тѣмъ не менѣе мужъ не можетъ ни обмѣнять, ни продать этихъ животныхъ безъ согласія своей супруги. Этимъ фактомъ явно признается со стороны мужа полное право собственности его жены на приданое. Мало того, въ случаѣ падежа или покражи скота, даннаго въ формѣ калыма мужемъ отцу жены и перешедшаго уже отъ отца какъ приданое къ дочери, мужъ обязанъ купить новыхъ животныхъ или выдать женѣ какой-нибудь эквивалентъ половинной стоимости пропавшихъ или издохшихъ животныхъ. Очевидно, здѣсь и невыгоды общаго владѣнія дѣлятся пополамъ между супругами.

У чеченцевъ послѣ смерти женщины, не оставившей дѣтей, имущество ея (калымъ, кебинъ), жениховы подарки и разныя пріобрѣтенія, поступаютъ родителямъ или родственникамъ ея, а не мужу.

У дагестанскихъ горныхъ племенъ и лезгинъ аварскаго происхожденія послѣ смерти жены мужъ получаетъ половину изъ всего имѣнія жены, если не было дѣтей; а въ противномъ случаѣ—четвертую. Остальное же имущество возвращается ея родственникамъ.

У нѣкоторыхъ горскихъ племенъ южнаго Дагестана приданое поступаетъ, въ случаѣ смерти женщины, если она перешла послѣ совершенія брака въ домъ своего супруга, въ пользу послѣдняго; если же дѣвушка введена была въ замужество безъ замѣна и, по совершеніи брачнаго договора, не перешла въ домъ мужа, то послѣ ея смерти приданое остается у ея родныхъ.

При замѣнѣ дѣвушекъ, когда обѣ стороны назначаютъ приданое опредѣленной цѣнности, если одна дѣвушка перешла къ мужу, а другая умретъ въ домѣ родныхъ, то мужъ послѣдней получаетъ половину вещей, назначенныхъ ей въ приданое, и половину сдѣланныхъ имъ подарковъ своей умершей супругѣ, а самъ обязанъ уплатить кебинъ. Но если кебинъ не былъ совершенъ съ умершей, то противная сторона не имѣетъ права требовать половины вышеозначенныхъ вещей, не смотря на то, что невѣста, отданная въ замѣнъ умер-

шей, перешла къ мужу и перенесла съ собой приданое опредѣленной цѣнности. Въ этихъ случаяхъ вмѣсто умершей дѣвушки родные ея не обязаны ни выдавать вновь другую въ замѣнъ выданной, ни уплачивать деньги по кебину.

По грузинскому праву, если женщина умретъ бездѣтною, то приданое возвращается въ домъ родителей, а прочее имущество переходитъ къ мужу. Жена не можетъ расточать своего приданаго.

Вообще говоря, у горцевъ послѣ смерти мужа, не оставившаго дѣтей, жена беретъ отъ родственниковъ его условленный кебинъ, свое приданое и другое имущество, если есть таковое, и уходитъ въ домъ своихъ родителей.

Почти ту же самую природу приданаго мы видимъ у насъ въ Россіи по народному обычному праву. Точно такъ же, какъ у горцевъ, приданое у русскихъ составляетъ собственность жены и всегда возвращается ей по прекращеніи брака. Если бракъ прекращается смертью жены, то судьба приданаго зависитъ отъ того, остались ли дѣти или нѣтъ: въ первомъ случаѣ все материнское имущество переходитъ къ дочерямъ, а за отсутствіемъ ихъ и къ сыновьямъ; точно также послѣ бездѣтно умершей все приданое возвращается ея родителямъ.

Въ заключеніе этого очерка нельзя пройти молчаніемъ о дѣйствительной уплатѣ кебина. Послѣдній, хотя и составляетъ неотъемлемую собственность каждой женщины, не всегда исправно выплачивается у горцевъ. Вмѣсто денегъ, которыя слѣдуютъ горянкѣ по кебину, ей очень часто приходится ожидать вознагражденія въ будущемъ мірѣ за безусловно рабскую покорность своему мужу, который вмѣсто благодарности къ своей супругѣ, лишаетъ ее почти всѣхъ правъ человѣка.

„Трудна жизнь горянки", говоритъ одинъ изъ изслѣдователей быта горцевъ, г. Львовъ, „не имѣющей права распоряжаться не только мужнинымъ хозяйствомъ, но и своимъ, принесеннымъ отъ родителей въ домъ мужа, собственнымъ добромъ, или пріобрѣтеннымъ трудами; между тѣмъ какъ мужъ, имѣя неограниченную власть надъ женой, распоря-

жается почти безапелляціонно всѣмъ принадлежащимъ женѣ имѣніемъ, какъ своею собственностью. И все это не считается ни грѣхомъ передъ Богомъ, ни стыдомъ передъ людьми. Если же случится, что жена вздумаетъ отстаивать свою собственность (свобода ея остается во власти мужа безвозвратно, пока она находится замужемъ), тогда мужъ, зная, что шаріатъ и адатъ откажутъ ему въ пользованіи чужою собственностью, начинаетъ льстить женѣ, и ласкою и лестью вызываетъ ее на благодарность, результатомъ коей бываетъ *назру* *) на имѣніе податливой жены въ пользу хитраго мужа. По утвержденіи же за собою женина имѣнія, онъ ищетъ случая развестись съ ней, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ обманомъ и различными ухищреніями удержать за собой слѣдуемый ей кебинъ“... „Вообще же можно сказать“, продолжаетъ тотъ же авторъ ,что чѣмъ болѣе сумма кебина, тѣмъ сомнительнѣе уплата его“.

Такъ фактическая, обыденная жизнь горцевъ бываетъ иногда далека отъ нормъ юридическаго порядка.

Л. В. Малининъ.

---

*) Завѣщаніе, обѣтъ.

ОЧЕРКИ КИРСАНОВСКАГО УѢЗДА,

ТАМБОВСКОЙ ГУБ.

I.

Значительную область Кирсановскаго уѣзда, какъ и многихъ другихъ, занимали въ прежнее время государственные крестьяне, переименованные теперь въ крестьянъ-собственниковъ.

Общественная и домашняя жизнь государственныхъ крестьянъ во многомъ отличалась отъ современной, и сравненіе прежняго съ настоящимъ оказывается не всегда въ пользу послѣдняго, хотя въ общемъ настоящее, конечно, имѣетъ несравненно болѣе свѣтлыхъ сторонъ.

Ближайшимъ административнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ дѣла государственныхъ крестьянъ, было Сельское Управленіе, а затѣмъ Волостное Правленіе, пользовавшееся довольно большою властью. Лица, стоявшія во главѣ этихъ учрежденій, пользовались привиллегіями, для отличія носили всегда, при исполненіи служебныхъ обязанностей, форменные кафтаны и, кромѣ освобожденія отъ всякаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, а голова и волостной писарь и отъ рекрутской повинности, получали по тогдашнему не малое жалованье на серебро въ годъ, смотря по величинѣ волости, имѣвшей до 6000 и болѣе ревизскихъ душъ. Такъ, въ Волостномъ Правленіи головѣ назначалось 60—120 р.; засѣдателямъ полицейской и хозяйственной частей—по 30—60 р.; волостному писарю изъ крестьянъ той-же волости 60—120 р., а за неимѣніемъ

готовыхъ кандидатовъ, окончившихъ курсъ въ приходскихъ школахъ,—изъ крестьянъ другихъ волостей, мѣщанъ и другихъ разночинцевъ —до 180 руб.; помощнику волостного писаря—до 60 р. и двоимъ добросовѣстнымъ—15—30 р. Въ Сельскомъ Управленіи старшина получалъ 35—50 руб. и извѣстное количество хлѣба или землю, отводившуюся изъ общественныхъ угодій, при большемъ изобиліи ихъ, нежели слѣдовало бы по сравненію съ простыми государственными крестьянами; староста получалъ—18—30 р, сборщикъ податей—15—30 р., помощникъ сборщика только освобождался лично отъ мірскихъ повинностей, смотритель общественнаго запаснаго хлѣбнаго магазина 7—15 р., сельскій писарь 35—70 р. и 10 р. на канцелярскіе расходы. На каждые 10—20, а иногда и болѣе дворовъ, смотря по удобству, избирался сельскій десятскій, остававшійся въ должности не болѣе одного мѣсяца, притомъ безвозмездно; очередь имъ назначалась заранѣе, и кромѣ того, на случай болѣзни, выбытія или отлучки назначенныхъ десятскихъ, намѣчались нѣсколько запасныхъ кандидатовъ.

Важнѣйшія изъ этихъ административныхъ лицъ — головы —представляли большею частью два типа: одни, изъ болѣе бѣдныхъ, ничѣмъ не дорожили и готовы были все сдѣлать за полштофа, что̀ для крестьянъ было еще не особенно разорительно; другіе, изъ богатыхъ, пользовались болѣе осязательными подаяніями и наживали себѣ порядочное состояніе. Особенные доходы давали головамъ питейныя заведенія: оборотистый голова успѣвалъ срывать съ каждаго содержателя въ селѣ до 1000 р. За то и самимъ головамъ предстояли не малые расходы: по словамъ многихъ изъ нихъ, нѣкоторые уѣздные чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, проигравшись въ карты, ѣхали на ревизію по волостнымъ правленіямъ, и догадливые головы, подавая книги, всегда всовывали въ нихъ—100—200 р. Результаты ревизіи въ этомъ случаѣ всегда оказывались блистательными, и голова, часто помимо желанія крестьянъ, оставлялся административною властью на неопредѣленное время. Въ каждомъ селѣ лучшая изба отводилась подъ питейное заведеніе, и далеко оно узнавалось по гордо

развѣвавшемуся по воздуху красному знамени. Знамя было не единственною принадлежностью кабака; въ немъ еще прибивались таблицы: одна—съ оцѣнкою питей, а другая—о курсѣ иностранной золотой и серебряной монеты, находящейся въ народномъ обращеніи. Водка была недорогая: двойной спиртъ —6 р., полугарная—3 р., пѣнная—3 р. 50 к. трехпробная—4 р. за ведро; но, несмотря на дешевизну товара, большія подачки головамъ и немалую плату обществамъ, все же содержатели такъ наживались, что въ короткое время пріобрѣтали состоянія.

Вторымъ послѣ головы, если не первымъ, начальствомъ былъ волостной писарь. Приготовленіе писарей, какъ и другихъ должностныхъ лицъ, нуждавшихся въ нѣкоторой спеціальной подготовкѣ, какъ напр., мѣрщиковъ, оспопрививателей и т. п., составляло предметъ заботы Палаты Государственныхъ Имуществъ. Въ кандидаты набирались способнѣйшіе крестьянскіе мальчики изъ окончившихъ сельское училище, не моложе 16 лѣтъ, и оставлялись на годъ для практическихъ занятій при волостныхъ и окружныхъ правленіяхъ, а затѣмъ, смотря по способностямъ, назначались или прямо на должности сельскихъ писарей, или же первоначально помощниками волостныхъ писарей. Если по какимъ-либо особенно уважительнымъ причинамъ мальчикъ долженъ былъ оставаться на практическихъ занятіяхъ болѣе года, то на это испрашивалось особое на каждый разъ разрѣшеніе министерства государственныхъ имуществъ. Для приготовленія лучшаго контингента писарей съ особой спеціальной подготовкой, существовали особыя писарскія школы: Островская, Московская, Таврическая и центральныя Вятская и Воронежская, каждая на 120 воспитанниковъ. Мальчики Тамбовской губерніи поступали въ Воронежскую школу, откуда переходили на практическія занятія въ свою же губернію; въ школы Островскую и Московскую, считавшіяся образцовыми, былъ открытъ доступъ для крестьянскихъ дѣтей лишь семи губерній: Московской, Тверской, Калужской, Смоленской, Тульской, Рязанской и Владимірской. Приготовляю-

щихся мальчиковъ по Тамбовской губерніи было всегда числомъ 30; одинаковое число находилось въ губерніяхъ: Воронежской, Вятской, Казанской, Курской, Пермской, Черниговской и Полтавской; въ другихъ менѣе—по 20—15, а по окраинамъ даже по 8. На содержаніе отчислялось министерствомъ, по смѣтамъ общественнаго сбора, по Тамбовской губерніи, какъ и по нѣкоторымъ другимъ, 45 р. каждому мальчику; по губерніямъ второго разряда — 40 р., 3-го разряда—30 руб. Передержки сверхъ назначенія обращались на счетъ виновныхъ. Кромѣ того, въ видахъ усиленія письмоводства въ палатахъ госуд. имуществъ и успѣшнаго приготовленія практическихъ писарей для волостныхъ сельскихъ правленій, содержались при каждой палатѣ изъ обученныхъ въ сельскихъ приходскихъ школахъ питомцы Воспитательнаго дома и безпріютные сироты въ губерніяхъ 1-го разряда 10, 2-го—8 и 3-го—6; изъ нихъ назначались въ лѣсныя отдѣленія первыхъ губерній — по три, вторыхъ — по два и третьихъ — по одному; по истеченіи 10 лѣтъ они водворялись въ казенныхъ селеніяхъ. Отсутствіе умственныхъ развлеченій побуждало писарей прибѣгать къ пьянству. Не смотря на это, писаря рѣдко увольнялись отъ должности, и если часто замѣчались начальствомъ въ неисправности, лишь подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ и въ крайнемъ случаѣ перемѣщенію съ высшей должности на низшую: изъ волостныхъ—въ сельскіе писаря, изъ сельскихъ—въ помощники волостнаго писаря.

Обстановку, при которой писарямъ приходилось заниматься, можно было назвать приличною. Волостныя и сельскія правленія меблировались, большею частью, по одному шаблону: 2 шкафа, 3 стола крытыхъ сукномъ, 7 стульевъ, 1 сундукъ для кассы и ящикъ для баллотированія; это—въ волостномъ правленіи, а въ сельскомъ: 1 шкафъ, 1 столъ и 4 стула. Кромѣ того, при каждомъ волостномъ правленіи имѣлись клейменые вѣсы и мѣры, заготовлявшіяся постепенно хозяйственнымъ образомъ на счетъ остатка отъ сбора на содержаніе правленія. Интересенъ былъ способъ повѣрки сборщиками податей записи писарей. Когда приносили въ уплату

повинностей извѣстную сумму, сельскій писарь вносилъ ее, какъ водится, въ податную тетрадь и платежную книгу, а затѣмъ уже начиналъ дѣйствовать безграмотный сборщикъ: подчеркивалъ цифры, написанныя писаремъ, и отмѣчалъ ту-же сумму особыми знаками: □ 10 р. ⊕ 1 р., Х 10-коп., I 1 к. и горизонтальная черточка — $1/4$ коп., при чемъ каждая запись, т. е. взносъ каждаго плательщика, ограждалась скобками.

Волостные сходы, составлявшіеся, кромѣ должностныхъ лицъ, также изъ выборныхъ отъ каждыхъ 20 дворовъ по одному, собирались по непосредственному распоряженію правленія, безъ особаго разрѣшенія окружного начальства.

Каждая отрасль общественнаго дѣла, хотя бы и специальная, какъ напр., оспопрививаніе, выполнялась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ головы.

Дома во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, за немногими исключеніями, производили благопріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ видомъ, прочностью, правильнымъ распланированіемъ и вообще отсутствіемъ безпорядка, царившаго въ помѣщичьихъ селеніяхъ; причина отсутствія недостатковъ въ техническомъ, гигіеническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ заключалась въ томъ, что до начала постройки испрашивалось разрѣшеніе волостного правленія, которое давало его на постройку лишь по извѣстному образцу или плану, сообразно съ ея назначеніемъ, а также съ бытомъ и состояніемъ крестьянъ.

Что касается собственно домовъ, то они раздѣлялись на три рода по состоянію крестьянъ—богатыхъ, достаточныхъ и малоимущихъ. У богатыхъ были деревянные дома на сплошномъ каменномъ основаніи, и въ нихъ были жилыя отдѣленія: рабочая изба, покой для старшихъ въ семьѣ, покой для дѣтей; при домѣ амбаръ и службы. У крестьянъ средняго состоянія дома отличались меньшими размѣрами и имѣли только стряпущую (кухню) и чистую избу, хотя зато иногда устраивалась на чердакѣ свѣтелка. Остальное все было обыкновенно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у богатыхъ; еще бѣд-

нѣе были обставлены малоимущіе. Въ случаѣ увеличенія семейства, службы отодвигались отъ дома для пристройки другой избы возлѣ сѣней и чулана.

Существованіе запасныхъ общественныхъ хозяйственныхъ капиталовъ не давало возможности образоваться особому классу безпріютнаго пролетаріата даже и въ такихъ случаяхъ, когда пожаръ опустошитъ селеніе: на постройку новаго жилья отпускался казенный лѣсъ и выдавалась на 12 лѣтъ безпроцентная ссуда въ 100—200 р. подъ круговое поручительство общества; кромѣ того, существовало для домохозяевъ временное страхованіе строеній отъ огня на 3 года, а для предупрежденія пожаровъ дѣлались черепичныя и глиняно-соломенныя крыши.

Подъ страхомъ наказанія, крестьяне никогда не оставляли земель и пахотныхъ полей въ запустѣніи, а обрабатывали ихъ прилежно, удобряли и засѣвали въ соотвѣтственное время, старательно занимались уборкой хлѣбовъ и сѣна. При этомъ надо замѣтить, что полосы на земляхъ обществъ были отмежованы въ сколь возможно прямомъ направленіи, параллельно одна другой.

Сдача земель въ аренду могла производиться тогда, когда крестьянамъ, по ея отдаленности, затруднительно было производить обработку лично, и то съ разрѣшенія: общественнаго участка—окружнымъ начальникомъ, въ частности крестьянскихъ—волостнымъ правленіемъ.

Путемъ представленія къ наградамъ медалями, крестьяне поощрялись къ веденію хозяйства по усовершенствованнымъ способамъ, практиковавшимся на образцовыхъ хуторахъ, къ учрежденію садовъ, разведенію огородовъ и размноженію скота улучшенныхъ породъ. Для умноженія средствъ къ содержанію скота и полученію черезъ то въ большемъ количествѣ удобренія дляполей вводились травосѣянія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ луговъ было мало.

Болота и другія неудобныя земли отдавались обществами въ частное пользованіе крестьянъ, на извѣстный срокъ, лишь подъ условіемъ осушенія болотъ и улучшенія неудобныхъ

земель въ теченіе аренднаго срока. Когда оказывалось нужнымъ увеличить число торговъ, базаровъ и ярмарокъ, волостное правленіе, по представленію общества, ходатайствовало объ этомъ передъ окружнымъ начальникомъ.

Лѣсъ, находившійся во владѣніи общества, его члены—крестьяне самовольно рубить не могли. Даже въ томъ случаѣ, когда они желали выбирать валежникъ изъ рощи, правленіе входило съ представленіемъ къ лѣсничему, не находится ли къ тому препятствій. Когда отводилась казеннымъ селеніямъ земля подъ разведеніе лѣса, волостное правленіе и въ особенности голова содѣйствовали обществу въ засѣваніи этой земли древесными сѣменами по наставленію лѣсного начальства, а также въ сбереженіи и охраненіи лѣсныхъ плантацій. Для охраненія лѣсовъ назначался на 3 года полѣсовщикъ, преимущественно изъ годныхъ къ военной службѣ; на это время онъ освобождался отъ всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей, а кромѣ того, когда лѣсныя дачи были значительны, ему назначалось и денежное вознагражденіе, не болѣе 15 руб. въ годъ.

Въ районѣ волостей бывали приписанныя къ нимъ незаселенныя пустопорожнія земли и оброчныя статьи. Волостное правленіе въ лицѣ кого-нибудь изъ своихъ членовъ ежегодно весною свидѣтельствовало цѣлость границъ казенныхъ земель и угодій и охраняло отъ самовольнаго завладѣнія. До заселенія эти земли сдавались въ арендное пользованіе отъ казны.

Благодаря такимъ порядкамъ, благосостояніе прежнихъ казенныхъ крестьянъ было много лучше теперешняго, и къ нимъ вполнѣ можно примѣнить извѣстныя слова пѣсни, что „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“. Главная причина этого заключалась въ строгомъ порядкѣ, въ отсутствіи мелкаго эгоизма и въ широкомъ распространеніи взаимопомощи путемъ устройства складочныхъ капиталовъ при палатѣ государственныхъ имуществъ.

Кому же не нравилось жить на родинѣ, тотъ свободно могъ переселяться въ губерніи многоземельныя. Тамбовцы, а также сосѣдніе воронежцы и пензенцы, чаще всего пере-

ходили въ Оренбургскую губернію, которой отдавалось предпочтеніе по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. Переселеніе давало тогда большія льготы и выгоды, и потому охотниковъ находилось не мало. Когда крестьяне переселялись въ другія мѣстности, то остающіеся на прежнихъ мѣстахъ односельчане оказывали имъ пособіе. Затѣмъ на мѣстѣ прибытія новые жители размѣщались до постройки домовъ безплатно на квартирахъ по окрестнымъ селеніямъ новой волости, гдѣ оказывалось гостепріимство, помощь, охраненіе отъ притѣсненій, и имъ назначались земельные участки для поселенія. По прибытіи на новую землю, имѣющіе возможность работать неотложно приступали къ обработкѣ и засѣву полей и заготовляли потребное количество корма для прокормленія въ теченіе первой зимы переселенческаго скота, для чего получали по распоряженію палаты готовые плуги, сохи, рабочій скотъ и сѣмена изъ ближайшихъ общественныхъ магазиновъ а кромѣ того нѣкоторое количество лѣса для приготовленія необходимаго переселенческой партіи на первый разъ помѣщенія. Въ видахъ охраненія здоровья колонистовъ, строго воспрещалось устройство не только землянокъ, признанныхъ совершенно вредными въ гигіеническомъ отношеніи, но и хатъ изъ землебитныхъ кирпичей; жительство въ нихъ допускалось лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и притомъ не иначе, какъ если хата покрывалась деревомъ или соломою. Вообще было поставлено правиломъ: жилыя избы дѣлать изъ дерева. Количество пособія натурою и деньгами и срокъ ихъ возвращенія опредѣлялись выгодными для крестьянъ условіями. Полученный изъ магазина хлѣбъ возвращался въ теченіе трехъ лѣтъ. Лѣсъ на обстройку отпускался безденежно изъ казенныхъ дачъ по 100 корней на каждый переселенческій дворъ; тамъ же, гдѣ лѣсныя дачи были скудны строевымъ лѣсомъ, отводилось для огорода и мазанокъ дровяного лѣса и порослей до 1/8 десятины на семейство. Независимо отъ этого выдавалось изъ особыхъ капиталовъ для переселенцевъ деньгами 20 руб. на дворъ; если же не отпускался лѣсъ, то

35 р. Возвратъ суммъ, употребленныхъ на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота разсрочивался на десять лѣтъ по равной части, изъ коихъ первые четыре года были льготные. Прибывающимъ партіямъ полагалось: одинъ плугъ — на 8 домохозяевъ и пара воловъ—на семейство. Въ общей сложности издержки на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и скота не превышали 20 рублей на семейство. Сверхъ всѣхъ пособій, предоставлялись слѣдующія льготы: 1) слагались всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ; 2) свобода отъ воинскаго постоя на 6 лѣтъ; 3) освобожденіе отъ рекрутской повинности въ продолженіе трехъ наборовъ со времени переселенія, и 4) освобожденіе отъ платежа податей, денежныхъ и натуральныхъ повинностей на 8 лѣтъ, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдніе четыре года послѣ переселенія платилась половина оброчной подати.

Но нерѣдко переселеніе производилось и помимо желанія, по приговору общества за дурное поведеніе, за накопленіе казенной недоимки не менѣе двухгодового оклада податей и повинностей и вообще за лѣность, развратъ и неблагонадежность въ нравственномъ отношеніи. Въ этомъ случаѣ выселяющія общества на свой счетъ снабжали выселяемыхъ кормовыми деньгами, одеждою и платили всѣ недоимки, какія на нихъ накопились. По прибытіи на мѣсто, и этимъ переселенцамъ также давались пособія, какъ и добровольнымъ, съ нѣкоторымъ впрочемъ ограниченіемъ. Отпускалось: лѣсъ на постройку, а за неимѣніемъ его—деньгами 14 р. 28 к., также наличными на первое обзаведеніе—14 р. 28 к. и для покупки земледѣльческихъ орудій и скота въ ссуду до 14 р. 28 к., съ разсрочкою уплаты въ теченіе 10 лѣтъ по водвореніи. Расходованіе денегъ на такихъ переселенцевъ производилось ближайшимъ сельскимъ начальствомъ подъ непосредственною его отвѣтственностью; на руки же деньги переселенцамъ не давались, какъ лицамъ завѣдомо дурного поведенія. Хлѣбъ на посѣвъ и продовольствіе отпускался изъ магазиновъ той волости, куда былъ водворенъ выселенный, взаимообразно до перваго урожая. Освобожденіемъ отъ выполненія денежныхъ

и натуральныхъ повинностей, кромѣ частныхъ, они пользовались въ теченіе 3 лѣтъ, а отъ военнаго постоя освобождались на 6 лѣтъ. Если выселенный переселялся въ другое мѣсто или возвращался изъ переселенія на прежнее мѣсто жительства самовольно, то подвергался тѣлесному наказанію—розгами отъ 16 до 60 ударовъ.

Наказаніе, какъ мѣра карательная, имѣло въ то время широкое примѣненіе и, видимо, служило не малой причиной крѣпости союза общности. Каждый клочекъ угодья принадлежалъ общинѣ и безъ ея разрѣшенія временный ея владѣлецъ не могъ имъ распорядиться по своему усмотрѣнію. За сдачу въ наемъ участка земли, доставшагося по общественному раздѣлу, виновный заключался подъ стражу на хлѣбъ и воду; взявшій же участокъ возвращалъ его безвозмездно прежнему владѣльцу. Такому же наказанію подвергались и тѣ изъ переселенцевъ, которые отведенный имъ на мѣстахъ новаго поселенія семейный участокъ земли или часть его закладывали или отдавали другимъ. Надо замѣтить, что тогдашнее заключеніе подъ стражей на хлѣбѣ и водѣ, продолжавшееся отъ одного до 3 дней, нельзя сравнивать съ теперешнимъ спокойнымъ отдыхомъ въ „кутузкѣ“: наказаніе это считалось „строгимъ“ наравнѣ съ тѣлеснымъ, исключая только простого содержанія подъ стражей, когда позволялось употреблять всякую пищу. Если арестантъ оказывалъ дѣйствительное или мнимое ослушаніе сельскому старшинѣ, позволялъ себѣ дерзость или грубость хотя бы по отношенію къ десятнику или караульному, то на него надѣвались ручные или ножные кандалы. Эти взысканія между прочимъ, оказывали свое воздѣйствіе и на чистоту нравовъ и неприкосновенность домашняго очага, во главѣ котораго стояли женщины. Оскорбленіе женщины считалось тяжелымъ проступкомъ и наказывалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ оскорбленіе, нанесенное мужчинѣ. Существовали различныя степени размѣра наказанія: за обиду замужней женщины или вдовы взыскивалось вдвое противъ мужа, а не замужней дочери—вчетверо противъ отца.

Для разбирательства тяжебныхъ сельскихъ дѣлъ были двѣ

судебныя инстанціи: низшая—Сельская расправа, высшая—Волостная расправа.

Волостная расправа состояла изъ двоихъ добросовѣстныхъ, старшаго и младшаго, подъ предсѣдательствомъ головы. Она разсматривала, между прочимъ, дѣла по жалобѣ недовольныхъ судомъ Сельской расправы на сумму спорнаго имущества до 15 р., а кредитнаго—не болѣе 30 р. При совершеніи кражи въ первый разъ, она налагала взысканія: штрафъ не выше 3 р., арестъ не болѣе 7 дней и наказаніе розгами не болѣе 30 ударовъ; при томъ о наказаніи розгами свыше 20 ударовъ приговоръ представлялся на утвержденіе окружного начальника.

Низшая инстанція—Сельская расправа, называвшаяся „первою степенью домашняго суда", составлялась тоже изъ старшаго и младшаго добросовѣстныхъ подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты, рѣшала гражданскіе споры окончательно на сумму не выше 5 рублей. Сельскіе добросовѣстные жалованья неполучали, а освобождались лишь отъ всякихъ работъ и нарядовъ. При сельской расправѣ находилась „тюрьма", въ которой подъ надзоромъ старосты и десятскихъ содержались подъ арестомъ крестьяне за проступки по рѣшеніямъ расправъ и пересылавшіеся въ другое мѣсто, и потому охранявшіеся „подъ великимъ карауломъ и неусыпнымъ бдѣніемъ начальственнаго ока".

Вообще, наблюденіе за благочиніемъ и нравственностью было одною изъ главныхъ заботъ сельскихъ властей во всякомъ мѣстѣ, не исключая и церкви. Если сельскій староста или старшина замѣчали, что въ церковь кто-либо входитъ непочтительно, съ шумомъ, а вошедши разговариваетъ, съ мѣста на мѣсто переходитъ, отвращаетъ вниманіе молящихся какимъ-либо дѣяніемъ, движеніемъ, или передъ святыми иконами стоитъ неблагопристойно, какъ того святость мѣста требуетъ, однимъ словомъ, не пребываетъ со страхомъ въ молчаніи, тишинѣ и во всякомъ почтеніи,—виновный за таковые проступки безъ дальнѣйшихъ околичностей подвергался жестокому сѣченію свѣжими упругими прутьями. Раз-

сказываютъ такой случай. Вошелъ разъ въ церковь крестьянинъ, забывши снять шапку. Сосѣдъ, толкнувъ, напомнилъ ему объ этомъ. „Что, аль Петръ Тихоновичъ здѣсь?“ съ ужасомъ прошепталъ весь побѣлѣвшій отъ страху вошедшій и моментально сдернулъ съ головы шапку, думая, что здѣсь находится грозный голова (нынѣ умершій), именемъ котораго пугали раскричавшихся или рашлалившихся дѣтей, а при проѣздѣ или проходѣ его селомъ прятались мужики на гумна.

Для государственныхъ крестьянъ былъ установленъ цѣлый кодексъ приличій, нарушеніе коихъ вызывало тѣлесное наказаніе. Правила кодекса заключались въ слѣдующемъ: обходиться со всѣми мирно и ласково; молодые и младшіе должны почитать старыхъ; дѣти должны безпрекословно повиноваться родителямъ, работники и наемники—хозяевамъ, и вообще отъ всѣхъ требовалось оказывать взаимное уваженіе и дружество, а въ нужныхъ случаяхъ—помощь и одолженіе; съ проѣзжими и прохожими обходиться вѣжливо и оказывать имъ гостепріимство и пособіе. Всякое отступленіе отъ намѣченнаго правила щедро вознаграждалось розгами, какъ это видно изъ записанныхъ въ книгѣ рѣшеній. Розга была излюбленнымъ орудіемъ наказанія въ рукахъ прежнихъ сельскихъ властей.

Теперь у бывшихъ государственныхъ крестьянъ земля находится большею частью въ общинномъ пользованіи, дѣлится на ревизскія души, изъ коихъ многія уже повымерли. Души покупаются зажиточными крестьянами нарасхватъ и по хорошей цѣнѣ, по примѣру пресловутаго Чичикова.

II.

Переходя къ ближайшей характеристикѣ современныхъ кирсановскихъ крестьянъ, мы ограничимся пока однимъ интереснымъ вопросомъ: о ихъ воззрѣніяхъ на преступленія религіозныя и гражданскія. Эти воззрѣнія складывались вѣками и слѣдовательно стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ прошедшимъ. Они яснѣе обрисуютъ намъ нравственный обликъ кирсановцевъ.

Къ отступникамъ православной церкви — еретикамъ, раскольникамъ и проч., крестьяне, по обыкновенію, относятся недоброжелательно. Если они и не стараются очень ихъ преслѣдовать, то лишь потому, что твердо увѣрены въ неизбѣжности тяжелаго наказанія для нихъ отъ Бога въ будущемъ. Впрочемъ, когда еретики и богохульники начнутъ явно издѣваться надъ догматами церкви и пропагандировать свои вѣрованія между православными, народъ находитъ необходимымъ доносить о нихъ начальству. Точно также крестьяне относятся съ презрѣніемъ и къ иновѣрцамъ, называя ихъ «поганою нехристью». Евреи въ особенности ненавидимы; ихъ жизнь, по своимъ нравственнымъ качествамъ, кажется зазорною для настоящаго крестьянина. Къ татарамъ относятся нѣсколько лучше за ихъ честность, а къ католикамъ и лютеранамъ—уже болѣе равнодушно. Тѣмъ не менѣе существуетъ убѣжденіе, что вообще всѣ иновѣрцы будутъ лишены царствія небеснаго. Это подкрѣпляется тѣмъ, что они нарушаютъ такія правила православной церкви, какъ напр. соблюденіе постовъ, что̀ ведетъ къ потерѣ всякой надежды на милость отъ Бога. Невыполняющій постовъ уподобляется животному. Были случаи, когда въ постный день совершались большія преступленія, но въ то-же время «оскоромиться» страшились. Одинъ мужикъ, убившій на дорогѣ прохожаго съ цѣлью грабежа, не смотря на страшный голодъ, не рѣшился съѣсть находившихся въ котомкѣ у убитаго лепёшекъ, и когда его спросили о причинѣ, онъ отвѣтилъ: «да вѣдь лепёшки-то были скоромныя, аль я нехристь—буду ѣсть ихъ въ пятницу?». Такъ велика вѣра въ силу необходимости поста! Не менѣе важнымъ грѣхомъ считается пренебреженіе къ молитвѣ. „Кто Богу не корится", говорятъ кирсановцы, „тому и отъ Него нечего милости ждать: всякія напасти будутъ его преслѣдовать, а на томъ свѣтѣ онъ будетъ вѣчно мучиться въ огнѣ". Работать въ праздники хотя и считается грѣховнымъ дѣломъ, но въ послѣднее время правило это стало все чаще нарушаться. На появленіе какого либо народнаго бѣдствія—пожара, неурожая или заболѣванія—крестьяне смотрятъ

какъ на наказаніе Божіе, необходимое послѣдствіе преступленій противъ религіи. Недавно, по случаю неурожая и большой смертности, пронеслась молва, что гдѣ-то въ церкви прокричали три пѣтуха: черный, красный и бѣлый. Узналъ объ этомъ одинъ молодецъ и захотѣлъ выслушать ихъ пѣніе и узнать значеніе этого явленія. Заперли его одного въ церковь на ночь; тамъ онъ стоитъ и ждетъ. Вдругъ подходитъ къ нему Божія Матерь и спрашиваетъ: „что ты стоишь, молодецъ, чего ждешь?“.—„Жду объясненія пѣтуховъ“, отвѣчалъ молодецъ. Она ему сказала: „черный пѣтухъ явился и прокричалъ къ тому, что одна половина Россіи вымретъ отъ болѣзней, красный—къ тому, что другая третья часть повыгоритъ, а бѣлый—къ тому, что по случаю недорода хлѣба, будетъ голодъ и остальная третья часть люду повымретъ“. Ужаснулся парень и передалъ своимъ міряпамъ этотъ отвѣтъ.

Упоминаніе черта, да еще въ пьяномъ видѣ, считается не только проступкомъ противъ религіи, но и опаснымъ дѣломъ: боятся, какъ-бы онъ не увелъ съ собою куда нибудь. Поэтому порядочно охмѣлѣвшій мужикъ, если ему далеко итти до дому, всегда беретъ себѣ провожатаго изъ встрѣтившихся по дорогѣ знакомыхъ, да и ему повѣритъ только тогда, когда тотъ перекрестится и тѣмъ докажетъ, что онъ не чертъ. По этому поводу существуетъ масса разсказовъ о томъ, какъ чертъ уводилъ пьяныхъ мужиковъ изъ села въ поле, рѣчку или омутъ. Въ особенности интересенъ одинъ разсказъ. Идетъ разъ по улицѣ пьяный мужикъ и ругается неприличными словами; только смотритъ онъ: стоитъ передъ нимъ каменный домъ; оглядывается кругомъ—вездѣ такіе-же большіе, хорошіе дома, совсѣмъ не похожіе на деревенскіе. „Что за чудо такое?“ думаетъ мужикъ: „да вѣдь это не наше село, а Кирсановъ городъ!“. На самомъ дѣлѣ будто оказалось, что это и не Кирсановъ, а Одесса, и мужика, попавшаго въ одну ночь изъ деревни Кирсановскаго уѣзда въ Одессу, отправили обратно по этапу.

Насколько туманно представленіе крестьянъ о степени и родѣ наказанія за всякій проступокъ противъ религіи, на-

столько сознательно понятіе о наказаніи за преступленія гражданскія. Здѣсь существуютъ извѣстныя подраздѣленія, установленныя вѣковыми мѣстными обычаями. Самымъ главнымъ преступленіемъ считается убійство; но такъ какъ оно совершается по различнымъ причинамъ, то и оно, по степени важности, дѣлится на нѣсколько родовъ. Убійство изъ-за пользованія мясомъ человѣка теперь, конечно, не практикуется, хотя существуетъ преданіе, что когда-то въ селѣ Гаяхъ одинъ баринъ, узнавъ о рожденіи полнаго и чистаго тѣломъ ребенка, отбиралъ его у родителей, выпаивалъ и откармливалъ, какъ теленка, и затѣмъ жарилъ и ѣлъ. Теперь самымъ тяжелымъ, по духовной отвѣтственности, убійствомъ считается то, которое совершено изъ-за денегъ или другой корысти и матеріальныхъ интересовъ; среднимъ—когда оно произойдетъ во время ссоры или обоюдной драки; легкимъ — при измѣнѣ жены; извинительнымъ—во время обороны отъ нападенія противниковъ и при защитѣ, при тѣхъ-же условіяхъ, родителей, жены и дѣтей; дозволительнымъ — во время войны, и обязательнымъ—при спасеніи Государя отъ злоумышленника. Во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія убійца обязанъ всю жизнь каяться въ своемъ грѣхѣ и молить Бога о прощеніи какъ своихъ грѣховъ, такъ и убитаго. Особыхъ обрядовъ очищенія, кромѣ церковныхъ, не существуетъ. Случаевъ истиннаго примиренія между убійцею и семьею убитаго никогда не встрѣчается; какъ-бы хороши ни были ихъ отношенія раньше, впослѣдствіи они разрываются окончательно. Если и бываетъ иногда примиреніе наружное, то крайне непрочное, такъ какъ въ душѣ родственники убитаго всегда ненавидятъ виновника его смерти; точно также и посторонніе, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ упомянутыхъ видовъ убійства, презираютъ убійцу, сторонятся отъ него, считая его потерявшимъ совѣсть Божью и стыдъ людской. Въ большинствѣ случаевъ убійцы никогда уже и не стараются задабривать семейство убитаго, сознавая безполезность этихъ мѣръ. Для убійцъ самымъ тяжелымъ наказаніемъ является совѣсть; преслѣдуя постоянно виновнаго, она вызываетъ въ послѣднемъ галлюцинаціи, во

время которыхъ представляется совершенно ясно личность загубленнаго. Разсказываютъ, одинъ парень изъ ревности убилъ дѣвушку, на которой обѣщалъ жениться; когда онъ вздумалъ жениться на другой, покойная стала являться къ нему и преслѣдовать своими укорами въ невѣрности. Когда на зовъ парня собирались посторонніе, для нихъ дѣвушка была невидима. При сборѣ къ вѣнцу, она присутствовала съ парнемъ; когда онъ ѣхалъ въ церковь, сидѣла рядомъ съ нимъ; во время отдыха съ молодой, стояла въ углу и грозила пальцемъ. Потосковалъ парень да и утопился.

Убійство иновѣрца, по сужденіямъ народа, менѣе преступно, чѣмъ убійство своего, потому что онъ—нехристь, немного лучше собаки; но такъ какъ и въ немъ имѣется образъ и подобіе Бога, то и лишеніе его жизни считается тоже грѣховнымъ. Точно также смотрѣли и въ старину. Убійство ребенка считается болѣе тяжелымъ, чѣмъ тотъ же проступокъ по отношенію къ большому. Взглядъ этотъ оправдывается такимъ разсужденіемъ: „дитя, что ангелъ, безгрѣшно". Въ отношеніи же убійства незаконнорожденнаго его матерью—дѣвицею, первый разъ рождающею, въ моментъ рожденія, является снисходительность, и проступокъ этотъ считается среднимъ. Разсуждаютъ такъ: дѣвушка, во-первыхъ, вынуждена была совершить незаконнымъ путемъ актъ рожденія, такъ какъ сама была горько обманута мужчиною, обѣщавшимъ прикрыть грѣхъ женитьбою, а во-вторыхъ, и послѣ этого, желая остаться честною дѣвушкою въ глазахъ народа, совершила убійство ребенка, вѣроятно, уже безсознательно, руководясь главною цѣлью—избѣжать скорѣе огласки, сраму и покора. Плодоизгнаніе различается двоякое: уничтоженіе навсегда возможности родить и лишь временно. Первое считается весьма тяжелымъ, гораздо важнѣе убійства изъ-за корысти; второе приравнивается, по степени важности, къ дѣтоубійству незаконнорожденнаго и чаще встрѣчается, притомъ не только внѣ брака, но и въ семейномъ быту, хотя въ послѣднемъ, конечно, рѣже; въ общей сложности такихъ случаевъ бываетъ приблизительно 0,8%. Существуютъ личности, спеціально

занимающіяся этою профессіею, но онѣ все же стыдятся своего ремесла, и если занимаются имъ, то только потому, что оно даетъ хорошій заработокъ; изъ рода въ родъ оно не передается никогда, изъ естественнаго опасенія потерять свой нравственный авторитетъ между дѣтьми.

Выбрасываніе дѣтей на произволъ судьбы законными родителями крайне рѣдко, прежде было чаще. Раньше же существовалъ и такой обычай, чтобы подкидывать незаконнорожденнаго младенца къ порогу дома отца. Теперь если и практикуется подкидываніе дѣтей, то лишь незаконнорожденныхъ и къ богатымъ, хорошимъ по нравственности семьямъ. О томъ, чтобы выбрасывали прежде стариковъ, лишившихся способности работать, не сохранилось ни одной легенды; напротивъ, по разсказамъ, въ старое время стариковъ гораздо лучше почитали, берегли и лелѣяли, чѣмъ теперь.

Намѣренное членовредительство практиковалось въ большихъ размѣрахъ въ то время, когда сроки военной службы были слишкомъ продолжительны. Тогда каждый или прощался съ семьею навсегда, уходя въ службу, или, желая избѣжать ея, предпочиталъ остаться калѣкою на всю жизнь и жить дома, для чего рубили себѣ руки, ноги, ломали ребра, выкалывали и выжигали глаза, и рѣзали уши. Значительное сокращеніе сроковъ службы имѣло громадное вліяніе на уменьшеніе членовредительства: теперь оно совершенно прекратилось. Среди женщинъ встрѣчается членовредительство крайне рѣдко, въ томъ только случаѣ, когда дѣвушку насильно выдаютъ замужъ за немилаго, постылаго.—„Недоставайся-же моя краса никому, не пользуйся ею, не любуйся, проклятый человѣкъ", приговариваетъ красавица, изступленно уродуя себя ножницами. Скопчество здѣсь совсѣмъ неизвѣстно. Когда нѣкоторые жители встрѣчали скопцовъ въ другихъ мѣстахъ, то смотрѣли на ихъ желтыя, безбородыя лица съ ужасомъ, презрѣніемъ и омерзѣніемъ.—„Лучше мы съ собаками есть будемъ, чѣмъ съ скопцами", говорятъ мужики. Скопцы встрѣчались, большею частью, изъ великороссіянъ или жидовъ, жадныхъ на деньги; а среди малороссовъ, живого, физически и нравственно здо-

роваго народа, не замѣчалось ни одного примѣра оскопленія. Скопчество крестьяне считаютъ достойнымъ великаго наказанія со стороны Божьяго и мірского суда „за порчу Божьяго лика и истребленіе человѣческаго рода".

Во взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ, необходимую принадлежность каждаго болѣе или менѣе живого, занимательнаго или серьезнаго разговора составляютъ „крѣпкія словца". Сквернословіе въ большомъ употребленіи, и въ обращеніи оно производитъ дѣйствіе обиды лишь тогда, когда произнесено серьезнымъ тономъ, съ намѣреніемъ оскорбить; въ шуттахъ же и пріятныхъ разговорахъ составляетъ главную соль, приправу, вѣсъ рѣчи. Хотя брань, въ силу пословицы „брань на вороту не виснетъ", вошла въ обыкновенное явленіе, тѣмъ не менѣе, когда она произнесена съ цѣлью обиды, виновные привлекаются къ суду и наказываются штрафомъ въ размѣрѣ 50 коп., который зачисляется въ мірской капиталъ волости. Самымъ высшимъ оскорбленіемъ считается ругательство, соединенное съ укоризною въ чемъ либо позорномъ— воровствѣ, мошенничествѣ и т. п. Иногда, чтобы рельефнѣе выказать позоръ того дома, къ членамъ котораго питается какая-либо ненависть, прибѣгаютъ къ символическимъ дѣйствіямъ: по отношенію къ мужчинѣ—отрѣзываютъ хвостъ у лошадей, по отношенію къ женщинѣ—вымазываютъ дегтемъ ворота дома.

Въ отношеніяхъ молодежи при сборищахъ на улицахъ допускается вольное обращеніе лишь до извѣстныхъ границъ: напр. нескромное заигрываніе составляетъ обычное явленіе; все остальное, напр. сидѣніе парня на колѣнахъ у дѣвушки, поцѣлуи и т. д. въ присутствіи другихъ, считается не только зазорнымъ, но и обиднымъ. Къ судебному разбирательству въ этомъ случаѣ никогда не прибѣгаютъ; обходится дѣло самосудомъ: если парень нравится дѣвкѣ, то она для виду выругаетъ его; въ противномъ случаѣ, по мѣстному выраженію, „съѣздитъ святымъ кулакомъ по окаянной шеѣ". Но на посидѣлкахъ допускаются даже такія вольности, какъ поцѣлуи, объятія и т. д. Собираются они, большею частью, на рож-

дественскихъ святкахъ по нѣскольку парней и дѣвокъ въ одинъ домъ; туда первые доставляютъ водку, а послѣднія—куръ и др. кушанья. Происходитъ взаимное угощеніе, пѣсни и игры.

Нанесеніе обиды старшему по лѣтамъ, роду или сану считается бо́льшимъ въ сравненіи съ оскорбленіемъ ровни по положенію. Оскорбленіе женщины равно по тяжести съ оскорбленіемъ мужчины.

Предосудительную сторону въ народной жизни составляетъ нищенство, если оно проистекаетъ отъ пьянства, лѣни и распущенности. Мужикъ, не подверженный страсти къ водкѣ и не избаловавшійся до лѣни, какіе-бы ни были упадки въ хозяйствѣ, причиняемые пожарами, скотскими падежами, неурожаями, и т. п., всегда старается заработать кусокъ хлѣба честнымъ путемъ. Самъ народъ нищенство никогда ни считаетъ дѣломъ богоугоднымъ, а на лицъ, занимающихся имъ, смотритъ двояко: нищенство, происшедшее отъ пьянства или лѣни, считаетъ предосудительнымъ, на физическое уродство смотритъ съ сожалѣніемъ. Нищіе съ своимъ занятіемъ другого ремесла не соединяютъ, за исключеніемъ спеціалистовъ своего дѣла, профессіональныхъ нищихъ, которые, выпрашивая милостыню, поютъ божественныя пѣсни. Интонація ихъ голоса, жесты, производятъ крайне непріятное впечатлѣніе на душу. Спеціалисты-нищіе разъѣзжаютъ по селамъ въ удобныхъ, помѣстительныхъ экипажахъ, на прекрасныхъ лошадяхъ. Для произведенія извѣстнаго впечатлѣнія, они повязываютъ часть головы платкомъ, ногу привязываютъ за спину или на грудь. Разумѣется, растроганные чувствительными стихами и видомъ мнимаго калѣки женщины несутъ имъ и муку, и крупу, и холстъ, и проч. Такіе нищіе—богачи; они имѣютъ собственные дома, гдѣ роскошно живутъ и развратничаютъ. Между профессіональными нищими существуетъ правильная организація, обученіе своему ремеслу, пѣнію, умѣнью выманивать да и стащить, гдѣ что плохо лежитъ. Намѣреннаго искалѣчиванія для приготовленія къ нищенству не встрѣчается. Поводыри—мальчики играютъ при

этомъ незавидную роль; они лишь ученики нищаго, отъ котораго за службу ничего не получаютъ, кромѣ потасовокъ. Отданные въ науку такимъ-же бродягою отцомъ на извѣстный срокъ, они выносятъ терпѣливо голодъ и холодъ, жажду, побои и капризы хозяина; зато потомъ они являются уже вполнѣ закаленными въ невзгодахъ и опытными въ шарлатанствѣ.

Растлѣвающая основы нравственности водка начинаетъ употребляться съ крайне ранняго возраста: мужчинами — съ 15, а дѣвушками — съ 12 лѣтъ, хотя питье водки для дѣвушки считается предосудительнымъ, а для женщины — позволяется пить умѣренно. Являться одному пьянымъ на улицѣ зазорно, а въ компаніи извинительно: говорятъ, человѣкъ загулялъ ради дружества, компанства. Доселѣ пьянство со стороны суда не получаетъ никакого возмездія, хотя его послѣдствія сказываются и въ ущербѣ хозяйства, и въ упадкѣ нравственности. Общество, видя мотовство своего сочлена, не принимаетъ никакихъ мѣръ и не пользуется предоставленнымъ ему правомъ наложенія опеки за расточительность. Горемычное положеніе экономическаго быта еще не составляетъ причины пьянства; она коренится главнымъ образомъ въ примѣрѣ другихъ. Вначалѣ молодежь пьетъ, глядя на старшихъ, изъ желанія вкусить запретный плодъ, а затѣмъ постепенно втягивается, стараясь заслужить репутацію здороваго выпивателя. Немало способствуетъ укорененію вредныхъ привычекъ обычай, по которому на всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, годовыхъ и престольныхъ праздникахъ обязанъ выпивать каждый, достигшій указаннаго нами возраста. Особыхъ пировъ, братчинъ и годовыхъ обѣдовъ, гдѣ выпивалась бы еще водка, не существуетъ.

Какъ нищенство явилось плодомъ пьянства, такъ и многіе другіе проступки въ немъ же коренятся. Воровство, напримѣръ, совершается не по нуждѣ, а вслѣдствіе привычки къ легкой, веселой жизни, порожденной пьянствомъ и лѣнью. И что всего печальнѣе, такъ это то, что дѣти безпутныхъ пьяницъ, воровъ, плутовъ, распутныхъ женщинъ и т. п., дѣлаются такими же негодяями, какъ и ихъ родители. Одно

поколѣніе передаетъ послѣдующему всѣ свои дурные задатки и извращенныя понятія.

Современные воры проходятъ, такъ сказать, полный курсъ своихъ наукъ въ спеціальныхъ заведеніяхъ: высшемъ — на каторгѣ, среднемъ—въ арестантскихъ ротахъ, низшемъ—въ тюрьмѣ и начальномъ—въ арестномъ домѣ.

При отправленіи на свой промыселъ они признаютъ только реальныя средства, каковы: отмычки, ломы, ножи. Нетронутые же острожною цивилизаціею воры наивно вѣрятъ и въ силу особыхъ талисмановъ, съ которыми уже смѣло идутъ воровать. Талисманы эти добываются различными способами. Когда скоропостижно умретъ здоровый, толстый человѣкъ, воры, ночью, вырывши его изъ могилы, вырѣзываютъ изъ него сало, вытапливаютъ изъ него свѣчку и съ нею работаютъ, въ полной увѣренности, что хозяева будутъ спать непробуднымъ сномъ. Или: находятъ гдѣ нибудь въ лѣсу траву „замокъ", похожую на осоку, на Ивана Купалу приходятъ за ней, и когда она въ полночь расцвѣтетъ, засіяетъ, загорится точно звѣздочка, воръ, не смотря на представляющуюся тутъ ему всякую нечисть въ образѣ діавола съ рогами и хвостомъ, змѣй, звѣрей и т. п., моментально срываетъ ее, зажимаетъ крѣпко въ рукѣ и, зажмуривъ глаза, безъ оглядки бѣжитъ домой. Дома разрѣзывается на срединѣ ладонь правой руки, въ рану вкладывается „замокъ" и затѣмъ, когда ладонь заровняется и заживетъ, идутъ на промыселъ. Тотъ замокъ или другая какая-либо запорка, на которую будетъ наложена рука съ травою, моментально разрушится, и ворамъ откроется свободный доступъ въ хранилище добра.

Чтобы открыть похитителя, прибѣгаютъ большею частью къ помощи мѣстныхъ ворожей, имѣющихся въ большомъ количествѣ, а тѣ гадаютъ на картахъ, бобахъ или водѣ. Разложивъ карты или бобы, или посмотрѣвши въ воду, ворожея указываетъ въ первомъ случаѣ направленіе жительства похитителя и цвѣтъ его волосъ, а въ послѣднемъ приблизительно описывается и вся наружность. Предварительно ворожея что-то нашептываетъ; если имѣются карты, то онѣ прикла-

дываются при этомъ къ губамъ, а затѣмъ она обдуваетъ ихъ и начинаетъ свои дѣйствія. Червонная дама обозначаетъ „марьяжную“ (близкую) даму, пиковый король—злобнаго человѣка, десятка—интересъ и т. д. Ихъ предсказаніямъ народъ слѣпо вѣритъ; иногда по ихъ указаніямъ производятъ обыски, конечно, не выдавая ворожею. Свои знанія ворожея передаетъ нисходящему роду: бабушка—дочери, дочь — внучкѣ и т. д. Болѣе религіозные люди обращаются къ другому способу воздѣйствія на вора. Покупается зеленая свѣча, подъ названіемъ „титова“, копѣекъ въ 30; ее хозяинъ передаетъ церковному сторожу и проситъ ровно въ полночь продѣть ее три раза въ ухо колокола; затѣмъ ужъ она ставится, въ ближайшій праздникъ, передъ иконою Ивана Воина, а если пропали лошади, то—Флора и Лавра. Послѣ этого, воръ долженъ почувствовать мучительную тоску, которая доведетъ его до того, что онъ самъ, явно или тайкомъ, возвратитъ украденное.

Конокрадство въ данной мѣстности мало развито, и правильной организаціи шаекъ конокрадовъ не существуетъ, хотя раньше, разсказываютъ, конокрадство было положительнымъ бичемъ для населенія. Передъ воромъ трепетали, унижались и кланялись; когда онъ входилъ въ какой либо домъ, гдѣ происходила пирушка, хозяинъ встрѣчалъ его у дверей съ низкимъ поклономъ, а всѣ гости вставали изъ-за стола, тоже кланялись и уступали ему почетное мѣсто въ углу, подъ образами. Когда воръ оставался доволенъ обильнымъ возліяніемъ и пріемомъ, то, при выходѣ, говорилъ хозяину; „ну теперь покойно штаны снимай“, и затѣмъ ужъ не трогалъ этотъ домъ. Угощеніе натурою вошло въ обычную, какъ-бы обязательную дань для вора. Такъ какъ сбытъ украденныхъ лошадей не всегда сходилъ удачно и выгодно, да сопряженъ былъ съ рискомъ, то воръ являлся нерѣдко къ обездоленнымъ имъ хозяевамъ и за половинную стоимость лошади предлагалъ свои услуги отыскать пропажу. Профессія эта только тогда уменьшилась, когда безъ формальной расписки перестали принимать въ продажу лошадей. Къ самораспpавѣ и убійству воровъ крестьяне никогда не прибѣгали.

На кражу фруктовъ, овощей, сѣна и проч. смотрятъ снисходительно въ томъ лишь случаѣ, если убытки ограничиваются нѣсколькими копѣйками. Если, напр., сорвать яблоко или огурецъ, или взять проѣздомъ по полю небольшую охапку сѣна, владѣлецъ лишь скажетъ: „смотри, больше не бери". Поэтому садовые плоды и огородныя овощи безъ особаго надзора никогда не дозрѣваютъ. Хищеніе гороха вовсе не признается за преступленіе, и если онъ растетъ близъ проѣзжей дороги, то хозяину мало отъ него пользы: и старъ и младъ не считаетъ предосудительнымъ его дергать. Въ силу этого составилась и малороссійская пословица: „живу, якъ горохъ при дорози: хто йде, то й скубне",—получившая переносный смыслъ въ примѣненіи къ человѣку.

Лѣсъ, какъ и всякая болѣе цѣнная чужая собственность, неприкосновененъ для постороннихъ. Таковъ, впрочемъ, былъ взглядъ изстари, но теперь измѣнился. Сборъ грибовъ и орѣховъ въ чужомъ лѣсу считается вполнѣ дозволеннымъ: „они общіе, Богъ ихъ зародилъ для всѣхъ", говорятъ крестьяне. Взглядъ этотъ до того крѣпко установился, что запрещенія владѣльца, встрѣчаемыя съ изумленіемъ и ропотомъ, никогда не имѣютъ значенія.

Совершенно особое убѣжденіе существуетъ относительно владѣнія пчелами. Пчела называется любимымъ твореніемъ Бога, и хозяиномъ ея считается только тотъ, кого она сама выберетъ, къ кому прилетитъ и будетъ жить. Почитается грѣхомъ даже переманка какими либо путями пчелъ изъ другого улья. Самое-же воровство ставится въ такую тяжелую вину, съ которой можетъ равняться только „легкое" убійство. И потому, когда владѣлецъ захватываетъ на мѣстѣ преступленія вора, то считаетъ себя въ правѣ нанести похитителю смертельные побои. Сохранились преданія: бивали до такой степени, что воръ, тотчасъ-же по прибытіи домой, умиралъ и, стыдясь своего проступка, никому не указывалъ имени убійцы.

Одною степенью выше кражи пчелъ стоитъ святотатство: кража изъ церкви равняется, по степени тяжести, „среднему"

убійству. Совершать этотъ проступокъ грѣшно и невыгодно. Богъ не попуститъ вору его дерзости и не дастъ возможности употребить съ пользою похищенныя деньги. Существуетъ такая легенда: забрались разъ ночью три вора черезъ окно въ церковь, гдѣ находился на молитвѣ одинъ человѣкъ; они начали обдирать украшенія съ иконы Божіей Матери; та стала бить ихъ по лицу и по рукамъ. Воры испугались и обратились къ Богу съ такою молитвою: „Господи, допусти насъ взять украшенія; за это мы на Свѣтлое Христово Воскресеніе въ этой-же церкви передъ иконою каждаго святого обѣщаемся поставить по рублевой свѣчѣ". Сопротивленіе иконы прекратилось. Воры сняли украшенія и затѣмъ, вѣрные своему слову, въ обѣщанный день явились опять въ церковь и начали разставлять свѣчи. Стоявшій, во время совершенія кражи, на молитвѣ человѣкъ раньше передалъ объ ихъ обѣщаніи мѣстному священнику; тотъ велѣлъ за ними слѣдить. Начали ихъ спрашивать, почему они ставятъ такое большое количество дорогихъ свѣчей; если по обѣщанію, то по какому случаю оно дано. Воры запутались въ объясненіяхъ и наконецъ сознались и были преданы суду. Итакъ, укрыться въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности.

Къ числу легкихъ кражъ относится лишь похищеніе домашней птицы для угощенія на вечеринкахъ. Если этотъ проступокъ и обнаружится, хозяева лишь поругаютъ виновнаго и тѣмъ дѣло кончается. Но на кражу съѣстныхъ припасовъ, когда ихъ не хватило для свадебнаго угощенія, смотрятъ гораздо серьезнѣе: виновнаго тащатъ въ мѣстную сельскую расправу, гдѣ, кромѣ вознагражденія потерпѣвшаго, приходится еще покупать четверть или полведра водки слушавшимъ дѣло старикамъ.

Въ общемъ воровство въ данной мѣстности не особенно развито, и потому особыхъ мѣръ противъ него населеніемъ не принимается.

Мошенничество развито среди населенія въ немалыхъ размѣрахъ; болѣе частые его виды: обманъ въ продажѣ или мѣнѣ лошадей и другого скота. Но этотъ проступокъ считает-

ся менѣе тяжкимъ, чѣмъ воровство; виновные оправдываютъ себя такимъ разсужденіемъ: „кто не вѣритъ словамъ, смотри самъ въ оба, а разъ проворонилъ, самъ виноватъ: не зѣвай; насильно въ карманъ я не залѣзалъ“.

Грабежъ, въ народныхъ понятіяхъ, смѣшивается съ самоуправствомъ.

Нынѣ завладѣніе чужою недвижимою собственностью встрѣчается лишь по недоразумѣнію; прежде оно составляло обыкновенное явленіе. Сила и успѣхъ были всегда на сторонѣ богатаго. Нѣкоторые волостные головы, пользуясь своею властью, отбивали у крестьянъ по нѣскольку десятинъ земли и скопляли значительные участки. Одинъ помѣщикъ отбилъ у однодворца заразъ 80 десятинъ земли.

Значеніе слова стало теперь для суда равносильно деньгамъ при прежнихъ порядкахъ; вѣра стала даваться простымъ показаніямъ, не подкрѣпляемымъ монетою, и мужикъ понялъ его значеніе и сталъ относиться къ нему осторожнѣе. Правда, божба и клятва является очень часто напрасною, но только въ мелочныхъ случаяхъ, чисто обыденныхъ; выражается она словами: „ей Богу“, „лопни глаза“, „чтобы не видѣть дѣтей своихъ“, „сквозь земли провалиться“, „лопни утроба“, „отсохни руки, ноги“, „не дай Богъ до вечера дожить“, „вотъ-те крестъ“ или „вотъ-те образъ“. Присяга гораздо важнѣе простой божбы, и дающій ее рѣдко лжетъ, исключая „отпѣтыхъ“, для которыхъ, какъ говорится, не страшны ни Богъ, ни чертъ. Вообще народъ боится лжеприсяги; онъ увѣренъ, что за это Богъ не дастъ вѣку дожить.

Впрочемъ, относительно продолжительности жизни, крестьяне придерживаются нѣсколько фатализма: они увѣрены, что время и причина смерти написаны на роду, и потому отъ судьбы нельзя уйти. Даже когда совершается самоубійство, говорятъ: „знать, такъ на роду написано ему помереть“. Однако, не смотря на это, на самоубійство смотрятъ все таки какъ на преступленіе противъ Бога, и потому при похоронахъ самоубійцы дѣлаются нѣкоторыя отступленія: для зарытія отводятъ особое мѣсто, несутъ безъ пѣнія и плача, но

другихъ особенностей при выносѣ и вообще погребеніи не бываетъ, равно никакихъ дѣйствій для позора и безславія памяти покойнаго не совершается. Самоубійство, кромѣ обычныхъ причинъ, совершается иногда съ цѣлью отомщенія врагу или для подтвержденія вѣрности своего слова. Послѣдній случай произошелъ въ 1886 г. въ с. Любичахъ, Градско-Уметской волости, Кирсановскаго уѣзда. Одинъ солдатъ, по профессіи сельскій писарь, пьяный, потребовалъ у жены водки, грозясь зарѣзаться въ противномъ случаѣ; та отказала. Онъ моментально схватилъ бритву и хватилъ ею себя по горлу. Одинъ засѣдатель волостного правленія, постоянно обижаемый Головою, сказалъ послѣднему: „ну я тебѣ напряду", и повѣсился у него въ ригѣ.— Нѣкоторые парни и дѣвушки, обманутые предметомъ своей любви, потерявъ надежду на лучшее будущее и желая хотя въ концѣ своей постылой жизни причинить непріятность, вѣшались у обманщика на воротахъ или около дверей избы. Что самоубійство считается однако весьма тяжелымъ преступленіемъ, видно изъ того, что душа самоубійцы не находитъ покоя на томъ свѣтѣ. Народъ вѣритъ, что душа самоубійцы бродитъ по землѣ и пугаетъ людей. Для предотвращенія этого вбивается въ могилу осиновый колъ; послѣ этого, полагаютъ, умершій не можетъ вылѣзть изъ могилы, потому что осиноваго кола боятся не только самоубійцы, но даже черти. На семьѣ самоубійцы позора не лежитъ никакого, за исключеніемъ супруга покойнаго, котораго, при всякомъ удобномъ случаѣ, попрекаютъ: „значитъ медъ было житье, коли она (онъ) руки на себя наложила".

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о взглядахъ на сношенія съ темной силой. Вѣра въ темную силу проявляется по отношенію къ знахарямъ и колдунамъ. Вѣдовство и знахарство есть одно и тоже; занимаются имъ какъ мужчины, такъ и женщины; преданы они и служатъ черту, съ которыми другихъ отношеній, кромѣ совѣщаній, не имѣютъ. Знать ихъ можно лишь такимъ образомъ: въ Свѣтлое Христово воскресеніе надѣть на себя все новое, платье и обувь, пойти въ церковь и посмотрѣть на подозрѣваемое лицо: если это

колдунъ, то онъ будетъ стоять весь черный и обгорѣлый, какъ пенекъ. Вѣдьма можетъ превращаться въ свинью, кошку, клубокъ, мѣшокъ и проч.; производитъ она такія дѣйствія: пугаетъ людей, доитъ и портитъ коровъ, крадетъ молоко и масло и т. п. Уличить вѣдьму можно такимъ образомъ: когда она превратится въ свинью, отрѣзать ей одно ухо или оба; на слѣдующій день будетъ видно, если подозрѣваемая баба лишилась уха. Разсказываютъ, шелъ мужикъ, смотритъ — лежитъ на дорогѣ мѣшокъ. Догадавшись, что это вѣдьма, мужикъ схватилъ попавшійся подъ руку колъ и на-отмашь ударилъ имъ по мѣшку. Вдругъ мѣшокъ заговорилъ человѣческимъ голосомъ: „бей въ другой разъ". Мужикъ смекнулъ: если ударить еще разъ, плохо будетъ, и больше не сталъ бить. На другой день услыхалъ, что баба, которую называли вѣдьмою, захворала и лежитъ въ постели, а черезъ нѣсколько дней умерла: оказалось, что у нея была избита голова. Мужикъ потомъ узналъ, что если бы онъ ударилъ еще разъ, вѣдьма могла превратиться въ другой предметъ и скрыться. Передъ смертью, вѣдьма мечется по постели и поминутно кричитъ: „на-те!" Существуетъ повѣрье, что если кто скажетъ: „давай", къ нему моментально переходятъ ея знанія и званіе, а вѣдьма спокойно умираетъ. Поэтому всѣ, нежелающіе перенять ея ремесло, молчатъ. Бьется вѣдьма до тѣхъ поръ, пока не приподнимутъ балку въ потолкѣ: тогда она сію-же минуту умираетъ. Погребеніе совершается христіанскимъ порядкомъ. Дѣятельность вѣдьмы не прекращается и со смертью до тѣхъ поръ, пока въ ея могилу, равно какъ и самоубійцы, не вобьютъ осиновый колъ. Вѣдовство, кромѣ объясненнаго способа, иногда перенимается по желанію и при жизни другой вѣдьмы. У вѣдьмы имѣются особые помощники, подъ названіемъ „коловертыши", въ родѣ животныхъ, похожіе на трусика, пестрые, куцые, съ большимъ мѣшкообразнымъ зобомъ впереди, куда забираются добываемыя вѣдьмою молоко и масло. По приходѣ домой, коловертыши изрыгаютъ весь запасъ добычи въ нарочно приготовленную вѣдьмою порожнюю посуду. Добываются они такъ: когда оценит-

ся собака, вѣдьма беретъ ея „мѣсто" пошепчетъ надъ нимъ, затѣмъ перетаскиваетъ въ избу, гдѣ кладетъ въ задній уголъ, подъ печку. По прошествіи недѣли появляются „коловертыши". При жизни заподозрѣнные въ вѣдовствѣ, пока они не мѣняютъ своего человѣческаго образа, не убиваются и вообще убійства, увѣчья, оставленія въ опасности человѣка въ этихъ случаяхъ изъ-за одного суевѣрія не бывало.

В. Бондаренко.

(*Продолженіе будетъ*).

РОЖДЕНІЕ И ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ ВЪ ПОШЕХОНСКОМЪ УѢЗДѢ, ЯРОСЛ. Г.

Жизнь крестьянскихъ дѣтей должна бы составлять одну изъ важнѣйшихъ отраслей этнографическаго изученія нашего отечества. Изслѣдованіе условій этой жизни съ возможною полнотою и подробностями могло бы дать не мало научныхъ результатовъ и еще болѣе практическихъ выводовъ по этому въ высшей степени важному вопросу нашей народной жизни.

Къ сожалѣнію, этнографы большею частью обходятъ этотъ вопросъ, и это даетъ намъ тѣмъ болѣе смѣлости выступать на страницахъ этнографическаго журнала хотя бы съ незначительными наблюденіями, касающимися одной мѣстности.

Въ прежнее время деревенскія женщины, съ одной стороны чуждыя изнѣженности, съ другой—лишенныя медицинской помощи, во время родовъ не прибѣгали ни къ какимъ врачебнымъ средствамъ и родили однѣ. Въ послѣднеее время и благосостояніе и нравы народные сильно измѣнились; жизнь крестьянина потекла иначе и обставилась иными условіями, прежде ему неизвѣстными или недоступными. Теперь женщины крестьянки при трудныхъ родахъ зачастую прибѣгаютъ не только къ помощи акушерки, но и врача, и послѣдніе во многихъ мѣстахъ бываютъ буквально подавлены работою. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время крестьянскія женщины рожаютъ весьма часто однѣ,—объ исключительныхъ случаяхъ мы не говоримъ; мало того, и теперь встрѣчаются крестьянки, поражающія насъ своею выносливостью при родахъ.

Такъ, въ недавнее время, года два тому назадъ, женщина деревни Смилькова, Трушковской волости, Пошехонскаго уѣзда, въ послѣднемъ періодѣ беременности везла возъ кирпича изъ города Пошехонья въ деревню. На дорогѣ застигаютъ её роды: не долго думая, сворачиваетъ она съ проѣзжей дороги, въ кустахъ благополучно разрѣшается отъ бремени, повязываетъ ребенка, беретъ съ собою и идетъ пѣшкомъ за лошадью верстъ семь до своего дома. И мать и ребенокъ живы и здоровы до сихъ поръ. Справедливость требуетъ впрочемъ, сказать, что роды, подобные вышеприведеннымъ, составляютъ исключеніе, на которое изумляется и народъ.

Въ большинствѣ случаевъ къ родильницѣ приглашается „баушка", т. е. деревенская старуха, умѣющая „мыть" или разглаживать различныя части тѣла у новорожденнаго. Многія изъ такихъ „баушекъ" дѣйствительно отличаются своими практическими познаніями: прекрасно вставляютъ вывихи и приносятъ несомнѣнную пользу при родахъ; но зато еще больше изъ нихъ круглыхъ невѣждъ. Существуетъ, между прочимъ, повѣрье, что если у „баушки" умирали дѣти, то и повитый ею младенецъ непремѣнно умретъ. Избѣгаютъ также приглашать въ „баушки-повитухи" дѣвицу, такъ какъ роды въ этомъ случаѣ бываютъ необычайно тяжелые.

Приглашенная „баушка", растирая и разглаживая тѣло родильницы въ печи, старается этимъ облегчить роды. По внѣшнему виду беременной обыкновенно стараются предугадать, родится ли мальчикъ или дѣвочка. Повсемѣстно вѣрятъ, что острая форма живота и сильно распухшія ноги родильницы указываютъ на то, что родится мальчикъ. Кромѣ того, существуетъ весьма странное повѣрье, что младенецъ въ материнской утробѣ можетъ иногда кричать, и крикъ этотъ обязательно предвѣщаетъ скорую смерть имѣющаго родиться ребенка.

Кромѣ „мытья", для облегченія родовъ деревенскія „баушки" весьма рѣдко прибѣгаютъ къ другимъ медицинскимъ средствамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для ускоренія и облегченія родовъ употребляется внутрь настой корицы въ ви-

нѣ, а также трава чернобыльникъ; послѣдняя употребляется иногда и для изгнанія плода. Цѣлебное дѣйствіе этой травы признается народомъ несомнѣннымъ. Во всѣхъ рукописныхъ народныхъ цвѣтникахъ и травникахъ, которыхъ, къ слову замѣтимъ, обращается среди народа весьма много, говорится о цѣлебномъ дѣйствіи этой травы при родахъ. „Трава чернобыль“, читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ цвѣтниковъ, „растетъ подобна бѣленѣ.... а ежели женщина ту траву принимаетъ, то живое и мертвое дитя изъ утробы выведетъ“. „Трава чернобыльникъ“, читаемъ въ другомъ цвѣтникѣ: „выкопать её съ корнемъ, мелко изрубить и варить въ винѣ или съ уксусомъ, и роженицамъ, кои долго мучатся, поить и на животъ привязывать, а когда будетъ родить младенца, то отъ живота отвязать, иначе животъ много втянетъ“. Вообще же, какъ мы сказали выше, къ лѣкарствамъ деревенскія „баушки-повитухи“ при родахъ прибѣгаютъ весьма рѣдко. Все дѣло ограничивается „мытьемъ“, разглаживаніемъ, спрыскиваньемъ отъ дурного глазу и т. д. При трудныхъ родахъ отпираются въ домѣ всѣ двери, замки, сундуки, шкафы, развязываются въ одеждѣ родильницы узлы, выдвигаются ящики, открывается печная заслонка, расплетаютъ косы и кладутъ волосы въ ротъ. Если роды длятся нѣсколько дней, то идутъ къ священнику съ просьбою отворить царскія двери; большинство священниковъ не находятъ ничего дурного въ этомъ обычаѣ и охотно исполняютъ просьбы крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при трудныхъ родахъ зажигаются вѣнчальныя свѣчи.

Не смотря на ту, повидимому, безполезную роль, какую играетъ деревенская „баушка“ при родахъ крестьянской женщины, присутствіе ея при родахъ приноситъ уже несомнѣнную пользу тѣмъ, что предотвращаетъ многія, поистинѣ отчаянныя мѣры, къ какимъ прибѣгаютъ иногда родильницы при трудныхъ родахъ, особенно если родильница рожаетъ въ первый разъ. Для примѣра приводимъ два такихъ факта. Женщина с. П. мучится долго родами, такъ какъ младенецъ лежитъ въ маткѣ поперекъ. Всѣ родные находятся на поле-

выхъ работахъ, родильница въ избѣ одна. Догадываясь, что ребенокъ лежитъ у нея не такъ, какъ слѣдуетъ, она набрасываетъ на полъ подушекъ и различной одежи, съ нечеловѣческимъ усиліемъ становится на голову, вверхъ ногами: ребенокъ принимаетъ нормальное положеніе, и черезъ нѣсколько минутъ совершаются роды благополучно. Мать жива до сихъ поръ. Приведемъ и другой случай. Женщина деревни О. мучится въ первый разъ родами; мученія длятся нѣсколько дней. Въ концѣ концовъ родильница посылаетъ мужа въ городъ за докторомъ или акушеркой, а сама остается одна. Испытывая сильнѣйшія боли и не зная, чѣмъ облегчить ихъ, она садится на кадку, тазъ при этомъ сжимается, и она, сама не зная того, задерживаетъ наступившіе роды. Мученія достигаютъ такой степени, что она теряетъ сознаніе. Къ счастью, пріѣзжаетъ во̀-время докторъ, и родильницу полуживую снимаютъ съ кадки, послѣ чего тотчасъ наступаютъ роды. Мать жива и до сихъ поръ, но ребенокъ умеръ. Такіе факты невозможны, конечно, при мало-мальски опытной „баушкѣ-повитухѣ". Всѣ подобные случаи объясняются еще и тѣмъ, что во многихъ мѣстностяхъ уѣзда народъ вѣритъ, что родильницѣ гораздо легче родить одной, нежели въ присутствіи постороннихъ лицъ. Вслѣдствіе этого иныя женщины, предчувствуя роды, идутъ тихонько отъ семейныхъ въ баню, въ клѣть, на сѣновалъ и т. д., гдѣ и разрѣшаются отъ бремени. Къ счастью, подобное воззрѣніе распространено далеко не вездѣ.

Но вотъ роды совершились *). Первая забота повитухи, конечно, обмыть ребенка и родильницу. Есть повѣрье, что если обмыть новорожденнаго младенца молокомъ, то онъ будетъ обладать нѣжною, бѣлою кожею. Обмывая младенца, повитуха выправляетъ его члены, довольно сильно сжимаетъ его головку и т. д., твердо вѣря, что этимъ путемъ она даетъ надлежащую форму дѣтскимъ членамъ. Ребенокъ, родив-

*) Оригинально въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выражаются крестьяне про родины; такъ на Ухтомѣ хозяинъ говоритъ про родившую хозяйку, что она „оговорила", въ др. мѣстахъ, что она „раскуталась" и т. д.

шійся въ сорочкѣ или съ волосами, будетъ, по народному повѣрью, счастливъ во всю жизнь. Если новорожденный ребенокъ кричитъ, то это вѣрный признакъ того, что онъ останется живъ; если, напротивъ, ребенокъ лежитъ тихо, то это значитъ, что онъ умретъ. Если у родильницы предшествовавшія дѣти умирали, то повитухи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Катринская волость) принимаютъ новорожденнаго ребенка въ отцовскія штаны: такимъ способомъ принятый ребенокъ будетъ непремѣнно долго жить.

Послѣ родовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ родильницѣ пить толокно, пиво, а чаще всего водку. Обыкновенно дня черезъ два или три родильница встаетъ съ постели и принимается за свои домашнія дѣла.

Обмывши младенца, пеленаютъ его, даютъ ему соску и кладутъ въ люльку. Описывать подобрано способъ пеленанія младенца мы не будемъ, такъ какъ онъ повсемѣстно въ Ярославской губерніи одинъ и тотъ же. Обычныя принадлежности туалета новорожденнаго это пеленки—прямоугольный длинный кусокъ полотна или холста, свивальникъ—узкая длинная ситцевая или полотняная лента, наголовникъ—кусокъ мягкаго полотна, а иногда и просто платокъ, который кладется подъ голову младенцу, сорочка и одѣяльце. Ребенка обыкновенно завертываютъ въ пеленки и обвязываютъ свивальникомъ точно такъ же почти, какъ дѣлали это въ древности египтяне со своими муміями. Спеленанный ребенокъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ поразительно похожъ на мумію.

Люлька въ нашей мѣстности бываетъ двухъ видовъ: „зыбка" и собственно „люлька", или „колыбель". Зыбка—это овальный ящикъ, сдѣланный изъ луба и имѣющій дно изъ тонкихъ дощечекъ. Колыбель — это квадратная рама, не болѣе аршина въ длину; на раму натянутъ довольно слабо холстъ, такъ что онъ образуетъ довольно значительное углубленіе. Какъ люлька такъ и зыбка привѣшиваются къ „очепу"—гибкому шесту, однимъ концомъ прикрѣпленному къ потолку. Свободный конецъ „очепа" можетъ легко гнуться, и на немъ-то

качается вверхъ и внизъ зыбка и люлька. Пустую люльку качать не слѣдуетъ, въ противномъ случаѣ ребенокъ умретъ.

Съ самаго момента рожденія и до крещенія ребенка ни новорожденнаго, ни родильницу отнюдь не слѣдуетъ оставлять въ комнатѣ однихъ, а тѣмъ болѣе на ночь: у некрещеннаго младенца нѣтъ ангела хранителя, и злые духи стараются завладѣть его душою, причемъ приносятъ вредъ и родильницѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избѣгаютъ оставлять ребенка одного въ комнатѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ домовой легко можетъ унести новорожденное дитя.

На другой день послѣ родовъ къ родильницѣ начинаютъ приходить сосѣдки и знакомыя женщины, поздравляютъ отца и мать ребенка „съ новорожденнымъ;“ они приносятъ родильницѣ „на зубокъ“ пирогъ или какого нибудь лакомства. Мужчины съ подобнымъ поздравленіемъ никогда не ходятъ. Во многихъ мѣстахъ новорожденное, но еще не крещенное дитя, избѣгаютъ показывать постороннимъ лицамъ, боясь, чтобы его не „сглазили“, такъ какъ некрещенное дитя легче подвергается „сглазу“, нежели дитя принявшее крещеніе. Если желаютъ крестить младенца въ церкви, то приносятъ его туда въ ближайшій воскресный или праздничный день. Въ большинствѣ же случаевъ крестины совершаются на дому, на второй, на третій день послѣ рожденія. Одновременно въ послѣднемъ случаѣ дается имя новорожденному и очистительная молитва родильницѣ. До очистительной молитвы родильница считается существомъ нечистымъ. Имя новорожденному стараются давать такое, какое носилъ дѣдушка, бабушка, отецъ, мать и т. д. При этомъ стараются, чтобы именины новорожденнаго отстояли по времени не далеко отъ дня его рожденія.

Въ нашей мѣстности рѣдко бываютъ на крестинахъ оба воспріемника, т. е. кумъ и кума. Обыкновенно, если новорожденный мальчикъ, то бываетъ по большой части одинъ кумъ, если дѣвочка—одна кума. Въ томъ случаѣ, если при крестинахъ бываютъ оба воспріемника, то кумъ покупаетъ новорожденному крестъ, а кума рубашку или такъ называемыя „ризки“. На обязанности кума—платить за крестины и всѣ

церковные расходы: ношеніе воды въ купель, свѣчи и т. д. Кума съ своей стороны даритъ священнику платокъ.

По церковнымъ каноническимъ правиламъ, какъ извѣстно, собственно духовнымъ родствомъ, препятствующимъ вступленію въ бракъ, считается родство между воспріемниками и родителями воспринятаго дитяти; напротивъ, народъ не придаетъ этому родству никакого значенія и считаетъ самымъ важнымъ духовнымъ родствомъ родство между воспріемникомъ и воспріемницею, почему они вступаютъ въ извѣстныя обязательства другъ къ другу. Такъ, напримѣръ, если кумъ человѣкъ молодой, то по общепринятому обычаю при отправленіи его въ военную службу кума даритъ ему рубашку Воспріемникъ, по народному повѣрью, если онъ холостой, долженъ помнить, что какова у него первая кума, такова будетъ и жена.

По отношенію къ ребенку при крещеніи наблюдаются нѣкоторыя примѣты. Такъ, если ребенокъ во время совершенія таинства крещенія плачетъ и кричитъ, то это вѣрный признакъ того, что ребенокъ будетъ жить долго; напротивъ, если ребенокъ молчитъ, то онъ непремѣнно вскорѣ умретъ. Если волоса ребенка,—остриженные священникомъ, закатанные затѣмъ въ воскъ и брошенные въ купель, поплывутъ, то ребенокъ будетъ жить; если потонутъ—то умретъ.

Въ народѣ существуетъ твердое убѣжденіе, что одни воспріемники обладаютъ „легкою рукою", [1]) другіе „тяжелою": дѣти, воспринятыя отъ купели первыми, живутъ долго, а воспринятыя вторыми—скоро умираютъ. Родители крещаемаго дитяти при крещеніи обыкновенно не присутствуютъ.

---

[1]) Вѣрованіе въ „легкую и тяжелую руку", подобно вѣрованію въ добрый и дурной глазъ, повсемѣстно распространено въ народѣ. „Съ легкой руки"—обычное пожеланіе при передачѣ какого-нибудь предмета другому лицу. Людей, у которыхъ „легкая рука" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарочно приглашаютъ, чтобы ввести новокупленную корову или лошадь на дворъ, выставить ульи, начать объѣзжать молодую лошадь и т. д. „Принесетъ такой человѣкъ какому-нибудь больному простую корку хлѣба, и съ его легкой руки больной съѣстъ эту корку и непремѣнно

По совершеніи таинства крещенія воспріемникъ и воспріемница приносятъ ребенка домой и вручаютъ его матери, поздравляя ее и отца „съ новопросвѣщеннымъ". Воспріемники обыкновенно дарятъ родильницу „на зубъ" деньгами, также дарятъ они и „баушку-повитуху". Послѣ крестинъ отъ родителей младенца, для воспріемниковъ и для знакомыхъ бываетъ угощеніе; необходимою принадлежностью этого угощенія бываетъ пирогъ, по большей части сладкій.

Со времени крестинъ воспріемники называютъ родителей воспринятаго младенца кумомъ и кумою, точно также называютъ они и другъ-друга. Воспринятый ими младенецъ называетъ воспріемника просто „кресньмъ", воспріемницу — „кресною", иногда съ прибавленіемъ: батюшка, матушка. Крестный отецъ и крестная мать впослѣдствіи дарятъ своего крестника въ день его именинъ, въ праздники и т. д. Когда крестникъ выростетъ и собирается жениться или выходить замужъ, онъ обязательно испрашиваетъ благословеніе у своего крестнаго отца и крестной матери, и тѣ благословляютъ его иконою.

По мнѣнію народа, вслѣдъ за крещеніемъ ребенка къ послѣднему приставляется ангелъ-хранитель Господомъ Богомъ, а сатана приставляетъ діавола: когда ребенокъ смѣется во снѣ—значитъ, онъ видитъ ангела-хранителя, когда плачетъ—видитъ діавола. Но, не смотря на то, что у ребенка находится ангелъ-хранитель, это не спасаетъ его отъ „дурного глазу", или „сглазу" [1]), и „оговору", и къ тому и другому маленькія дѣти бываютъ весьма чувствительны.

„Сглазить" ребенка можетъ всякій дурной человѣкъ: поглядитъ

выздоровѣетъ. Посадятъ двое по дереву: и деревья одинаковы, и земля одна и та же, и сажены были деревья не только въ одинъ день, но даже въ одинъ часъ, а глядишь—у одного дерево растетъ на диво, у другого чахнетъ, чахнетъ и наконецъ совсѣмъ засохнетъ,—у одного рука легкая у другого тяжелая". Такъ говорятъ повсемѣстно въ Пошехоньѣ.

[1]) Въ Даниловскомъ уѣздѣ употребляется выраженіе „озепать", равносильное пошехонскому „сглазить".

онъ на ребенка, и ребенокъ безъ всякой причины начнетъ во снѣ бредить, метаться, безъ всякой причины плакать и кричать. Народъ признаетъ косоглазыхъ и угрюмыхъ, глядящихъ исподлобья людей наиболѣе способными сглазить. Сглазить можно не только ребенка, но и взрослаго человѣка. Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ глазу считается спрыскиваніе. Для спрыскиванія обыкновенно моютъ водою всѣ дверныя скобки въ домѣ, а въ другихъ мѣстахъ всѣ находящіеся въ домѣ ножи, вилки и ложки, и тою водою, которою мыли скобки или ножи, спрыскиваютъ больного [1]).

„Оговорить“ ребенка можетъ не только злой, но и добрый человѣкъ, не только чужой, но и близкій ребенку человѣкъ, даже отецъ: похвалитъ въ ребенкѣ что-нибудь, похвала придется „не въ добрый часъ“, и ребенокъ не только потеряетъ то качество, за которое его хвалили, но и пріобрѣтетъ противоположный недостатокъ. Такъ, одинъ крестьянинъ, радуясь тому, что его ребенокъ спитъ по ночамъ спокойно, замѣчаетъ въ разговорѣ своему сосѣду, что съ его ребенкомъ „только и спать“, и съ тѣхъ поръ ребенокъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своимъ безпричиннымъ крикомъ и плачемъ не даетъ спать всему семейству. Подобныхъ разсказовъ объ „оговорѣ“ среди народа можно услышать множество. Боясь оговора, мать, услышавъ похвалу своему ребенку, должна три раза плюнуть. Точно также изъ боязни оговорить своего ребенка при каждой похвалѣ ему мать прибавляетъ: „въ часъ молвить“ т. е. въ добрый часъ сказать. „Въ часъ молвить, ребенокъ здоровъ“—фраза, которую нерѣдко услышишь въ деревнѣ. Изъ боязни оговора или сглазу обыкновенно избѣгаютъ показывать ребенка незнакомымъ лицамъ.

---

[1]) Ножъ, хотя и безъ обмыванія его, употребителенъ въ народномъ символическомъ лѣченіи дѣтей также на Подлясьѣ (въ Сѣдл. г.). Когда ребенокъ кричитъ безъ причины и мечется во снѣ, то его держатъ противъ свѣта вечеромъ такъ, чтобы на стѣнѣ отражалась его тѣнь; тогда кто-нибудь ножемъ или топоромъ разсѣкаетъ два раза тѣнь крестообразно на трехъ стѣнахъ подъ рядъ, и затѣмъ ножъ (или топоръ) выбрасывается на всю ночь за порогъ въ сѣни. *Ред.*

Если маленькій ребенокъ развивается быстро, если онъ тяжелъ на подъемъ, — это вѣрный признакъ, что ребенокъ умретъ. Если младенецъ пристально смотритъ на все окружающее, то это опять-таки показываетъ, что этотъ младенецъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ: пристально смотря кругомъ, онъ прощается съ Божьимъ міромъ.

Нѣкоторыя дѣти родятся на свѣтъ чрезвычайно слабыми и хилыми; они, какъ говорится, еле-дышатъ. Такихъ дѣтей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда „запекаютъ". Ребенка закутываютъ въ одѣяло и держатъ нѣсколько минутъ въ жарко натопленной печи. Послѣ такого „запеканія" ребенокъ пріобрѣтаетъ силу и здоровье.

Если ребенокъ умретъ вскорѣ послѣ рожденія и если онъ принялъ крещеніе, то душа его обращается въ ангела; „ангельская душенька" - обычный ласкательный эпитетъ матери своему ребенку.

Предсмертная агонія умирающихъ дѣтей по большей части бываетъ необычайно тяжела и мучительна. Народъ объясняетъ это тѣмъ, что дѣти, умирая и долго томясь предсмертными муками, страдаютъ за грѣхи своихъ родителей. Если умершія дѣти начинаютъ являться во снѣ родителямъ, то это значитъ, что родители стали забывать своихъ умершихъ дѣтей, и послѣднія напоминаютъ имъ о себѣ. Родители въ данномъ случаѣ должны чаще и больше молиться за своихъ умершихъ дѣтей.

По общераспространенному обычаю у ребенка ранѣе года не обстригаютъ волосъ и не обрѣзаютъ ногтей. Если послѣдніе слишкомъ длинны, то ихъ обрызаютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волосы ребенку въ первый разъ стригутъ непремѣнно въ четвергъ на страстной недѣлѣ.

Единственную пищу младенца на первыхъ порахъ составляетъ по большей части молоко матери, соска изъ жеваннаго чернаго хлѣба, рѣже изъ пряниковъ. Коровье молоко дается довольно рѣдко. На пятомъ, на шестомъ мѣсяцѣ отъ рожденія начинаютъ кормить ребенка молочною манною кашею. Матери кормятъ грудью своихъ дѣтей по большей части около года, не-

многія кормятъ до полутора лѣтъ и весьма рѣдко до двухъ. Крестьянскія женщины твердо вѣрятъ, что во весь періодъ кормленія ребенка грудью, мать его не можетъ вторично забеременѣть. По общераспространенному повѣрію слѣдующій ребенокъ родится въ тотъ самый именно день, когда предшествовавшій былъ отнятъ отъ груди. Если у ребенка начнутъ прорѣзаться зубы слишкомъ рано, то это вѣрный признакъ, что у матери въ скоромъ времени будетъ другой ребенокъ. Если ребенокъ отнятъ отъ груди и находится не при матери, то послѣдняя всегда можетъ узнать о его смерти: во время предсмертныхъ мукъ ребенка подсохшее молоко ея потечетъ изъ грудей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ теченіе перваго года ребенку не даютъ смотрѣться въ зеркало, такъ какъ въ противномъ случаѣ ребенокъ будетъ пугаться во снѣ.

Умственное воспитаніе крестьянскихъ дѣтей на первыхъ порахъ большею частью бываетъ оставлено на произволъ судьбы. Одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ умственной жизни дѣтей составляютъ ихъ игры и пѣсни [1]).

Въ нашей педагогической литературѣ существуетъ много искусственныхъ пѣсенъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ, много присказокъ и дѣтскихъ игръ, но дѣти рѣдко распѣваютъ эти пѣсни и не охотно играютъ въ тѣ игры, которыя навязываются имъ со стороны взрослыми. У дѣтей существуетъ свой собственный циклъ игръ, пѣсенъ и присказокъ, и они

---

[1]) Часть нижеслѣдующаго матеріала была предварительно напечатана въ „Яросл. Г. В.“ (1889), но мы не выпускаемъ ее, чтобы не лишать очеркъ нѣкоторой цѣлости и полноты.

Для сравненія приводимыхъ ниже игръ съ существующими описаніями подобныхъ мы дѣлаемъ ссылки на книгу д-ра *Е. А. Покровскаю*: „Дѣтскія игры, преимущественно русскія, въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигіеной“ (Москва, 1887 г.), и на „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянск. у. Харьк. г.“, *П. Иванова*. (Сборн. Харьк. Историко-Филол. Общ., т. II, вып. 3. Харьк. 1890). Въ первой книгѣ сгруппированъ обильный матеріалъ, спеціально доставленный автору изъ разныхъ мѣстъ; второй сборникъ важенъ библіографическими указаніями автора и особенно проф. Сумцова, указавшаго въ предисловіи литературу вопроса, не только русскую, но и иностранную. *Ред.*

часто по цѣлымъ часамъ распѣваютъ эти пѣсенки и играютъ въ свои игры. Дѣтскія народныя игры и пѣсни иногда бываютъ весьма оригинальны и заслуживаютъ вниманія какъ педагога, такъ и этнографа.

Циклъ дѣтскихъ пѣсенъ открывается пѣснями колыбельными. Пѣсни эти и по содержанію своему, и по напѣву по большей части весьма однообразны, монотонны. Поэтому приведемъ для образца только нѣсколько такихъ пѣсенокъ:

1. Бай, бай, бай,
Поди, *бука*, подъ сарай,
Сашѣ спать не мѣшай!
Ужъ ты, Сашенька, усни,
Угомонъ тебя возьми!

2. О, качи, качи, качи,
Подъ подушкой калачи,
Въ ручкахъ прянички,
Въ щечкахъ яблочки.
О, люлю, люлю, люлю!..

Эти двѣ пѣсенки варьируются на тысячи ладовъ и своимъ монотоннымъ напѣвомъ успокаиваютъ дѣтей. Загадочная „бука", о которой иногда выражаются: „бука базыка о три языка", означаетъ какое то страшное миѳическое существо, которымъ до сихъ поръ въ деревняхъ пугаютъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще недавно пугали ребятъ также попомъ: „Ужо тя попъ-отъ!" — была обычная угроза крестьянки расплакавшемуся ребенку.

Если желаютъ развеселить ребенка, то, подбрасывая его легонько вверхъ, поютъ шуточныя пѣсни, въ родѣ слѣдующихъ:

3. Тень, тень, потетень,
Выше города плетень.
У Спаса бьютъ,
У Николы звонятъ,
У стараго Егорья
Часы говорятъ.
На поличкѣ трубички,
Гороховички [1]).

4. Тили-бомъ, тили-бомъ,
Загорѣлся кошкинъ домъ,
Пришла курица съ ведромъ,
Заливаетъ кошкинъ домъ.

5. Тпрушки, тпрупрушки,
Пекла баба прѣснушки:
Всѣмъ по прѣснушкѣ,
Мишуткѣ двѣ.

---

[1]) Эта пѣсенка извѣстна и въ Мышкинскомъ уѣз. Яросл. губ. См. Яросл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 94. *Авт.*

Едва ребенокъ начнетъ понимать, его уже развлекаютъ различными немудрыми играми. Такъ, взявъ ребенка за ручку и водя пальцемъ по его открытой ладони, приговариваютъ:

6. Сорока, сорока,
Кашку варила,
На порогъ скакала,
Гостей скликала.
Пріѣхали гости
Пораспарить кости.

Затѣмъ, пригибая мизинецъ дѣтской руки, а потомъ и слѣдующіе три пальца, продолжаютъ: „Этому дала, этому дала, этому дала", а этому (указывая на большой палецъ) не дала за то, что онъ толстъ да простъ, да мякинки не принесъ" [1]).

Хлопая ладонями ребенка, приговариваютъ:

7. Ла̀душки, ла̀душки,
— Гдѣ были?—У бабушки.
— Что ѣли?—Кашку.
— Что пили?—Бражку.
Кашка масляненька,
Бабушка добренька.
До—сыта наѣлись,
До—пьяна напились.
Полетѣли, полетѣли
На головку и сѣли [2]).

При этомъ закидываютъ ручки ребенка на его головку. Переваливая съ руки на руку головку ребенка, приговариваютъ:

8. Ва̀ляй, ва̀ляй, баба, коровай,
Пришелъ къ бабѣ пономарь:
— Дай, баба, тѣста.
— Нѣтъ въ печи мѣста.
Шукъ, шукъ, полетѣли,
На головку и сѣли.

При этомъ также закидываютъ ручки ребенка на его головку. Подростая, дѣти и сами начинаютъ распѣвать различныя пѣсенки. Такъ, иногда они по цѣлымъ часамъ поютъ слѣдующую пѣсню:

9. Ерема, Ерема,
Сидѣлъ бы ты дома,
Точилъ бы веретена.
У тебя жена-то пряха:

---

[1]) Ср. *Е. Покровскаю.* Дѣтскія игры, 97 (изъ Трудовъ Этногр. Отд. И О. л. Ест., кн. IV, стр. 103—6).

[2]) Ср. *Покровскаго,* ibid.

По ниточкѣ пряла,
Корову купила;
Корова-то съ кошку,
Надоила съ ложку.
Корова-то пропала,
Кузьму поклепали [1]).
Кузьма-то божится,
На печь ложится.
Сѣни-то трясутся,
Собаки грызутся.
Сѣни-то упали,
Собаки пропали.

Или: 10. Куколка, ты, куколка.
Не малая—малая,
Зачѣмъ долго не была?
— Боялася тіуна.
— Тіунъ тебѣ не судья,
Судья-то владыка;
Владыкины дѣти
Хотятъ улетѣти.
Шишелъ, вышелъ,
Вонъ пошелъ [2])!

Идетъ дождикъ—дѣти съ шумомъ выбѣгаютъ на улицу и распѣваютъ, прыгая съ весельемъ:

11. Дождикъ, дождикъ, перестань,
Я поѣду въ Черностань
Богу молиться,
Кресту поклониться.
Дождикъ, дождикъ, пуще,
На дворѣ-то гуще.

Попадется дѣтямъ улитка, или по мѣстному „лизавица", они приговариваютъ на-распѣвъ:

12. Лизавица, лизавица,
Выпусти рога—я дамъ пирога,
Маслянаго, премаслянаго [4]).

И сколько бываетъ для нихъ радости, когда при этой пѣсенкѣ улитка покажетъ свои щупальцы! Въ противномъ случаѣ повторяютъ то-же.

Нашедши цвѣтокъ дикой ромашки, ребята срываютъ его и поютъ, наблюдая, какъ вылѣзаютъ изъ него маленькія мурашки:

13. Попъ, попъ,
Выпусти собакъ:
Баре ѣдутъ,
Озимь топчутъ!

---

[1]) Овинили, заподозрили.

[2]) См. „Этн. Обозр." I. 170. Бѣлор. вар. „Куколки" (кукушки?) см. у *Шейна*, Бѣлор. пѣс. 1874, стр. 23, № 46 и стр. 25, № 51; малор. вар. у *Иванова*, Игры крест. дѣтей, стр. 50. *Ред.*

[3]) *Покровскій*. Дѣтскія игры, 186.

Или: 14. Попъ, попъ,
Выпусти собакъ
На боярскій дворъ,
На дворянскихъ ребятъ!
(Даниловск. у.).

15. Развлекаются дѣти и такими незатѣйливыми играми. Одинъ, ударивъ легонько другого по головѣ, спрашиваетъ: „Крѣпокъ ли горшокъ“? На отвѣтъ—„не крѣпокъ“, ударяетъ еще нѣсколько разъ, приговаривая: „за шильце, за мыльце, за зеркальце“.

16. Ударяя по спинѣ, спрашиваютъ: „что въ горбу?“ На это отвѣчаютъ: Денежки.— Кто наклалъ? — Дѣдушка.— Чѣмъ онъ клалъ?— Ковшичкомъ.—Какимъ?—Позолоченнымъ, сверху мѣдью околоченнымъ.

17. Сойдутся два подростка и начинаютъ спрашивать другъ друга:—Сорока, сорока, гдѣ твой мужъ?— Въ Питерѣ.— Что онъ дѣлаетъ?—Башмачки шьетъ.—Чѣмъ онъ шьетъ?— Шелкомъ.—Лыкомъ!—Шелкомъ!—Лыкомъ!— Играющіе стараются при этомъ перекричать другъ друга.

Растутъ дѣти, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и ихъ игры и дѣлаются все болѣе и болѣе замысловатыми. Всего чаще играютъ въ „черненькіе“, „прятки“, „жгутъ“, „ворона“, „горѣлки“, „огарыши“ и т. д. Всѣ дѣтскія игры можно подраздѣлить на два разряда: на игры лѣтнія, которыя производятся на открытомъ воздухѣ, и зимнія, въ которыя играютъ зимою въ избахъ.

Большинство лѣтнихъ игръ начинается тѣмъ, что играющіе выбираютъ того, кто долженъ „водить“, т. е. начинать игру и быть въ ней главнымъ лицомъ. Дѣти, участвующія въ игрѣ, ставятся въ кругъ. Одинъ изъ нихъ на-распѣвъ читаетъ слѣдующую присказку.

18. Катилося яблоко кругъ огорода,
Кто его возьметъ, тотъ будетъ воевода,
Воеводскій сынъ [1]).

---

[1]) Ср. *Е. Покровскаю* стр. 58. *Иванова*, стр. 51 и 52 (№ 59). Пѣсенка повидимому не лишена миѳическихъ намековъ. См. *Потебни*, Объясн. пѣс. I (указат.: яблоко). *Ред.*

При каждомъ произносимомъ словѣ онъ указываетъ по порядку на одного изъ товарищей. На кого придется послѣднее слово, тотъ долженъ выйти изъ круга. Затѣмъ повторяется съ начала, и присказка читается до тѣхъ поръ, пока изъ круга не выйдутъ всѣ исключая одного: этотъ оставшійся и долженъ „водить". Въ этихъ случаяхъ употребительны также другія присказки:

19. Перевязи, ферязи, кони, царевичъ, жукъ.

20. Чикирики, микирики,
Летали голубиники
По Волгѣ рѣкѣ
По поповой полосѣ.
Тамъ чашки, орѣшки,
Медокъ сластокъ,
Поди вонъ, королекъ [1])!

21. Чикирики, микирики,
Летали голубиники
По Волгѣ рѣкѣ,
По поповой полосѣ.
Дьяконъ пишетъ чернымъ углемъ,
На морѣ стукъ, громъ,
Стеклышки вонъ [2]).

22. Чикирики, микирики,
Летали голубиники
По кусту, по насту,
По бѣлому лизасту.
Шишелъ, вышелъ,
Вонъ пошелъ [3])!

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляется для этого же пѣсня „Куколка" (см. выше № 10). Кромѣ того, при нѣкоторыхъ играхъ существуютъ спеціальные способы выбирать вожатаго, какъ напр. при игрѣ въ „коровку", или „чушку".

1. Одна изъ простѣйшихъ игръ дѣтей подростковъ—это игра *въ черненькіе, или пятнашки.* Играющіе бѣгутъ въ разсыпную, кто куда попало. Тотъ, кто „водитъ", называется „черненькимъ" и долженъ ловить остальныхъ [4]). Изловленный имъ

---

[1]) Ср. *Покровскаго* Дѣтскія игры, 57 („ченчики-бубенчики") и 55 (прибаутка 6-я). *Иванова*, стр. 50, *д.*

[2]) Ср. *Покровскаго*, ib. 55 („первички-дружички"); отчасти *Иванова*, стр. 50, *б.* (Купянскъ), *а* (Ново.-Екатериносл.).

[3]) Ср. *Покр.*, 55 (изъ Тверской, Тобольск. и Вятск. губ. и вездѣ повторяется непонятное слово *насту*, но отсутствуетъ *лизасту.—Ивановъ*, ibid.

[4]) Ср. *Покровскаго*, 104—105 (лепки, ловишки и др.). *Иванова*, № 51. По поводу термина „черненькій", предполагающаго названіе ловимыхъ „бѣленькими", см. интересныя подробности у Покровскаго (102: др.-греч. остракинда.). *Ред.*

долженъ въ свою очередь ловить остальныхъ или, какъ говорятъ, „водить". Для отдыха играющіе назначаютъ особое опредѣленное мѣсто—„домъ", гдѣ черному ловить играющихъ не дозволяется. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не наскучитъ играющимъ.

2. Видоизмѣненіе предъидущей игры представляетъ игра *въ коршуна*, или *ворона*. Тотъ, кто „водитъ", долженъ изображать ворона. Воронъ садится на землю, играющіе окружаютъ его и начинаютъ спрашивать хоромъ: „Воронъ, воронъ, что ты дѣлаешь?" Воронъ отвѣчаетъ: „Ямку рою".—„На что тебѣ ямка?"—„Иголочку ищу".—„На что тебѣ иголочка?"—„Мѣшочекъ шить".—„На что тебѣ мѣшочекъ?"—„Камешки класть".—„На что тебѣ камешки?"—„Въ твоихъ дѣтей кидать!" Послѣ этихъ словъ воронъ кидается на окружающихъ его ребятъ, стараясь изловить кого нибудь изъ нихъ. Изловленный имъ мальчикъ и будетъ въ свою очередь самъ ворономъ, а прежній воронъ становится въ ряды играющихъ [1]).

3. Очень много общаго съ предъидущими играми имѣетъ игра *въ горѣлки* [2]). Играющіе становятся по-парно; одна пара за другою. Тотъ, кто водитъ, или, какъ говорятъ, „горѣлый" становится впереди и говоритъ:

Стою, стою на камешкѣ,
Горю, горю на солнышкѣ:
Кто меня любитъ, тотъ и выкупитъ.

Дальнѣйшій ходъ игры общеизвѣстный.

Много сходнаго съ предъидущими играми имѣютъ игры: огарыши, жгутъ, столбики, веревочка, кошка-мышка, составляющія отдѣльную группу дѣтскихъ игръ—въ кругу.

4. *Огарыши*, или *круговыя горѣлки*. Играющіе становятся въ кругъ. Одинъ изъ нихъ (тотъ, который водитъ) ходитъ за кругомъ. Ударивъ кого-нибудь изъ играющихъ по спинѣ,

---

1) Ср. *Покровскаго*, 163—168. *Ивановъ*, № 67.

2) Ср. *Покровскаго*, 111 и 203. *Иванова*, № 64. Символическое значеніе игры объяснено проф. А. Потебнею въ соч. О нѣкот. симв., 10; см. его-же „Объясненіе пѣсенъ", I., 176 *Ред*.

онъ бѣжитъ за кругомъ въ одну сторону, получившій ударъ бѣжитъ въ противоположную сторону [1]). Каждый изъ нихъ спѣшитъ скорѣе занять освободившееся въ кругу мѣсто. Тотъ, кто опоздаетъ на мѣсто, долженъ въ свою очередь горѣть и ходить за кругомъ.

5. Игра въ *жгутъ* есть ничто иное, какъ тѣ же круговыя горѣлки. Различіе состоитъ только въ томъ, что играющіе не стоятъ, а сидятъ, образуя кругъ. Подробности извѣстныя [2]).

6. *Кошка-мышка* [3])—7. *Веревочка* [4]). Игры общеизвѣстныя.

8. *Столбики*. Играющіе становятся въ кругъ по-парно, въ значительномъ разстояніи пара отъ пары. Каждая пара составляется такъ, что лицо одного обращено къ спинѣ другого. Тотъ, кто водитъ, ходитъ за кругомъ и становится затѣмъ сзади какой-нибудь пары. Передній въ этой парѣ, оказавшійся такимъ образомъ лишнимъ, долженъ быстро перейти и пристать къ новой парѣ, лишній въ этой парѣ долженъ пристать къ слѣдующей и т. д. Очевидно, что эта игра возможна только при нечетномъ числѣ играющихъ лицъ [5]).

Во всѣ, сказанныя нами, игры играютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Впрочемъ дѣвочки, подростая, начинаютъ перенимать у взрослыхъ различныя хороводныя игры [6]) и въ своихъ забавахъ окончательно отдѣляются отъ мальчиковъ. Игры №№ 3, 4, 5, 6, 7 и 8 распространены и между взрослыми.

9. *Прятки*, или *убирки*. Играющіе прячутся по различнымъ закоулкамъ дома, сараевъ и т. д. Одинъ изъ играющихъ водитъ: онъ долженъ отыскивать остальныхъ. Чтобы дать время играющимъ спрятаться, берутъ палку и кидаютъ её какъ можно дальше, послѣ чего быстро прячутся. Тотъ, кто во-

---

1) Такой же пріемъ ср. у *Иванова*, № 49.

2) Ср. *Покровскаго*, 215. *Иванова*, № 42.

3) Ср. у *Покровскаго*, 194. *Иванова*, № 61.—4) *Покр.*, 211.

5) *Покр.*, 109.

6) Народныя хороводныя пѣсни и игры въ Ярославской губерніи описаны нами въ ст. „Русскій хороводъ“.(Сѣверный Вѣстникъ, 1889 г. № 6, стр. 16—32). *Авт.*

дитъ, долженъ принести палку, положить её на опредѣленное мѣсто — „домъ“ , и послѣ этого отыскивать спрятавшихся товарищей. Какъ только кто нибудь будетъ имъ найденъ, вожатый бѣжитъ къ „дому“ и громко стучитъ лежащей тамъ палкой. Если найденный успѣетъ ранѣе добѣжать до дому и постучать тамъ палкою, то онъ уже не считается найденнымъ. Первый, отысканный вожатымъ и, какъ говорятъ, „застуканный“—мальчикъ долженъ въ свою очередь водить и отыскивать спрятавшихся товарищей [1]). Въ прятки играютъ и дѣвочки, но сравнительно рѣдко.

Игры, въ которыя исключительно играютъ одни только мальчики, это — *коровка*, *муха*, *чижикъ*, *буй*, *лунки*, *мячъ*, *бабки*. При игрѣ въ первыя пять изъ этихъ игръ вожатый избирается иначе, нежели какъ описано это нами выше. Всякій, желающій играть, долженъ взять коровку, подбросить ее вверхъ и на лету ударить въ нее нѣсколько разъ своею биткою. Ударившій меньшее число разъ и долженъ водить.

10. *Коровка*, или *чушка*. Для означенной игры берется круглый обрѣзокъ жерди въ видѣ цилиндра, $^3/_4$ вершка въ діаметрѣ и до 2 вер. въ длину. Этотъ обрѣзокъ и есть „коровка“, или „чушка“. Коровка ставится на ровномъ мѣстѣ стоймя; въ разстояніи $1^1/_2$—2 арш. отъ нея проводится черта, на которой въ равномъ другъ отъ друга разстояніи выбиваются въ землѣ небольшія ямки—„лунки“, означающія мѣста играющихъ. Играющіе, ставъ на свои мѣста, „битками“, или довольно тяжелыми палками, до аршина въ длину, стараются попасть въ коровку и сшибить ее съ мѣста. Бьютъ битками по очереди. Какъ только коровка будетъ сбита съ мѣста, всѣ, ранѣе бросившіе свои битки, кидаются поднимать ихъ, спѣша какъ можно скорѣе возвратиться на свои мѣста. Тотъ, который водитъ, долженъ поднять сшибленную коровку, поставить ее на прежнее мѣсто и занять чье-нибудь свободное мѣсто. Тотъ изъ играющихъ, кто опоздаетъ возвратиться на

---

[1]) *Покровскій*, 113 и сл.—*Ивановъ*, № 57.

свое мѣсто и чье мѣсто будетъ занято вожатымъ, долженъ въ свою очередь водить [1]).

11. Варіантъ предъидущей игры представляетъ изъ себя игра въ *муху*, или *мушку*. Муха—это небольшой обрубокъ дерева, нѣсколько напоминающій собою цифру 4. Прямымъ своимъ угломъ этотъ обрѣзокъ вѣшается на вертикально вколоченную въ землю палку. Въ эту-то палку и кидаютъ играющіе своими битками. При каждомъ ударѣ муха съ шумомъ слетаетъ съ палки. Условія игры тѣ же, что и въ предъидущей игрѣ [2]).

12. *Чижикъ*, или *чувиль*. Чижикъ—это четырехгранный, призматическій обрубокъ дерева, до $1/2$ вер. толщины и до 3 вершковъ длины. Оба конца чижика оканчиваются острымъ угломъ. Обрубокъ этотъ, брошенный на землю, ложится всегда такъ, что если его ударить лопаткою по приподнятому вверхъ концу, то онъ быстро привскакиваетъ вверхъ. Играютъ по большей части двое. Игра ведется такимъ образомъ: на землѣ очерчивается кругъ до $3/4$ ар. діам., въ средину его кладется чижикъ; одинъ изъ играющихъ ударяетъ лопаткою по чижику, отъ чего онъ привскакиваетъ вверхъ. Не давая затѣмъ упасть чижику на землю, играющій тою же лопаткою отбрасываетъ его на лету въ сторону, стараясь отбросить его отъ круга какъ можно далѣе. Тотъ, кто водитъ, поднимаетъ чувиль и старается бросить его такъ, чтобы онъ попалъ въ очерченный на землѣ кругъ. Играющій отбрасываетъ чижикъ на лету своею лопаткою. Если чижикъ упадетъ въ кругъ, то играющій передаетъ игру своему партнеру, а самъ начинаетъ водить. Цѣль игры состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе довести до заранѣе опредѣленной нормы число ударовъ по чижику. Каждый разъ игрокъ ударяетъ по чижику одинъ разъ на землѣ и затѣмъ уже, сколько можетъ разъ, на лету. Если чувиль не успѣютъ на лету отбросить въ сторону, и онъ упадетъ въ чертѣ круга, то допустившій такой

---

1) Ср. *Иванова*, № 7.—*Покровск.*, 310—313.

2) Ср. *Покровск.* 308 и сл.

промахъ долженъ начать свою партію снова: его партія, какъ говорятъ, «сгоритъ». Проигравшій получаетъ «скачки». Скачки состоятъ въ слѣдующемъ: чижикъ выбрасывается изъ круга, какъ и при игрѣ; проигравшій партію, прыгая на одной ногѣ, долженъ принести чижикъ обратно въ кругъ. Число скачекъ опредѣляется заранѣе означенными условіями [1]).

13. *Лунки* На землѣ въ видѣ круга выбиваются на близкомъ разстояніи другъ отъ друга небольшія ямки—лунки, Каждый изъ играющихъ, кромѣ водящаго, имѣетъ свою лунку. Тотъ, кто водитъ, кидаетъ въ лунки мячемъ. Остальные играющіе своими палками или битками стараются отбросить мячъ на лету и не допустить его до лунокъ. Какъ только мячъ попадетъ въ чью-либо лунку, владѣлецъ уступаетъ свою лунку вожатому и водитъ самъ до тѣхъ поръ, пока въ свою очередь не попадетъ въ чью-нибудь лунку [2]).

14. *Буй*. Игра эта нѣсколько сходна съ предъидущей игрой Водящій деревяннымъ шаромъ старается попасть въ лежащую на дорогѣ жердь— «буй». Остальные играющіе своими битками стараются оттолкнуть шаръ отъ жерди. Какъ только шаръ попадетъ въ жердь, играющіе кидаютъ свои битки на землю, и водящій, ставши у жерди, старается шаромъ попасть въ одну изъ лежащихъ на землѣ битокъ. Тотъ, въ чью битку ударится шаръ, и долженъ водить [3]).

Не лишнимъ считаемъ отмѣтить весьма характерную черту игръ подъ №№ 10, 11, 13 и 14-мъ. Во всѣхъ указанныхъ играхъ одинъ мальчикъ долженъ бороться съ остальными, одинъ долженъ играть противъ всѣхъ. Часто нелюбимаго мальчика товарищи сговариваются «заводить», т. е. не выпускать его изъ вожатыхъ и, по большей части, всегда заваживаютъ, измучиваютъ до полнаго изнеможенія и доводятъ до слезъ. Отказаться отъ игры нельзя—это значитъ «жилить», и съ такимъ мальчикомъ товарищи расправляются иногда до-

---

[1]) Ср. *Иван.* № 2. *Покровск.* 307 и сл.
[2]) Ср. *Покровск.* 267.
[3]) Ср. *Покровск.* 287, 311 и сл.

вольно жестоко. Не видно ли уже въ этихъ играхъ начало той покорности предъ міромъ, того уваженія къ нему и вѣры въ его непреоборимую силу, которыя глубоко коренятся въ нашемъ простомъ народѣ?...

15. *Свайка.* Свайка есть ничто иное, какъ тяжелый, круглый желѣзный гвоздь съ массивною шляпкою. Этимъ то гвоздемъ съ извѣстнаго разстоянія и стараются попасть въ лежащее на землѣ небольшое желѣзное кольцо. Въ случаѣ промаха играющій передаетъ свайку слѣдующему партнеру до новой очереди. Выигравшимъ считается тотъ, кто раньше всѣхъ попадетъ опредѣленное число разъ въ желѣзное кольцо. Проигравшій долженъ нѣсколько разъ, смотря по проигрышу, вытащить «рѣдьку», т. е. вытащить зубами свайку, которую втыкаютъ на этотъ разъ въ деревянную доску [1]).

Всѣ, описанныя нами выше, игры представляютъ изъ себя состязаніе играющихъ въ тѣлесной силѣ и ловкости. Такимъ же характеромъ отличается извѣстная игра *тяну - потяну*, точно такъ же какъ игра въ *городки* и *мячъ*. Описывать эти игры, какъ общеизвѣстныя, мы не будемъ, а упомянемъ объ играхъ азартныхъ въ своей основѣ, въ которыхъ состязаніе играющихъ имѣетъ конечною цѣлью выигрышъ. Къ счастью, такихъ игръ весьма не много распространено въ народѣ. Къ такимъ играмъ относится игра въ *бабки* [2]), *четъ-нечетъ*, *ломка пряниковъ* и *орлянка*. Впрочемъ послѣднія извѣстны только въ селеніяхъ торговыхъ и фабричныхъ, между дѣтьми подростками, имѣющими свой самостоятельный заработокъ [3]). Всѣ эти игры повсюду распространены и всѣмъ извѣстны.

Гораздо менѣе лѣтнихъ игръ разнообразны игры зимнія. Это вполнѣ объясняется стѣснительными условіями, какъ напр. тѣснотою крестьянскихъ помѣщеній и т. д. Изъ зимнихъ

---

[1]) Ср. *Покровск.* 227 и сл.

[2]) *Покр.* 320. *Иван.* 40.

[3]) Сами по себѣ нѣкоторыя изъ этихъ игръ не всегда заслуживаютъ порицанія, такъ какъ штрафы денежные въ случаѣ проигрыша могутъ въ нихъ замѣняться какими-нибудь импровизированными наказаніями, какъ напр. въ *четъ-нечетъ* (ср. *Покр.* 347). *Ред.*

игръ дѣтей—подростковъ наиболѣе извѣстны игра въ *бирюльки*, (вытягиваніе соломинокъ [1]), *камушки* и *жмурки*.

16. Мы остановимся на болѣе сложной игрѣ —*въ камушки* [2]. При этой игрѣ играющіе берутъ пять болѣе или менѣе ровныхъ и круглыхъ камешковъ. Камешки кидаются на столъ. Первый изъ играющихъ беретъ одинъ камешекъ въ правую руку; подкинувъ этотъ камешекъ вверхъ, онъ быстро хватаетъ одинъ изъ лежащихъ на столѣ камешковъ правою рукою и затѣмъ тою же рукою ловитъ подброшенный вверхъ камень. Такъ поступаетъ онъ и съ остальными тремя камешками. Сдѣлавъ эту фигуру, онъ переходитъ къ слѣдующей. Раскинувъ камешки по столу, онъ кидаетъ одинъ камень правою рукою вверхъ, быстро хватаетъ тою же рукою сразу два камня и тою же рукою ловитъ брошенный камень. То же самое продѣлываетъ онъ съ остальными двумя камнями. Послѣ этого дѣлается новая фигура. Изъ раскинутыхъ камней берется сначала одинъ камень, какъ и въ первой фигурѣ, а затѣмъ сразу три. Въ четвертой фигурѣ всѣ пять камней берутся въ руку, одинъ изъ нихъ кидается вверхъ, остальные четыре камня кладутся на столъ и брошенный камень ловится; затѣмъ снова бросается вверхъ, лежащіе на столѣ четыре камня берутся правою рукою и тою же рукою ловится брошенный вверхъ камень. Въ пятой фигурѣ всѣ пять камней берутся въ руку и затѣмъ подкидываются вверхъ; рука быстро послѣ этого обращается ладонью внизъ такъ, что всѣ или часть брошенныхъ камней ложится на руку. Эти камни подбрасываются вверхъ и ловятся. Камни, лежащіе на столѣ, подбираются, какъ и въ первой фигурѣ, только подбрасывается вверхъ не одинъ камень, а всѣ камни, находящіеся въ рукѣ. Въ шестой фигурѣ большой и указательный пальцы лѣвой руки разставляются въ видѣ воротецъ на столѣ. Между тѣмъ правою рукою берется камень, подбрасывается вверхъ и тою же рукою быстро проталкивается одинъ изъ камней, лежащихъ на столѣ,

---

[1]) *Покровскій*, 352.

[2]) Ср. *Иванова*, № 36. *Покровск*. 341.

въ импровизованныя воротца, послѣ чего брошенный камень ловится тою же рукою. Такъ поступаютъ и съ остальными камнями. Въ седьмой фигурѣ камни разбрасываются по столу, послѣ чего берется одинъ изъ нихъ въ правую руку, подбрасывается вверхъ и быстро тою же правою рукою берется одинъ изъ камней, лежащихъ на столѣ, и кладется въ лѣвую руку, послѣ чего уже ловится правою рукою брошенный камень. Такъ поступаютъ и съ остальными камнями, лежащими на столѣ. Въ восьмой фигурѣ камни подбрасываются, какъ и въ пятой, и ловятся верхнею стороною руки. Растопыривъ, затѣмъ большой и указательный пальцы правой руки, подбираютъ этими пальцами всѣ камешки, упавшіе на столъ, и кладутъ ихъ въ лѣвую руку. Взявъ послѣдній камень, подбрасываютъ лежащіе на верху руки камни и затѣмъ ловятъ. Всѣ описанныя восемь фигуръ и составляютъ партію или, какъ говорятъ, „руку“. Если во время игры играющій уронитъ одинъ изъ брошенныхъ вверхъ камней, не успѣвъ его изловить, то игра передается другому партнеру. Выигрываетъ тотъ, кто скорѣе всѣхъ окончитъ всѣ 8 фигуръ или партію. Каждая изъ фигуръ партіи носитъ свое особое названіе: „по одному“—первая, „по два“ — вторая, „по три“ — третья, „по четыре“—четвертая, „по пяти“ — пятая, „банька“ — шестая, „полочекъ“ — седьмая, „рачокъ“— восьмая. Болѣе искусные игроки играютъ „безъ пошевелокъ“, т. е. не шевеля тѣхъ камней, которыхъ не берутъ въ извѣстной фигурѣ, и „въ указки“, т. е. поднимая камни со стола не по своему выбору, а по указанію партнера. Игра „въ указки“ производится въ то же время и „безъ пошевелокъ“.

17. Игра въ *жмурки* [1])—это та же игра въ черненькіе, только черненькій ловитъ остальныхъ играющихъ съ завязанными глазами. Въ эту игру играютъ и дѣвочки, точно такъ же какъ и въ бирюльки.

---

[1]) Ср. *Иванова*, № 57 и сл. *Покр.*, 205 и сл.

Дѣвочки—подростки начинают уже перенимать хороводныя и нехороводныя игры взрослыхъ; въ своихъ забавахъ онѣ окончательно отдѣляются отъ мальчиковъ. Во многихъ мѣстахъ онѣ устраиваютъ даже свои посидки и вечерины отдѣльно отъ взрослой молодежи.

Всѣ описанныя игры имѣютъ болѣе общій этнографическій интересъ, чѣмъ мѣстный, спеціально примѣнимый къ Пошехонью. Объ изобрѣтательности дѣтей данной мѣстности въ этомъ случаѣ говорить мы не имѣемъ права, такъ какъ подобныя, если и не совсѣмъ сходныя, игры извѣстны и въ другихъ мѣстностяхъ. На долю мѣстной изобрѣтательности приходятся лишь разнообразныя видоизмѣненія и отступленія въ частностяхъ, которыя врядъ ли вызываются какими-нибудь серьезными условіями мѣстнаго быта. Нѣкоторыя игры, вѣроятно, въ основѣ своей имѣютъ тѣ или другія отвлеченныя понятія и взгляды, какъ, напримѣръ, игра въ коршуна съ какимъ-то загадочнымъ рытьемъ ямы и т. д.; но изъ этого еще нельзя заключать, чтобы сами играющіе въ моментъ игры задавались какими-нибудь отвлеченными мыслями. Они ищутъ только развлеченія, и та игра, въ которой больше движенія и, пожалуй, душевнаго волненія, больше нравится. Въ виду этого на дѣтскія крестьянскія игры надо смотрѣть прежде всего съ точки зрѣнія педагогической. Тутъ мы видимъ, что онѣ дѣйствительно играютъ не послѣднюю роль въ дѣтскомъ воспитаніи не только физическомъ но и духовномъ. Однѣ изъ нихъ развиваютъ силу, ловкость, быстроту, мѣткость; другія пріучаютъ къ сообразительности, вниманію, умѣнью держать себя на-сторожѣ; наконецъ, всѣ игры заставляютъ каждаго участника въ равной мѣрѣ подчиняться волѣ всѣхъ и всѣ онѣ болѣе или менѣе проникнуты принципомъ справедливости, возмездія по заслугамъ, а великое значеніе этого принципа въ крестьянскомъ обществѣ, такъ же какъ и во всякомъ другомъ, я думаю, понятно для каждаго.

А. Баловъ.

20 нояб. 1889 и 1 мар. 1890.
Пошехонье.

КЪ ВОПРОСУ О РУССКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКѢ.

(По поводу новѣйшихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ).

„Высшая и единственная задача „человѣческой жизни состоитъ въ „стремленіи къ истинному знанію".

Сократъ.

„Конечно, страшно выходить на „бой съ общественнымъ мнѣніемъ и „возставать явно противъ его идо„ловъ, но я рѣшаюсь на это не столь„ко по смѣлости, сколько по безко„рыстной любви къ истинѣ... Знаю, „что это новое мнѣніе найдетъ еще „слишкомъ много противниковъ, но „какъ бы то ни было, а истина до„роже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ".

В. Бѣлинскій.

Въ области музыки, какъ и въ другихъ отдѣлахъ искусства, мы встрѣчаемся съ тѣми же характерными теченіями, которыя составляютъ принадлежность всей человѣческой жизни во всѣхъ отрасляхъ знаній: по мѣрѣ накопленія новаго матеріала, пріобрѣтенія новыхъ знаній, разъясняются основные законы, расширяется кругозоръ общества, и оно невольно переходитъ отъ своихъ давно пережитыхъ принциповъ и пріемовъ къ другимъ, болѣе отвѣчающимъ современному запасу знаній, развитію и вкусу. Временное увлеченіе внѣшней новизною и модою быстро уступаетъ внутреннему запросу истиннаго чувства, научной правдѣ, открывающимся въ болѣе глубокомъ познаніи законовъ природы и человѣческаго духа.

Такой методъ изслѣдованія въ области исторіи музыки, акустики и ритмики внесъ за послѣднее время въ это искусство столько свѣта, что позволяетъ уже основательно разобраться среди массы тѣхъ мало согласованныхъ между собою правилъ и пріемовъ, собраніе которыхъ называется теоріей музыки.

Врядъ ли покажется страннымъ тотъ фактъ, что главныя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ не музыкантамъ, а ученымъ, не связаннымъ съ музыкой никакими профессіональными традиціями и не увлекаемымъ чувствомъ артистическаго самолюбія. Кругъ изслѣдованія этихъ ученыхъ составляетъ болѣе спокойную область филологіи, физики, физіологіи и исторіи.

Извѣстный филологъ *Рудольфъ Вестфаль*[1]) еще въ 1880 году издалъ въ Лейпцигѣ книгу: „Allgemeine Theorie der musikalischen Rhytmik seit Joh. Seb. Bach auf Grundlage der Antiken", съ которой музыканты повидимому и по сіе время мало знакомы, какъ и съ „Ученіемъ о слуховыхъ ощущеніяхъ" *Гельмгольца*, и съ трудомъ *Артура фонъ-Эттингена*: „Harmoniesystem in dualer Entwickelung".

П. П. Сокальскій, авторъ книги: „Русская народная музыка", на стр. 367 говоритъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что сравнительное изученіе старинныхъ напѣвовъ различныхъ народовъ, нетронутыхъ еще западно-европейскою цивилизаціею, доставитъ много новыхъ и интересныхъ выводовъ или сближеній для новой науки сравнительной народно-музыкальной археологіи и этнографіи. Но какъ такой необработанный матеріалъ не можетъ разсчитывать на распространеніе его въ публикѣ, то собраніе и изданіе его должно быть всячески поддерживаемо и покровительствуемо нашими учеными и музыкальными обществами". Въ концѣ той же страницы Сокальскій говоритъ: „Мы считаемъ необходимымъ, чтобы въ русскихъ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ, на

---

[1]) Почетный докторъ греческой литературы при Московскомъ Университетѣ.

ряду съ ученіями о гармоніи и контрапунктѣ, устроены были и спеціальныя каѳедры русской народной музыки. Это не только возбудило бы живой интересъ русскихъ музыкантовъ къ этому особому музыкальному стилю, продукту народнаго русскаго генія въ областяхъ языка, мелодіи и ритма, но и подготовило бы лицъ для осмысленнаго, систематическаго и точнаго собиранія и записыванія памятниковъ русской народной музыки, еще не исчезнувшихъ изъ устнаго оборота массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое преподаваніе подготовило бы въ народныхъ учителяхъ правильное отношеніе къ народной музыкѣ, которая тогда могла бы быть введена къ употребленію во всѣхъ народныхъ школахъ Россійской Имперіи".

Спеціальной каѳедры русской народной музыки нѣтъ и по сіе время, и правильнаго отношенія къ народной музыкѣ весьма мало.

Знакомство съ послѣдними сборниками славянскихъ народныхъ пѣсенъ приводитъ насъ къ печальному заключенію, что собиратели пѣсенъ не знакомы съ законами акустики и ритмики, съ помощью которыхъ является единственная возможность правильно записывать пѣсни. Въ этомъ нельзя винить авторовъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Вся вина должна пасть на руководителей нашего музыкальнаго образованія.

Въ новѣйшихъ сборникахъ встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія, пѣсни, правильно записанныя въ ритмическомъ отношеніи. Это такъ и должно быть, ежели мы пріимемъ во вниманіе, что въ консерваторіяхъ изучаются руководства въ родѣ „Учебника формъ инструментальной музыки" Людовига Бусслера. (Этотъ учебникъ переведенъ профессорами Московской консерваторіи г. г. Танѣевымъ и Кашкинымъ). Въ этой книгѣ, повидимому, написанной для учениковъ, излагаются свѣдѣнія совершенно несогласныя съ научными данными.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія посмотримъ, что̀ Бусслеръ называетъ метрикой и ритмикой.

По словамъ Бусслера: „Подъ метромъ разумѣется дѣленіе на такты, количественный составъ и подраздѣленіе такта. Подъ

ритмомъ разумѣется музыкальное движеніе на основѣ такого подраздѣленія въ опредѣленныхъ, многообразно различныхъ длительностяхъ. Метрика въ музыкальной наукѣ представляется видами такта, а ритмика видами нотъ. Напримѣръ четырехчетвертной тактъ есть метръ, а движеніе восьмыми и четвертями, совершающееся на основаніи этого метра, есть ритмъ".

Изъ этого глубокомысленнаго опредѣленія слѣдуетъ, что встрѣчающіяся въ началѣ каждаго музыкальнаго сочиненія тактовыя обозначенія: $^2/_1$, $^3/_1$, $^4/_1$, $^2/_2$, $^3/_2$, $^4/_2$, $^2/_4$, $^3/_4$, $^4/_4$, $^5/_4$, $^6/_4$, $^3/_8$, $^4/_8$, $^5/_8$, $^6/_8$, $^9/_8$, $^{12}/_8$, $^{15}/_8$, $^6/_{16}$, $^{12}/_{16}$—все это называется метрикой, а „музыкальное движеніе на основѣ такого подраздѣленія въ опредѣленныхъ, многообразно различныхъ длительностяхъ", или, другими словами, — звуковыя измѣненія четвертями, восьмыми, шестнадцатыми и проч. называются ритмомъ. Подобное опредѣленіе, безъ сомнѣнія, озадачитъ любого филолога.

Согласно съ правильнымъ опредѣленіемъ *Аристоксена*, ученика Аристотеля, *ритмъ состоитъ въ ясномъ для слушателя разчлененіи времени, занимаемаго поэтическимъ или музыкальнымъ произведеніемъ искусства.* Матеріаломъ для ритма служатъ слова и звуки. Слѣдовательно, ритмъ проявляется въ стихотвореніяхъ и въ музыкѣ какъ въ вокальной, такъ и въ инструментальной. Ритмическіе законы касаются извѣстныхъ отдѣловъ времени, ясно опредѣленныхъ словами или звуками. *Часть ритмики, обнимающая приложеніе законовъ ритма спеціально къ звукамъ рѣчи, называется метрикой.*

Бусслеръ ухитрился уравнять метрику съ тактовыми обозначеніями, а ритмика, наука о размѣрѣ, сравнена Бусслеромъ съ звуковыми измѣненіями. И все это излагается для обученія будущихъ музыкантовъ.

Посмотримъ, чтó Бусслеръ далѣе предлагаетъ ученикамъ. Книга начинается ученіемъ о формахъ. Въ § 1, озаглавленномъ: „Двутактъ или фраза",—Бусслеръ говоритъ, что „двутактъ составляетъ основной элементъ всѣхъ классическихъ инструментальныхъ формъ". Изучавшему ритмику из-

вѣстно, что такты бывають одностопные, двухъ-,трехъ- и четырехстопные. Тактъ не представляетъ собою опредѣленной ритмической величины. Четырехстопный тактъ самъ по себѣ можетъ составить предложеніе. Два четырехстопныхъ такта представляютъ собой періодъ. Такимъ образомъ опредѣленіе Бусслера: „двутактъ или фраза“ вноситъ очевидную путаницу въ ритмику.

Въ учебникахъ гармоніи ученикамъ предлагаются задачи, не имѣющія ясной ритмической формы. Подобныя задачи пріучаютъ учениковъ къ нарушенію законовъ ритма, вслѣдствіе чего въ новѣйшихъ сочиненіяхъ часто встрѣчается *арритмія* (arrhytmie), т. е. ритмическій безпорядокъ, произволъ и неправильности противъ ритма.

Пѣсни русскаго народа отличаются необыкновенной правильностью ритмическаго склада.

Профессоръ Вестфаль въ статьѣ, читанной въ одномъ изъ засѣданій Моск. отд. классич. филологіи и педагогики (напечатан. въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1879 г. № 9), говоритъ:

„Поразительно громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсенъ какъ свадебныхъ и похоронныхъ, такъ и всякихъ другихъ, представляетъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, нѣжной поэзіи, чисто поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высокопоэтическую форму, что литературная эстетика, принявъ разъ русскую народную пѣснь въ кругъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій, непремѣнно назначитъ ей безусловно *первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара*... И нѣмецкая народная пѣснь представляетъ намъ много прекраснаго, задушевнаго и глубоко прочувствованнаго; но какъ узко теченіе этой пѣсни въ сравненіи съ широкимъ потокомъ русской народной лирики, которая не менѣе нѣмецкой поражаетъ наше впечатлѣніе, но зато далеко превосходитъ ее своею несравненною законченностью формы“.

„Развѣ русская народная лирика не создала себѣ собственнаго, опредѣленнаго канона поэтической риторики, который

въ результатѣ приводитъ насъ къ тѣмъ же тропамъ и фигурамъ, которыя выработала себѣ искусственная поэтика и риторика грековъ? Едва ли можно найти въ канонѣ, составленномъ греческими риторами, на основаніи ихъ поэтической и риторической литературы, хоть одну фигуру, для которой мы не могли бы найти многочисленныхъ примѣровъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ этомъ мы видимъ явное доказательство поэтическаго дарованія русскаго народа. *Философія исторіи имѣетъ полное право вывести изъ этого дарованія самыя свѣтлыя заключенія для будущности русской исторіи*".

Въ той же статьѣ проф. Вестфаль говоритъ: „Изъ композиторовъ христіанской новой музыки великій І. С. Бахъ всего болѣе слѣдуетъ въ своей ритмикѣ тѣмъ нормамъ, которыя соблюдались и греческими музыкантами и поэтами, описанными Аристоксеномъ".

„Сходство, существующее между Бахомъ и древними, объясняющееся лишь сходствомъ генія, граничитъ почти съ чудомъ; но еще поразительнѣе покажется всѣмъ интересующимся музыкой фактъ, касающійся Россіи,—фактъ, который является результатомъ собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ въ изданіи Ю. Н. Мельгунова. Благодаря этому изданію, музыка русскихъ народныхъ пѣсенъ будетъ имѣть неизмѣримо важное значеніе какъ вслѣдствіе ритма самихъ мелодій, такъ въ особенности вслѣдствіе ихъ особой, самобытной гармонизаціи, не созданной на почвѣ какой бы то ни было доктрины. Такихъ гармоній мы не встрѣчаемъ ни у одного народа. Понять ихъ—дѣло акустики и основаннаго на акустикѣ природнаго свойства скалы (гаммы); что же касается формъ этихъ народныхъ пѣсенъ, то это, такъ сказать, для насъ старые знакомые изъ ритмики грековъ и Баховыхъ фугъ".

„Греческій законъ требуетъ, чтобы основное время оставалось постоянно недѣлимымъ. А именно относительно основного времени и всѣхъ вытекающихъ отсюда особенностей *ни одна музыка, кромѣ Баховыхъ фугъ*, не подходитъ такъ близко къ греческой, какъ *русская народная пѣсня*".

„Иностранцы, даже довольно образованные музыканты,

ничего не знаютъ и не хотятъ знать о ясности русской народной ритмики, и ни за что не рѣшаются признать за ней эту славу. Теперь, по изданію сборника г. Мельгунова, господствующее мнѣніе объ этомъ предметѣ вѣроятно измѣнится. Пока русскія народныя пѣсни были извѣстны только по своимъ напѣвамъ, произвольно гармонизированнымъ самими издателями, до тѣхъ поръ было весьма трудно уяснить себѣ опредѣленнымъ образомъ предѣлы ритмическихъ частей".

„Для того чтобы освоиться съ ритмомъ русскихъ народныхъ напѣвовъ, необходимо еще нѣчто иное. Ритмы этихъ напѣвовъ слишкомъ отдалены отъ ритмовъ западной Европы и такъ чужды уху, привыкшему къ ритму итальянской, нѣмецкой и французской оперы, что они представляются ему чѣмъ-то непонятнымъ и страннымъ. Для того чтобы ихъ понять, необходимо приблизиться къ нимъ съ готовыми схемами греческой и отчасти Баховской ритмики. Кто близко знакомъ съ этими ритмическими схемами, тотъ всегда легко отъищетъ форму, къ которой подходятъ русскія народныя пѣсни по своему ритму, и тотъ никогда не найдетъ ихъ странными, неритмическими, а напротивъ того встрѣтитъ въ нихъ прекрасную, пріятную и вполнѣ удовлетворяющую музыку. Вѣдь такъ бываетъ это и въ другихъ искусствахъ. Художественнымъ произведеніемъ пластики можетъ наслаждаться только тотъ, у кого нѣтъ недостатка въ соотвѣтствующей научной подготовкѣ; въ противномъ случаѣ онъ останется равнодушнымъ предъ памятникомъ пластическаго искусства, если бы даже онъ былъ произведеніемъ Фидіевой школы".

„Въ стихотвореніяхъ Зендъ-Авесты мы находимъ ту же самую точку зрѣнія, что въ русской народной пѣснѣ. Объемъ стопы и ея частей не опредѣляется количественностью слоговъ, ритмическая продолжительность и ритмическое удареніе зависятъ исключительно отъ напѣва, къ которому прилаживаются слова текста".

„Тождественность стиха Авесты съ ведійскимъ анштубомъ и связь этого размѣра съ древне-германскимъ (которую я объяснилъ подробнѣе въ своей греческой метрикѣ) можно

понять лишь при такомъ предположеніи, что этотъ размѣръ четырехъ арійскихъ племенъ представляетъ лишь видоизмѣненіе одного и того же первоначальнаго арійскаго размѣра. Приводя этотъ размѣръ русской пѣсни въ связь съ его формами у родственныхъ народовъ, мы должны прибавить, что *русскій размѣръ первоначальнѣе древне-германскихъ тоническихъ размѣровъ: по своему образованію и вмѣстѣ съ тѣмъ по времени своего возникновенія онъ занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ размѣровъ Авесты*".

Такимъ образомъ изученіе русской народной пѣсни имѣетъ огромнѣйшій интересъ и значеніе не только съ точки зрѣнія *русскаго національнаго* искусства, но и *обще-человѣческаго*.

Аристоксенъ безусловно можетъ быть руководителемъ для изслѣдованій въ современной наукѣ о ритмѣ. Онъ былъ признанъ какъ величайшій музыкальный теоретикъ и былъ человѣкомъ всеобъемлющаго дарованія. Въ Аѳинахъ онъ былъ ученикомъ великаго Аристотеля и, по словамъ Вестфаля, въ искусствѣ изложенія онъ, можетъ быть, превосходилъ своего учителя.

Вестфаль говоритъ: „Такъ какъ грекъ вообше отличается болѣе остроумною наблюдательностью фактовъ, чѣмъ вообще современный человѣкъ, то этимъ качествомъ выдѣлялись въ высшей степени и всѣ сочиненія музыканта Аристоксена, который въ этомъ выказалъ себя равнымъ ученикомъ великаго Аристотеля..."

„Насколько были извѣстны нашимъ великимъ композиторамъ ритмическіе законы, которымъ они слѣдовали въ творческомъ влеченіи, настолько же не въ состояніи музыкальные теоретики выработать вновь ритмическій трудъ Аристоксена; для этого не достаетъ современной теоріи искусства предположенія Аристоксеновской теоріи, признающей единство ритмическихъ формъ въ музыкѣ и таковыхъ же въ поэзіи. Починъ въ выясненіи *связи и тождества законовъ ритма въ поэзіи и музыкѣ* принадлежитъ филологіи, которая возобновила значеніе Аристоксеновской ритмики..."

„Музыканты не должны съ негодованіемъ встрѣчать терминологію, которая можетъ нѣкоторымъ показаться за новую: это не новая, но въ полномъ смыслѣ слова античная терминологія, которая несравненно древнѣе Рейха, Лобе и Маркса, которые, не обращая вниманія на то, въ какомъ смыслѣ употреблялись древніе термины «періодъ» и «членъ (кóлонъ)», представили эти понятія совершенно въ томъ же родѣ, какъ если-бы въ геометріи они назвали окружность трапеціею, прямую линію—дугою, а квадратъ—треугольникомъ. И подлинно, совершенно такой же трагикомическій эффектъ производитъ искаженіе понятій и варварское смѣшеніе ихъ, какое мы встрѣчаемъ у Антона Рейха при опредѣленіи ритмическаго термина «періодъ» и «членъ».“

Теорія древней ритмики пріобрѣтаетъ особенную важность вслѣдствіе того, что она имѣетъ *серьезное практическое приложеніе*. Ритмъ со своими законами остался въ музыкѣ неизмѣннымъ съ самыхъ раннихъ временъ Греціи до нынѣшняго времени, и безусловно ритмическая теорія греческаго искусства можетъ быть положена въ основаніе современной музыкальной ритмики. Что же касается русской народной пѣсни, то мнѣ не приходилось встрѣтить пѣсни, не соотвѣтствующей законамъ ритма.

Въ бѣгломъ очеркѣ неудобно касаться всѣхъ подробностей въ вопросахъ о ритмѣ. Желающимъ изучить ритмику можно рекомендовать вышеназванную книгу Вестфаля: «*Allgemeine Theorie der musikalischen Rhytmik*» и проч. Мы ограничимся лишь краткими общедоступными замѣчаніями.

Основанія современной нотной системы и древней совершенно различны. Современные музыканты принимаютъ за единицу долгую ноту, которую дѣлятъ на болѣе мелкія части; древніе, напротивъ, принимали за единицу самую короткую ноту и, увеличивая эту единицу въ нѣсколько разъ, получали долгія ноты.

Мо́ра (chronos protos).

Въ основаніе ритмическаго измѣренія времени древніе принимали продолжительность выговора краткой гласной—*мо́ры* (chronos protos) Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и кратчайшая ритмическая единица времени, недѣлимая ритмическая часть.

Такъ какъ русскій языкъ не знаетъ разницы между долгими и короткими гласными, то въ приложеніи ученія Аристоксена къ нашей рѣчи, мы должны разумѣть подъ долготою Аристоксена соединеніе двухъ слоговъ.

Мора не представляетъ собою абсолютно опредѣленную величину (по времени): въ медленномъ темпо она продолжительнѣе, а въ скоромъ короче.

Въ современной нотной системѣ нѣтъ понятія, которое соотвѣтствовало бы древней морѣ (chronos protos). Для обозначенія этой ритмической величины у музыкантовъ нѣтъ опредѣленнаго знака. Изслѣдованія показали, что для опредѣленія моры музыканты совершенно произвольно берутъ ноты равныя половинѣ, четверти, восьмой, шестнадцатой и даже тридцать второй.

Безъ точнаго опредѣленія моры нельзя приступать къ ритмическому анализу. Изъ моръ составляются *стопы*, стопы образуютъ *ко́лоны*, соотвѣтствующіе стихотворнымъ строкамъ. Изъ ко́лоновъ образуются предложенія, періоды и строфы.

Стопы.

Мо́ры, соединяясь по три, по четыре, по пяти и по шести, образуютъ *стопы*. Въ стопахъ слѣдуетъ различать ударяемую часть (thesis) и неударяемую (arsis).

Всевозможные виды стопъ сводятся къ четыремъ родамъ:

Стопа: *трохеическая*—трехморная, нечетная;
» *дактилическая*—четырехморная, четная,
» *пэоническая*—пятиморная (рѣдко встрѣчающаяся)—нечетная;
» *іоническая*—шестиморная, четная.

Желательно было бы, чтобы при записи русскихъ пѣсенъ

мора для трохеическаго [1]), пэоническаго и іоническаго [2]) ритмовъ была выражена восьмою, а для дактилическаго — шестнадцатою [3]).

Въ *трохеической*, какъ и въ *дактилической*, стопѣ удареніе можетъ быть на любой морѣ. Неударяемыя части стопы — въ началѣ — называются *анакрузами*.

Пэоническая стопа большею частью состоитъ изъ соединеній двухъ моръ съ тремя.

Іоническая — шестиморная стопа составляется изъ соединеній по двѣ моры.

Ежели ударяемая часть (thesis) въ іонической стопѣ приходится на первой морѣ, то такой видъ іоника называется *нисходящимъ* или *ionicus a maiore*. Ежели ударяемая часть является на третьей морѣ, то іоникъ называется *восходящимъ* или *ionicus a minore*.

Кóлоны.

Трохеическія и *дактилическія* стопы, взятыя по двѣ, по три, по четыре и по шести, образуютъ *кóлоны*.

Кóлоны получаютъ названія по числу заключающихся въ нихъ стопъ. Слѣдовательно, кóлоны могутъ быть: *двухстопные* (диподическіе), *трехстопные* (триподическіе), *четырехстопные* (тетраподическіе), *пятистопные* (пентаподическіе) и *шестистопные* (гексаподическіе).

Пятистопные кóлоны должны быть разсматриваемы какъ соединенные изъ двухъ частей (двухъ стопъ съ тремя или трехъ стопъ съ двумя).

Шестистопные кóлоны въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою соединеніе четырехстопныхъ кóлоновъ съ двухстопными или наоборотъ.

---

[1]) Въ вальсахъ мору принято выражать четвертью.

[2]) Во всѣхъ сочиненіяхъ Шумана мора для іоническаго ритма равняется восьмой.

[3]) Бахъ въ своихъ сочиненіяхъ выражаетъ большею частью мору дактилическаго ритма, шестнадцатою.

Въ трохеическомъ и дактилическомъ ритмѣ чаще встрѣчаются четырехстопные кóлоны.

Двухстопные кóлоны не встрѣчаются отдѣльно, а лишь въ соединеніи съ другими бóльшими кóлонами.

Трехстопные и пятистопные кóлоны большею частью встрѣчаются въ окончаніяхъ періодовъ и строфъ.

Іоническія стопы [1]) соединяются въ группы не болѣе трехъ.

Двѣ іоническія стопы образуютъ *диметръ*. Три іоническія стопы образуютъ *триметръ*. Одна самостоятельная стопа образуетъ *монометръ*.

Въ трохеическомъ и дактилическомъ ритмѣ наибольшій кóлонъ содержитъ въ себѣ шесть стопъ.

Въ іоническомъ ритмѣ болѣе трехъ стопъ въ кóлонѣ не встрѣчается.

Изъ кóлоновъ составляются *періоды*. Наименьшій періодъ состоитъ изъ двухъ кóлоновъ.

Изъ періодовъ составляются *строфы*. Наименьшая строфа состоитъ изъ двухъ періодовъ.

Желательно было бы, чтобы кóлоны были отдѣляемы другъ отъ друга знаками подобно тому, какъ это сдѣлано въ моихъ сборникахъ русскихъ пѣсенъ.
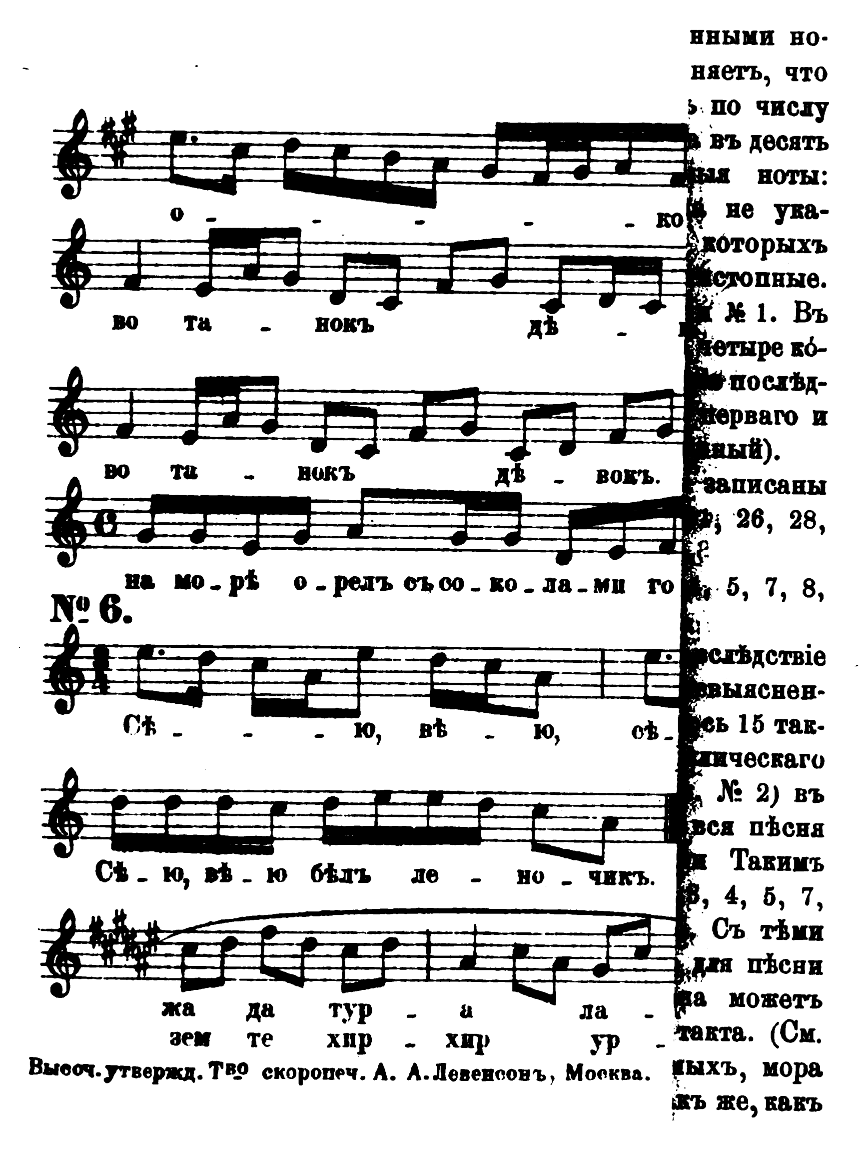
При записи текста пѣсенъ *необходимо указывать на стопныя ударенія*. Безъ этого легко ошибиться въ разстановкѣ словъ. Въ моемъ изданіи пѣсенъ гласныя, на которыхъ приходятся ударенія, обозначены курсивомъ. Позднѣйшіе издатели почему-то сочли лишнимъ указывать на стопныя ударенія.

Незнаніе законовъ ритма заставляетъ издателей печатать пѣсни безъ уясненія ихъ ритмическихъ особенностей.

Напр., въ сборникѣ гг. *Лопатина* и *Прокунина* запѣвъ пѣсни № 3 (1-й выпускъ 2-й части): „Ужъ вы горы мои“, размѣщенъ въ 9 тактовъ, при чемъ тактовыя обозначенія измѣнены восемь разъ ($^4/_4$, $^2/_4$, $^3/_2$, $^2/_4$, $^4/_4$, $^2/_2$, $^2/_4$, и $^2/_2$). Не го-

---

[1]) Въ лужицко-сербскихъ пѣсняхъ много примѣровъ іоническаго ритма. См. сборникъ Adolf'a Cerny. Budysen 1888 г.
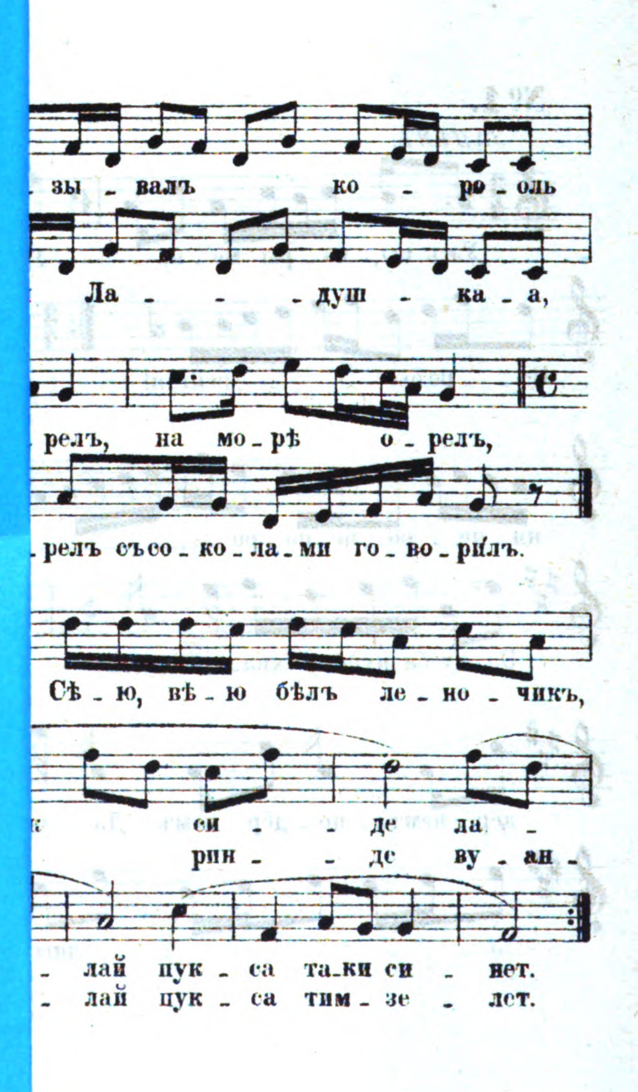

нными но-
няетъ, что
ь по числу
въ десять
ыя ноты:
не ука-
которыхъ
стопные.
№ 1. Въ
етыре ко-
послѣд-
ерваго и
ный).
записаны
, 26, 28,

5, 7, 8,

слѣдствіе
выясне-
сь 15 так-
ическаго
№ 2) въ
вся пѣсня
Такимъ
, 4, 5, 7,
Съ тѣми
для пѣсни
а можетъ
такта. (См.
ыхъ, мора
къ же, какъ

являющіяся
гма, посто-

зы - валъ ко - ро - оль
Ла - - - душ - ка - а,
релъ, на мо - рѣ о - релъ,
релъ съ со - ко - ла - ми го - во - рилъ.
Сѣ - ю, вѣ - ю бѣлъ ле - но - чикъ,
си - де ла -
рин - - де ву - ан -
лай пук - са та - ки си - нет.
лай пук - са тим - зе - лет.

воря уже о томъ, что счетъ четвертями и половинными нотами крайне неудобенъ, подобная запись не уясняетъ, что запѣвъ состоитъ изъ 4-хъ ко́лоновъ различныхъ по числу стопъ. Пѣсня вмѣсто четырехъ тактовъ размѣщена въ десять тактовъ съ перемѣнами четвертей на половинныя ноты: 4/4, 2/4, 4/4, 2/2, 2/4, 4/4, 2/2, 2/4, 3/2 Такая путаница не указываетъ на то, что въ пѣснѣ четыре ко́лона, изъ которыхъ первый трехстопный, а остальные три ко́лона пятистопные. Правильная запись приводится мною въ приложеніи № 1. Въ представленной записи ясно видно, что въ запѣвѣ четыре ко́лона: 1-й трехстопный, второй—четырехстопный и два послѣдніе — пятистопные. Въ пѣснѣ сохранился размѣръ перваго и послѣдняго ко́лона запѣва (трехстопный и пятистопный).

Въ сборникѣ четвертями и половинными нотами записаны пѣсни №№: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 15, 16, 17, 18, 21, 26, 28, 32, 34, 36, 37, 41, 42 и 45.

Вмѣсто alla breve напечатано 4/4 въ №№: 3, 4, 5, 7, 8, съ 15 по 30, 32, 33, 34, 36, 37, 42 и 45.

Во многихъ пѣсняхъ стопы раздѣлены на двое, вслѣдствіе чего особенности ритмическаго склада остаются невыясненными. Напр., для пѣсни № 44 издателямъ понадобилось 15 тактовъ, вслѣдствіе чего трехстопные ко́лоны дактилическаго ритма не видны. Въ правильной записи (см. прил. № 2) въ каждомъ тактѣ ясно виденъ трехстопный ко́лонъ, и вся пѣсня укладывается въ пять тактовъ вмѣсто пятнадцати Такимъ образомъ стопы раздѣлены въ пѣсняхъ за №№: 3, 4, 5, 7, 15, 16, съ 18 по 37 включительно и съ 42 по 45. Съ тѣми же неправильностями изданъ 2-й выпускъ. Напр., для пѣсни № 55 потребовалось 16 тактовъ, тогда какъ она можетъ быть совершенно правильно записана въ четыре такта. (См. приложеніе № 3 й). Въ записяхъ, нами предлагаемыхъ, мора равняется шестнадцатой. Стопы ясно отдѣлены такъ же, какъ и ко́лоны.

Подобныя же ритмическія неправильности, являющіяся какъ печальный результатъ незнанія законовъ ритма, постоянно встрѣчаются и въ другихъ сборникахъ.

Въ сборникѣ г. *Пальчикова*, напр., пѣсня № 26 размѣщена въ 12 тактовъ, вслѣдствіе чего остается невыясненнымъ шестистопный размѣръ ко́лоновъ, ясно видимый въ предлагаемой записи № 4 (прил.). Запись г. Пальчикова совершенно маскируетъ особенности ритмическаго склада. Напр., пѣсня № 62 г. Пальчиковымъ записана въ 14-ть одинаковыхъ тактовъ по $^2/_4$, вслѣдствіе чего не видно, что въ пѣснѣ два трехстопныхъ и два четырехстопныхъ ко́лона. Въ приложеніи № 5 ко́лоны ясно отдѣлены и всего требуется четыре такта вмѣсто четырнадцати.

Помимо подобныхъ ошибокъ, двухстопные такты обозначены четырехстопными, т. е. вмѣсто alla breve напечатано $^4/_4$, въ пѣсняхъ за №№: 1, 5, 11, 14, 16, 25, 28, 29, 31, 32, 39, 44, 52, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 68, 72, 73, 74, 77, 122 и 123.

Отностопные такты обозначены двухстопными въ №№: 4, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 15, 30, 62, 105, 106, 108, 109 и 111.

Необходимо, чтобы запись выясняла ритмическія особенности. При способѣ записи № 6 (прил.). ясно отдѣлены трехстопные ко́лоны. У г. Пальчикова та же пѣсня раздѣлена на 12 тактовъ вмѣсто четырехъ.

Въ сборникѣ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина г. Лопатинъ заявляетъ на II-й страницѣ предисловія, что авторы поставили себѣ задачею издавать собранный матеріалъ „въ видѣ *систематическаго свода* русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, съ подборомъ варіантовъ, съ объясненіями, какъ въ отношеніи словеснаго ихъ содержанія, такъ и ихъ напѣвовъ“. Намѣреніе прекрасное, но напечатанные сборники нельзя назвать систематическимъ сводомъ. Для этого слѣдовало бы разобрать пѣсни *по ритмамъ и по тональностямъ*.

Мы уже говорили о ритмѣ. Что касается звуковыхъ особенностей русскихъ народныхъ пѣсенъ, то, повидимому, музыканты и по сіе время не пришли къ окончательному результату.

Г-нъ М. Ивановъ, рецензентъ Новаго Времени, говоритъ:

„Г. Сокальскій [1]) противникъ приравниванія русской народной музыки къ древнегреческой. Онъ обстоятельно доказываетъ, что этотъ взглядъ, царящій у насъ въ настоящее время, не выдерживаетъ критики. Объ этомъ и мнѣ случалось не разъ говорить, и теперь я, конечно, особенно радъ, встрѣчая союзника и при томъ столь сильнаго научными доводами, какъ авторъ изслѣдованія, о которомъ идетъ рѣчь“.

За сдѣланное Сокальскимъ открытіе „эпохи квартъ“ г. Ивановъ называетъ Сокальскаго Колумбомъ. Г-нъ Ивановъ напрасно поспѣшилъ выразить по этому случаю особенную радость, такъ какъ открытая г. Сокальскимъ Америка, „эпоха квартъ“ ничто иное какъ *строй Терпандровой лиры* [2]), извѣстный еще въ 648 г. до Р. X. Этотъ строй все-таки греческаго происхожденія.

„На нашъ взглядъ — говоритъ г. Сокальскій — основною первобытною гаммою всѣхъ древнихъ народовъ была та, которая получается отъ четырехъ квинтовыхъ ходовъ F—C—G—D—A. Поставленные по порядку высоты эти тоны даютъ древнюю китайскую гамму C—D—F—G—A—C“.

Эту гамму легко запомнить. Транспонированная на полутонъ выше, она равняется гаммѣ, исполненной на черныхъ клавишахъ фортепіано. Если бы г. Сокальскому былъ извѣстенъ строй этой гаммы, то онъ не рѣшился бы ее приравнять къ „эпохѣ квартъ“. Въ гаммѣ является *мезою* (тоникою) не C, а F. Отъ тоники F нѣтъ кварты вверхъ.

Для примѣра привожу пѣсню, записанную мною съ голоса калмыка. (См. въ приложеніи № 7). Здѣсь очевидно тоника Fis, къ которой нѣтъ никакой кварты. (Ритмъ іоническій; всего 4 кóлона: диметръ, триметръ и два диметра).

Менѣе сложный строй представляютъ пѣсни, звуки которыхъ ограничиваются *пентахордомъ*, т. е. только пятью пер-

---

[1]) Авторъ книги: „Русская народная музыка въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ“.

[2]) *Терпандръ* родился на островѣ Лесбосѣ. Онъ изобрѣлъ семиструнную цитру (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, онъ получилъ ее отъ Орфея) и, говорятъ, былъ наказанъ эфорами за излишество струнъ, рѣшившись сочинить мелодіи къ Ликурговымъ законамъ.

выми звуками современной мажорной или минорной гаммы. Примѣромъ пѣсни на мажорномъ пентахордѣ можетъ служить пѣсня № 124 изъ сборника г. Пальчикова. На минорномъ пентахордѣ построены пѣсни №№ 24, 92 и 120 того же сборника.

Большинство же русскихъ народныхъ пѣсенъ основываются на строѣ четырехъ—гаммъ: 1) *дорійской*, 2) *фригійской*, 3) *лидійской*, 4) *локрійской*. Встрѣчаются также пѣсни въ современномъ мажорномъ строѣ.

Съ помощью гаммъ *Глареана* оказывается невозможнымъ объяснить строй русскихъ народныхъ пѣсенъ. *Гельмгольцъ* въ своей знаменитой книгѣ: „Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ" и проч., на страницѣ 385, говоритъ про гаммы Глареана: „вообще было бы лучше, если бы ихъ позабыли". Тамъ же сказано прямо: «названія Глареана положительно невѣрны".

Гаммы: *дорійскую*, *фригійскую*, *лидійскую* и *локрійскую* проф. Р. Вестфаль считаетъ основными въ ученіи о звукѣ. Въ автографѣ, мною сбереженномъ, пр. Вестфаль назвалъ эти гаммы: „*die alleruntersten Fundamente der griechischen Melik*" и выразилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

	Hypate	Parhypate	Lychanos	*Mese*	Paramesos	*Trite*	Paranete	Nete	
Dorisch	*e*	f	g	*a*	h	*c*	d	e=äolischer kirchenton	des Abendlandes.
Phrygisch	*d*	e	f	*g*	a	*h*	c	d=mixolydisch.kirchenton	
Lydisch	*c*	d	e	*f*	g	*a*	h	c=lydisch. kirchenton	
Lokrisch	*a*	h	c	*d*	e	*f*	g	a=dorischer kirchenton	
Unterquarte-Oberquinte Dominante.				Prima Tonica.		Terze Mediante.			

***Дорійская* гамма представляетъ собою обращеніе интерваловъ[1]) мажорной гаммы съ тоникою на *ла*.**

***Фригійская* гамма равняется современной мажорной гаммѣ**

---

1) Объ обращеніи интерваловъ см. въ предисловіи къ 1-му выпуску моего сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ музыкальныхъ учебникахъ совершенно неправильно названо *обращеніемъ* интервала перемѣщеніе звука октавой выше.

съ заключительнымъ интерваломъ цѣлаго тона вмѣсто вводнаго тона, образующаго полутонъ (напр. гамма *до-мажоръ* съ *си-бимолемъ* будетъ фригійскою).

Лидійская равняется современной мажорной гаммѣ съ тоникой на четвертой нотѣ.

Локрійская представляетъ собой обращеніе интерваловъ фригійской мажорной гаммы (напр. гамма на бѣлыхъ клавишахъ фортепіано, начиная съ *ла*, съ тоникою на *ре*).

Желающіе ознакомиться съ гармоническимъ строемъ этихъ гаммъ, могутъ найти свѣдѣнія въ предисловіи моего перваго выпуска русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Современные композиторы ограничиваются мажорной и минорной гаммами.

Акустическій анализъ подтверждаетъ правильность строя гаммъ, нами перечисленныхъ. Мелодіи, созданныя на этихъ гаммахъ, отличаются оригинальностью и поражаютъ своимъ изяществомъ. Неумѣніе справиться съ гармонизаціей этихъ гаммъ заставляетъ собирателей пѣсенъ прибѣгать къ оригинальнымъ мѣрамъ. Современнымъ музыкантамъ, напр., неудобна седьмая ступень въ фригійской гаммѣ. Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, г. Пальчиковъ въ своемъ сборникѣ систематически выпускаетъ эту седьмую ступень (образующую съ тоникой интервалъ цѣлаго тона), представляющую собою главное отличіе отъ современнаго мажорнаго строя. Такимъ образомъ изгнанъ этотъ неудобный интервалъ въ пѣсняхъ за №№ 3, 4, 9, 10, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 33, 34, 38, 48, 57, 58, 60, 61, 73, 80, 83, 88, 94, 97, 100, 101, 102, 104, 110, 113, 117, 121 и 122.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ изъ сборника г. Пальчикова неясно опредѣлены заключенія. Напр. въ №№ 12, 20, 54, 72, 81, 82, 93 и 102.

Записывающій съ голоса часто встрѣчаетъ затрудненія при опредѣленіи интервала, вслѣдствіе чего въ записяхъ одной и той же пѣсни встрѣчаются на той же нотѣ то бекаръ, то діезъ или бекаръ и бемоль. Подобныя затрудненія встрѣчаются на *энгармоническихъ* интервалахъ. Такъ какъ у музы-

кантовънѣтъ знака для записи энгармоническихъ интерваловъ, то желательно было бы, чтобы подобные знаки повышенія и пониженія были поставлены въ скобкахъ. Въ сборникѣ гг. Лопатина и Прокунина встрѣчаются повышенія и пониженія интерваловъ нѣкоторыхъ звуковъ гаммы. Подобныя измѣненія встрѣчаются въ пѣсняхъ за №№ 15, 16, 17, 18, 19, 23, 27, 29, 30, 33, 34, 36, 58 и 62. Вѣроятно, что на измѣненныхъ нотахъ пѣвцы брали энгармоническіе интервалы, которые мнѣ часто приходилось слышать записывая пѣсни.

Свѣдѣнія объ энгармонизмѣ [1]) можно найдти въ выше упомянутыхъ трудахъ Гельмгольца и Арт. Эттингена. Предѣлъ журнальной статьи не позволяетъ касаться всѣхъ подробностей ученія о звукѣ. Чтобы не утомлять читателей, оставлены въ сторонѣ цифровыя отношенія интерваловъ, а въ отдѣлѣ о ритмѣ пришлось не касаться многихъ подробностей, въ томъ числѣ и свѣдѣній объ акцентуаціи діастальтической и гезихастической.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о гармонизаціи русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ предисловіи къ „Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, Н. М. Лопатина и В. В. Прокунина“,— г. Лопатинъ на стр. I говоритъ: „Своеобразный пріемъ исполненія пѣсенъ хоромъ, основанный на природномъ подголоскѣ, и особенные законы пѣсенной рѣчи въ связи съ напѣвомъ, еще мало изслѣдованные научнымъ образомъ, *исключаютъ возможность передать народныя пѣсни иначе, какъ черезъ буквальное записываніе напѣвовъ и словъ* ихъ съ сохраненіемъ до послѣднихъ мелочей всѣхъ подробностей народнаго исполненія“.

Признавая необходимость „буквальнаго записыванія напѣвовъ“, не слѣдуетъ исключать возможность правильной передачи звуковыхъ сочетаній аккордами. Конечно, гармонизація не должна быть исключительно современная. Мнѣ постоянно

---

[1]) Энгармоническая разница между си-діэзъ и до=74: 73 называется „Пиѳагорейскою коммою“.

приходилось убѣдиться, что правильная гармонизація по законамъ акустики нисколько не мѣшала поющимъ видоизмѣнять мелодію пѣсенъ.

На страницѣ 17 того же предисловія г. Лопатинъ говоритъ, что, взявъ фортепіанное переложеніе пѣсни „Эй ухнемъ“ изъ моего сборника, онъ предложилъ хору, состоявшему изъ 18-ти человѣкъ (никогда прежде не слыхавшему этой пѣсни), спѣть эту пѣсню и что его „не могла не поразить эта страшная способность народныхъ пѣвцовъ такъ быстро схватить напѣвъ, а еще болѣе способность ихъ данный имъ напѣвъ развивать въ подголоскахъ, и притомъ напѣвъ, имъ прежде неизвѣстный. На голосахъ пѣсня вышла несравненно полнѣе и богаче и безъ того очень полнаго переложенія этой пѣсни у г. Мельгунова“. Въ концѣ 14-й и въ началѣ 15-й страницы сказано: „Тогда какъ въ большинствѣ положеній прежнихъ сборниковъ русскіе люди не узнавали своихъ пѣсенъ, и по русски ихъ пѣть не могли,—по сборнику г. Мельгунова пѣвцы изъ народа и народный хоръ легко поютъ его пѣсни съ фортепіано, что мы, напр., изведали на опытѣ“.

Послѣ этого непонятно, почему г. Лопатину желательно *исключить* возможность передачи пѣсенъ въ правильной гармонизаціи.

Лучшей провѣркой правильности гармонизаціи народной пѣсни всегда можетъ служить совмѣстное исполненіе пѣвцовъ изъ народа съ сопровожденіемъ аккомпанимента гармонизированной пѣсни. Всевозможныя отступленія, дѣлаемыя пѣвцами, никогда не окажутся въ разладѣ съ правильно гармонизированной пѣсней. Пѣвцы, съ голосовъ которыхъ мнѣ приходилось записывать пѣсни, не могли пѣть складно съ гармонизаціями находившихся у меня сборниковъ. Даже сборникъ г. Балакирева не соотвѣтствовалъ складу поющихъ. Самая талантливая кабинетная работа не можетъ сравниться съ созданіями народнаго генія, которыя необходимо признать за образцы типическіе, оригинальные и вѣчные.

Въ большинствѣ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ видны искаженія мелодій. Эти искаженія состоятъ или въ

неправильной записи, или въ невѣрной гармонизаціи. Къ древнему строю придѣлываютъ современную гармонизацію, вслѣдствіе чего „изъ-за смураго зипуна всегда виднѣются фалды фрака".

Ни одинъ изъ сборниковъ не выдерживаетъ критики. Всюду проявляются недостатки знанія законовъ ритма и акустики.

Хуже другихъ сборниковъ — „Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ (Гомельскаго уѣзда)", Зинаиды *Радченко*. Въ пѣсняхъ этого сборника нѣтъ ни правильнаго ритма, ни опредѣленной тональности. Этотъ сборникъ представляетъ собою скорѣе печальный плодъ литературной промышленности. Въ гармонизаціи пѣсенъ г-жи Радченко встрѣчается, напр. въ пѣснѣ № 20, аккордъ, состоящій изъ *ла*, *соль*, *до-діеза* и *ми-бемоля* (3-й тактъ).

Народныя пѣсни вообще отличаются строго выдержанными тональностями. Совершенно въ другомъ видѣ представляются пѣсни въ сборникѣ г-жи Радченко, въ которомъ (напр. № 20) ступени гаммы: *си*, *ла*, *ми* и *ре* являются съ бемолями и бекарами, лишающими возможности опредѣлить тональность. О знаніи законовъ гармоніи можно судить по параллельнымъ квинтамъ, напр. въ № 26. Достаточно и этого, чтобы составить себѣ понятіе о достоинствѣ этого сборника.

Наиболѣе добросовѣстнымъ трудомъ въ области изслѣдованія русской народной музыки, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать изслѣдованіе П. П. Сокальскаго: „Русская народная музыка".Г. Сокальскій, правда, является противникомъ примѣненія ученія древнихъ грековъ къ русской пѣснѣ. Причина такого взгляда, повидимому, заключается въ томъ, что ему не вполнѣ извѣстно было все ученіе древнихъ грековъ. Такъ, напр., на страницѣ 66 онъ говоритъ, что „греки пѣли въ унисонъ".

Проф. Вестфаль, въ примѣчаніи къ IX страницѣ предисловія къ „Allgemeine Theorie der musikalischen Rhytmik", говоритъ: „Было распространено мнѣніе во всѣхъ учебникахъ, что греческая музыка была унисонною, но не гармоническою. Эта неосновательная ошибка вкралась въ знаменитую книгу

Гельмгольца. Странно, что упустили изъ виду указанія, уясняющія совершенно противное, а именно, кромѣ проблемъ Аристотеля, еще севершенно спеціальныя данныя Аристоксена въ отрывкахъ у Плутарха (Plut., De mus., c. XIV) моего изданія. Настоящій вопросъ впервые уясненъ въ моей Griech. Harmonie и въ Исторіи древней и средневѣковой музыки".

Если бы г. Сокальскому былъ извѣстенъ вышеупомянутый трудъ Вестфаля, то, безъ сомнѣнія, онъ отказался бы отъ многаго, что вошло въ его книгу.

На стр. 113-й г. Сокальскій говоритъ, что „вокальная музыка русскаго народа творилась, развивалась и распредѣлялась большею частью *безъ всякаю музыкальнаю сопровожденія на инструментѣ* (не считая ударныхъ инструментовъ), особенно великорусская". Г. Сокальскій вѣроятно никогда не слыхалъ ни балалайки, ни бандуры, ни инструментальной музыки рожечниковъ. На той же страницѣ г. Сокальскій говоритъ: „Мельгуновъ желалъ бы, безъ всякаго разумнаго повода, заковать русскую музыку въ узы только двухъ... комбинацій: гипофригійской и дорійской". Въ этихъ словахъ явное искаженіе всего сказаннаго о звукѣ въ моемъ предисловіи къ 1-му изданію русскихъ пѣсенъ. Вопросъ заключается не въ заковываніи въ узы, а въ объясненіи музыкальныхъ явленій законами акустики, т. е. естественными законами звукового міра. Только невѣрно записанныя пѣсни оказываются не соотвѣтствующими тому, что сказано выше о строѣ гаммъ.

На стр. 179 названія гаммъ перепутаны и не соотвѣтствуютъ послѣднимъ изслѣдованіямъ проф. Вестфаля.

На стр. 183-й г. Сокальскій говоритъ, что „примѣненіе греческихъ названій и церковныхъ западныхъ *ладовъ* къ русской народной музыкѣ вообще неудобно, ибо вноситъ недоразумѣнія, путаницу и произволъ". Примѣненіе названій церковныхъ западныхъ ладовъ дѣйствительно вноситъ путаницу, но древне-греческое ученіе о гаммахъ не слѣдуетъ смѣшивать съ церковно—западнымъ. Мнѣ не случалось слышать пѣсни, не соотвѣтствующей строю древне-греческихъ гаммъ.

Г-нъ Сокальскій на стр. 192 говоритъ, что «русская на-

родная музыка представляетъ собой особый, самобытный *«музыкальный стиль»* въ исторіи музыки, какъ искусства. Этотъ стиль представляетъ *полное отсутствіе гармоніи*, но за то гораздо болѣе разнообразное примѣненіе принциповъ мелодіи и ритма, чѣмъ стиль современной музыки". Въ этомъ есть доля правды, но о *полномъ отсутствіи гармоніи* можетъ сказать либо глухой, либо никогда неслыхавшій хорового пѣнія и инструментальнаго хора рожечниковъ.

Въ отдѣлѣ о ритмѣ г. Сокальскій на стр. 222 говоритъ: «Естественной единицей является *слогъ*, т. е. гласная, *окруженная согласными.*» Сообразно съ этимъ страннымъ опредѣленіемъ слова́: ты, мы, вы, онъ и т. п. не могутъ быть сочтены за слоги, потому что они *не окружены согласными*. Далѣе: „на извѣстной степени развитія языковъ является такая парная единица, состоящая изъ двухъ слоговъ: долгаго и краткаго. Вмѣстѣ они составляли одно цѣлое, которое у грековъ называлось *метромъ*, у римлянъ *стопою*, у музыкантовъ новаго времени *тактомъ*."

Лицамъ, подобно г. Иванову, вѣрующимъ въ непогрѣшимость мнѣній о музыкѣ г. Сокальскаго, слѣдуетъ замѣтить, что музыканты вмѣщаютъ въ тактъ отъ одной до четырехъ стопъ. Согласно съ опредѣленіемъ г. Сокальскаго выходитъ, что четыре, три и двѣ стопы равняются одной стопѣ, потому что тактъ равняется стопѣ. Эта грубая ошибка можетъ служить примѣромъ, насколько г. Сокальскій свѣдущъ въ ритмикѣ.

Всѣ выводы, сдѣланные г. Сокальскимъ относительно ритма въ III-й главѣ 2-й части и далѣе, не могутъ быть признаны вѣрными. Наблюденія сдѣланы надъ не существующимъ матеріаломъ: надъ текстомъ безъ напѣва. Народъ не декламируетъ отдѣльно слова безъ напѣва. Въ главахъ III, V, VI и VII г. Сокальскій занимается счетомъ слоговъ въ текстѣ, не обращая вовсе вниманія на музыкальныя ударенія. Подобный трудъ является совершенно необъяснимымъ, имѣя въ виду, что на стр. 247 самъ г. Сокальскій говоритъ про „русское народное стихосложеніе, существующее съ музыкой

нераздѣльно.“ Г. Сокальскій, повидимому, не замѣтилъ явнаго противорѣчія.

Вообще съ выводами г. Сокальскаго можно было бы согласиться въ томъ случаѣ, если бы въ русскихъ пѣсняхъ нашелся хотя одинъ примѣръ, несоотвѣтствующій какъ законамъ древне-греческой ритмики, такъ и ученію грековъ о гаммахъ.

Руководствуясь одною любовью къ истинѣ, чуждой всякаго пристрастія и личности, невольно приходишь къ заключенію, что вся причина современнаго неправильнаго взгляда на музыкальное дѣло заключается въ учебникахъ. Ритмика для консерваторій должна быть предметомъ обязательнымъ [1]). Задачи, предлагаемыя ученикамъ въ учебникахъ гармоніи, должны соотвѣтствовать законамъ ритма. Руководства, подобныя „Учебнику формъ инструментальной музыки“ Лудвига Бусслера, не должны быть терпимы.

Истину сказалъ Бѣлинскій, что „Учебная книга не романъ, и если дурно составлена, то дѣлаетъ вреда не меньше чумы и холеры.“ (В. Бѣлинскій т. I, стр. 466, изд. 1861 г.).

Всюду, гдѣ трактуется о прекрасномъ въ искусствѣ, для насъ міръ грековъ является образцовымъ. Ренанъ вполнѣ правъ говоря, что „Греція основала въ самомъ безгранично широкомъ смыслѣ слова прогрессивный и раціональный гуманизмъ. Наша наука, наше искусство, наша литература, наша философія, наша мораль, наша политика, наша стратегія, наша дипломатія, наше международное и морское право— все это греческаго происхожденія и ею создано. Кадры человѣческой культуры, созданной Греціей, могутъ быть безпредѣльно раздвигаемы, *но основы ея—совершенство.* Прогрессъ всегда будетъ состоять лишь въ томъ, чтобы вѣчно разрабатывать все то, что создано и зачато во чревѣ Греціи, воплотить въ живые образы намѣченныя ею очертанія.“

Эрнестъ Гаве («Le Christianisme et ses origines») говоритъ:

---

[1]) Мое съ Вестфалемъ ритмическое изданіе фугъ Баха печатается въ московскомъ музыкальномъ магазинѣ Гутхейля 3-мъ изданіемъ, вслѣдствіе заграничнаго требованія.

Всѣ 19 вѣковъ европейское человѣчество питалось и вскормилось греческою мудростью, обильными запасами греческой литературы и науки, всѣми произведеніями греческаго генія, и свѣтъ воцарился въ Европѣ лишь тогда, когда стали возрождаться греческія науки и искусства."

Пора бы и музыкантамъ прислушаться къ тому, что говорятъ древніе греки о музыкѣ. Во всякомъ случаѣ не г. Иванову и не г. Сокальскому суждено сорвать вѣнецъ славы съ лучезарной головы геніальнаго грека.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, во-первыхъ, что составленіе новыхъ музыкальныхъ учебниковъ на основаніи серьезнаго знакомства съ теоріей древнихъ и съ новѣйшими изслѣдованіями ученыхъ, является предметомъ первой необходимости въ дѣлѣ развитія музыки вообще и русской національной въ особенности; а во-вторыхъ, правильное изданіе на будущее время русскихъ народныхъ пѣсенъ составляетъ не меньшую задачу русскихъ ученыхъ и является не только дѣломъ отвлеченной науки но и истиннаго патріотизма.

Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ университетѣ съ величайшею охотою готовъ принимать для разсмотрѣнія всѣ рукописи записываемыхъ изслѣдователями пѣсенъ. Въ Москвѣ мнѣ хорошо извѣстны лица, вполнѣ компетентныя какъ въ вопросахъ о ритмѣ, такъ и гармонизаціи. Съ ритмическими изслѣдованіями въ области музыки хорошо знакомы въ Москвѣ спеціалисты по ритму: профессоръ Ѳ. Е. Коршъ, В. А. Грингмутъ и Я. А. Денисовъ. Въ гармонизаціи вполнѣ свѣдущи Н. С. Кленовскій и П. И. Бларамбергъ. Я увѣренъ, что названныя лица не откажутъ въ своемъ содѣйствіи въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Что же касается лично меня, то я во всякое время сочту за счастіе служить родинѣ.

Ю. Мельгуновъ.

Село *Новоселки*, Орловской губ. Брянскаго уѣзда.
7 Іюня 1890 года.

ЛИТОВСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. О дьяволѣ-творцѣ.

Академикъ А. Н. Веселовскій въ XI очеркѣ своихъ разысканій въ области русскаго духовнаго стиха, говоря о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи [1]), касался на стр. 73—76 литовско-латышскихъ сказаній. Въ дополненіе къ сообщеннымъ тамъ свѣдѣніямъ привожу два относящіяся сюда литовскія сказанія изъ Шавельскаго и Россіенскаго уѣздовъ.

а) *О мужикахъ и боярахъ.*—Когда Господь Богъ сотворилъ человѣка изъ глины, тогда чортъ (velnes), желая себя показать болѣе смышленымъ (iszmintingesniu), чѣмъ Богъ, слѣпилъ человѣка изъ пшеничнаго тѣста (nulipe żmogu isz teszlos kvietiniu miltu) и поставилъ свое твореніе, чтобы вполнѣ привести его въ жизнь. Тогда собака, мимо пробѣгавшая, съѣла это издѣліе изъ тѣста. Чортъ, видя это, сильно разсердился и схватилъ собаку за хвостъ. Собака, сильно испугавшись, заболѣла поносомъ и выпустила изъ себя опять произведеніе чорта въ томъ же самомъ видѣ, какъ оно было сдѣлано (pratrido ir iszsziko tan velno darbą, toki patkaip jis buwo nulipęs). Отъ этого человѣка, сотвореннаго изъ пшеничнаго тѣста, происходятъ всѣ нынѣшніе бояре. Отъ человѣка, слѣпленнаго изъ глины и сотвореннаго Богомъ, происходятъ всѣ мужики. (Dabar nog szito żmogaus, padarito isz teszlos, paeina visi bajorai; o nog żmogaus nulipito isz molo, kurin Dievas sutvére,

[1]) Дополненія см. въ V кн. „Этногр. Обозр.“, 32.

paein visi mužikai).—Нужно замѣтить, что въ настоящее время литовцы сами себя называютъ žmogus, žmones - людишками, мужиками въ отличіе отъ жидовъ (židas), бояръ (bajoras), нѣмцевъ (vokėtys), латышей (latvis) и т. д. (Записано отъ г. Б., родомъ изъ Радивилишской волости, Шавельскаго уѣзда [2]).

б) *Про козла, Адама и Еву.*—Господь Богъ лѣпилъ изъ глины животныхъ. Чортъ (kipszas), увидѣвши это, самъ захотѣлъ также что нибудь сотворить. Взялъ онъ глины и сталъ лѣпить: лѣпилъ, лѣпилъ—и наконецъ слѣпилъ образъ козла. Онъ видалъ, что Богъ, слѣпивши что-нибудь, вдувалъ душу черезъ стержень пера, послѣ чего слѣпленный образъ становился живымъ существомъ. Вотъ и онъ долженъ былъ вдыхать своему слѣпку душу. Взялъ онъ для этого перо и началъ дуть: дулъ въ одинъ конецъ, дулъ въ другой—ничего не вышло изъ глиняннаго слѣпка. Тогда Кипшасъ, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать, бросилъ перышко, отправился къ Богу и сказалъ: „Ты вдунулъ въ слѣпокъ черезъ стержень простого пера душу, и тотъ получилъ жизнь; я сдѣлалъ то-же самое, но ничего не вышло: дулъ въ одинъ и въ другой конецъ слѣпка—напрасно. Поэтому скажи, Боже, что нужно сдѣлать“. Хотя Господу Богу слѣпокъ Кипшаса не понравился, но все-же, чтобы показать чорту свою силу и могущество, онъ отправился къ слѣпку и вдохнулъ ему живую душу. Сейчасъ сталъ онъ козломъ такимъ, какимъ и теперь есть.

Божья сила и слава чорту весьма не понравились. Богъ же, сотворивъ всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, сталъ лѣпить изъ глины образъ перваго человѣка; а чортъ, сидя тогда за кустомъ, говорилъ про себя такъ: „Богъ началъ учиться лѣпить съ малыхъ предметовъ, съ пылинки, камешка, и ему легко было учиться; но все-таки я лучшій мастеръ противъ него; кто можетъ сравнить его первую, малую пылинку съ моимъ твореніемъ—красивымъ, чуд-

[2]) Ср. о происхожденіи поляка у Драгом. 194. О происхожденіи разныхъ народностей см. между прочимъ въ „Кіев. Стар.“ 1890, № 8, 325. *Ред.*

нымъ козломъ. Я теперь понимаю, что самъ Богъ мнѣ завидуетъ. Вотъ онъ опять сталъ лѣпить, кто знаетъ что: съ виду — чудный предметъ. Но я его перещеголяю, мое твореніе будетъ красивѣе". Послѣ этого чортъ самъ началъ лѣпить, всматриваясь въ Божію работу. Сравнялъ, справилъ, и дѣйствительно вышелъ красивый предметъ. Богъ, окончивъ свое твореніе, вдохнулъ ему душу, и оно стало жить. Такъ сталъ первый человѣкъ *Адамъ*.

Чортъ уже зналъ, что онъ своимъ перышкомъ ничего не сдѣлаетъ, оттого онъ и выждалъ, пока Богъ окончитъ свою работу. По вдуновеніи души Адаму, Богу не понадобилось перышко, и онъ его куда-то положилъ. Чортъ этого и ждалъ: какъ только Богъ отошелъ въ сторону, онъ взялъ его перо и вдохнулъ душу своему творенію. Слѣпленное чортомъ твореніе ожило, такъ какъ въ перышкѣ осталось немножко Божьяго духа,—въ остальномъ чортъ прибавилъ своего. Вотъ такъ стала *Ева*.

Адамъ, увидѣвши Еву, никогда больше не отходилъ отъ нея, и Богъ ничего не могъ сдѣлать. Вотъ оттого женщина, получившая жизненность свою отъ смѣшаннаго духа Бога и чорта, иногда бываетъ и доброй и простой, иногда и злой. (Записано со словъ студента Р., уроженца Россіенскаго уѣзда, Ретовскаго прихода). Ср. легенды о сотвореніи овцы и козы святымъ Петромъ и дьяволомъ, и о томъ, какъ они творятъ ихъ взапуски у *E. Veckenstedt'a*: „Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten" (Heidelberg, 1883), I, 224 § 17; *Веселовскій* l. c. стр. 75.

2. Зачѣмъ сохраняются ногти?

Литовцы Ольkеникской волости, Трокскаго уѣзда, Вил. г. говорятъ: „отрѣзанные ногти обыкновенно сожигаютъ или кладутъ за пазуху; если же этого не сдѣлать, то увѣрены, что чортъ ихъ соберётъ и сдѣлаетъ себѣ шляпу" [1]). Въ Бутриманцахъ того

---

[1]) Nusikirpę nagas gėb sudeginti arba supilti autin; nes to nepadarius, tiki, velniu jūs surinksent ir sau briliu pasidirbsent.

же уѣзда существуетъ подобное повѣріе, записанное по-польски: „обрѣзанные ногти и падающіе волосы нужно сохранять, засунувъ хорошо въ стѣнныя щели, потому что на томъ свѣтѣ придется все это отдать Богу; а кто ихъ бросаетъ и выметаетъ, тотъ долженъ будетъ ихъ разыскивать“ [1]).

Латыши Лифляндской губерніи также увѣрены, что чортъ сдѣлаетъ себѣ изъ ногтей шапку-невидимку (nagu cepurîte), и что во избѣжаніе этого слѣдуетъ прятать ногти за пазухой. Въ Сесвегенскомъ же приходѣ, той же губ., держатся относительно ногтей такого повѣрья, что люди до грѣхопаденія имѣли кожу, которую нельзя было ни прокусить, ни поранить. Остатокъ этой кожи и представляютъ ногти на рукахъ и ногахъ [2]). Этимъ народнымъ толкованіемъ дополняется объясненіе Трейланда въ „Сборникѣ мат. по этнографіи“, изд. подъ ред. В. Ѳ. Миллера. (Москва 1887 в. 2, стр. 95, примѣч.), гдѣ говорится, что обрѣзанные съ рукъ и ногъ ногти надо класть за пазуху, такъ какъ Богъ потребуетъ всѣ ихъ на показъ на страшномъ судѣ и будетъ спрашивать каждаго „гдѣ твоя первая кожа?“ Не спрятанные за пазуху обрѣзанные ногти, по тому-же объясненію, собираетъ чортъ [3]).

Что касается когтей животныхъ, то извѣстно, что медвѣжьи и рысьи когти литовцы, по извѣстіямъ литовской лѣтописи, клали подлѣ покойниковъ для того, чтобы они на томъ свѣтѣ могли взойти на стеклянную гору:„ тог'ды' при ни*х* к'лады́ва*ли* ногъти рысй а́бо мед'вежьй д'лѧ' того *иж* мели вѣру тую' *иж* бы день соу*д*'ны мел бы*ти*; а́ та*к* з'наменова(ли) собе *иж* бы́ б*о*гъ ме*л* прїи'ти и седѣти на горе вы́сокои' соу*ди*ти живы*х* и́ мертвы*х*, на которою'*юж* горꙋ трѫ*д*'но

1) Ucięte paznokcie i włosy wypełzające trzeba chować, w scianę między belki dobrze zasuwać, bo na drugim świecie trzeba będzie to wszystko oddać Panu Bogu, a kto je rozrzuca i wymiata, ten będzie zmuszony ich szukać.

2) Такое-же точно повѣрье существуетъ и у подляшанъ Сѣдлецкой губ. *Ред.*

3) Для сравненія могутъ служить исландскія повѣрья о собираніи чортомъ обрѣзанныхъ ногтей, приведенныя у Либрехта (Zur Volkskunde, 367—369; ср. тамъ-же норвежскія, 314, 319, 330. Heilbronn, 1879). *Ред.*

боуде*т* оўзоити без ног'те(й) тых рыси(х) або *мед*'вежи*х*: ѝ д'лѧ того *под*ле ни*х* тыѐ ног'ти к'ладыва*ли*, на которы(х) ме*ли* на тоу'ю лезти ѝ на соу*д*' до б*о*га и'ти. а̀ так а̀чьколвек погани бы*ли*, а в'жды̀ по тому собѣ з'наменова*ли* ѝ в б*о*га ѿдног(о) вѣрили, и*ж* соу*д*'ни *д*ень м(ел) бы̀ти, и вери*ли* из мертвы̀*х* воста*н*ѝа̀ и ѿдног(о) б*о*га, которы̀и' мае*т* соу*ди*ти живы*х* и' мертвы*х*." (По списку библіотеки графа Красинскаго въ Варшавѣ [1]).

Мотивъ взлѣзанія на стеклянную или просто гладкую гору при помощи когтей извѣстенъ и въ русскихъ сказкахъ (напр. „о золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ царствѣ"), а также и въ сказаніяхъ другихъ народностей, напр. поляковъ, нѣмцевъ (Glasberg — рай). См. *Котляревскаго*, Погребальные обычаи, 129, 170, 172, 199, 240—1,212. *J. Grimm.* D. Myth. (4 изд.), 697—8, 684—5 и доп. 243.

3. О происхожденіи медвѣдя.

Когда Спаситель ходилъ по землѣ со своими учениками, ему разъ пришлось итти изъ одного мѣстечка въ другое въ сумерки. Одинъ татаринъ (totorjus), а другіе говорятъ — гудасъ, т. е. бѣлоруссъ, желая ихъ припугнуть, влѣзъ подъ мостъ на той дорогѣ, по которой они должны были итти. Какъ только они подошли къ мосту, татаринъ началъ рычать (murmet) по медвѣжьему. Ученики, въ первый разъ услышавшіе такой голосъ, спрашивали Іисуса: „Учитель, кто здѣсь, такъ рычитъ (njurna)?" Іисусъ отвѣтилъ, что рычитъ такой звѣрь, какого они никогда не видѣли; звѣрь этотъ называется медвѣдь (meszka). Черезъ минуту ученики и увидѣли выбѣжавшаго изъ подъ моста кудлатаго медвѣдя, который съ страшнымъ ревомъ убѣжалъ въ лѣсъ.
Оттого медвѣди, какъ оборотни изъ людей, имѣютъ ступни совсѣмъ похожія на людскія. Каждаго человѣка медвѣди считаютъ за обидчика и, встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу, не

[1]) Для облегченія чтенія и набора выводимъ изъ-подъ титлъ буквы, отмѣчая ихъ курсивомъ; въ скобкахъ поставлены буквы прибавленныя нами. *Авт.*

выпускаютъ его живымъ за то, что человѣкъ сдѣлалъ медвѣдя оборотнемъ. Человѣкъ поэтому никогда не долженъ насмѣхаться надъ нимъ, такъ какъ неизвѣстно, кто онъ такой. (Записано въ Трокскомъ уѣздѣ, Кронской вол.).

По Фекенштедту (l. c. I, 285), общество крестьянъ въ кожухахъ отправилось въ зимнее время на свадьбу, продѣлывая разныя штуки. Іисусъ и святой Петръ случайно шли той же дорогою. Мужики, увидѣвши мнимыхъ странниковъ, вздумали надъ ними посмѣяться. Слѣзли съ своихъ телѣгъ, надѣли кожухи свои навыворотъ и загородили имъ путь на мосту, черезъ который тѣ должны были пройти. Не смотря на просьбы странниковъ дать имъ дорогу, мужики не переставали издѣваться, такъ что Іисусъ разсердился и сказалъ: „если вы хотите быть медвѣдями, то и будьте такими!" Только что это было сказано — мужики обратились въ медвѣдей. Тамъ-же, на стр. 224, говорится, что до Христа медвѣдей не было. Во время Его одинъ человѣкъ сталъ пугать людей шубою, одѣтою имъ навыворотъ. Христосъ его и превратилъ въ звѣря съ шубою, то есть въ медвѣдя.

По другому разсказу, ходилъ старикъ по людямъ, дѣлая имъ добро. И пришлось ему переходить черезъ мостъ. Но кто-то хотѣлъ испугать старика и спрятался подъ этотъ мостъ. Когда старикъ былъ на мосту, тогда неизвѣстный вылѣзъ на четверенькахъ и сталъ рычать по медвѣжьему. Старикъ сказалъ: „если тебѣ хочется быть медвѣдемъ, то и останься такимъ-же". Старикъ пошелъ дальше, а человѣкъ, обратившійся въ медвѣдя, убѣжалъ въ лѣсъ. Оттого заднія лапы у медвѣдя и остались похожими на человѣчьи ноги. (Зап. въ Шавельск. уѣздѣ). Срвн. малорусскія преданія о медвѣдѣ у Драгоманова, стр. 5—6; у Чубинскаго, I. 51.

4. Откуда взялся аистъ?

Богъ сотворилъ небо и землю и всѣхъ животныхъ на ней, въ томъ числѣ и всѣхъ гадовъ. Собравши всѣхъ этихъ гадовъ въ мѣшокъ, онъ призвалъ женщину и велѣлъ ей отнес-

ти этотъ мѣшокъ въ болото (in raistą) и тамъ ихъ выпустить, только строго ей запретилъ смотрѣть, что̀ она несетъ.

Извѣстно, какъ женщины нетерпѣливы; поэтому и она не вытерпѣла и, отойдя съ мѣшкомъ подальше, открыла его, чтобы посмотрѣть, что̀ въ немъ находится. Но какъ только она открыла мѣшокъ, всѣ гады ушли. Когда она возвратилась назадъ, Богъ хотя и зналъ, что она не донесла мѣшокъ до того мѣста, какое ей было указано, спросилъ: „Отнесла?“ Женщина отвѣтила: „Отнесла и исполнила Твое приказаніе“. Тогда Богъ сказалъ: „Зачѣмъ ты лжешь? Ты, недонесши, всѣхъ выпустила, потому что, какъ только ты, отойдя отъ меня, стала смотрѣть, что несешь, они всѣ и убѣжали. За то, что ты не исполнила моего приказанія и солгала мнѣ, ты должна будешь ихъ собирать до самаго суднаго дня“. Сказавши эти слова, Богъ превратилъ ее въ птицу, которую мы называемъ бусель (busilas) или гарнисъ (garnis), т. е. аистъ. Мы видимъ его повсюду собирающимъ гадовъ, и онъ будетъ ихъ собирать до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять нашъ свѣтъ. Въ воспоминаніе того, что женщина была наказана Богомъ за неисполненіе его приказаній, Богъ оставилъ знакъ на крыльяхъ этой птицы, а именно черныя перья—вмѣсто юпки (vietoj andaroko arba żerstuko). (Зап. въ Трокск. у., Кронск. вол., Виленск. губ.)

Варіантъ обнародованъ Э. Фекенштедтомъ, l. c. I, стр. 225. Женщина, вынимая лягушку изъ своего передника, почувствовала къ ней отвращеніе и уронила ее на камень. Лягушка убилась о камень. Женщина со страху желала скрыть свой грѣхъ и спрятала лягушку подъ листомъ. Но Богъ всё видѣлъ; разгнѣванный, онъ превратилъ женщину въ аиста, который долженъ питаться лягушками. Другой варіантъ помѣщенъ у *Юцевича* (Ludwiga z Pokiewa) „Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów. Wilno 1846, стр. 74—75, и пересказанъ г. Теобальдомъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1887 г. № 202, въ статьѣ: „Древнелитовскія повѣрья“ (отрывокъ изъ III-го тома его „Литовской миѳологіи“, еще не напечатанной). Малорусскій варіантъ у Драгоманова, стр. 8.

5. О птицѣ Кукисъ и о кукушкѣ (гегуже).

Во время потопа (tvanu laike) всѣ птицы собрались на высокой горѣ; одна только птица Кукисъ (Kukys, paukasztis toksai) не пришла сюда, оттого она и утонула. Когда спала вода, птицы послали кукушку посмотрѣть, живъ-ли Кукисъ, ихъ противникъ. Кукушка нашла Кукиса неживымъ и, сѣвъ на его рога, кричала: „Кукисъ, Кукисъ!" и, радуясь его смерти, еще прибавила со смѣхомъ: „кра! кра!". (Записано отъ литовцевъ въ Линкмянахъ, Свенцянск. у., Вил. губ.)

Подобная легенда разсказывается и литовцами Лидскаго уѣзда; она записана мною въ Конявѣ:

Кукисъ былъ царемъ птицъ. Собирались всѣ птицы на совѣщаніе (ir suwéja wisi paukszczei ant sando); Кукисъ не пришелъ: онъ спалъ. Никто не хотѣлъ итти его будить. Тогда кукушка (geguźe) сказала: „я бы пошла побудить, но мои дѣтки не кормлены (asz eitau pabudzic, alè mano waikei ne peneci)." Плиска (kełaite) сказала: „ступай буди, а я твоихъ дѣточекъ покормлю." Кукушка улетѣла будить, и какъ кликнула она Кукиса, Кукисъ испугался, вывалился изъ гнѣзда и убился. Оттого и теперь еще ежегодно кличутъ Кукиса и присматриваютъ кукушкиныхъ дѣтей. Плиска еще и теперь кормитъ ея дѣточекъ до Петрова дня и все кричитъ: „смотри Кукіа (weizdek Kukiau)!" Послѣ Петрова дня кукушка уже сама заботится о своихъ дѣтяхъ.

Въ Шавельскомъ уѣздѣ эта легенда разсказывается такимъ образомъ: Былъ царемъ птицъ Кукасъ. Собрались всѣ птицы и стали говорить: „Кукасъ очень старъ, нѣтъ порядка въ царствѣ, нужно выбрать новаго". Сидитъ онъ на деревѣ, но вѣроятно уже отъ старости не живой. Нужно было убѣдиться, живъ ли онъ дѣйствительно, или нѣтъ; но всѣ боялись подойти къ нему, такъ онъ былъ страшенъ. Одна кукушка согласилась итти посмотрѣть съ тѣмъ, чтобы ее вознаградили. Птицы согласились всѣ высиживать и кормить ея дѣтей. Тогда кукушка полетѣла къ Кукасу и стала кричать: куку! куку! Но Кукасъ ничего не отвѣчалъ и остался на мѣстѣ, какъ не

живой. На его мѣсто птицы выбрали царемъ орла. Новый царь полетѣлъ прямо къ Кукасу и ударилъ его грудью, такъ что Кукасъ свалился съ дерева, а орелъ остался царемъ. Кукушкины дѣти и по сей часъ высиживаются и вскармливаются другими птицами [1])

6. О странствующихъ озерахъ.

Въ старину на Литвѣ озера ходили по поднебесью и спускались на землю при разныхъ случаяхъ. Э. Фекенштедтъ въ своемъ сборникѣ (II, 206, 207) приводитъ сказаніе о Тельшевскомъ озерѣ. Мы можемъ дополнить его слѣдующимъ варіантомъ, записаннымъ нами на мѣстѣ.

Въ старину не было озера Тельшевскаго (ne buwa Telsziun eżera), а на его мѣстѣ былъ большой лугъ, на которомъ люди косили сѣно. Вотъ надъ этимъ лугомъ съ шумомъ нависла большая туча, полная воды. Люди, собравшіеся смотрѣть эту тучу, хотѣли дать ей названіе, но никто не сумѣлъ подобрать подходящее слово. Разъ, когда людей опять собралось много около этого озера, всё еще носившагося надъ лугомъ, подошелъ торговецъ жидокъ (krómininks żydelis) и сказалъ: „Люди (wirai), что вы такъ задумались? Эта вода длинна, какъ мой аршинъ (wandou toks iłguma, kaip mano mastélis). Какъ только онъ изрекъ это, сейчасъ и упала вода съ небесъ и образовалось озеро, которое и называется *Мастисъ*. Оно имѣетъ до $1\frac{1}{2}$ в. въ ширину и $3\frac{1}{2}$ вер. въ длину.

Въ Трокскомъ уѣздѣ, между с. Тоболянка и Радивиланцами (Radiwiłonei) нѣкогда было озеро на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится большой лугъ (piewa), называемый *Лайдзика* (Laidzika); озеро это ушло нѣсколько миль дальше къ м. Езно. Тамъ въ Езнѣ разъ на лугу дѣвочка-паѣтушка пасла воловъ и заснула. Когда она проснулась, ея воловъ не было. Испугавшись, она закричала: „стой, черный (stok jùdi)!“—и стало немедленно на томъ мѣстѣ озеро, спустившееся съ неба и пришедшее отъ Лайдзикскаго луга.

[1]) О Кукѣ-птицѣ см. „Этн. Обозр.“, V, 252 и VI, 7.

Другіе разсказы о происхожденіи извѣстныхъ озеръ связаны съ появленіемъ чернаго поросёнка на лугу или сѣнокосѣ, на которомъ собралось много людей. Появленіе черной свиньи предшествуетъ обильному дождю, отъ котораго набирается воды цѣлое озеро. Подобные разсказы слыхалъ я въ Тельшевскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ Ковен. г.

Э. Вольтеръ.

М. П. Веске.

(*Некрологъ.*)

Краткое извѣстіе о преждевременной кончинѣ Мих. Петр. Веске было уже сообщено въ предыдущей книгѣ «Этногр. Обозр.» (стр. 173). Исполняя выраженное тамъ обѣщаніе и желая почтить память незабвеннаго сослуживца, посвящаемъ обзору жизни и дѣятельности покойнаго болѣе подробный очеркъ.

Михаилъ Петровичъ Веске родился 16 января 1843 г. въ крестьянской усадьбѣ Веске, волости Гольстерфсгофъ, Лифляндской губерніи. До 14 лѣтъ будущій ученый велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, пасъ скотину и присматривалъ за домомъ. Съ 14 до 19 онъ посѣщалъ мѣстную деревенскую школу, затѣмъ приходское училище, чтобы со временемъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Ученіе чередовалось съ крестьянскими работами. На 18-мъ году талантливымъ юношей овладѣло желаніе сдѣлаться миссіонеромъ и отправиться въ Ост-Индію. Ознакомившись подъ руководствомъ пастора Ганзена съ нѣмецкимъ и древними языками, онъ поступилъ въ январѣ 1863 г. въ чертвертый классъ (кварту) Дерптской гимназіи, изъ шестого класса (изъ секунды) которой вышелъ въ 1866 г. для того, чтобы уѣхать осенью того же года въ Лейпцигъ и поступить въ тамошній миссіонерскій домъ (Missionshaus). Въ миссіонерскомъ домѣ молодой эстъ готовился къ слушанію богословскихъ предметовъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Богословскія штудіи не въ состояніи были однако овладѣть горячей душей покойнаго. Въ немъ проснулась другая жажда— жажда поработать, обогатившись научными познаніями, на пользу родного народа, съ страданіями котораго отъ феодаловъ-бароновъ онъ познакомился въ дѣтствѣ. Передъ Троицей 1867 г. онъ оставилъ миссіонерскій домъ и

поступилъ въ вольные слушатели университета. Весною слѣдующаго года, на основаніи свидѣтельствъ отъ профессора Царнке и другихъ объ удовлетворительныхъ познаніяхъ, онъ былъ записанъ въ студенты филологіи и сталъ получать пособіе отъ Лейпцигскаго университета. Съ іюля 1868 г. покойный, благодаря содѣйствію русскаго генеральнаго консула въ Лейпцигѣ, Гаве, сталъ получать отъ Великой Княгини Елены Павловны и получалъ въ продолженіе пяти лѣтъ по 200 талеровъ ежегодно.

Какъ успѣшно шли ученыя занятія молодого эстонскаго крестьянина въ Лейпцигѣ, видно изъ того, что уже въ концѣ 1870 г. онъ былъ, по рекомендаціи профессора Брокгауза, приглашенъ Максомъ Мюллеромъ отправиться въ Англію, чтобы помогать этому извѣстному англійскому филологу при изданіи санскритскихъ памятниковъ. Это путешествіе впрочемъ не состоялось. Прежній помощникъ М. Мюллера, д-ръ Дюбуа, послѣ взятія нѣмцами Парижа нашелъ возможнымъ оставить нѣмецкую армію и вернуться къ ученымъ трудамъ.

Лѣтомъ 1872 года Веске выдержалъ докторскій экзаменъ и на основаніи диссертаціи: «Изслѣдованія по сравнительной грамматикѣ финскихъ нарѣчій» (Лейпцигъ, у Брейткопфа и Гертеля) былъ признанъ докторомъ философіи. По совѣту профессоровъ Царнке и Брокгауза, Веске занимался болѣе всего индогерманскимъ языковѣдѣніемъ, чтобы потомъ тѣмъ съ большимъ успѣхомъ заняться изслѣдованіемъ финскихъ языковъ. Въ первыхъ числахъ 1873 года Великая Княгиня Елена Павловна скончалась, и Веске увидѣлъ свои розовыя надежды разрушенными. Онъ не имѣлъ даже средствъ для возвращенія на родину. Его и на этотъ разъ спасло ходатайство генеральнаго консула фонъ-Гаве, благодаря которому онъ получилъ отъ Великой Княгини Екатерины Михайловны 200 рублей, на которые въ апрѣлѣ 1873 года возвратился на родину. На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Дерптѣ онъ жилъ частными уроками (между прочимъ и санскритскаго языка). Зимой 1874 г. онъ послалъ въ Академію Наукъ прошеніе о выдачѣ ему пособія на поѣздку къ восточнымъ финнамъ или по крайней мѣрѣ въ Остзейскія губерніи и въ Финляндію, но получилъ чрезъ профессора Лео Мейера отъ академика д-ра Видемана отвѣтъ, что Академія располагаетъ очень незначительными суммами для командировокъ и не можетъ исполнить его просьбы. Въ сентябрѣ 1874 г. покойный былъ избранъ въ лекторы эстонскаго языка при Дерптскомъ университетѣ. Съ этого времени онъ дѣлаетъ почти каждое лѣто поѣздки съ научными цѣлями въ

эстонскіе приходы, а лѣтомъ 1880 г. ѣздилъ въ Финляндію. Три изъ этихъ поѣздокъ были сдѣланы на пособіе отъ Дерптскаго университета. Во время своихъ путешествій М. П. собиралъ матеріалы для опредѣленія діалектическихъ различій и изученія миѳологіи, народныя пѣсни (числомъ болѣе 1500). Лингвистическія изслѣдованія его имѣли не одну теоретическую цѣль. Ученый и журналистъ въ одно и то же время, Веске черпалъ въ говорахъ народа матеріалы для литературнаго эстонскаго языка. Научная дѣятельность шла рука объ руку съ общественной. Одновременно съ научными наблюденіями Веске производилъ наблюденія практическаго характера, ловилъ малѣйшіе намеки на прогрессъ въ жизни родного народа, всматривался въ условія, противодѣйствующія его нормальному развитію. Открытія, сдѣланныя въ этой средѣ, не оставались у покойнаго мертвымъ капиталомъ. Со всѣмъ пыломъ своего темперамента онъ бросается въ борьбу съ притѣснителями своего народа. Онъ одновременно работаетъ, какъ поэтъ, журналистъ, ученый и практическій боецъ. Сегодня онъ пишетъ стихотвореніе, которымъ будитъ въ народѣ чувство самосознанія, завтра въ газетной статьѣ ратуетъ противъ пасторовъ и бароновъ. Отказавшись отъ ученаго изслѣдованія или отъ записыванія народныхъ пѣсенъ, онъ разъясняетъ эстонскимъ крестьянамъ, гдѣ искать защиты противъ притѣснителей, какъ формулировать свои жалобы и желанія, самъ пишетъ прошенія для обиженныхъ. Время сенаторской ревизіи Манассеина было временемъ самой напряженной общественной дѣятельности покойнаго. Скрываясь отъ слѣдившихъ за нимъ бароновъ, онъ по ночамъ писалъ крестьянамъ жалобы на помѣщиковъ, являлся на крестьянскія сходки и, составляя петиціи и адресы, самъ ѣздилъ въ Петербургъ къ сенатору Манассеину и министру внутреннихъ дѣлъ. Такая дѣятельность должна была неизбѣжно обострить отношенія покойнаго къ представителямъ Дерптскаго университета, гдѣ былъ силенъ феодальный нѣмецко-баронскій элементъ. На него стали смотрѣть, какъ на опаснаго агитатора, который является виновникомъ поджоговъ и другихъ проявленій соціальной борьбы. Горячія нѣмецкія головы мечтали о томъ, чтобы упрятать безпокойнаго эста въ Сибирь; болѣе умѣренный баронъ Штакельбергъ довольствовался *долгосрочной командировкой* въ Вятку.

Въ 1885 г. найденъ былъ наконецъ благовидный способъ сбыть «агитатора». По ходатайству Дерптскаго университета покойный былъ отправленъ правительствомъ на два года въ Венгрію и оттуда на Волгу и на

Уралъ для изслѣдованія мадъярскаго и восточно-финскихъ языковъ. Эта командировка рѣшила судьбу покойнаго. Онъ былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ. Въ августѣ 1887 г. онъ прибылъ въ Казань. Недостаточный навыкъ въ русскомъ языкѣ и характеръ предмета былъ причиной того, что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ имѣлъ дѣло съ однимъ только слушателемъ. Но эти годы не остались пустымъ мѣстомъ въ жизни покойнаго и въ исторіи русской науки. Въ новой средѣ, гдѣ у него не было враговъ, гдѣ напротивъ онъ нашелъ группу людей съ полнымъ сочувствіемъ принявшихъ его, какъ человѣка и ученаго, онъ пріобрѣлъ безпрепятственную возможность работать въ той области, которая его особенно занимала. Уже весной 1882 г. историко-филологическій факультетъ, помимо всякихъ исканій со стороны покойнаго, предложилъ ему примкнуть къ экспедиціи, снаряжавшейся къ черемисамъ. Это предложеніе безъ всякихъ протестовъ и интригъ, къ которымъ такъ пріучилъ своего лектора Дерптскій университетъ, было утверждено Совѣтомъ. Ту же поддержку своимъ планамъ встрѣтилъ М. П. и въ 1889 г., отправляясь къ Мордвѣ. Результатомъ двухъ путешествій къ мѣстнымъ инородцамъ, черемисамъ и мордвѣ, было изслѣдованіе о нарѣчіяхъ черемисскаго языка и собраніе 200 черемисскихъ и мордовскихъ пѣсенъ. Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, членомъ котораго онъ сдѣлался съ 1887 г., въ свою очередь дало ему возможность написать и издать первый томъ изслѣдованія: «Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка», изслѣдованія, имѣющаго громадное значеніе для начальной исторіи славянскаго и финскаго міровъ. Изслѣдованіе съ такимъ направленіемъ не могло явиться на свѣтъ въ Дерптѣ, гдѣ политика помѣшала бы людямъ науки оцѣнить теорію, такъ мало согласную съ балтійскими представленіями о русской культурѣ. Смерть застала Веске надъ обработкой второго тома, въ который должны были войти изъ матеріаловъ перваго тома и новые факты. За нѣсколько минутъ до смерти онъ развивалъ предъ своимъ слушателемъ основныя идеи этого тома. Крестьянинъ-ученый умеръ, какъ честный боецъ науки, держа ея знамя въ рукѣ.

На немногихъ страницахъ некролога не можетъ быть, конечно, мѣста для характеристики научной дѣятельности покойнаго. Ограничимся, поэтому, нѣсколькими замѣчаніями объ его этнографическихъ трудахъ.

Еще въ бытность свою студентомъ въ Лейпцигѣ Веске напечаталъ:

Нѣсколько эстонскихъ сказокъ—въ період. изданіи «Ausland». Объ

эстонскихъ народныхъ пѣсняхъ — въ період. изданіи «Europa». О поэмѣ Калеви-Поэгъ—въ період. изданіи «Globus».

Вернувшись на родину, онъ сталъ дѣятельнымъ членомъ Эстонскихъ Ученаго и Литературнаго Обществъ и напечаталъ въ ихъ изданіяхъ цѣлый рядъ этнографическихъ статей:

Въ 1874 году: Mythen und Märchen Vom Ei bei den Esten-Finnen, Griechen und Syrern. Sitzbr. d. gel. Est. Gesell. S. 17—25. Ueber die Identität der estnichen Wene und des Völkernamens Wenden. Sitzbr. d. gel. Est. Gesell. S. 34—40. Ueber das Estnische Volkslied. Ibid. S. 68—84. Ueber die Erklärung des estn. mytholog. Namens Wanemuine. Ibid. S. 100—101. Ueber den Culturfortschritt in Leben der Esten. Ibid. S. 139—149.

Въ 1875 году: Ueber eine Estnische Sängerin. Jbid. S. 17—25.

Въ 1876: *году* Bericht über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer. 1875. Verhandlungen der Gel. Estn. Gesell. Bd. VIII, Hf. 3. S. 41—84. Ueber den Culturfortschritt im Leben der Esten. Sitzbr. d. Gel. Estn. Ges. S. 37—50. Bericht über die Resultate der im Sommer 1876 gemachten wissenschaft. Reise. Ibid. S. 161—169.

Въ 1877 году: Forstetzung des Berichtes über die Ergebnisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1875. Verhandl. d. Gelehr. Estn. Gesell. B. VIII, Hf. 2. S. 1—32. Ueber die Estnische Ortsnamen auf *were*, im Deutschen auf *fer*. Jbid. Hf. 4. S. 47—95. Beiträge zur Sage von Kalewipoeg, Sitz. d. Est. Gesell. S. 32—38. Ueber die Estn. Volkssage von Koit und Amarik—Morgenroth und Abendroth. Ibid. S. 122—124.

Въ 1878 году: Отчетъ о путешествіи съ научною цѣлью въ западной Эстляндіи лѣтомъ 1878 г. Ежегодникъ Эстонскаго Литературнаго Общества, стр. 26—35. Ueber den estnischen Waldgott. Sitz. d. Gelehr. Estn. Ges. S. 47—99.

Въ 1879 году: Отчетъ о поѣздкѣ въ Перновскій уѣздъ лѣтомъ 1879 г. Ежегодникъ Эстонскаго Литературнаго Общества 1879 г., стр. 34—41 (содержитъ сообщенія о перновскомъ нарѣчіи и о языческихъ вѣрованіяхъ въ феннернскомъ приходѣ). Эстонскія народныя пѣсни изъ устъ народа, (Eesti rahwalaulud). Первая часть.

Въ 1881 году: Эстонскія народныя пѣсни о роженицѣ (Eesti rah-

walaulud nurganaisest) (съ грамматическими и миѳологическими объясненіями). Ежегодникъ эстонск. литер. общества, стр. 23—49.

Отчетъ о совершенной лѣтомъ 1880 г. съ научными цѣлями поѣздкѣ въ Финляндію. Въ нѣсколькихъ приложеніяхъ къ эстонской газетѣ «Сакала» съ начала 1881 г.

Въ 1882 году: Отчетъ о поѣздкѣ въ Везенбергскій уѣздъ лѣтомъ 1882 г. Sitzungsber. des Estn. liter. Vereins Стр. 16—18.

Въ 1883 году: Эстонскія народныя пѣсни (Eesti rahwalaulud). Вторая часть. Въ ежемѣсячномъ научномъ и беллетристическомъ журналѣ на эстонскомъ языкѣ «Oma Maa» (Родная Земля) издаваемомъ съ апрѣля 1884 г. и редактированномъ Веске, самъ Веске напечаталъ статью: Этнографія финскихъ племенъ (Soome fugurahwaste ethnographia), № 1—3.

Къ исторіи жилищъ финскихъ племенъ (Soome fugurahwaste elumajade ajaluost). (Очерки историко-филологическіе) № 5 – 7. О способахъ добыванія женъ у финскихъ племенъ (Soome fugurahwaste naise wôtinise wüsist) № 9. О словѣ «raha» (теперь «деньги», прежде «шкура») № 3. О русскомъ народѣ и вообще о славянахъ (Wene rahwast ja üleüldse Slaavi fugurahwastest) № 3.

Древнія мѣста жертвоприношеній эстонцевъ (Eesti rahwa wanad ohwri kohad) № 1 и 2. Дополненіе къ разсказамъ о Калеви-Поэгѣ (Kalewipoeg juttude lisad) № 1– 3, 6. Эстонскія народныя пѣсни (Eesti rahwalaulud) № 1 и 8.

Въ 1885 году: Древнія мѣста жертвоприношеній эстонцевъ. (Свѣдѣнія о мѣстахъ, о которыхъ старики говорятъ, кáкъ и когда приносили тамъ въ послѣдній разъ жертвы. № 2 и 3. Gebete an die Waldgottheiten bei den alten Esten. Sitz. d. Gel. Estn. Gesell.

Перейдя въ Казань, Веске напечаталъ упомянутыя уже выше: Изслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. Казань. 1889. Отд. отт. изъ VII т. Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Имп. Каз. унив.», въ 1889 г. Замѣтки о путешествіи къ Черемисамъ. «Oma Maa». 1889. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890. Отд. отт. изъ VIII т. Извѣстій Общ. Арх. Ист. и Этн. при Имп. Каз. унив.

Перечень работъ покойнаго Веске показываетъ, что онъ трудился главнымъ образомъ надъ всестороннимъ изученіемъ родного народа. Для изслѣ-

дователя, который пожелалъ бы заняться этнографическимъ изученіемъ эстовъ, труды Веске должны служить однимъ изъ существеннѣйшихъ пособій. Особенную цѣну имѣютъ его указанія на то, гдѣ слѣдуетъ искать наиболѣе чистыхъ памятниковъ эстонской старины въ вѣрованіяхъ и бытѣ (у православныхъ эстовъ Псковской губерніи).

Капитальнымъ трудомъ и драгоцѣннымъ вкладомъ М П. въ русскую науку, конечно, навсега останется первый томъ его изслѣдованія о Славяно-финскихъ культурныхъ отношеніяхъ по даннымъ языка. Предоставляя спеціалистамъ оцѣнить это произведеніе въ подробностяхъ, мы отмѣтимъ здѣсь только принципіальную сторону его. М. П. первый рѣшительно и опредѣленно высказалъ мысль о широкомъ доисторическомъ вліяніи славянства на финскій міръ: воспитанные въ германскихъ или узко-финскихъ симпатіяхъ его предшественники обходили вопросъ о древнемъ славянскомъ вліяніи на финновъ, тщательно отмѣчая вліянія германское и литовское. Изслѣдованіе Веске отодвинуло начало славяно-финскихъ сношеній на цѣлый рядъ вѣковъ въ глубь прошедшаго и показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что еще въ доисторическую эпоху было положено начало ассимиляціи финновъ съ славянами. Покойный поднялъ, но не успѣлъ окончательно обработать богатую новь; можно отъ души пожелать въ интересахъ русской науки, чтобы среди его соплеменниковъ поскорѣе нашлись люди, подобно ему соединяющіе въ себѣ глубокое спеціальное образованіе съ свободой научнаго изслѣдованія и широкимъ патріотизмомъ. Эти люди могли бы заключить начатое дѣло.

А пока—смерть покойнаго энтузіаста науки остается тяжелымъ ударомъ для всѣхъ, кому дороги судьбы русской филологіи и этнографіи. Еще тяжелѣе отозвалась она на далекой родинѣ покойнаго, въ сердцахъ народа, которому онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни и весь пылъ своей души. Эсты лишились своего благороднѣйшаго представителя и именно въ ту пору, когда надъ ними начала заниматься заря новой жизни, которую онъ горячо привѣтствовалъ.

И. Смирновъ.

Казань,
24 августа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ». *Археолого-этнографическій этюдъ*. Москва. 1890.

Если историческая географія представляетъ значительныя затрудненія для изслѣдователей, то такія работы, какъ опредѣленіе происхожденія и мѣстопребыванія различныхъ давно исчезнувшихъ народовъ и характеристика особенностей ихъ быта, являются, съ точки зрѣнія чисто научной, а не гипотетической, собраніемъ почти неосуществимыхъ задачъ. Историческая этнографія до сихъ поръ составляетъ одну изъ самыхъ шаткихъ по своимъ результатамъ отраслей исторической науки; стоитъ вспомнить многочисленныя общія сочиненія и спеціальныя монографіи, возбужденныя желаніемъ распутать этнографическій хаосъ, царствовавшій въ западной Европѣ на рубежѣ двухъ великихъ эпохъ въ началѣ переселенія народовъ, ниспровергнувшаго древній міръ и создавшаго новыя европейскія народности.

Такіе вопросы, какъ происхожденіе Франковъ, Англичанъ, Гунновъ, Баварцевъ, возбудили самую горячую полемику, въ которой съ научными интересами переплетаются политическія и національныя страсти. Неудивительно, что у насъ въ обширной Россіи, соединившей на своей территоріи не только многочисленные народы, но и различныя расы, историческая этнографія пріобрѣла большое значеніе, возрастающее съ каждымъ годомъ. Среди ея задачъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ исторія ознакомленія русскихъ съ народами, жившими въ прежнее время за Ураломъ, такъ какъ она затрогиваетъ самымъ существеннымъ образомъ серьезные историческіе и этнологическіе вопросы и отличается по богатству дѣйствія драматизмомъ, не уступающимъ повѣствованіямъ о походахъ испанскихъ и португальскихъ открывателей земель.

Профессоръ Анучинъ выбралъ для своего изслѣдованія эпоху, предшествующую болѣе близкимъ сношеніямъ русскихъ съ сѣверной Азіей, получившей послѣ завоеванія ея Ермакомъ названіе Сибири. Такимъ образомъ, его монографія относится ко времени до конца XVI вѣка. Извѣстія объ этихъ отдаленныхъ странахъ и народахъ, ихъ населяющихъ, естественнымъ образомъ не могли отличаться точностью и ясностью. Они имѣли характеръ полумиѳическій и возникали на почвѣ неопредѣленныхъ слуховъ о чудныхъ земляхъ и своеобразныхъ людяхъ. Образовавшіяся подобнымъ путемъ баснословныя сказанія до того изукрашены фантазіей, что раскрыть въ нихъ дѣйствительную правду, найти фактическое зерно, около котораго наслоились вымышленныя подробности, является почти неосуществимымъ предпріятіемъ. Въ этой сферѣ научныхъ разысканій возможны только болѣе или менѣе гадательныя предположенія, выводы, основанные на сближеніяхъ и гипотезахъ.

Г. Анучинъ обладаетъ рѣдкимъ соединеніемъ знаній археологическихъ, этнографическихъ и географическихъ и такимъ образомъ является вполнѣ хорошо подготовленнымъ если не къ разрѣшенію, то, во всякомъ случаѣ, къ разъясненію вопросовъ весьма сложныхъ и принадлежащихъ къ самымъ разнороднымъ научнымъ областямъ. Снабженный подобными средствами, изслѣдователь искусно воспользовался обильнымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи, и далъ въ своей книгѣ многостороннюю обработку этого доисторическаго періодасибирской этнографіи. По своей формѣ трактатъ г. Анучина составляетъ обширный комментарій къ небольшому древнерусскому сказанію «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ». Сказаніе, служащее предметомъ комментарій, встрѣчается въ различныхъ сборникахъ XV—XVIII в.в. въ видѣ особой статьи и по многимъ признакамъ имѣетъ древнее происхожденіе. Хотя оно было не только извѣстно раньше, и даже напечатано въ диссертаціи г. Ѳирсова, однако московскій профессоръ географіи первый оцѣнилъ его важное значеніе и далъ изданіе текста, соотвѣтствующее современнымъ научнымъ требованіямъ. Г. Анучинъ не ограничился трудомъ издателя: онъ изучилъ памятникъ со стороны содержанія и разсмотрѣлъ главные вопросы, возбужденные сказаніемъ, съ всесторонней полнотою, предпочитая иногда давать болѣе того, чего требовала цѣль его обстоятельной и богатой фактами работы, причемъ нѣкоторые отдѣлы комментарія разрослись подъ перомъ автора въ цѣлыя монографическія изслѣдованія.

Въ сказаніи стариннаго новгородскаго торговаго человѣка дикіе обитатели Зауралья носятъ общее названіе «самоѣды». Повидимому, этотъ терминъ служилъ въ то время нарицательнымъ этнографическимъ названіемъ для всѣхъ дикихъ инородцевъ, жившихъ на сѣверѣ и востокѣ отъ русскихъ владѣній. Всѣхъ народовъ за Уральскими горами памятникъ, изданный г. Анучинымъ, называетъ и описываетъ девять, причемъ о нихъ сообщаются разныя невѣроятныя подробности. Авторъ комментарія

старается вездѣ, какъ въ общихъ замѣчаніяхъ, такъ и говоря по поводу каждаго отдѣльнаго народа, точно разграничить извѣстія, относящіяся къ области разсказовъ о разныхъ баснословныхъ народахъ или, какъ ихъ называли древне-русскіе книжники, «дивьихъ людяхъ», встрѣчающихся въ литературахъ почти всѣхъ культурныхъ странъ, отъ данныхъ, которыя по своимъ характернымъ этнографическимъ признакамъ находятъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ, доставляемыхъ археологіей и современной этнографіей, и, слѣдовательно, могутъ считаться достовѣрными. Сравнивъ факты сказанія съ мотивами литературныхъ произведеній восточныхъ, древнихъ и средне-вѣковыхъ европейскихъ, г. Анучинъ приходитъ къ убѣжденію въ отсутствіи всякихъ чужестранныхъ заимствованій и считаетъ русскій памятникъ вполнѣ оригинальнымъ сочиненіемъ. Затѣмъ авторъ обращается къ опредѣленію его древности. Изложивъ исторію возникновенія названія Сибири какъ географическаго термина, обозначающаго земли за Ураломъ, онъ приходитъ къ заключенію, что статья сборника, въ заглавіи которой даже не упоминается названія Сибири, не могла быть составлена позже конца XV в. или, принимая самую позднѣйшую дату, начала XVI ст.

Первый изъ народовъ, упоминаемыхъ сказаніемъ, называется «Самоѣдь Молгонзѣи». Жили они за Югорскою землею надъ моремъ. Ученый комментаторъ начинаетъ съ опредѣленія положенія Югорской земли, которая въ то время, по его мнѣнію, простиралась до рѣки Оби, такъ что Молгонзѣи жили за этой рѣкой, у Сѣв. Ледовитаго океана. Названіе Молгонзѣевъ напоминаетъ острогъ Мангазѣю, построенный сначала на р. Тазѣ, а потомъ перенесенный на берегъ Енисея, гдѣ онъ впослѣдствіи сталъ именоваться городомъ Туруханскомъ. Исторія этого поселенія изложена г. Анучинымъ довольно подробно, и особенно останавливается онъ надъ объясненіемъ его названія, которое, по соображеніямъ автора, произошло отъ имени народа, тамъ жившаго, по всему вѣроятію тождественнаго съ обитающими въ этомъ краѣ Юраками-Самоѣдами. Установивъ гипотезу, что подъ Молгонзѣями слѣдуетъ разумѣть Юраковъ-Самоѣдовъ, живущихъ между Обью и Енисеемъ въ Туруханской землѣ, г. Анучинъ комментируетъ характеристику ихъ нравовъ и наружности, помѣщенную въ новгородскомъ сказаніи. Онъ перебираетъ древнія и новыя свѣдѣнія о Самоѣдахъ и находитъ въ нихъ подтвержденіе показаній неизвѣстнаго сказателя. Такимъ образомъ все, что говорится въ памятникѣ о Молгонзѣяхъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ представляется вполнѣ вѣрнымъ и правдоподобнымъ.

Въ той же мѣстности жилъ другой народъ: «Линная Самоѣдь» (т. е. Самоѣды, мѣняющіе кожу), которая мѣсяцъ проводитъ въ морской водѣ, а остальное время на сушѣ. Описаніе этого народа отличается уже болѣе баснословнымъ характеромъ и авторъ употребляетъ много остроумія для того, чтобы подыскать факты, придающіе фантастическимъ подробностямъ

видъ дѣйствительности. Отвергнувъ теорію смѣшенія людей съ морскими животными, существующаго въ сказаніяхъ многихъ европейскихъ народовъ, онъ останавливается на объясненіи, по его мнѣнію, самомъ правдоподобномъ. Какъ извѣстно, Самоѣды оленеводы въ одно время года перекочевываютъ къ морскому берегу, а другое время проводятъ внутри суши. Эта періодичность и отразилась въ сказаніяхъ объ образѣ жизни Линныхъ Самоѣдовъ.

Что касается третьяго рода людей, мохнатыхъ въ нижней половинѣ тѣла, жившихъ также между Обью и Енисеемъ, то г. Анучинъ въ описаніи ихъ наружности видитъ выраженіе впечатлѣнія, производимаго нѣкоторыми особенностями самоѣдскаго костюма. Вполнѣ баснословный характеръ имѣютъ извѣстія о Самоѣдахъ, умирающихъ ежегодно на два мѣсяца. Составитель комментарія приводитъ въ этомъ мѣстѣ различные разсказы подобнаго рода, ходившіе въ XVI и XVII вв. среди русскихъ, и думаетъ, что всѣ эти повѣствованія о людяхъ, умирающихъ преимущественно на зиму, возбуждены существованіемъ у зауральскихъ и другихъ сѣверныхъ инородцевъ человѣкообразныхъ идоловъ, описаніе которыхъ тутъ же приводится.

Этимъ оканчивается обозрѣніе народовъ, живущихъ между нижнимъ теченіемъ Оби и Енисея. Дальше слѣдуетъ миѳическая этнографія странъ приалтайскихъ. «Вверху Оби рѣки великія» въ странѣ Баидъ живутъ люди, отличающіеся тѣмъ, что носятъ платье изъ однихъ соболей, ѣдятъ соболиное мясо и обитаютъ въ землѣ, т. е. въ землянкахъ. Самое описаніе соболей указываетъ на то, что они водятся не въ тайгѣ, а въ горахъ, т. е. въ Алтаѣ. По соображеніямъ г. Анучина, Боиты—народъ по всему вѣроятію тюркскаго происхожденія.

Въ томъ же краѣ сказаніе помѣщаетъ и безголовыхъ людей, имѣющихъ ротъ на спинѣ, а глаза на плечахъ. Авторъ знакомитъ съ различными тератологическими сказаніями этого рода у различныхъ народовъ, характеризуетъ попытки объяснить происхожденіе представленія о безголовыхъ людяхъ Тейлора, Олеарія и, наконецъ, высказываетъ свои собственныя соображенія о томъ, что сказаніе служитъ выраженіемъ крайняго преувеличенія особенностей монгольскаго типа. Употребленіе въ пищу оленьихъ головъ объясняется у г. Анучина различными обычаями, связанными съ шаманствомъ. Безголовые люди, по его мнѣнію, ничто иное, какъ алтайскіе калмыки. На Алтай указываютъ также и желѣзныя трубки, употребляемыя этими дивными людьми для стрѣльбы. Тутъ же комментаторъ сказанія сопоставляетъ географическія опредѣленія памятника съ показаніями иностранныхъ картъ XVI и XVII столѣтій и приходитъ къ выводу, что составитель сказанія не только не фантазировалъ, но даже сочиненіе его послужило источникомъ для иностранцевъ.

Извѣстія о людяхъ, живущихъ вѣроятно тутъ же въ Алтаѣ и ходящихъ подъ землею, о мертвомъ градѣ надъ озеромъ и о происходящемъ тамъ

нѣмомъ торгѣ изучаются г. Анучинымъ весьма подробно. Хожденіе подъ землею авторъ приводитъ въ связь съ двумя фактами: въ 1-хъ, онъ разсматриваетъ существующія у сѣверныхъ инородцевъ представленія о подземномъ мірѣ и его обитателяхъ, образовавшіяся вслѣдствіе нахожденія хорошо сохранившихся труповъ мамонтовъ. Мамонтъ далъ также мотивъ и миѳическаго Индрика, звѣря Голубиной книги. Туземцы дальняго сѣвера не могутъ понять, чтобы трупъ мамонта такъ хорошо сохранился втеченіе вѣковъ, и убѣждены, что этотъ звѣрь живетъ въ землѣ, гдѣ за нимъ охотятся особые подземные люди. Во 2-хъ, г. Анучинъ указываетъ на Чудскія копи и на существованіе горнаго промысла въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ этотъ древній загадочный народъ занимался добываніемъ мѣди. Такъ какъ въ новгородскомъ сказаніи говорится о людяхъ, ходящихъ подъ землею, а не живущихъ тамъ, то авторъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ не находки мамонтовъ, а слухи о чудскихъ рудокопахъ скорѣе всего послужили прототипомъ для сказанія. Чудесное озеро съ лежащимъ надъ нимъ городомъ, по мнѣнію комментатора, правильнѣе всего можетъ быть отождествлено съ Колыванскимъ озеромъ, на берегахъ котораго расположены скалы, своими причудливыми формами напоминающія башни, террасы и развалины замковъ. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что подлѣ него найдены и чудскія копи. На живописныхъ берегахъ озера могъ происходить между сосѣдящими племенами и нѣмой торгъ, по поводу котораго г. Анучинъ, по своему обыкновенію, описываетъ этотъ оригинальный обычай у древнихъ и новыхъ народовъ, собирая значительное количество историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Ближе всего относится къ данному вопросу то, что въ работѣ сказано о нѣмомъ торгѣ у сибирскихъ инородцевъ.

Послѣдній народъ сказанія „Каменская Самоѣдь" соотвѣтствовалъ, по соображеніямъ автора, Обдорскимъ Самоѣдамъ, кочующимъ по Уралу, т. е. Камню и полуострову Ялмалу. Въ описаніи быта и обычаевъ этихъ Самоѣдовъ легко узнать черты, характеризующія современныхъ намъ Самоѣдовъ, какъ напр. употребленіе въ пищу сырого мяса и питье крови, шаманство и представленіе о загробномъ мірѣ.

Въ заключеніе своей большой работы авторъ, подводя итоги, оцѣниваетъ значеніе изданнаго имъ древне-русскаго историко-этнографическаго памятника. Въ немъ мы находимъ первый сколько нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію рѣки Оби и по р. Тазу, объ Юракахъ, Каменскихъ Самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры: здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ

и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ.

Добросовѣстный и кропотливый комментарій г. Анучина, только что разсмотрѣнный нами, совмѣщаетъ въ себѣ такое значительное количество культурно-историческихъ свѣдѣній и авторъ касается въ немъ столькихъ интересныхъ сторонъ, что читателю остается только благодарить за его поучительный трудъ и удивляться обширной начитанности и остроумію изслѣдователя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя вполнѣ согласиться съ выводами нашего почтеннаго географа, какъ напр. относительно его гипотезы, отождествляющей человѣкообразныхъ идоловъ съ людьми, умирающими на два мѣсяца.

Викторъ Михайловскій.

А. Н. Минхъ.—Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи. Собраны въ 1868 — 1888 годахъ. (Спб. 1890, стр. 150 in 8°).—Свой небольшой, но крайне интересный трудъ, г. Минхъ начинаетъ съ краткаго этнографическаго очерка, перечисляетъ народности, населяющія Саратовскую губ., именно великоруссы, малоруссы, нѣмцы, мордва, чуваши, мещера и цыгане. Указавъ кратко на распредѣленіе означенныхъ народностей въ разныхъ частяхъ губерніи и на отличительныя черты нѣкоторыхъ изъ нихъ, авторъ переходитъ къ изложенію имѣющагося у него матеріала по народнымъ повѣрьямъ, преданіямъ о кладахъ и разбойникахъ, ворожбѣ и гаданіи, апокрифическимъ сказаніямъ и рукописямъ, заговорамъ, праздничнымъ обычаямъ, обрядамъ и пѣснямъ, свадебнымъ и похороннымъ обрядамъ, причемъ почти всюду излагаетъ имѣющійся у него матеріалъ по указаннымъ отдѣламъ, для каждой народности отдѣльно. Если сравнительно мало интереса представляютъ помѣщенные въ трудѣ г. Минха апокрифическія сказанія и заговоры, то крайне интереснымъ являются свѣдѣнія его о народныхъ повѣрьяхъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ представленія крестьянъ о колдунахъ, знахаряхъ, лѣшихъ, русалкахъ, домовомъ, огненномъ змѣѣ, оборотняхъ. Не менѣе интересными являются и свѣдѣнія о кладахъ и разбойникахъ. Масса разсказовъ, переданныхъ со словъ самихъ крестьянъ, иллюстрируютъ изложеніе и придаютъ ему живость. Книга г. Минха убѣждаетъ насъ, какъ много еще суевѣрій сохранилось среди русскаго крестьянскаго населенія, какъ крѣпко держатся еще прадѣдовскія вѣрованія. Насколько мѣстное населеніе и въ настоящее время еще суевѣрно, можно видѣть напр. изъ того, что въ 1887 г, упорно держался слухъ о появленіи огромнаго змѣя съ человѣческой головой, говорящаго непонятнымъ языкомъ.

Твердо держатся среди мѣстнаго населенія обряды, пріуроченные къ разнымъ праздникамъ, а въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще подчасъ слѣды глубокой старины.

Въ общемъ нельзя не согласиться съ г. А. Пыпинымъ, завѣдывавшимъ печатаніемъ труда г. Минха, и предпославшимъ ему небольшое предисловіе, что и трудъ г. Минха конечно не исчерпываетъ предмета, но онъ именно важенъ, какъ болѣе или менѣе цѣльный опытъ мѣстной этнографической любознательности, распространеніе которой послужило-бы съ большой пользой для общихъ изслѣдованій въ этой области «народовѣдѣнія». Дѣйствительно, нельзя не пожелать, чтобы мѣстные изслѣдователи чаще обогащали нашу этнографическую литературу работами, подобными труду г. Минха, а самому г. Минху чтобы представилась возможность скорѣе опубликовать и остальной собранный имъ матеріалъ.

Н. Х.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. IV. Въ IV кн. «Чтеній» мы находимъ не мало интересныхъ для этнографа данныхъ. Уже въ I отдѣлѣ, въ коемъ помѣщены въ сокращеніи сообщенія, читанныя въ засѣданіяхъ Общества, мы находимъ отчетъ о сообщеніи Ю. А. Кулаковскаго: «*Къ вопросу о русскомъ народномъ стихѣ*», проливающемъ свѣтъ на нашу народную метрику. Далѣе слѣдуетъ отчетъ о сообщеніи И. В. Лучицкаго «*Новыя данныя для землевладѣнія въ Малороссіи*». Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій" обращаетъ на себя вниманіе статья В. Е. Завитневича «Изъ археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье». В. Е. Завитневичу удалось, благодаря произведеннымъ имъ раскопкамъ, установить, съ достаточной вѣроятностью, предѣлы разселенія Древлянъ и Дреговичей; «.... поселенія Древлянъ, пишетъ онъ, начинаясь въ системѣ р. Роси, простирались вплоть до самой Припети, гдѣ они соприкасались съ Дреговичскими поселеніями. Но то обстоятельство, что главный культурно-политическій центръ Древлянскаго племени (Искоростень) находится не на Припети, и что, напротивъ, Дреговичскій г. Туровъ лежалъ на правомъ, южномъ берегу этой рѣки, даетъ основаніе заключать, что Дреговичамъ принадлежала господствующая роль не только на сѣверномъ, но и на южномъ берегу Припети. Настоящія раскопки даютъ также основаніе думать, что сѣверная граница Дреговичей не оканчивалась линіей, служащей водораздѣломъ между системами Припети съ одной стороны, Березины и верхняго Нѣмана — съ другой.... что, напротивъ, она переходила названную линію....» Нахожденіе авторомъ могилъ, носящихъ на себѣ ясные слѣды обрядовъ погребенія, обычныхъ у Полянъ, а также и такихъ, которые употреблялись Сѣверянами, даетъ ему возможность считать правдоподобнымъ существованіе нѣкогда на Припети Полянскихъ и Сѣверянскихъ колоній. Все это, заключаетъ авторъ, подтверждаетъ ту мысль, что въ

разсказываемое время Припеть была весьма бойкимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ, привлекавшимъ къ себѣ колонистовъ почти со всѣхъ сосѣднихъ областей». Однако, наибольшій перевѣсъ и важность представляетъ статья г. Владимірскаго-Буданова. «*Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI в.*» «Главнымъ предметомъ настоящаго этюда, пишетъ авторъ, служитъ не столько исторія семейнаго права самого по себѣ, сколько исторія обычнаго права, въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ». Представленіе жителей разныхъ мѣстностей и разныхъ общественныхъ группъ о нормахъ семейнаго обычнаго права не одинаково. Авторъ ввиду этого устанавливаетъ слѣдующее дѣленіе: 1) южно-русская украинская полоса, 2) обыкновенные провинціальные города внутренней территоріи и 3) главные культурные центры государства. Наибольшее господство нормъ древнѣйшаго права падаетъ на первую группу, наименьшее на третью, гдѣ воздѣйствія свѣтскаго и церковнаго законодательства сказались съ наибольшей силой. Въ первой группѣ, «сдѣлки брака и развода жители заключаютъ безъ участія церкви, и даже безъ участія свѣтской власти, а лишь заявляютъ о состоявшихся сдѣлкахъ власти свѣтской, при чемъ уплачиваютъ пошлины. Очевидно, власть признавала и утверждала эти обычаи.... Этотъ обычай господствовалъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ». Встрѣчается дѣйствительно и заключеніе брака при участіи церкви, но онъ уступаетъ первому по своей распространенности. Власти, признавая законность совершенія брака безъ участія церкви, отдаютъ однако въ случаѣ споровъ предпочтеніе браку, заключенному при участіи церкви, вслѣдствіе чего «форма невѣнчальнаго брака уже въ XVI в. выходитъ изъ употребленія и уступаетъ силѣ и значенію брака вѣнчальнаго.... Невѣнчальный бракъ вырождается въ низшую, вторую, такъ сказать, субсидіарную форму брака, отнюдь не переходя въ разрядъ преступныхъ дѣяній». Обрядъ «отпускать» отъ себя жену замѣняется въ XVI в. обоюднымъ согласіемъ супруговъ на разводъ, но остатокъ прежняго права слѣдуетъ видѣть въ томъ, что «передъ судомъ, хотя являются оба супруга, но подаетъ явку только мужъ, и заявляетъ, что «освобождаетъ свою жену отъ супружества и чинитъ вольною»». Право власти мужа носитъ на себѣ ясные слѣды древняго права. Мужъ, напр., считается въ правѣ закладывать свою жену, или отдавать ее въ срочное рабство. Въ общемъ однако «личная власть мужа опирается главнымъ образомъ на имущественныя основанія.... Основаніемъ для подчиненія жены служитъ (за отмѣной похищенія и купли-продажи) *приведеніе* жены въ домъ мужа. Поэтому, если, наоборотъ, черезъ бракъ мужъ входитъ въ домъ жены..., то власть его въ значительной степени ослабляется, если не уничтожается совсѣмъ». Родительская власть отца также широка, хотя и ограничивается вліяніемъ матери. Во всякомъ случаѣ отцу принадлежитъ право заклада и продажи въ рабство своихъ дѣтей, несовершеннолѣтнихъ—безконтрольно, совершеннолѣтнихъ—съ предварительнаго ихъ согласія. Съ этими нормами борется свѣтская власть, ста-

раясь внести болѣе мягкія черты въ сферу семейныхъ отношеній. Таковы главные выводы, къ которымъ приходитъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей крайне интересной статьѣ, иллюстрируя изложеніе многочисленными примѣрами, почерпнутыми имъ изъ актовъ. Въ приложеніи къ статьѣ помѣщено 14 актовъ, относящихся къ вопросамъ, затронутымъ авторомъ. Нельзя не пожалѣть, что недостаточность актовъ не дала возможности автору освѣтить подробно нормъ семейнаго обычнаго права, и заставила его ограничиться, хотя и интересными, но тѣмъ не менѣе слишкомъ общими выводами. Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» заслуживаютъ вниманія «Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи» А. М. Лазаревскаго (36 актовъ XVII вѣка).

Н. Х.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. т. II. 1890. (XVI + XV + 433 + 194 + 81 in 8°).— Сборникъ, заглавіе котораго мы только что выписали, имѣетъ серьезный интересъ для этнографа. Откинувъ отчетъ, составленный секретаремъ Общества Н. Ѳ. Сумцовымъ, въ которомъ обрисована дѣятельность Общества, мы имѣемъ передъ собой три крупныя работы, именно: Д. И. Багалѣя—«*Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.*», И. И. Манжуры—«*Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ.*.» и П. Иванова—«*Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ у.*» Предисловіе къ послѣднему труду принадлежитъ перу проф. Н. Ѳ. Сумцова.

Д. И. Багалѣй, посвятившій не мало труда и силъ на освѣщеніе исторіи колонизаціи южной части Россіи, обогатилъ русскую науку новымъ собраніемъ интересныхъ документовъ. Во II т. его «Матеріаловъ» помѣщено 52 документа, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ 1599 г. и послѣдній къ 1779 г. Кромѣ интереса чисто историческаго указанные документы проливаютъ яркій свѣтъ и на исторію внутренняго быта: на сословныя отношенія, экономическое положеніе населенія и т. д. Эта сторона въ «Матеріалахъ» г. Багалѣя и представляетъ существенный интересъ для этнографа, занимающагося бытомъ населенія тѣхъ мѣстностей, къ коимъ относятся помѣщенные документы. Искренно привѣтствуя появленіе II т. «Матеріаловъ», нельзя не пожалѣть, что далеко не всѣ находившіеся въ рукахъ г. Багалѣя акты могли быть напечатанными, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ. Появленіе въ свѣтъ документовъ, подобныхъ помѣщеннымъ въ трудѣ г. Багалѣя, должно быть желательнымъ для всѣхъ интересующихся исторіей и бытомъ нашей родины.

Сборникъ г. Манжуры, заключающій въ себѣ болѣе 200 сказокъ, двадцать заговоровъ, 92 примѣты, объясненія сновидѣній, 400 присказокъ и присловій, 57 загадокъ и опытъ мѣстнаго словаря, состоящаго изъ 600 слишкомъ словъ, уже благодаря обилію помѣщенныхъ въ немъ данныхъ

имѣетъ серьезное значеніе для изученія народнаго творчества указанной мѣстности. Среди сказокъ болѣе новаго происхожденія мы встрѣтимъ и много такихъ, которыя сохранились до настоящаго времени, повидимому какъ наслѣдіе далекой старины. Нельзя не пожалѣть, что сборники народнаго творчества, подобные сборнику г. Манжуры, составлены пока лишь для очень немногихъ мѣстностей Россіи.

Мѣсто, которое долженъ занять сборникъ г. Иванова среди русской литературы о дѣтскихъ играхъ, совершенно справедливо опредѣляется Н. Ѳ. Сумцовымъ, предпославшимъ сборнику свое предисловіе: «Сборникъ П. В. Иванова, пишетъ онъ,... въ ряду другихъ сборниковъ такого рода выдается по полнотѣ и подробности въ описаніи игръ. Сборникъ г. Иванова потому еще заслуживаетъ серіознаго вниманія со стороны людей науки, что составленъ въ Купянскомъ у., Харьковской губ., который до послѣдняго времени стоялъ внѣ этнографическихъ изученій, хотя вполнѣ того заслуживаетъ. Этотъ уѣздъ, вообще глухой, мало затронутый заводской и фабричной цивилизаціей, сохранилъ еще кое-какія архаическія черты въ бытѣ и поэзіи народа. Къ тому же здѣсь сталкиваются взаимныя племенныя вліянія малоруссовъ и великоруссовъ, по близкому ихъ сосѣдству...» При всемъ интересѣ, который представляетъ сборникъ г. Иванова, было-бы лучше, на нашъ взглядъ, описаніе нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ и неоднократно отмѣченныхъ въ литературѣ игръ, замѣнить простымъ указаніемъ, что данная игра встрѣчается въ Купянскомъ у., со ссылкою на сочиненіе, въ которомъ можно найти описаніе данной игры. Сборникъ содержитъ въ себѣ 95 дѣтскихъ игръ. Въ предисловіи г. Сумцовъ приводитъ литературу по вопросу объ описаніи дѣтскихъ игръ. Этотъ библіографическій указатель позволимъ себѣ дополнить статьей г. Тихонова, помѣщенной въ Сборникѣ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи вып. I. (IX т. Тр. Этн, Отд. И. О. Л. Е., А. и Э. 1889.)

Н. X.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи, т. I. вып. I. *Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя П. М. Хангаловымъ, о. Н. Затопляевымъ и другими*. (Иркутскъ. 1889. стр. 159 in. 8⁰).—Этотъ небольшой сборникъ бурятскихъ сказокъ (51 сказка), а также и приложенія къ нему, составленныя извѣстнымъ знатокомъ Сибири г. Паткановымъ, представляетъ цѣнный вкладъ въ дѣло изслѣдованія Сибири. Несмотря на довольно многочисленныя работы мѣстныхъ изслѣдователей и путешественниковъ Сибирь до настоящаго времени является для большинства вполнѣ еще terra incognita.

Тѣмъ болѣе должно радоваться появленію трудовъ, увеличивающихъ наши свѣдѣнія о Сибири, расширяющихъ нашъ узкій кругозоръ по отношенію къ этой огромной, важной для Россіи странѣ. Если изученіе Евро-

цейской Россіи содѣйствуетъ нашему самопознанію, даетъ большое количество данныхъ, обусловливающихъ возможность научныхъ выводовъ, то съ этой стороны Сибирь даетъ намъ еще большее количество матеріала. Сибирь, будучи населенной массой болѣе или менѣе значительныхъ инородческихъ племенъ, не тронутыхъ культурой, не видавшихъ на себѣ воздѣйствія городской жизни, представляетъ собой кладъ для этнографа. Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали выше, знакомитъ насъ съ народнымъ творчествомъ бурятъ. Среди сказокъ и приведенныхъ въ сборникѣ повѣрій мы находимъ мотивы общіе съ мотивами русскихъ былинъ и сказокъ. Таковой является напримѣръ сказка № 9 Гарьюлакъ-Моргонъ, по мотиву имѣющая большое сходство съ извѣстной былиной о Ставрѣ Годиновичѣ. Интересной является и сказка № 16, передающая извѣстный всѣмъ мотивъ сказки о Котѣ въ сапогахъ, гдѣ роль кота занимаетъ лисица-самка. Если и является преждевременнымъ считать многія русскія сказки заимствованными изъ монгольскаго сказочнаго эпоса, то подобное сходство мотивовъ свидѣтельствуетъ о полученіи ихъ разными народами, посредственно или непосредственно, изъ одного источника. Кромѣ значенія помѣщенныхъ въ сборникѣ сказокъ для освѣщенія происхоженія русскаго эпоса, многія изъ нихъ имѣютъ еще значеніе для освѣщенія бурятскихъ вѣрованій и исторіи. Отмѣтимъ сказки, повѣствующія о происхожденіи нѣкоторыхъ животныхъ, сказки о нѣкоторыхъ бурятскихъ божествахъ и наконецъ преданія бурятъ о переселеніяхъ. Среди послѣднихъ, сквозь нѣкоторыя искаженія, можно ясно видѣть слѣды воспоминанія бурятъ о ихъ прошломъ. Приложенія г. Потанина иллюстрируютъ и дополняютъ содержаніе сказокъ. Если можно сдѣлать упрекъ изданію, то лишь въ томъ, что было бы полезно снабдить нѣкоторыя сказки бо̀льшими примѣчаніями для того, чтобы лица мало знакомыя съ миѳологіей бурятъ могли уяснить себѣ темные вопросы и имена въ приводимыхъ сказкахъ.

Н. Х.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Им. Р. Г. О. т. XXI, № 1. (Иркутскъ, 1890, стр. 77 in 8°).—Въ этомъ томѣ извѣстій интересными для этнографа статьями являются: статья г. *Молодыхъ* «Промыслы въ Хомутовской волости», *С. Ч.*—рецензія на Сибирскій сборникъ 1889, в. II, въ которомъ помѣщены между прочимъ статьи: 1) «Фактическія отношенія въ средѣ якутской общины», 2) «Очеркъ современнаго содержанія золотопромышленнаго дѣла на олекминскихъ и витимскихъ пріискахъ» и 3) *П. Головлева* „Врачебное дѣло въ Сибири XVIII в.“. Далѣе не лишена интереса и статья *В. А. Обручева*: «Путешествіе Ракшля въ Тибетъ» и *Л. Залькинда* „Древнія могилы около Селенгинска“.—№ 2. *Н. Григоровскій*. Поѣздка на Верхнюю Ангару (съ картою, 29 стр.). Отчетъ о поѣздкѣ; свѣдѣнія географическія; авторъ приводитъ также интересныя черты изъ быта тунгузовъ. *И. Вамбо-*

цыренова Аба-хайдакъ, облава у коринскихъ бурятъ. Интересный по своей организаціи видъ охоты. Буряты выѣзжали по родамъ; по прибытіи на мѣсто они дѣлились на „огнища". Охота велась крайне правильно; дѣлежъ производился каждый день вечеромъ по родамъ; въ случаѣ споровъ засулы (распорядители при охотѣ) вставляли въ землю, на разстояніи 25 луковъ отъ спорящихъ, берцовую кость звѣря и предлагали имъ стрѣлять въ нее. Попавшій въ кость признавался собственникомъ добычи. *А Потанинъ.* Молочное хозяйство у бурятъ верхнеудинскаго округа, Свѣдѣнія о способахъ приготовленія разныхъ продуктовъ изъ молока и о посудѣ, употребляемой для этой цѣли. *Н. В—скій:* Матеріалы для изученія якутской народной словесности, Авторъ приводитъ 11 якутскихъ пѣсенъ съ ,транскрипціей и даетъ краткое но точное объясненіе характера якутской народной поэзіи. *Д. Клеменцъ.* Библіографія. Рецензіи на 1) Inscriptions de l'Enissei, recueillies et publiês par la Société finlandaise d'archéologie (Helsingfors 1889). 2) Aug. Fötterman. Studien über die Suljekfelsen Zuschriften (Helsingfors 1889). 3) Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Коммиссіей № 3. Сибирскія Древности В. Радлова (Спб. 1888). Въ приложенныхъ *протоколахъ* помѣщены краткіе отчеты о прочитанныхъ рефератахъ и рукописяхъ переданныхъ въ Отдѣленіе. 1) А. О. Ивановскаго „О нѣкоторыхъ повѣрьяхъ китайцевъ", 2) о. И. А. Подгорбунскаго „О буддійскомъ календарѣ", 3) его-же „О буддійскомъ раѣ Суковади", 4) Д. А. Клеменца: „О сойотахъ".—№ 3. Путешествіе полковника Bell'a отъ Пекина до Кашгара (извл. изъ Proceedings of the Royal Geographical Society, February 1890 (vol. XII № 2). *Г. Потанинъ.* Бурятскія названія растеній. Приведено 55 названій растеній.

Н. Х.

Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Р. Археологическаго Общества, т. IV. Спб. 1890.—*О. Леммъ:* Коптская легенда о нахожденіи гроба Господня. *И. Минаевъ*: Спасеніе по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. *С. Ольденбургъ:* Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. *Д. Кобеко:* Къ вопросу о мѣстоположеніи города Сарая, столицы Золотой Орды. *Н. Остроумовъ:* Пѣсня-плачъ по Урманъ-Бекѣ. *А. Позднѣевъ:* Калмыцкія сказки. *В. Жуковскій:* Пѣснь Насири-Хосрови. *Н. Марра:* Къ вопросу„ о Варлаамѣ и Іосафѣ". Бар. *В. Розенъ:* Еще объ Ибн-Бабавейлѣ и Варлаамѣ. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены между прочимъ рецензіи на кн.: 1) Г. А. Арандаренко: Досуги въ Туркестанѣ, Н. Веселовскаго. 2) Давидъ и Мхеръ: Народное героическое сказаніе, зап. М. Абегянцъ, Н. М. 3) Записки Зап.-Сибирскаго Отд. Им. Р. Г. О., кн. X., В. Р., 4) Этнографическое Обозрѣніе, кн. II., 5) А. Архангельскій: Мухамеданская космогонія. Его-же 6) книга Калилаһ и Димнаһ (сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая) пер. съ арабскаго М. Аттая и М.

Рябинина, его-же. 7) Изв. Имп. Р. Г. О., т. XXV, его-же, 8) Изв. Восточно-Сиб. Отд. Имп. Р. Г. О., т. XIX, № 3, его-же. 9) Сборникъ Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. IX, его-же.

Н. Х.

Нижегородскій Сборникъ подъ ред. *А. С. Гацискаго* т. IX. (Ниж.-Новг. 1890, стр. X+472+411+XVI in 8°).—Нижегородскій Сборникъ, издаваемый съ 1867 г. Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, и помѣстившій на своихъ страницахъ много важныхъ и интересныхъ статей о нижегородскомъ краѣ, содержитъ и на страницахъ своего IX тома не мало статей, могущихъ заинтересовать этнографа, Въ большинствѣ выпусковъ прежнихъ лѣтъ важное мѣсто въ Сборникѣ отведено экономическимъ вопросамъ, въ частности кустарнымъ промысламъ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Въ настоящемъ томѣ свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ занимаютъ всѣ 472 страницы Сборника. Кустарные промыслы разработаны по уѣздамъ: Васильевскаго у. — г. Звѣздинымъ, Горбатовскаго у.—г. Спасскимъ, Книшнинскаго у.—г. Руновскимъ, Лукояновскаго у., статьями гг. Звѣздина и Тихова. Къ статьямъ приложены 4 карты означенныхъ уѣздовъ, что несомнѣнно крайне облегчаетъ читателя при запоминаніи расположенія мѣстностей и селеній, въ которыхъ господствуетъ тотъ или иной промыселъ.

Въ приложеніи помѣщены „Сказанія путешественниковъ о нижегородскомъ краѣ“, именно выдержки изъ сочиненій Герберштейна, Барберини, Олеарія, Стрюйса, Бруно, имѣющія отношенія къ описанію какъ самого города, такъ и нижегородскаго края и его обитателей. Нельзя не отдать должной чести г. редактору за его удачную мысль и не пожелать искренно, чтобы дѣло не ограничилось приведеніемъ однихъ лишь древнихъ писателей, но чтобы помѣщались и извѣстія болѣе новыхъ путешественниковъ и изслѣдователей края, въ видѣ выдержекъ или подробныхъ конспектовъ тѣхъ авторовъ, сочиненія которыхъ сдѣлались библіографической рѣдкостью, и въ качествѣ простаго библіографическаго указателя, къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя можно достать въ продажѣ.

Н. Х.

Сборникъ Херсонскаго Земства. № 3.—Приложеніе II. Статистическое описаніе Ананьевскаго уѣзда (продолженіе). Исторія заселенія Ананьевскаго у.; земельныя отношенія между населеніемъ и землевладѣльцами; десятинщики и чиншевики; виды землевладѣнія въ Ананьевскомъ у.

Дагестанская область. Сводъ статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ населенія Закавказья. Изданіе Закавказскаго Статистическаго Комитета. Тифлисъ. 1890 г.

По посемейнымъ спискамъ 1886 г. въ Дагестанской области ока-

залось населенія 590356 д. обоего пола, по камеральному же описанію 1866 и 1867 годовъ (Зап. Кавказ. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. VIII, 1873 г. т. Сг. Комарова: «Населеніе Дагестанской области») значилось 449534 души обоего пола Такимъ образомъ народонаселеніе Дагестанской области въ 20 лѣтъ увеличилось на 31,3%, при чемъ процентное отношеніе состава населенія по поламъ въ этотъ промежутокъ времени почти не измѣнилось.

Въ Дагестанской области по этимъ даннымъ обитаетъ 34 народности, изъ которыхъ приблизительно болѣе 20 относятся къ восточнымъ кавказскимъ горскимъ племенамъ: аварцы, андійцы, каратинцы, годоберинцы, ахвахцы, дидойцы, казикумухцы (лаки), аргинцы, табасаранцы, кюринцы, агулы, рутульцы, цахурцы, тиндальцы и др. По количеству самой малочисленной народностью оказываются хунзальцы (793 д.) и самой многочисленной—аварцы (11908 д.). Площадь, занимаемая г. Дербендомъ и 9-ю округами равняется 25787,7 кв. вер., при чемъ на 1 кв. версту приходится 22,9 жителей.

Выводы относительно численности жителей по поламъ показываютъ преобладаніе мужского пола надъ женскимъ: на 100 мужчинъ приходится по 87,7 женщинъ. Дагестанская область населена 97,58% жителей магометанскаго исповѣданія, при чемъ суннитовъ 95,58% всего населенія въ области, шіитовъ только 2,55%. Появленіе шіитовъ въ суннитскомъ Дагестанѣ относитъ авторъ сочиненія къ Шапуру II. Можетъ быть, это предположеніе и не безосновательно, только дата царствованія персидскаго монарха (309—381 г.) во всякомъ случаѣ не *по Р. Х*, а *отъ гиджры* (см. Malcolm. Histoire de la Perse. I, 140 et sq.). Отмѣтимъ еще, что въ настоящемъ «сводѣ» имена народностей даны нѣсколько въ другой транскрипціи сравнительно съ именами ихъ въ «Этнологической классификаціи кавказскихъ народовъ» Л. П. Загурскаго (Кавказскій Календарь на 1888 г.): чамаляльцы «свода» у г. Загурскаго названы чамалальцами, богуляльцы—багулалцами. Въ таблицахъ имущественнаго владѣнія показаны количество десятинъ земли общественнаго владѣнія и размѣры натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ жителями въ пользу бека за пользованіе земельными угодьями.

А. Хах—овъ

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ VIII. Тифлисъ. 1889.

Настоящій выпускъ посвященъ исключительно описанію ремесленной и кустарной промышленности въ Терской и Кубанской областяхъ. Редакторы этого изданія, сводившіе матеріалы и снабжавшіе ихъ «общими выводами», постарались установить единство формы въ изложеніи записокъ и въ способѣ распредѣленія данныхъ, хотя это имъ не всегда удавалось по недостаточной полнотѣ свѣдѣній или по значительной разницѣ въ формѣ

записей. Обыкновенно авторы отдѣльныхъ записей, указавъ по «Списку населенныхъ мѣстъ Терской Области» или по «Сборнику свѣдѣній о Кавказѣ» на число жителей по поламъ и національностямъ, переходили къ перечисленію существующихъ въ извѣстной мѣстности производствъ, но при этомъ рубрики, подъ которыя подводились промыслы, не вездѣ совпадали, то ограничиваясь тремя, то восходя до 23, какъ напр. въ гор. Георгіевскѣ. Въ «общихъ выводахъ» обращается вниманіе на число лицъ, занимающихся въ области извѣстнымъ промысломъ, на общую цѣнность издѣлій за годъ въ рубляхъ, на средній годовой заработокъ лица или семейства и на число русскихъ, занимающихся промысломъ. Въ «заключеніи» указывается на отсутствіе артельнаго начала въ промыслѣ и преобладаніе одиночнаго производства, на степень распространенности пьянства среди кустарей, грамотности среди производителей, на будущность и условія развитія извѣстнаго производства.

А. Хах—овъ.

Тифлисъ и его окрестности. (Приложеніе къ справочной книгѣ Старожила „*Кавказъ*" № 2. Тифлисъ 1890; стр. 96+VI in 16°).—Этотъ небольшой путеводитель по Тифлису и его окрестностямъ, кромѣ достоинствъ какъ путеводитель, представляетъ для читателя интересъ еще оттого, что въ немъ помѣщены между прочимъ свѣдѣнія объ исторіи, какъ самого Тифлиса, такъ и его окрестностей, и указанія на нѣкоторыя этнографическія особенности нѣкоторыхъ группъ населенія, именно грузинъ и армянъ. Въ виду крайне ничтожнаго знакомства нашего общества съ столь посѣщаемымъ имъ Кавказомъ, эта небольшая книга, кромѣ руководства при путешествіи, можетъ сослужить службу распространенія среди путешествующихъ въ Тифлисъ знанія исторіи и характера населенія мѣстности, которую они посѣщаютъ. Въ началѣ приложенъ небольшой указатель книгъ, въ которыхъ можно найти добавленія по затронутымъ въ путеводителѣ вопросамъ, а въ концѣ прилагаются планы близлежащихъ къ Тифлису пунктовъ и самого города.

Н. Х.

Д-ръ В. Ѳ. Демичъ.—Очерки русской народной медицины: акушерство и гинекологія у народа. Оттискъ изъ „Врача" 1889 г., № 7, 9, 10 и 11. (См. „Медицина", 1889).

Въ народной медицинѣ съ присущими ей всевозможными недостатками немало можно встрѣтить и практическихъ указаній, пригодныхъ для спеціалистовъ; для этого нужно только поближе ознакомиться съ нею, отнестись болѣе серьезно, „очистить ее отъ суевѣрныхъ, часто не безопасныхъ примѣсей, какъ выражается проф. Здекауеръ, дозировать и установить для нея болѣе правильныя показанія". Будучи продуктомъ матеріальной и умственной жизни народа, эта такъ называемая домашняя меди-

цина интересна не только для медика, но и для историка-этнографа, ибо исторія медицины есть только часть всеобщей исторіи культуры нашего отечества, говоритъ г. Демичъ.

Задавшись цѣлью сгруппировать, по возможности, все, что относится до народной медицины, авторъ на первый разъ ограничился данными по акушерству и женскимъ болѣзнямъ, имѣя въ виду въ будущемъ познакомить читателей и съ другими отдѣлами народной медицины: по хирургіи, дѣтскимъ, накожнымъ и др. болѣзнямъ. За свѣдѣніями авторъ обращался къ товарищамъ врачамъ, хотя, къ сожалѣнію, немногіе изъ нихъ откликнулись на призывъ товарища.

Не имѣя возможности реферировать всю статью, заключающую массу интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, остановимся только на данныхъ, относящихся къ инородческому населенію, именно со стороны акушерства и женскихъ болѣзней. Кажется, ни въ одной области народной медицины не встрѣчается столько суевѣрныхъ пріемовъ, освященныхъ нецѣлесообразнымъ обычаемъ, грубыхъ и положительно вредныхъ для больной, какъ въ народномъ акушерствѣ и при заболѣваніи женскими болѣзнями. Здѣсь почти все соединено, чтобы повредить больной, особенно во время родовъ. Инородческое населеніе въ этомъ отношеніи идетъ еще далѣе русскаго. Какъ у русскихъ, такъ и инородцевъ беременность бываетъ часто нежелательна, и для предупрежденія ея и производства выкидыша существуетъ немало средствъ. Такъ, напримѣръ, *татарки* употребляютъ для производства выкидыша янтарную воду и трилистникъ, а чтобы не забеременить, пьютъ отваръ чернаго папоротника (Filix mas.) и другой еще неопредѣленной травы. Чистотѣлъ (chelidonium majus) фигурируетъ въ татарской народной медицинѣ, какъ средство, возстановляющее мѣсячныя. *Эстонки*, для предупрежденія беременности, принимаютъ внутрь ртуть, но безуспѣшно. *Якутки* принимаютъ внутрь, какъ abortivum, настой багульника (ledum palustre L.). Есть средства и отъ безплодія. Такъ, у *киргизовъ* практикуется такой суевѣрный обычай: бездѣтная женщина ходитъ ночью на могилу усопшихъ знатныхъ людей, гдѣ приноситъ въ жертву барана. Молящаяся женщина проводитъ всю ночь на могилѣ при разведенномъ огнѣ[1]).

---

[1]) Причиною безплодія киргизскихъ женщинъ въ большинствѣ случаевъ является ранній выходъ дѣвушекъ замужъ (нерѣдко 11—13 лѣтъ). Сибирскія киргизки, чтобы избавиться отъ этого позорнаго пятна, дающаго мужу право развестись съ своею женою, прибѣгаютъ къ двумъ средствамъ. Въ Семипалат. уѣздѣ онѣ толпами стекаются въ одну пещеру (въ горахъ „Чингизъ", въ верстахъ 50 отъ зимовки—*кыстау*—вол. управителя батыря Османа Кунанбаева), пересѣкаемую по срединѣ обширнымъ водоемомъ Здѣсь онѣ, мутя воду, молятся всесильному Аллаху, прося его о ниспосланіи чадъ (сообщено мнѣ въ прош. году учителемъ П. В. Сивковымъ). Въ Зайсан. уѣздѣ бездѣтныя киргизки обращались съ подобными просьбами (всегда будто-бы достигавшими желан-

Говоря о средствахъ и пріемахъ, которые примѣняются при родахъ, авторъ замѣчаетъ, что роженицы сущія мученицы, такъ какъ имъ приходится всякій разъ испытать на себѣ множество нецѣлесообразныхъ суевѣрныхъ пріемовъ. Какъ русскія крестьянки, такъ и нѣкоторыя изъ инородцевъ думаютъ, будто часъ рожденія слѣдуетъ держать въ тайнѣ, вѣря, что тогда роды будутъ легче. *Мордовки* рождаютъ въ натопленной банѣ, только въ присутствіи бабки. Что касается до *положенія*, въ которомъ производятся роды, то оно бываетъ различное. Такъ у *эстовъ* распространено мнѣніе, что лучшій стулъ для роженицы—колѣни ея мужа, и лучшее мѣсто для родовъ—баня. *Грузинскія и армянскія* женщины рожаютъ большею частью, стоя на колѣняхъ и опираясь на какую-нибудь женщину. [1]) *Киргизскія* женщины рожаютъ въ висячемъ положеніи: ихъ подвѣшиваютъ подъ мышки въ верхнее отверстіе палатки.[2]) *Башкиры*, считая роды „игрою бѣсовъ" и полагая, будто схватки роженицы при началѣ родовъ вызываются прикосновеніемъ къ ней нечистаго духа, призываютъ чародѣевъ для прогнанія бѣса. *Самоѣдка*, при приближеніи родовъ, отправляется въ особенную маленькую палатку, называемую нечистой. Къ

ныхъ результатовъ) къ фаллической „каменной бабѣ", находившейся въ 2 вер отъ Кендерлыкскаго пос., въ ущельѣ Мошка-сай. Лѣтомъ прошлаго года „баба" эта увезена мною въ Зайсанскій постъ.

Примѣч. А. А. Ивановскаго.

[1]) *Торгоутскія* женщины рожаютъ въ такомъ же положеніи.

Ал. И.

[2]) Эти и ниже сообщаемыя авторомъ (г. Демичемъ) свѣдѣнія о родахъ киргиз. женщинъ, по моему, не совсѣмъ точны. Во-первыхъ, киргизки рожаютъ въ висячемъ положеніи только при трудныхъ родахъ, а при обыкновенныхъ—на кровати (*тюсек-агач*). Мужчины при родахъ не присутствуютъ, за исключеніемъ мужа, *басты* и *албасты-батыря*. Помогаютъ роженицѣ (*буас-хатын*) бабки (*кэндык-кесетугун-кэмпыр*—въ буквал. переводѣ—„старуха, отрѣзывающая пупъ-*кэндык*"). При трудныхъ родахъ приглашаются *бакса* (лѣкарь, шаманъ) и *албасты-батыр* (человѣкъ, знающійся съ чертомъ). *Албасты-батыр* беретъ плеть (*камча*), гикаетъ, кричитъ, бьетъ плетью по юртѣ, а не рѣдко и по роженицѣ, изгоняя изъ нея злого духа, препятствующаго появленію на свѣтъ младенца. Иногда, по его приказанію, пригоняется табунъ лошадей; *албаста-батыр* окружаетъ ими юрту съ роженицей, гикаетъ на нихъ и гоняетъ вокругъ юрты. Если и послѣ этого не наступятъ роды, то призываются женщины. Онѣ ставятъ въ юртѣ *бакан* (шестъ) такъ, что онъ однимъ концомъ упирается въ землю, а другимъ, раздвоеннымъ, въ *чагарак* (верхн. деревян. кругъ юрты). Къ *бакан*'у и *кереі*'амъ (дерев. рѣшетки, служащія основаніемъ юрты) привязываютъ *аркан* (волосяную веревку), кладутъ на него животомъ *буас-хатын* и тянутъ на немъ ее то въ одну, то въ другую сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть у киргизовъ *арбы* (двухколес. телѣги), запрягаютъ въ такую арбу лошадь, быка или верблюда, кладутъ въ нее больную и, выбравъ кочковатое мѣсто, возятъ ее по нему до тѣхъ поръ, пока она не разрѣшится отъ бремени.

Ал. И.

родившей мужчина не подходитъ близко въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ. Беременныя *эстонки* перемѣняютъ еженедѣльно башмаки, чтобы отвести дьявола отъ слѣда, такъ какъ думаютъ, что онъ слѣдуетъ за беременными всегда и вездѣ. У *киргизовъ*, въ юрту, гдѣ происходятъ роды, стекаются десятки мужчинъ. Киргизскіе лѣкаря кричатъ при этомъ дикимъ голосомъ и дѣлаютъ разныя движенія при звукахъ особеннаго инструмента, чтобы изгнать злого духа, который будто бы препятствуетъ благополучному разрѣшенію. Другіе бьютъ плетьми по юртѣ, кричатъ, наносятъ удары даже роженицѣ, и въ такомъ положеніи бѣдняги или рожаютъ, или умираютъ. Если же роды затягиваются и становятся «трудными», то роженицы подвергаются еще болѣе опаснымъ манипуляціямъ со стороны своихъ бабушекъ, которыя прибѣгаютъ къ разнообразнымъ домашнимъ средствамъ. *Эстонки* пьютъ для ускоренія родовъ валеріану съ пивомъ или церковное вино; *татарки*, съ этою же цѣлью пьютъ такъ называемое воробьиное сѣмя (Lithospermum officinale); на Кавказѣ даютъ пить для усиленія потугъ водочный отваръ изъ части artemisiae absynthii, на 2 стакана вина по $^1/_4$ стакана чрезъ $^1/_2$ часа. У *калмыковъ* дюжій парень садится на полъ и, посадивъ роженицу на колѣни, жметъ ее охватомъ рукъ отъ груди до самаго лона. Когда показывается ребенокъ, бабка даетъ знать около стоящимъ; которые палятъ изъ пистолетовъ, чтобы испугать роженицу и тѣмъ помочь родамъ. Или роженица лежитъ на полу животомъ и давитъ его, сколько хватаетъ силъ, пока не родитъ. На *Кавказѣ* роженицу кладутъ на полъ, на коверъ и посредствомъ веревки прикрѣпленной къ потолку, поднимаютъ колѣна ея къ верху. Сама роженица хватается по временамъ руками за веревку и такимъ образомъ производитъ сильное давленіе на животъ, способствующее выходу плода. *Киргизы* перетягиваютъ роженицу веревкою по животу и давятъ ее до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ выкидышъ. У *эстовъ* средствомъ для облегченія родовъ считается слѣдующее: роженица держитъ на колѣняхъ блюдо, а другіе должны съ него ѣсть; или же возбуждаютъ въ мужѣ состраданіе, для чего ему даютъ вечеромъ во время свадьбы, много пива съ багуномъ (Ledum palustre), а когда мужъ заснетъ, то жена пролѣзаетъ между его ногъ, но такъ, чтобъ онъ этого не замѣтилъ. *Самоѣдка*-роженица должна для облегченія родовъ сообщить бабкѣ имена мужчинъ, которые, кромѣ мужа, пользовались ея расположеніемъ. Бабка пересказываютъ ихъ мужу, который обязанъ передать чрезъ нее женѣ имена женщинъ, съ которыми онъ сходился внѣ брака.

Въ послѣродовомъ періодѣ — при задержаніи послѣда и послѣродовыхъ боляхъ, также не мало употребляется средствъ. На *Кавказѣ* употребляется слѣдующій варварскій способъ: кто-нибудь изъ женщинъ садится роженицѣ на животъ и, подпрыгивая на немъ, производитъ сильное давленіе. У *киргизовъ*, которые приписываютъ задержаніе послѣда кознямъ

злыхъ духовъ, прибѣгаютъ къ слѣдующимъ суевѣрнымъ средствамъ [1]): 1) приводятъ быстро въ кибитку лошадь съ свѣтлыми глазами и наклоняютъ морду ея къ груди больной, 2) приносятъ филина и заставляютъ его кричать, вѣря, что голосъ этой птицы прогоняетъ нечистыхъ духовъ, 3) набрасываютъ на голое тѣло роженицы особенный колючій кустарникъ, чтобы уколоть духовъ. Если же такіе способы не помогаютъ, то призывается знахарь, который стремглавъ бросается къ больной и бьетъ ее палкой, чтобы изгнать изъ нея злыхъ духовъ. Лишь въ крайнихъ случаяхъ вынимаютъ послѣдъ рукою.

Отъ «послѣродовыхъ болей» японки принимаютъ нѣсколько капель крови вытекшей при перевязкѣ пуповины. Отъ простуды послѣ родовъ *чувашки и татарки* Казанской губ. пьютъ золу растенія (Lithospermum officinale).

Насколько сравнительно богатъ матеріалъ о средствахъ, примѣняемыхъ при акушерствѣ у инородцевъ, настолько же онъ бѣденъ по отношенію *къ лѣченію женскихъ болѣзней.* Конечно, здѣсь не вина автора: съ его стороны сдѣлано все, что было возможно. Поэтому сообщаемыя ниже свѣдѣнія будутъ кратки.

Астраханскія татарки пьютъ сѣмена растенія (Acorus Calamus) для усиленія мочеотдѣленія и возстановленія регулъ, а когда у нихъ сильно идутъ крови, принимаютъ красный порошокъ (Bolus armenia). *На Кавказѣ* знахари, при обильныхъ регулахъ, даютъ такую смѣсь для наружнаго употребленія: 6 растертыхъ вмѣстѣ куриныхъ яицъ, 3 ложки виннаго уксусу, съ ложку жженыхъ квасцовъ и столько же меду, или даютъ внутрь по 2 ложки въ день отвара изъ сердцевины растенія сарачинской крупы (4 части и 1 часть жженыхъ квасцовъ). При хроническихъ заболѣваніяхъ матки *башкирки*, по совѣту бабушекъ, пьютъ некрѣпкій кумысъ, который у нихъ въ большомъ употребленіи [2]); при воспаленіяхъ матки и вообще воспаленіи половыхъ органовъ башкирскія бабки лѣчатъ массажемъ: кладутъ больную на нары, становятся сбоку или между ногъ и разминаютъ животъ одной или обѣими руками, причемъ что-то нашептываютъ. Воспаленіе грудной железы *эстонки* лѣчатъ банею. *Грузинки*, для прекращенія отдѣленія молока кладутъ на грудь холодную глину.

На этомъ мы оканчиваемъ сообщеніе о средствахъ и пріемахъ, употребляемыхъ нашими инородцами при родахъ и при женскихъ болѣзняхъ. Слѣдующая работа почтеннаго автора будетъ посвящена изложенію педіатріи у нашего народа вообще, съ чѣмъ мы въ свое время познакомимъ читателей „Этногр. Обозрѣнія“.

Д. Н. Никольскій.

---

[1]) Ни одно изъ ниже указываемыхъ средствъ у зайсанскихъ и тарбогатайскихъ киргизовъ не практикуется. *Ал. И.*

[2]) Сообщаемыя ниже свѣдѣнія *о башкирахъ* были сообщены В. Ѳ. Демичу мною. *Д. Н.*

Протоколы и труды Общества Архангельскихъ врачей 1884 г. вып. I. *Г. Г. Суровцовъ* сообщаетъ интересныя свѣдѣнія по народной медицинѣ, которыя считаемъ нужнымъ изложить вкратцѣ въ дополненіе къ вышеприведеннымъ даннымъ. Живя лѣто въ деревнѣ, автору (медику) удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о лѣчебныхъ средствахъ, которыми пользуется народъ. Народныя средства изъ растительнаго царства сравнительно немного распространены, но зато народъ безусловно и свято вѣруетъ въ силу различныхъ заговоровъ. Изъ травъ между прочимъ употребляютъ *Pyrola rotundifolia* въ случаѣ непріятыхъ ощущеній, тѣсненія, боли въ области сердца, почему эта боль и называется «сердечной». *Lychnis pratensis* носитъ названіе «золотничной» (маточной), и пьютъ ее женщины послѣ родовъ, чтобы способствовать «поднятію золотниковъ изъ области паховъ вверхъ». *Solidago virga aurea latifolia* пьютъ, когда внезапно прекратятся регулы, и это внезапное прекращеніе народъ объясняетъ себѣ ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что такая «потерявшая цвѣтъ», до того времени здоровая женщина, случайно встрѣтилась при отправленіи своихъ естественныхъ надобностей съ другой нездоровой и такимъ образомъ смѣшалась съ ней, какъ бы заразилась отъ нея этой «прилипчивой болѣзнью». Трава *Thymus serpillum*, извѣстная подъ именемъ «богородской», примѣняется при острыхъ воспаленіяхъ воздухоносныхъ путей. *Ulmaria palustris* служитъ для полосканій и питья при заболѣваніяхъ въ полости рта почему и называется «ротовой».

Дѣтямъ—*рахитикамъ* дѣлаютъ ванны изъ морсокго песку, который предварительно нагрѣваютъ въ печкѣ и такимъ образомъ нагрѣтымъ обкладываютъ ребенка; иначе его употребляютъ, спуская прямо въ воду, въ ванну. Въ лѣтнее время то же самое продѣлываютъ взрослые (въ случаѣ ревматизма) на берегу моря: ложатся на нагрѣтый солнцемъ песокъ, растираютъ имъ все тѣло и, полежавъ на солнцѣ, идутъ въ воду. При укусѣ змѣй видали будто бы пользу отъ смазыванія опухлаго укушеннаго мѣста пѣннымъ (изъ сметаны) масломъ съ послѣдовательнымъ прикладываніемъ компрессовъ изъ парного молока. Отъ «золотухи» пьютъ багульникъ, настоенную на золотомъ перстнѣ воду и еще слѣдующій декоктъ: листокъ золота (которымъ оклеиваютъ для рождественскихъ елокъ орѣхи) съ чайной чашкой клюквы, чашкой черносливу и бутылкой воды; все это вмѣстѣ въ одномъ плотно закрытомъ сосудѣ втеченіе сутокъ парится въ русской печкѣ, затѣмъ пропускается чрезъ сито и принимается по рюмкѣ передъ ѣдой.

Д. Никольскій.

Ch. Letourneau.—L'évolution politique dans les diverses races humaines. Paris, 1890 (стр. 561 in 8°).

Въ IV книгѣ Этнографическаго Обозрѣнія мы имѣли случай говорить о сочиненіи г. Летурно: L'évolution de la proрriété. Въ настоящемъ го-

ду появляется въ свѣтъ новая монографія того-же автора, имѣющая цѣлью освѣтить одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ въ исторіи развитія человѣчества — именно исторію развитія государственныхъ учрежденій. Слѣдуя своему обычному пріему, авторъ начинаетъ свое изложеніе съ изображенія формъ общежитія, которыя можно подмѣтить у животныхъ. Оставляя въ сторонѣ эту часть труда г. Летурно, укажемъ лишь, что на нашъ взглядъ авторъ не всегда съ должнымъ безпристрастіемъ освѣщаетъ проявленія у животныхъ стремленія къ общежитію.

Послѣ краткой экскурсіи въ область мѣры животныхъ, авторъ развертываетъ передъ читателемъ картину развитія государственныхъ формъ у разныхъ народовъ въ разное время и, искусно сопоставляя факты, проводитъ передъ глазами читателя разнообразные виды государственныхъ учрежденій отъ ихъ зачаточнаго состоянія до полнаго настоящаго ихъ развитія.

Цѣль, которой задался г. Летурно, не можетъ не возбуждать къ себѣ полнаго сочувствія. Стремленіе найти причину возникновенія государства, прослѣдить исторію развитія государственныхъ учрежденій, дѣйствительно, не нова. Не одинъ крупный мыслитель старался достичь указанной выше цѣли. Однако лишь съ тѣхъ поръ, какъ подвинулось впередъ изученіе разнообразныхъ племенъ и народностей въ самыхъ различныхъ пунктахъ земнаго шара, изученіе исторіи развитія государственныхъ учрежденій стало на прочную почву. Лишь при помощи историко-сравнительнаго метода является возможнымъ освѣтить эту темную страницу исторіи человѣчества, и идти дальше простыхъ догадокъ. Этому именно методу и слѣдуетъ г. Летурно въ указанномъ сочиненіи. Но онъ не вполнѣ справляется съ своей задачей: масса матеріала, фактическихъ данныхъ, повидимому подавляетъ автора, и перечисленіе этихъ свѣдѣній идетъ въ ущербъ общей мысли сочиненія, убѣдительности и детальности выводовъ.

Вслѣдствіе этого, будучи самымъ новымъ сочиненіемъ по отдѣлу изученія исторіи развитія государственныхъ учрежденій, трудъ г. Летурно не можетъ быть поставленъ не только выше, но даже наравнѣ съ трудами многихъ изъ его предшественниковъ на этомъ-же поприщѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря той массѣ фактовъ, которыми располагаетъ г. Летурно, книга его пріобрѣтаетъ значительный интересъ, который можетъ лишь усилиться, благодаря прекрасному изложенію.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что мы не рѣшаемся осуждать автора за нѣкоторыя погрѣшности, которыя онъ допускаетъ, говоря о древнемъ русскомъ и казачьемъ строѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ былъ ограниченъ рамками французской литературы, по этимъ вопросамъ далеко не богатой.

Н. Х.

Bilder aus dem Völkerleben aller Weltteile. Nach den besten Quellen zusammengestellt und herausgegeben für das deutsche Volk von *Albert Gillwald.* (Danzig. 1890, in 4°, p. 204). — Въ предисловіи авторъ говоритъ, что составить вышеупомянутую книжку его побудилъ «господствующій въ нѣмецкомъ народѣ могучій интересъ къ различнымъ народностямъ, населяющимъ землю». При составленіи своего труда онъ пользовался новѣйшими источниками и изслѣдованіями, что и заставляетъ подумать, что книга можетъ представить много интереснаго для читателя. Книжка г. Гильвальда дѣлится на 5 отдѣловъ (по частямъ свѣта), которые, въ свою очередь, подраздѣляются на маленькія главки съ описаніемъ различныхъ народовъ. Описанія сжаты, касаются преимущественно одежды и пищи данной народности, порой и исторіи ея, и очень мало затрогиваютъ обычаи и обряды, которые однако ясно могли бы представить ея міросозерцаніе и духовную жизнь. Къ сожалѣнію, авторъ не умѣетъ группировать характерныя черты народа, и его описанія, несмотря на сжатость, кажутся расплывчатыми. Хотя авторъ и пользовался „новѣйшими источниками", въ его сочиненіе вкралось нѣсколько странныхъ ошибокъ. Такъ, напр., въ главѣ: Die Tataren und ihre *Hauptstadt* Bochara, онъ говоритъ, что къ татарскому племени принадлежатъ якуты, киргизы, башкиры, калмыки, собирая такимъ образомъ воедино народности различнаго происхожденія, различнаго типа. Далѣе, автору, кажется, совсѣмъ неизвѣстна разница въ антропологическомъ типѣ, въ обрядахъ и обычаяхъ крымскихъ и казанскихъ татаръ, по крайней мѣрѣ онъ даетъ имъ одинаковые антропологич. признаки (овальная форма всегда коротко остриженной головы, маленькіе, черные глаза и т. д.) и одѣваетъ ихъ въ одинаковую одежду. Относительно осетинъ авторъ держится мнѣнія, давно уже устарѣвшаго, будто эта кавказская народность германскаго происхожденія. Иногда выводы и взгляды автора поражаютъ своею наивностью. „Якуты", говоритъ онъ, напримѣръ, „лѣтомъ *ради прохлады* охотно проводятъ время на водѣ (въ лодкахъ)... и при этомъ въ нѣсколько часовъ вылавливаютъ цѣлые пуды превосходнѣйшей рыбы". Но особенною наивностью отличается глава: Die Bauern in Russland, которая можетъ къ тому же служить примѣромъ, какъ велики познанія о Россіи за границей. „Домá богатыхъ крестьянъ", говоритъ авторъ, „почти всѣ построены въ швейцарскомъ стилѣ". „Колокольный звонъ, который придаетъ такъ много прелести нашимъ (нѣмецк.) воскреснымъ утрамъ, тутъ не разносится по полямъ". Далѣе обычай выливать водку на могилу усопшаго, а также зарывать штофъ вмѣстѣ съ покойникомъ г. Гильвальдъ объясняетъ воззрѣніемъ, что „даже умершіе не могутъ отстать отъ водки", и, приводя затѣмъ обычай бросанія денегъ въ могилу „съ тѣмъ, чтобы подкупить духа земли", онъ прибавляетъ: „русскій крестьянинъ, который въ продолженіе столѣтій вплоть до нашего времени горькимъ опытомъ дошелъ до того, что можно всего достичь и все совершить посредствомъ денегъ и

подкуповъ, очевидно думаетъ, что это средство дѣйствительно и въ отношеніи къ подземнымъ духамъ, которыхъ къ тому же можно успокоить и водкой". Особенно интересенъ выводъ о жизни русскаго крестьянина. Сказавъ объ употребленіи водки и кваса, объ оригинальныхъ баняхъ, о качеляхъ и катаньѣ, о гостепріимствѣ, авторъ заканчиваетъ свою главу слѣдующими словами: „Хотя жизнь русскихъ крестьянъ и незавидна, ихъ настроеніе однако всегда веселое. Они довольны своею участью, потому что не знаютъ лучшей".

Изъ приводимыхъ фактовъ видно, что авторъ, если не о всѣхъ, то по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ народностяхъ, даетъ своимъ читателямъ крайне неясное и ложное понятіе.

В. Х.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и привед. въ порядокъ *П. В. Шейномъ*, Т. I, ч. 2. (СПБ. 1890. Стр. XXXI+708 in 8°. Съ прилож. 2 рис. и 4 стран. нотъ).

Неутомимый собиратель памятниковъ народнаго творчества и изслѣдователь народнаго быта П. В. Шейнъ, выпустившій въ 1874 г. свой первый сборникъ, посвященный этнографіи Бѣлоруссіи («Бѣлор. нар. пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ прилож. объяснительн. словаря и грамматич. примѣчаній»), не остановился на этомъ, но послѣ нѣкотораго промежутка приступилъ къ продолженію своихъ работъ въ томъ-же направленіи. Благодаря отчасти содѣйствію Академіи Наукъ, П. В. Шейнъ съ 1877 г. почти ежегодно, пользуясь лѣтними вакаціями, предпринималъ поѣздки изъ Петербурга въ разныя мѣста Бѣлоруссіи. Эти поѣздки, не смотря на свой преклонный возрастъ и болѣзненность, П. В. совершаетъ и до сихъ поръ, и плодомъ этой удивительной энергіи является богатое собраніе матеріаловъ, изданіе которыхъ, къ счастію, приняла на себя Академія. Первая часть настоящихъ «Матеріаловъ» вышла въ свѣтъ въ 1887 г., а въ началѣ этого года появилась часть вторая. Обѣ эти объемистыя книги составляютъ 1-й томъ изданія, разсчитаннаго на нѣсколько томовъ, какъ видно изъ мимоходныхъ намековъ собирателя (напр., стр. 68, ч. II). Весь первый томъ издаваемыхъ «Матеріаловъ», въ обѣихъ своихъ частяхъ, посвященъ характеристикѣ «бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ». Въ 1-ю часть (1887) вошли пѣсни, обряды и повѣрья, относящіяся къ рожденію и воспитанію дѣтей, а также пріуроченныя къ тому или другому времени года, къ тѣмъ или другимъ народнымъ празднествамъ и занятіямъ, пѣсни бесѣдныя (любовныя семейныя), бытовыя (рекрутскія, солдатскія), шуточныя, разгульныя и плясовыя съ припѣвками; объ этой 1-й части я имѣлъ случай уже писать (въ «Минск. Лист.» 1887, № 66), и критика давно уже высказала свои мнѣнія за и противъ, поэтому на ней я здѣсь

останавливаться не буду. Вторая часть (1890) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: отд. первый – обряды свадебные съ относящимися сюда пѣснями, отд. второй — обряды погребальные и поминальные съ голошеніями и причитаніями надъ покойниками. Остановимся нѣсколько на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Свадебные обряды занимаютъ значительно большую часть книги (500 стр.). Тутъ находимъ 3 описанія свадебъ изъ *Витебскаго уѣз.* съ 120 номерами пѣсенъ, 10 опис. *Минской губ.* съ 446 пѣс., 4 опис. изъ *Могилевской г.* съ 121 пѣс., 2 опис. изъ *Гродненской г.* съ 21 пѣс., 1 опис. изъ *Виленск. г.* Лидск. у. съ 13 пѣсн., 4 опис. изъ *Смоленской г.* съ 156 пѣсн., наконецъ 1 описаніе изъ Ржевскаго уѣз. *Тверской г.* съ 13 пѣсн.; кромѣ того, помѣщено 24 пѣсни изъ Суражскаго у. *Черниговской г.* съ краткимъ указаніемъ тѣхъ моментовъ свадьбы, въ которые онѣ поются. Такимъ образомъ со стороны свадебнаго ритуала въ настоящемъ выпускѣ охарактеризованы болѣе или менѣе 8 губерній Сѣв.-зап. края. Полнѣе другихъ представлена *Минская* губернія; почти половина всего количества (914) приводимыхъ пѣсенъ приходится именно на эту губернію, и описанія обряда самыя обильныя[1]). Впрочемъ данныя по этой губерніи не представляютъ вполнѣ новинки, потому что два описанія съ относящимися къ нимъ пѣснями уже были въ печати на польскомъ яз. (въ соч. гр. Е. Тышкевича: «Opisanie powiatu Borysowskiego», Wilno 1847, и въ журн. „Tygodnik Wileński" 1819, т. VII), и здѣсь они только переведены по порученію собирателя. Помѣщеніе ихъ въ „Матеріалахъ" вполнѣ оправдывается тѣмъ, что названныя польскія изданія уже давно составляютъ крайнюю библiографическую рѣдкость, между тѣмъ сообщенныя въ нихъ данныя цѣнны уже потому, что относятся къ довольно отдаленнымъ временамъ и представляютъ хорошій матеріалъ для сравненія съ настоящимъ (напр., статья взятая изъ Tyg. Wil. описываетъ обрядъ, какъ онъ былъ наблюдаемъ въ 1800—1802 гг.). Въ этомъ случаѣ желательно было бы также перепечатать матеріалы, содержащіеся въ рѣдкомъ у насъ сочиненіи гр. Конст. Тышкевича: «Wilija i jej brzegi» (Drezno, 1871, посмерт. изд.), гдѣ между прочимъ помѣщено сто бѣлор. пѣсенъ, запис. авторомъ въ 1857 г. по р. Виліи, въ уѣздахъ: Борисовскомъ, Вилейскомъ, Виленск., Свенцянск., Трокск. и Ковенскомъ. На особенностяхъ минскихъ свадебныхъ обрядовъ я останавливаться не буду, такъ какъ отрывочныя указанія не имѣли бы значенія, а входить въ подробности при обиліи матеріала немыслимо; укажу только на неточности въ передачѣ текстовъ съ польскаго, которыя могутъ смутить незнающихъ бѣлорусскаго говора, а именно неточности въ передачѣ звука *е* мягкаго и твердаго. Такъ напр., на стр. 69—70 по-

[1]) Въ сборн. 1874 г. есть также одно описаніе свадьбы въ Мин. г. Борис. у.

падаются почти рядомъ слова: цябѥ (тебя), племени, татэчку, захочецъ, нясѥцъ (несетъ), греецъ и пр. Знакъ ѥ, очевидно, введенъ для выраженія польскаго сочетанія *іе* (т. е. мягкаго *е*), а твердое *е* выражено знакомъ *э*, но при этомъ оставленъ еще и знакъ *е*, который занимаетъ какое-то обоюдное положеніе и означаетъ то мягкій, то твердый звукъ. Такое безразборчивое употребленіе знаковъ, собьетъ мало свѣдущаго въ этой области читателя и изслѣдователя. Одну изъ особенностей нѣкоторыхъ минскихъ, какъ и гродненскихъ говоровъ, напр. слуцкаго и др., составляетъ разложеніе (въ извѣстныхъ случаяхъ подъ удареніемъ) *о* въ *уо* и *ё* въ *юо*; если послѣдній дифтонгъ выражается именно такъ (нпр. сл*юо*зки, 290), то не за чѣмъ употреблять еще сочетаніе *іуо* (небіуосъ, 293). Это впрочемъ скорѣе корректорскій недосмотръ, равно какъ многія другія мелочи. Слѣдуетъ отмѣтить одно описаніе обряда (с. Лускова Минск. у. Бѣлоруцкой вол.), написанное сплошь на бѣлорусскомъ языкѣ (188—193), хотя неизвѣстно кѣмъ и какимъ говоромъ—спеціально мѣстнымъ или обще-бѣлорусскимъ. Послѣ Минской г. по полнотѣ описанія слѣдуетъ поставить губерніи Смоленскую, Могилевскую и Витебскую. Если при этомъ вспомнимъ, что въ сборникѣ 1874 г. почти всѣ свадебные обряды принадлежатъ послѣдней, то окажется, что и Витебская бытовая старина представлена въ матеріалахъ П. В. Шейна не бѣднѣе Минской. Для *Смоленской г.* въ настоящемъ выпускѣ взято между прочимъ описаніе Невѣровича изъ Памятн. кн. Смолен. губ. за 1859 г., откуда она была уже раньше (въ 1862 г.) перепечатана г. Цебриковымъ въ его «Матеріалахъ» по Смоленской губ. Значеніе этой довольно обширной статьи умаляется тѣмъ, что Невѣровичемъ не были указаны ни уѣздъ, ни волость, къ которымъ относятся его данныя. По *Могилевской губ.* отмѣтимъ, что сообщены обряды не только крестьянъ, но и мѣщанъ, (321—333), которые впрочемъ въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ первыхъ. Что касается Гомельскаго у., Могил. г., то уже изъ сборника г-жи Радченко (Этн. Об. II, 180) и др. извѣстно, что примѣсь малорусскаго элемента въ немъ сильна, такъ что неудивительно, что и свадебн. обряды здѣсь близки къ малорусскимъ. Остальныя четыре губерніи, Гродн., Вилен., Тверск. и Черниг., какъ мы видѣли, занимаютъ мало мѣста въ сборникѣ, что вполнѣ естественно, такъ какъ и бѣлорусскаго населенія въ нихъ меньше. Для *Гродненской г.*, притомъ, оба помѣщенныя описанія взяты изъ печатныхъ источниковъ (Бобровскаго «Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. г.», ч. I. 827, и «Этногр. Сб.», изд. И. Р. Г. О, вып. III, 98). Въ недоумѣніе приводятъ въ гродненскихъ матеріалахъ со стороны языка формы: Б*оу*гъ, дв*оу*ръ, ст*оу*лъ и т. п. Тутъ, очевидно, такой-же недосмотръ, какъ и въ I ч. этого тома (1887), въ записяхъ изъ Слуцкаго у. Мин. г. (242, 247 и пр.): *оу* поставлено вм. *уо*. Единственный обрядъ *Тверской г.* (Ржевск. у.) также заимствованъ, именно изъ «Этногр. Сб.», изд. И. Р. Г. О, вып. I. (статья свящ. с. Разумихина: «Село Бобровки» и

пр.). Ему предпослано примѣчаніе, объясняющее, что бѣлорусская рѣчь слышится не только въ Тверской г., но и въ пограничныхъ съ Бѣлоруссіею уѣздахъ Псковской, Калужской, Орловской и Черниговской губ. (См. *А. Ѳ. Бычкова* академическій отчетъ отд. рус. словесности и яз. за 1877 г. въ «Сборн.» этого отдѣленія, т. 18, стр. XX). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведены вслѣдъ затѣмъ и тексты черниговскихъ пѣсенъ изъ статьи г. Ф. Лыщинскаго о Суражскомъ нарѣчіи, доставленной въ Географич. Общ. Подобныхъ матеріаловъ по Калужской, Орловской и Псковской г. собиратель не нашелъ.

При обзорѣ погребальныхъ обрядовъ, составляющихъ второй отдѣлъ книги, мы тоже ограничимся лишь внѣшнимъ ознакомленіемъ читателя съ содержимымъ этого отдѣла. Входить въ подробности не приходится потому, что эта сторона быта бѣлоруссовъ еще богаче, пожалуй, разнообразіемъ, чѣмъ обряды свадьбы. Собиратель до извѣстной степени правъ, говоря въ предисловіи къ этому отдѣлу слѣдующее: «такъ какъ мы, не нарушая разъ принятой нами системы, не могли рѣшиться на обобщеніе и переливку въ одну большую статью всего количества относящихся сюда разнохарактерныхъ данныхъ, такъ удачно собранныхъ нашими обязательнѣйшими сотрудниками изъ разныхъ мѣстъ почти всей Бѣлоруссіи, то во избѣжаніе возможнаго упущенія мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ оттѣнковъ, подмѣченныхъ въ однородныхъ фактахъ, мы нашли болѣе цѣлесообразнымъ размѣстить эти факты въ двухъ отдѣльныхъ параллельныхъ группахъ, расположивъ всѣ относящіяся (сюда) разновидности ихъ сподрядъ, согласно сущности основной идеи однородности», и пр. (505). Мы приводимъ эту выписку еще потому, что она вкратцѣ указываетъ на систему и пріемы, какихъ собиратель держится при этомъ изданіи. Что же касается двухъ параллельныхъ групъ обрядовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то онѣ слѣдующія: а) обряды собственно погребальные, б) обряды поминальные.

Похороны, или «хаутуры», съ относящимися къ нимъ повѣрьями описаны здѣсь для губерній: Витебской, Минской, Гродненской и Могилевской. Изъ *Витебск. г.* помѣщено 4 опис. обряда и перепечатаны двѣ замѣтки изъ сб. Бѣлор. пѣс. 1874 г.; описанія касаются именно Витеб., Динабург. и Люцинск. уѣздовъ. По *Минской г.* въ трехъ описаніяхъ затронутъ Игуменскій у., причемъ одно перепеч. изъ «Мин. Губ. В.». 1867 г. № 12; два описанія посвящены Новогрудскому у. и два Мозыркому (одно, изъ м. Петрикова, помѣченное 1859 г., взято изъ «Мин. Епарх. В.» 1880, № 3). Для *Гродненской г.* даны матеріалы по Волковысскому у. (два опис.) и приведены въ извлеченіи свѣдѣнія изъ вышеназванной книги Бобровскаго. По *Могилевской г.* описаны: Могил. уѣздъ (двѣ статьи), Быховскій (1 ст.), Горецкій (2 ст.), Чериковск. (1 ст) и Гомельскій (1 ст.).—*Поминанія* описаны въ уѣздахъ: Минскомъ, Новогрудск., Игуменск., Рѣчицк., Борисовск. (5 ст., изъ нихъ три изъ Тыш-

кевича: «Opis. pow. Borys.»), Могилевскомъ, Горецкомъ, Быховскомъ, Витебскомъ, Полоцк., Дриссенск. (Вит. г.), Динабургск., Себежскомъ (Вит. г., изъ Пам. кн. 1865), Гродненск., Слонимск. (Гр. г.) и Волковыскомъ. Поминки различаются частныя (нпр. въ 3-ій, 40-ый день, годовщина) и общія, къ которымъ преимущественно примѣняется терминъ *дзяды* (дѣды). Болѣе данныхъ находимъ о дзядахъ. Эти данныя расположены въ порядкѣ времени совершенія дзядовъ—осеннихъ (дмитровскихъ), зимнихъ (передъ масляной), весеннихъ или великодныхъ (вторникъ на Ѳомин. нед. или свѣтл. четвергъ), лѣтнихъ или троицкихъ (въ троицк. суб. или въ Троиц. день). Тексты голошеній и причитаній выдѣлены въ особую рубрику и ей предпосланы и замѣчаніи самого собирателя, Н. Я Никифоровскаго и Н. Николаевича о важности и значеніи бѣлорус. причитаній въ научномъ и бытовомъ отношеніяхъ. Всѣхъ причитаній болѣе 90, причемъ иныя изъ нихъ относятся къ нѣкоторымъ уѣздамъ, не встрѣчавшимся въ предшествующихъ описаніяхъ, каковы: Сѣнненскій, Мстиславскій, Оршанскій, Климовицкій—Могил. губ.

Мы кончили такимъ образомъ обзоръ этой объемистой книги; прибавимъ еще, что въ видѣ нелишняго украшенія приложены три рисунка свадебнаго коровая и 19 номеровъ свадебныхъ напѣвовъ, Минск. и Смоленск. губ., записанныхъ, по отзыву спеціалистовъ, довольно правильно, хотя и не безъ ошибокъ (напр. въ предпосл. № бемоль въ ключѣ повидимому лишній, ритмъ не всегда вѣрно обозначенъ). Характеръ напѣвовъ, правда не всѣхъ, довольно выдержанный въ древнемъ вкусѣ.

Трудъ самаго собирателя на первый взглядъ какъ будто не замѣтенъ въ «Матеріалахъ»; онъ скрадывается за громадой матеріала, тѣмъ болѣе, что его личныхъ записей не много. Но мы должны цѣнить въ немъ безграничную, безкорыстную любовь къ дѣлу и необыкновенное умѣніе подъискивать себѣ сотрудниковъ, съ которыми онъ десятки лѣтъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ и умѣетъ пріохотить провинціальныя силы къ работѣ, не дающей пропадать цѣннымъ остаткамъ старины, быта, поэзіи и языка. Заслуга П. В. Шейна въ этомъ отношеніи останется навсегда достойною признательности и высокаго уваженія. Мы можемъ только искренно пожелать ему довести скорѣе до конца это изданіе.

Н. Я.

Д. Я. Самоквасовъ.—Хронологическая классификація могилъ Южной Россіи. (Варшава. 1890; стр. 33 in 8°).

„Въ историческомъ наслоеніи *языческихъ* народовъ, населявшихъ южную половину Россіи, пишетъ г. Самоквасовъ, послѣдовательно смѣнили другъ друга шесть *этнографическихъ* типовъ, называемыхъ древними историками: Киммеріяне, Скиѳы, Сарматы, Славяне, Половцы и Татары. Именами этихъ народовъ и могутъ быть названы пять историческихъ періодовъ: *могильники эпохъ киммерійской*, *скиѳской*, *сарматской*, *сла-*

вянской и половецко-татарской. Само собою разумѣется, продолжаетъ авторъ, что эти названія будутъ имѣть *историческое*, *а не этнографическое значеніе*, будутъ означать принадлежность даннаго могильника данному историческому періоду, а не данному этнографическому типу. Напримѣръ, къ могильникамъ скифской эпохи будутъ отнесены не только собственно скифскія могилы, но и греческія, сарматскія, гетскія того времени, когда классическіе историки именовали наше отечество Скиѳіей... За научнымъ распредѣленіемъ могильниковъ по историческимъ эпохамъ, дальнѣйшею задачею археологической науки будетъ распредѣленіе могилъ даннаго историческаго періода по этнографическимъ типамъ, по народностямъ". Затѣмъ авторъ излагаетъ характерныя черты могилъ, находимыхъ въ южной Россіи, и указываетъ, на основаніи какихъ признаковъ слѣдуетъ отнести ту или иную могилу къ той или иной исторической эпохѣ. Эпоху киммерійскую авторъ опредѣляетъ до VI в. до Р. X., скиѳскую—съ VI в. по I в. по Р. X., сарматскую съ I по V в. по Р. X., славянскую—съ VI по XI в. и половецко-татарскую съ XII по XVI в.

При просмотрѣ вводимаго авторомъ дѣленія могилъ по *историческимъ* эпохамъ невольно возбуждается вопросъ: является-ли такое дѣленіе дѣйствительно научнымъ? Едва ли можно назвать *научнымъ* дѣленіе, основанное на именованіи классическими историками нашего отечества то Скиѳіей, то Сарматіей и т. д. Названія народовъ сохраняются долго послѣ того, какъ одно племя смѣняло другое въ данной мѣстности. Кромѣ того, смѣна одного племени другимъ происходила не сразу; процессъ этотъ былъ болѣе или менѣе длительный. Поэтому дѣленіе, основанное на наименованіи классическими писателями тѣмъ или другимъ именемъ нашего отечества можетъ повести лишь къ смѣшенію могилъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ и принадлежащихъ разнымъ народностямъ, въ одну научно малообоснованную группу. Если на основаніи дѣленія г. Самоквасова приходится въ одну группу соединять могилы и скиѳовъ, и сарматовъ, и гетовъ, и грековъ, то спрашивается: какой смыслъ имѣетъ подобное сваливанье въ одну груду могильныхъ памятниковъ, столь далеко другъ отъ друга отстоящихъ по происхожденію и культурѣ народовъ, какъ греки съ одной стороны и скиѳы, хотя бы, съ другой?

Основаніемъ классификаціи можетъ быть принятъ лишь опредѣленный и постоянный признакъ, каковымъ не могутъ считаться разнообразныя названія нашего отечества, которыми его надѣляли классическіе авторы. Такимъ постояннымъ признакомъ могутъ считаться: устройство могилы и предметы въ ней находимые. Это дѣленіе на основаніи находокъ, свидѣтельствующихъ о степени культуры того или другого племени, такъ сказать, дѣленіе по культурамъ, является наиболѣе прочнымъ. Но изъ этого нельзя еще выводить, что могилы, имѣющія признаки одной и той-же культуры, должны быть относимы и къ одной хронологической эпохѣ. Между тѣмъ къ этому заключенію приводитъ насъ г. Самоквасовъ; опре-

дѣляя по находкамъ типичныя черты могилъ киммерійской эпохи, и считая концомъ указанной эпохи VI в. до Р. Х., онъ пишетъ между прочимъ: „могилы типовъ киммерійской эпохи были встрѣчены во всѣхъ областяхъ южной Европы... отъ Кавказа до Франціи и Пиренейскаго полуострова включительно" и т. д. Но гдѣ основаніе считать могилы, найденныя въ Испаніи или Франціи, не моложе VI в.? Вспомнимъ, что на островѣ Тенерифѣ, еще въ очень недавнее время, употреблялись такія-же каменныя орудія, какія были открыты при раскопкахъ въ разныхъ мѣстахъ южной Франціи. Было бы, однако, болѣе чѣмъ ошибочно приравнивать находки, относящіяся къ сѣдой древности, къ одному и тому же времени, какъ и тенерифскія находки, т. к. ихъ раздѣляетъ промежутокъ по крайней мѣрѣ слишкомъ двухъ тысячелѣтій.

Въ виду этого г. Самоквасову было бы лучше обосновывать свое дѣленіе на одномъ изъ двухъ: либо на наименованіи нашего отечества классическими писателями Скиѳіей, Сарматіей и т. д., либо на находкахъ тѣхъ или другихъ вещей въ могилахъ и на устройствѣ ихъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣли бы условное, хотя дѣйствительно и не научное дѣленіе могилъ южной Руси, во второмъ дѣленіе по культурамъ, причемъ періодъ господства той или иной культуры въ разныхъ мѣстностяхъ былъ бы разный. Но соединеніе обоихъ основаній для одной классификаціи ведетъ не только къ погрѣшности противъ правилъ логики, но и къ неясному пониманію цѣли автора, по поводу чего авторъ высказываетъ сожалѣніе въ концѣ своей статьи. Впрочемъ, самъ авторъ въ заключеніи, какъ-бы сознавая неудобства приведеннаго имъ дѣленія, пишетъ: „я... не буду защищать названій историческихъ періодовъ, принятыхъ въ моей классификаціи, если будутъ придуманы лучшія, болѣе удобныя. Можно разграничить историческія эпохи указанными въ моей классификаціи столѣтіями, можно назвать періоды первымъ, вторымъ... Главные вопросы моего реферата... не въ названіяхъ историческихъ періодовъ, представляющихъ собою условную форму, а въ тѣхъ основаніяхъ, по которымъ я предлагаю въ хронологическомъ дѣленіи могилъ пять историческихъ эпохъ"...

Н. Х.

Ольгердъ Вильчинскій.—Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ. (съ 23 рис. Спб. 1890; стр. 23 in 8°).—Брошюра г. Вильчинскаго представляетъ собой компиляцію иностранныхъ источниковъ о древнѣйшихъ каменныхъ орудіяхъ. Указавъ распредѣленіе водъ и суши на земномъ шарѣ въ моментъ появленія первыхъ людей на землѣ, авторъ переходитъ къ описанію находокъ каменныхъ орудій и костей въ разныхъ частяхъ западной Европы. Намъ кажется, что мы въ правѣ упрекнуть автора за недостаточное вниманіе къ находкамъ, сдѣланнымъ въ Россіи и за нѣкоторую поспѣшность слѣдующаго вывода: указавъ на распространеніе арійцевъ, ав-

торъ отмѣчаетъ, что отыскать мѣстонахожденіе Аріи по имѣющимся извѣстіямъ невозможно. „Останки же древнѣйшихъ обитателей земного шара, продолжаетъ послѣ этого г. Вильчинскій, почиваютъ въ Европѣ,—стало быть и колыбель рода человѣческаго есть Европа". Не касаясь вопроса о мѣстѣ происхожденія человѣка, нельзя не удивиться, что авторъ какъ бы забываетъ, что серьезное изслѣдованіе по части доисторической археологіи производилось до настоящаго времени только въ Европѣ, тогда какъ всѣ остальныя части свѣта въ этомъ отношеніи остаются для насъ совершенно незнакомыми. Въ общемъ однако для популяризаціи свѣдѣній о каменномъ вѣкѣ, брошюра г. Вильчинскаго принесетъ извѣстную пользу.

Н. Х.

II. Журналы.

Библіографъ.—5, 6. *С. Ф. Платоновъ.* О началѣ Москвы (замѣтка по поводу доклада И. Е. Забѣлина на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ). Авторъ разбирая лѣтописныя указанія полагаетъ, что существованіе Москвы *какъ города* въ половинѣ XII в. не можетъ быть установлено.

Wisła (Варшава).—По случайнымъ обстоятельствамъ, своевременные отчеты объ этомъ полезномъ изданіи не могли быть даны, не смотря на данное обѣщаніе (Э. О. I, 136). Теперь, когда съ 1887 г. накопилось нѣсколько томовъ [1]), мы принуждены ограничиться простымъ перечнемъ важнѣйшихъ статей, не касаясь замѣтокъ и библіографіи, которая въ каждой книжкѣ довольно полна. Начнемъ отъ начала изданія. **Т. I.** Программа *Р. Завилинскаго* для собиранія этногр. матеріаловъ.—*Эдв. Чинскій*, этнографич.-статистическій очеркъ численности и разселенія польской народности (замѣчанія во II т.).—*Янъ Карловичъ*, Чары и чаровницы въ Польшѣ.—*Кар. Матыасъ*, Польская сельская драма (рождественскій вертепъ).—*Стеф. Уляновская*, Среди краковскаго народа.—*Ад. Закржевскій*, Изъ зеленой пущи (къ этнографіи курпей; см. II томъ).—*Кибортъ*, Образчики литовскихъ пѣсенъ (съ нѣскольк напѣвами),—*Шимонъ Матусякъ*, Какіе народы жили у устья Вислы въ древнѣйшія времена.—Знахари на Украинѣ.—Народныя топографическія названія и преданія (дополн. во II т).—*Р. Завилинскій*, Преданія и пѣсни горалей бескидовыхъ.—Народные польскіе словари,—**Т. II.** (1888). *Эл. Оржешко*. Люди и цвѣты на Нѣманѣ.—*Р. Завилинскій*, Легенды горалей бескидовыхъ.—*Я. Карловичъ*, Лотарингское преданіе о кор. Ста-

[1]) Томъ состоитъ изъ 4-хъ книгъ, составляющихъ годовое изданіе съ непрерывной пагинаціей; только т. I (1887) вышелъ 9-ю тоненькими выпусками.

ниславѣ.— *Сиг. Глогеръ*, Путешествіе по Нѣману.—*I. Ростафинскій*, Jemioła—растеніе, омелъ (viscum?) въ связи съ его значеніемъ въ народной жизни.—*Ст. Уляновская*, Рождество Христово у горалей.—*С. Хелховскій*, Этнографич. матеріалы изъ окрестн. Прасныша, Плоцк. г.—*М. Довойна-Сильвестровичъ*, Жмудскіе тексты.—С. *Цишевскій*, Народъ, какъ творецъ лингвистической терминологіи.—*I. С. Земба* (Ziemba), Нѣкоторые рождеств. обычаи.—*Л. Кржижицкій*, Антропологія въ исторіософіи и соціологіи.—*С. Цишевскій*, Повѣсти изъ 1001 ночи въ польской народной передѣлкѣ.—*I. Турчинскій*, экскурсія въ глубь Татръ.—*I. Т. I. Грынцевичъ*, Антропологія вообще и въ примѣненіи къ Польшѣ.—*I. Поливка*, Чешская фольклористика.—*Я. Карловичъ*, Доказательство, что Максъ Мюллеръ не существовалъ.—*В. Плавинская*, Легенда о кор. Сигизмундѣ, опускавшемся на дно морское.—*В. Верыго*, Изъ народной медицины.—Д-ръ *Надморскій*, Географическія названія.—*Н. Янчукъ*, Шопка (рожд. вертепъ) въ с. Корницѣ, Сѣдл. г., Констинт. у.—*Т. Руппертъ*, О мелкой шляхтѣ.—*Я. Быстронь*, Польскія легенды, родственныя съ преданіемъ о св. Григоріи.—*Его же*, Польская Schneewittchen. — *В. Сярковскій*, Народные юридическіе обычаи.—*Л. Кржижицкій*, Результаты изслѣдованій американскихъ этнографовъ (особ. Моргана).—*Я. Карловичъ*, Легенда о кающемся разбойникѣ (Амадеѣ; см. также III т.). *Сиг. Глогеръ*, Рожд. Хр. въ Радловѣ (Галиція).—*Я. Карловичъ*, Грыжинская береза: легенды о посмертномъ наказаніи ребенка, поднявшаго руку на родителей (Э. О. III, 53).—*В. Герсонъ*, устройства и украшенія оконъ и дверей въ польскихъ избахъ.—Т. III (1889). О первой кн. этого тома см. „Этн. Обозр." I, 136. Кромѣ упомянутыхъ тамъ статей, здѣсь помѣщены еще и другія: *В. Чаевскаго*, Бытъ крестьянъ въ Сѣдл. губ.—*Брон. Грабовскаго*, Задруга у южныхъ славянъ и у чеховъ.—*I. Сембржицкаго*, Двѣ статьи о прусскихъ мазурахъ.—С. *Удзели* (Udziela), Двѣ статьи о ропчичанахъ (Ропчице — мѣстечко въ Галиціи).—*Л. Кржижицкаго*, Smithsonian Institution.—*Кар. Смоленцовой*, Село Хмельникъ въ Люблин. у.—*Я. Карловича*, Систематика польскихъ пѣсенъ (по Чайльду).—*Стан. Цишевскаго*, Этногр. замѣтка изъ Калишск. у.—*Богумила Гоффъ*, Поиски кладовъ въ Татрахъ.—*Сиг. Василевскаго*, Замѣтка о женск. костюмѣ и о положеніи женщинъ въ окрестн. г. Лукова. Сѣдл. г. (съ рис.)—*Сиг. Глогера*, Пѣсни крестин. и похоронныя у принарвскихъ подляшанъ.—*Э. Тейлора*, О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій.—Д-ра *Надморскаго*, Этнографич. отношенія въ Македоніи.—*Бируты*, Два литовскія преданія.—*М. Р. Витановскаго*, Военныя пѣсни—Свящ. *А. Плещинскаго*, Коза (неудачное объясненіе названія кремня, по-польски *коза*, отъ слова *кожа*).—*Шим. Матусяка*, Два заговора.—*Надморскаго*, Обществен. устройство, обычаи и языкъ поморянъ.—*Піонтковской* (I. Piątkowska), Изъ деревенской жизни калишанъ.—*Ст. Уляновской*, Народныя легенды.—*Сиг.*

Глогера, Старинные свирны и амбары:—*Вал. Марренé*, Къ этнографіи итальянцевъ.—*Влад. Верыго*. Спящіе рыцари.—*Люд. Кржсивицкаго*, Баба—дурное предзнаменованіе. — *Вавржсенецкаго*, Скипетръ (berło), вѣнокъ и снопы въ обрядовомъ употребленіи.—Изъ статей второго отдѣла (poszukiwania) этого тома нѣкоторыя также представляютъ большой интересъ, напр.: Матеріалы по этнографіи Подлясья, Лужицкая этнографія и пр. О т. IV (1890) надѣемся поговорить подробнѣе по выходѣ послѣдней его книжки

Военно-Медицинскій Журналъ.—Январь. Въ небольшой замѣткѣ The Medical Record 1889 г. 3-го августа сообщаетъ, что во Франціи простой народъ лѣчитъ ревматизмъ оригинальнымъ способомъ, а именно больныхъ подвергаютъ уколамъ пчелъ. Насѣкомыхъ этихъ сажаютъ по сосѣдству съ пораженнымъ суставомъ и ихъ заставляютъ жалить больныхъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ выздоровленіе. Для излѣченія ревматизма требовалось въ среднемъ выводѣ около 350 уколовъ.

Вѣстникъ Европы. Іюль. Рец. на кн. G. Tarde: Les lois de l'imitation. Etude sociologique. Paris. 1890. Рец. на кн. Maxime Kovalevsky: Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la proprïété. Stockholm. 1890.—Августъ. *А. Н. Пыпинъ*: Поиски въ далекой старинѣ. По поводу кн. А. Н. Веселовскаго: «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха», XI—XVII. СПБ. 1889, и кн. Д. Н. Анучина: «Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнограф. этюдъ» М. 1890.- Рец. на Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. 2-й. Харьковъ. 1890.—Рец на кн.: Нижегородскій Сборникъ, изд. Нижегородск. губ. статистич. ком. подъ ред. А. С. Гацискаго. Т. IX. Нижн. Новг. 1890.- Сентябрь. *Г. Н. Потанинъ*, Монгольское сказаніе о Гэсэръ-Ханѣ (къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ). Авторъ въ противоположность г. Стасову, придерживающемуся мнѣнія, что мотивы русскихъ былинъ перешли къ намъ изъ Индіи черезъ Монголію вмѣстѣ съ «монголо-татарскимъ» нашествіемъ, проводитъ параллель между нѣкоторыми русскими былинами (преимущ. о Добрынѣ) и монгольскимъ сказаніемъ о Гэсэръ-Ханѣ. доказывая его происхожденіе изъ тюркской среды.—Рец. на «Гусли, русскій народный музык. инструментъ» А. С. Фаминцина (въ «Памятникахъ древней письменности и искусства» СПБ. 1890)—Рец. на «Сказанія бурятъ» въ I т., в. 2. Зап. Вост. Сиб. Отд. Имп. Р. Г. Об.) и на «Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы Верхоянскаго округа» И. А. Худякова (въ I т., в. 3 того же изд.). «Подписка на Живую Старину»—по поводу предполагаемаго періодич. изданія по этнографіи Им. Р. Г. Об.; о цѣляхъ и задачахъ этого изданія.

Вѣстникъ общественн. гигіены, судебной и практич. медицины.—Іюль.—По словамъ д-ра А. М. Fielde (The Saint Louis Medical and

Surgical Journal, 1889, сентябрь), почти всѣ китайскія женщины родятъ въ сидячемъ положеніи; лежачее же принимаютъ лишь весьма немногія паціентки, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ не въ состояніи рожать сидя. При замедленіи изгнанія послѣда, практикуются слѣдующіе ускоряющіе методы: 1) Повитуха или свекровь выходитъ изъ дома на задворки, стучитъ палкою въ стѣну дома роженицы и спрашиваетъ достаточно громкимъ голосомъ: «вышло ли»? На что помощница отвѣчаетъ изнутри дома: «да, вышло». Процедура повторяется черезъ короткіе промежутки до достиженія потребнаго результата. 2) Паціентку заставляютъ нагибаться черезъ горизонтальное бревно, поддерживая тѣло руками. 3) Бабка удаляетъ дѣтское мѣсто рукою. Мужчинъ врачей никогда не приглашаютъ къ поданію помощи при родахъ. «Дѣвочекъ, родящихся лицомъ книзу или испускающихъ мочу или извергающихъ калъ тотчасъ по выхожденіи на свѣтъ, немедленно же убиваютъ задушеніемъ, такъ какъ подобныя дѣти, въ случаѣ переживанія, всегда приносятъ то или другое несчастіе родителямъ. Беременнымъ женщинамъ запрещаютъ касаться острыхъ инструментовъ, такъ какъ ребенокъ иначе можетъ родиться безъ пальца на рукѣ или ногѣ, или съ расщепленнымъ ухомъ или съ заячьею губою. Двѣ беременныя женщины никогда не садятся на одну лавку. Дѣло въ томъ, что каждая беременная китаянка лелѣетъ надежды на дарованіе жизни младенцу мужского пола; между тѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда зародыши приходятъ въ близкое сосѣдство между собою, можетъ произойти между ними обмѣнъ пола.

Дневникъ Антропологическаго Отдѣла — 5. *В. И. Покровскій.* Историко-статистич. записка о корелахъ Тверской губ. II (оконч.) — *Н. В. Слюнинъ.* Черепа Филиппинскихъ острововъ. — *А. А. Ивановскій.* Черепа изъ оз. Иссыкъ-куля. Приводится между прочимъ киргизская легенда о ханѣ съ ослиными ушами (Вост. Обозр. 1890, № 6), близко напоминающемъ царя Мидаса. Ср. малорусс. преданіе о Бунякѣ у Драгоманова (Малор. пред. и разск., 224—5) и особую статью г. Кузьмичевскаго о Бунякѣ въ „Кіев Стар." 1887; также «Былины» Халанскаго. 34, 35 (отд. оттискъ). См. ниже газ. «Окраина».—*В. Ф. Миллеръ.* Курганы с. Троицкаго - Кайнарджи.—*А. Н. Харузинъ.* О вліяніи тюркской крови на иранскій типъ осетинъ.—**6.** *Н. А. Янчукъ.* Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ литовцевъ.—*А. Н. Харузинъ.* Черепа изъ раскопокъ В. И. Сизова у с. Дьякова и дер. Котлякова Моск. у.—*А. В. Елисѣевъ* Антропологич. замѣтки объ обитателяхъ Малой Азіи.—**7.** *А. Н. Харузинъ.* Татары Гурзуфа (съ 6-ю фототип).—*А. В. Елисѣевъ.* Антроп. замѣтки объ обитателяхъ Малой Азіи (прод.).

Журн. Мин. Народ. Просв.—Іюнь.—*В. Ѳ. Миллеръ.* Рец. на «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», вып.

IX.—*Э. Вольтерь.* Новые матеріалы для изученія литовскаго именослова (*И. Я. Спрогисъ.* «Географич. словарь древней Жомойтской земли XVI стол., составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда», Вильна. 1888; «Инвентари имѣній XVI стол.» въ Актахъ, издаваемыхъ Вилен. Археогр. Ком. т. XIV).—Іюль.—*А. Кирпичниковъ.* Къ вопросу о птицѣ Страфиль.—Іюль - Авг. *Г. Дестунисъ.* Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ.

Иверія—Май. Наши археологи, ст. *А. Хаханова.* «Бослоба», *Давида Горели.* Авторъ указываетъ на жестокость обычая горцевъ удалять родильницу въ особую отдаленную отъ жилыхъ помѣщеній хижину.—Май—іюнь. Царь Ираклій II. *М. Джанашвили.* Историческая монографія, нелишенная этнографическаго интереса.—Іюнь. Легенда о царицѣ Тамарѣ, о томъ, какъ она подчинила своей власти Каспійское море, обязавшееся платить изрядное количества золота и серебра.—Іюль. Надпись на колоколѣ въ Владикавказскомъ уѣздѣ. Царь Георгій XI. Ст. *Гарсеванашвили.* Авторъ имѣетъ въ виду пребываніе этого царя въ Афганистанѣ. Мимоходомъ отмѣчаются нѣкоторыя стороны жизни грузинъ и персовъ, имѣющія отношеніе къ этнографіи.—Августъ. Сообщеніе объ открытіи греческихъ законовъ въ грузинскомъ переводѣ. Г. Гренъ думаетъ перевести ихъ на русскій языкъ.

Русское Богатство.—Іюль. *М. Энгельгардтъ.* Новыя данныя антропологіи. Глинян. издѣлія палеолитич. эпохи; сложность и запутанность первобытной исторіи; «кучи кухоннаго сора» въ Бразиліи и Россіи; свайныя постройки въ Венгріи; національность съ антропологич. точки зрѣнія; человѣкъ третичной эпохи; доказательства его существованія; новыя находки въ Америкѣ; исторія американ. племенъ; превращенія черепа; берцовая кость и ея постепенное измѣненіе отъ обезьяны до человѣка; атавистич. признаки; уродливость; эктродактилія и полидактилія; измѣненія человѣч. организма въ историч. эпоху; воспріятіе цвѣтовъ у древнихъ; общее отличіе культурныхъ племенъ отъ первобытныхъ; общій выводъ антропологич. изслѣдованій: пластичность человѣч. организма.

Русская Мысль.—Іюнь.— Рец. на кн. Н. Харузина: Русскіе Лопари. Оч. прошлаго и современ. быта. (Э. О. IV).—Рец. на книги А. Харузина: Курганы Букеевской степи и Древнія могилы Гурзуфа и Гугуша. М. 1890.—Іюль.—*Н. Астыревъ*: Очерки быта населенія Восточной Сибири. Описаніе поѣздки въ Тунку (близъ Иркутска).—Рец. на кн. акад. А. Н. Веселовскаго: Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. В. V. СПБ. 1888.—Рец. на кн. г. Комарова: Нова сбірка народныхъ малорусскихъ приказокъ. Одесса. 1890.—Августъ.—*Н. Астыревъ:* Очерки быта насе-

ленія Восточной Сибири. II. Духовный міръ и нравы крестьянства. Авторъ указываетъ на матеріалистическое направленіе ума крестьянина въ Сибири и на его религіозный индиферентизмъ (послѣднее, впрочемъ, не подтверждается достаточно вѣскими доказательствами). Интересъ представляютъ данныя о школахъ и о лубочныхъ картинахъ, встрѣчающихся въ крестьянск. избахъ.—Рец. на кн. «Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи». №№ 7—9, подъ ред. правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова. Симф. 1889—90 г.—Рец. на кн.: Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высоч. соизволенія издана при министерствѣ внутрен. дѣлъ П. Н. Батюшковымъ СПБ. 1890. (Э. О. V).—Рец. на кн.: Бѣлорусскія древности А. М. Сементовскаго. В. I. СПБ. 1890. —Рец. на кн.: Расписныя кирпичныя избы. Новая область народнаго художества (съ прилож. 7 таблицъ рисунковъ), Веневитинова. Москва. 1890. (Э. О. IV).

Русское Обозрѣніе.—Май. Рец. на Dr. Hermann Brunhofer: Iran und Turan. Historisch—geographische und ethnologische Untersuchungen über den ältsten Schauplatz der indischen Urgeschichte. Leipzig. 1889.—Іюнь.—*И. И. Дубасовъ.* Изъ окраинно-русской бытовой исторіи. Въ этой статьѣ встрѣчаются не безъинтересныя этнографическія свѣдѣнія. Такъ, авторъ даетъ краткій очеркъ хлыстовщины, особенно распространявшейся въ концѣ XVII в.—Рец. на Ignaz Goldziher Muhammedanische Studien. I Theil. Halle, 1889.—Іюль. *Вл. С. Соловьевъ.* Японія (историч. характеристика). Исходя изъ разграниченія нѣкоторыхъ теологическихъ чертъ китайцевъ и японцевъ, авторъ излагаетъ миѳъ о происхожденіи Японіи и непосредственно переходитъ къ этнографической его провѣркѣ, при чемъ устанавливаетъ различіе между простонародіемъ (обще-монгольскаго характера) и аристократіей (потомками дружины Ямато неизв. происхожденія). Это различіе ясно сказывается въ японской религіи, разлагая ее на два элемента: 1) культъ множества стихійныхъ духовъ съ водянымъ Сузано во главѣ и 2) поклоненіе центральной силѣ.—Рец. на Dr. Max von Proskowetz. Vom Newastrad nach Samarkand. Wien. 1889.—Августъ.—*Вл. С. Соловьевъ.* Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки, Гл. I—IV. По критическомъ изложеніи теорій анимизма и натуризма авторъ приходитъ къ заключенію, что теоріи эти «не оказываются способными объяснить изъ своихъ принциповъ весь подлежащій имъ матеріалъ, все дѣйствительное содержаніе языческихъ религій». Большое значеніе въ примиреніи этихъ теорій г. Соловьевъ приписываетъ А. Ревилю. Статья представляетъ далѣе изложеніе религіи манчжуровъ и лопарей. Источниками являются La religion nationale des Tartares Orientaux Mandchous et Mongols etc. и «Русскіе Лопари» Н. Н. Харузина (Тр. Этнограф. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., кн. X.).—Рец. на кн. Арандаренко: Досуги въ Туркестанѣ (Э. О. III).—Сентябрь.—Рец. на „Мѣсто христіанства въ исторіи“ В. Розанова. М. 1890.

Русскій Филологическій Вѣстникъ.—2. *А. Шахматовъ*: Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній.—*Е. Карскій*: Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи.

Сѣверный Вѣстникъ.—Май.—Областной отдѣлъ. *Н. Бородинъ*: Очеркъ общинн. хозяйства уральскихъ казаковъ. Гл. IV. Въ пользованіи пахотной землей и пастбищами авторъ отмѣчалъ постепенно переходъ отъ общиннаго владѣнія землей съ системой свободнаго захвата къ равномѣрному раздѣлу ея между членами общины, Такъ, съ одной стороны въ нѣкот. станицахъ изъ общинной земли выдѣляется земля подъ бахчи, которая дѣлится на паи между обрабатывающими ее; съ другой стороны каждое селеніе отрѣзываетъ себѣ изъ общинной земли извѣстное пространство подъ выгонъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе пользованія усадебною землей, садами, лѣсомъ и т. д. Въ заключеніе авторъ указываетъ на неутѣшительныя черты въ современномъ общинномъ хозяйствѣ уральскихъ казаковъ, кот. стали проглядывать очень недавно: на переходныя формы земельн. отношеній, а главное на рознь въ интересахъ общинниковъ, вызываемую главнымъ образомъ различіемъ въ степени зажиточности населенія, что вызывается появленіемъ среди общинниковъ крупныхъ капиталистовъ.—*С. Пономаревъ*: Очерки народнаго права. Особенности его. I. Колдовство. Статья, изобилующая фактами. Между прочимъ автору удалось подмѣтить, что народъ не считаетъ за грѣхъ убить колдуна, даже если въ этомъ случаѣ совершается отце- или дѣтоубійство. Въ нѣкот. мѣстностяхъ г. Пономаревъ прослѣдилъ нѣсколько обрядовъ, въ кот. ясно переживаніе древней казни колдуновъ посредствомъ сожженія, что впрочемъ практиковалось еще очень недавно.—Іюнь.—*А. Елисѣевъ*: Въ развалинахъ Петры (города камней и пещеръ). Авторъ даетъ описаніе древнихъ могилъ пещернаго города и приводитъ нѣсколько мѣстныхъ легендъ.—*Л. В. Ходскій*: Земля и земледѣлецъ (очеркъ развитія поземельной собственности).—*Нургали* Въ гостяхъ у «летучки» (Изъ жизни искателя золота въ Сибири). На охотѣ авторъ имѣлъ случай познакомиться съ артелью вольныхъ золотопромышленниковъ.—*С. Пономаревъ*: Очерки народнаго быта. Обрядовые обычаи. Описаніе свадебнаго ритуала въ Оренбург. казачьемъ войскѣ, въ Аткарскомъ у., въ Оренбургск. губ. и въ Стерлитамакскомъ у.—Іюль.—*Л. В. Ходскій*: Земля и земледѣлецъ. Очеркъ развитія поземельн. собственности (прод.). Авторъ, касаясь русской общины, описываетъ общину у кабиловъ. А. Елисѣевъ: Въ развалинахъ Петры (города камней и пещеръ). Прод. Областн. Отд. *Пагъ*: Очерки сибирской жизни. Бродяги. Статьи рисуютъ безотрадное положеніе сосланныхъ на поселеніе въ Сибирь, изъ которыхъ цѣлыя массы рѣшаютъ обречь себя на бродяжническую жизнь.—Августъ.—Област. Отд. *А. Дудкинъ*: Джіинъ у татаръ Казанскаго уѣзда. Джіинъ (иначе дзеинъ, кушкапка, опса, и т. д.) — ежегодныя полевыя гулянья. Они устраиваются группами деревень поочередно, такъ что время джіина простирается отъ на-

чала іюня до конца іюля. Авторъ держится мнѣнія, что джіинъ немусульманскій обычай: современные интеллигентные люди изъ татаръ, говоритъ онъ, называютъ джіинъ древнимъ финскимъ обычаемъ. Возникновеніе его у татаръ авторъ относитъ къ домагометанск. эпохѣ татарской исторіи —Сентябрь *В. В.* Регрессивныя явленія въ общинѣ. Регрессивными явленіями въ общинѣ авторъ называетъ побѣду личнаго начала надъ общиннымъ и приговоры о превращеніи общиннаго владѣнія въ подворное. При составленіи своей интересной статьи авторъ пользовался трудами земскихъ статистиковъ по 17 губ. (около 20000 общинъ) и на основаніи этого солиднаго матеріала онъ приходитъ къ слѣдующему интересному выводу: явленія регрессивн. характера встрѣчаются въ общинѣ, но далеко не такъ часто, какъ обыкновенно принято предполагать. Переходъ къ подворному владѣнію наблюдается сравнительно рѣдко. Мотивомъ такого перехода бываетъ обыкновенно эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ въ общинѣ, которымъ такое дѣленіе выгодно, желаніе нѣкот. общинниковъ продать свои участки (близъ большихъ городовъ, при поднятіи цѣнъ на землю въ данной мѣстности) и т. д. Интересны нѣкот. факты, приводимые авторомъ, которые могутъ служить доказательствомъ, какъ легко впасть въ заблужденіе изслѣдователю народнаго быта. Изъ 20000 общ. только 280 перешли отъ общиннаго владѣнія къ подворному; но эта незначительная цифра (1,4%) должна считаться фиктивной (ее можно считать большею или меньшею). Оказывается, что иногда составленные по всѣмъ правиламъ приговоры о переходѣ къ подворному владѣнію оказываются фантазіей волостныхъ писарей, имѣющей мало общаго съ постановленіемъ міра, такъ что случается, что при разспросѣ крестьяне оказываются вполнѣ незнающими, что ихъ земли подѣлены навѣчно. Это зависитъ отъ того, что крестьяне мало обращаютъ вниманія на то, въ какой формѣ записанъ мірской приговоръ. Иногда приговоръ составленъ на вѣчно, но крестьяне имѣютъ въ виду не закрѣпленіе даннаго участка земли за извѣстными семьями, но уничтоженіе частой жеребьевки, вредно отзывающейся на хозяйствѣ крестьянъ. Свои доводы относительно регрессивныхъ явленій въ общинѣ авторъ подкрѣпляетъ еще слѣдующимъ доказательствомъ; за послѣднее время все чаще стали повторяться перемѣны общинныхъ угодій, при чемъ за передѣлы стоятъ не только лица, заинтересованныя въ передѣлѣ, но и тѣ, которымъ онъ совсѣмъ безразличенъ и кот. такимъ обр. руководятся часто альтруистическими взглядами.—Рец. на кн. А. Пыпина: Исторія русской этнографіи, т. I.

Университетскія Извѣстія. (Кіевъ).—Февраль. *М. Грушевскій.* Южнорусскія господарскія земли въ половинѣ XVI в. (Историко статистическій очеркъ). Свѣдѣнія объ исторіи колонизаціи и бытѣ высшаго сословія южной Руси въ половинѣ XVI в.—Іюнь.—*Т. Флоринскій.* Новости славянскихъ литературъ. Рецензія на появившіеся за послѣднее время труды на славянскихъ языкахъ. Для этнографа интересными являются: „Стари

српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типици, поменици и др.“ (Бѣлградъ. Изд. Сербской Корол. Академіи), собр. *г. Стояновичемъ*, и Юбилейныя изданія въ память пятисотлѣтія Косовской битвы. 1) Косовска Споменица 1389—1889. Бој па Косову године 1389 у народнима песмама». (Бѣлградъ). 2) Petstogodis'njoj uspomeni Kosovskoga boja. I. Fr. Rac'koga. Boj na Kosovu. II. T. Maretic'a. Kosovski junaci i dogadjaji u narodnoj epici (Загребъ).

Ученыя Записки Императ. Казанскаго Университета.—Январь—Февраль. *Н. Тиховъ.* Очеркъ грамматики западно болгарскаго нарѣчія по сборнику болгарскихъ пѣсенъ В. В. Качановскаго. (Продолженіе этой статьи помѣщено въ книгахъ II и III).—Мартъ—Апрѣль. *И. И. Луньякъ.* О происхожденіи именъ Чехъ: Лехъ, Русь и Славяне. Авторъ этой небольшой замѣтки (12 стр.) старается вывести указанныя имена изъ сокращеній именъ личныхъ: Чехъ—отъ Вячеслава, Лехъ—отъ Болеслава, Русь—отъ Ростислава. Частое употребленіе указанныхъ сокращеній у разныхъ группъ славянъ даетъ и названія племенамъ—чехи, ляхи и русскіе. Изъ сокращенія именъ собственныхъ авторъ старается произвести и слово «славяне»; «такъ какъ личныя имена, оканчивающіяся на—*славъ*, пишетъ онъ, у славянскихъ народовъ въ древности были весьма широко распространены, то и сокращенная форма *Славъ* должна была у нихъ встрѣчаться на каждомъ шагу. Оттого-то и весь народъ получилъ имя «*Славы*» которое мы дѣйствительно встрѣчаемъ, но только съ эпентетическимъ (вставнымъ) *к*, у греческихъ и латинскихъ писателей. Это-то народное имя слѣдуетъ считать первоначальнымъ, отъ котораго уже впослѣдствіи, при соединеніяхъ суффикса—*янинъ*, образовано народное имя, вошедшее въ общее употребленіе».—Май—Іюнь *И. Соколовскій*: Къ вопросу о состояніи промышленности въ Россіи въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія. Кромѣ интереса для историка, указанная статья имѣетъ значеніе и для этнографа, такъ какъ освѣщаетъ темную исторію возникновенія и существованія у насъ въ древности кустарныхъ промысловъ.—*А. Александровъ.* Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка., М. П. Веске (рецензія) - Іюль—Августъ. *Н. Щепотьевъ*: Врачебная этика древнихъ индійскихъ и греческихъ врачей.—*С. Шестаковъ*: О происхожденіи Иліады Гомера.—*П. Никольскій:* О кустарномъ производствѣ въ Россіи.

Филологическія Записки.—Вып. II. *Вл. Плотниковъ*: Главныя черты Арійской доисторической культуры по даннымъ языкознанія. Статья компилятивная. Авторъ стоитъ на почвѣ происхожденія арійцевъ изъ Азіи и держится генеалогической теоріи развитія арійскихъ языковъ.—Вып. III. *М. Попруженко.* Изученіе народной поэзіи далматинцами (рефератъ, чит. въ засѣд. Истор.-Фил. Общ. въ Одессѣ).

Экономическій Журналъ.—*Іюнь—Іюль. А. Под—ровъ.* Башкиры-землевладѣльцы (въ Николаев. у. Самар. губ.). - *Л—нъ.* Бытъ донскихъ калмыковъ. Исторія появленія этого кочующаго племени въ задонскихъ степяхъ; распредѣленіе кочевьевъ; устройство кибитки и внутренняя обстановка ея; пища калмыковъ и способы ея приготовленія; одежда; занятія.

III. Газеты.

Архангельскія Еп. Вѣд.—**11.** Свящ. **П. И—ій**: Изъ дневника миссіонера. Наблюденія и замѣтки во время поѣздки на Мурманскій берегъ лѣтомъ 1889 г.

Астраханскія Г. В.—**51.** Великанъ первобытныхъ временъ (пер. изъ Кол. В.).—**67.** Народныя повѣрья. Нѣкоторыя изъ описанныхъ повѣрій представляютъ интересъ, какъ напр. слѣдующія: если въ домѣ слышится стукъ, собирается вся семья, съ домохозяиномъ, т. е. старшимъ во главѣ, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ стучалъ домовой, и тутъ домохозяинъ спрашиваетъ домового: „къ добру, иль къ худу?“ Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ извѣстно, право вступать въ разговоръ съ домовымъ предоставлено каждому, такъ что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень интереснымъ архаизмомъ: старшій, т. е. родоначальникъ одинъ имѣетъ власть говорить съ духомъ предка, обитающаго въ домѣ; онъ какъ будто является жрецомъ культа предковъ, который выразился въ почитаніи домовыхъ. Изъ помощниковъ сатаны крестьянамъ извѣстны Любостой (огненный змій) и Фармазонъ (который награждаетъ богатствомъ продавшаго ему свою душу). Мать, заспавшая своего ребенка, должна на ночь идти въ церковь; тутъ ей является Б. Матерь и показываетъ ей ребенка совершенно окровавленнымъ. Баба должна ходить въ церковь до тѣхъ поръ, пока Б. М. не покажетъ ей ребенка чистаго и здороваго. Повѣрья записаны въ Кирсановск. у. (изъ Тамб. Г. В.).

Виленскій Вѣстникъ.—**82.** Культъ собакъ въ Японіи въ XVII в. (смѣсь).—**93** *Теобальдъ*, ст. о мнимомъ свящ. огнѣ *Зничъ* у др. литовцевъ.—**105.** Библ. зам. о брюш. А. П. Сапунова: «Двинскіе или Борисовы камни» (Витебскъ, 1890).—**113.** Этнографическое изученіе сѣверо-зап. края за истекшій годъ (извлеч. изъ отчета И. Р. Геогр. Общ. за 1889; см. «Этн. Об. V, 260- 1).

Витебскія Г. В.—1889 (дополненія).—**63.** Легенда о вычерпываніи моря.—**71.** Библ. зам. о соч. С. И. Уманца: «Очеркъ развитія религіозно философск. мысли въ исламѣ» (печаталось по частямъ въ Христ. Чтеніи»).—**74.** *А. М. Сементовскій*—о Смоленск. ист.-археол. музеѣ.—**86.** О «Гомельскихъ пѣсняхъ» г-жи Радченко, отзывъ *г. Романова* (перепеч. изъ IV кн. „Этн. Об.)“.—**87.** Лѣченіе водобоязни народными средствами по ст. Вейнберга въ «Мед. Бес.» —**89.** О засѣда-

нія Кіевск. историч. Общества (раскопки Завитневича въ Полѣсьѣ.).—**90**. *Е. Романовъ*. Лоповщина, обычай изводить стариковъ у бѣлоруссовъ въ прежнее время. **91**. *Его же* рец. на Сборн. лѣтописей, относящ. къ исторіи ю.-зап. Руси (Кіевъ 1888) и на Календарь Сѣв.-Зап. края.—

—**1890** (продолж.). — **33**. Замѣтка о смѣшномъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ одной изъ бѣлорусскихъ волостей при записываніи народныхъ пѣсенъ для собранія П. В. Шейна, старается бросить тѣнь на указанное собраніе.—**35**. Перепеч. изъ IV кн. „Этногр. Обозр.“ некрологъ Г. І. Минейка съ замѣткой *Е. Романова*.—**37**. Замѣтка о лѣченіи лихорадки порошкомъ изъ сушеныхъ раковъ въ Старобѣльск. у. Харьк. г.—**40**. Въ Уманск. уѣз. въ случаѣ обвара вымазываютъ пострадавшаго чернилами. — **44** и **47**. Библ. зам. о „Двинскихъ или Борисовыхъ камняхъ“, А. П. Сапунова, изд. Вит. губ. стат. комит. (изъ Нов. Вр. и Прав. Вѣст.).—**41**, **48**. Отчетъ о дѣятельности Витеб. губ. стат. комитета за 1889 г. Особенно интересны IV и V гл., трактующія о занятіяхъ комитета не только за истекшій, но отчасти и за прежніе годы съ жалобами на бывшіе въ прежнее время безпорядки, которые теперь дѣятельно исправляются.—**50**. Раскопки Комаровой горы въ г. Люцинѣ, произведенныя Е. Романовымъ.—**62**. Выдержки изъ статьи: «Метеорологическіе предразсудки и примѣты» (Недѣля), въ которой нѣкоторымъ примѣтамъ дается научное объясненіе.—Народное средство противъ коклюша—настой большого попутника, иначе припутника, трипутника (plantago arenaria W. K.).—**63**. *Ю. Т.* Эстонское преданіе о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ. «Въ старину,—говоритъ это преданіе,—жилъ одинъ крестьянинъ съ своими 3 сыновьями въ отдѣльной усадьбѣ. Въ лѣсу онъ нашелъ змѣю цвѣта синики и принесъ ее домой дѣтямъ для игрушки. Домашняя (прирученная?) змѣя дружелюбно играла съ дѣтьми и ѣла вмѣстѣ съ ними изъ одной чаши. Когда дѣти выросли, домашняя змѣя сказала имъ: «я вернусь въ свое мѣсто, а вамъ на память дамъ имена: ты, старшій, причинилъ много безпокойствъ, имя твое будетъ Rahurikkuja—нарушитель мира; ты, средній, болѣе другихъ мнѣ понравился, имя твое будетъ Siniuss—синяя змѣя; имя третьяго будетъ Truuwaar, ибо онъ былъ вѣрный». Послѣ этого домашняя змѣя вернулась обратно въ лѣсъ. Впослѣдствіи эти три брата отправились вмѣстѣ съ другими на войну и остались побѣдителями. За ихъ храбрость они были избраны старшинами. Наконецъ, они ушли въ далекую страну царями». Авторъ сопровождаетъ легенду большимъ критическимъ комментаріемъ, въ которомъ опровергаетъ мнѣніе, будто первые русскіе князья были изъ эстовъ.

Владивостокъ.—**10**—**25**. Поѣздка въ Корею. Этнографич. свѣдѣнія кратки и отрывочны.

Волжскій Вѣстникъ.—**119**. Аткарскъ, Сарат. губ. Сообщеніе о новой сектѣ среди нѣмцевъ-колонистовъ и краткая характеристика ея. — **127**, **129**. *Обыватель*. Гармонный промыселъ въ Вятской губ. Рецензія и

выдержки изъ статьи Е. И. Филимонова, помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Матеріаловъ по описанію промысловъ Вятской губерніи» (см. еще № 130).—**134**. Сообщеніе о новой сектѣ «Самаритянъ» въ штатѣ Миссури, ученіе которой предписываетъ отдавать больнымъ свою кровь.—**136**. „Проводы березки"—корреспонденція изъ Маріинскаго посада объ обычномъ празднествѣ, совершаемомъ въ заговѣнье на Петровъ постъ. Вырубивъ березку, убираютъ ее лентами, цвѣтами, лоскутками и пр. и водятъ вокругъ нея хороводы; въ 8 ч. вечера съ пѣніемъ пѣсни: „Пойду я въ поле загуляю—Бѣлую березу заломаю» и пр. и съ хороводами провожаютъ ее на Волгу, куда и бросаютъ, причемъ дѣвушки «ворожатъ», но какъ—корреспондентъ узнать не могъ. Затѣмъ возвращаются на прежнее мѣсто, и до глубокой ночи водятъ хороводы.—**138**. Кустарная промышленность въ Пермской губ. Перечисленіе кустарныхъ промысловъ.—**151**. С. Паново, Арзамасскаго у. Нижегордской губ.' Языческіе обряды. Описанія обычая праздновать день Ярилы, 28 мая, обливаніемъ всѣхъ прохожихъ водой, «чтобы Богъ здоровья послалъ».—**152**. *Богдановичъ*. Изъ Тибетской экспедиціи. Описаніе „чилима"—приборъ для куренія; распространеніе между мусульманами въ Кашгарѣ и Яркандѣ привычки пить вино—мусалесъ (въ Хотанѣ) и водку, „дзянь-дзюнь"; описаніе „томаши"—вечера съ музыкой, пѣснями и танцами.—**163**. Поѣздка на Кудронъ. Описаніе Жигулевскихъ „тружениковъ".—**164 и 202**. „Изъ Тибетской экспедиціи", *Богдановича*. Свобода мусульманскихъ женщинъ; деликатность и ловкость мусульманъ; описаніе базара въ Нів; описаніе куренія наши (наркотическое вещество).—**166**. Поѣздка на Кудронъ, *А. Камскаго* (окончаніе). Описаніе кудрона и «кудронщиковъ»—рабочихъ на гудронныхъ заводахъ.—**167**. Легенда о кончинѣ міра. (см. ниже, «Смол. Вѣстн.»).—**169**. Новая секта «стригуновъ»—корреспонденція изъ Уфы. (см. ниже «Екат. Нед.»).—**171**. *Н. М.* Производство спичекъ въ Вятскомъ краѣ.—Находка древняго могильника на берегу рѣки Усы, въ 30 верстахъ отъ Сызрани. (Нов. Вр.).—Легенда о трехъ братьяхъ—Рахурикуя, Синіусъ и Трувааръ. (см. выше Витеб. Г. В. 63.).—**173**, **175—177**. *Н. М.* Производство спичекъ въ Вятскомъ краѣ.—**187**. Среди Арнаутовъ—наблюденіе надъ жизнью дикихъ горцевъ; насиліе Арнаутовъ надъ христіанскимъ населеніемъ Македоніи. («Новости», изъ «Daily News»).—**208**. Сообщ. о средневѣковомъ обычаѣ, сохранившемся въ Днумовѣ (гр. Эссексъ),—дарить окорокъ отъ лица всего мѣстнаго населенія супругамъ, которые не поссорятся и не выразятъ сожалѣнія о своемъ бракѣ втеченіе года и одного дня современи заключенія брака.—**210**. Обычай опахиванія села во время падежа скота (см. Этн. Об. V, 124—5).

Волынскія Еп. Вѣд.—**13**—**24**. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи (прод.).—**16**. Некр. А. Ил. Лилова.—**24**. Некрол. Ив. П. Новицкаго.

Воронежскія Г. В.—40—49. *Вейнбергъ.* «Очерки стародавняго мѣстнаго быта». Рядъ историческихъ разсказовъ, характеризующихъ древній мѣстный бытъ и нравы.

Восточное Обозрѣніе. — 22. *А. Ивановскій.* О шаманахъ. Авт., говоря о пристрастіи населенія Сяо-Доньчифа къ шаманамъ, находитъ объясненіе этому факту въ той поразительной для дикарей театральности, которой отличается камланье шамановъ Сяо-Доньчифа. Автору, напр., пришлось видѣть, какъ одинъ шаманъ голыми ногами разъ 7 медленно, съ остановками взбирался на верхъ фанзы по лѣстницѣ, состоявшей изъ большихъ отточенныхъ ножей (для разрѣзанія соломы), привязанныхъ къ 2 жердямъ. — **32.** *А. Ивановскій.* Шаманство у маньчжуръ и дауръ.

Врачъ.—24. Сдѣлано нѣсколько интересныхъ выдержекъ изъ дневника д-ра Emin'a Pash'и («The British Medical Journal», 14 іюня) относительно племенъ, населяющихъ центральную Африку. Въ особенности интересно сообщеніе о племени Wanyoro. Оно питается преимущественно кашами изъ различныхъ овощей и плодовъ (включая и бананы). И старики, и молодые пьютъ слегка опьяняющій напитокъ изъ плода muenge и курятъ табакъ изъ трубки, въ которую кладутъ не только табачные листья, но и раскаленные угли (для усиленія наркотическаго дѣйствія). Весьма распространено и землеяденіе, при чемъ наибольшею любовью пользуется земля изъ муравейниковъ, устраиваемыхъ термитами. Такой землѣ, между прочимъ, приписываютъ свойства исцѣлять различныя болѣзни, но также и обезцвѣчивать цвѣтъ волосъ и кожи и вызывать изнуреніе, кончающееся смертью. При родахъ женщина сидитъ на корточкахъ съ широко разставленными колѣнами; двѣ женщины поддерживаютъ ей спину и верхнія конечности; бабка сидитъ впереди и помогаетъ потугамъ растираніями живота. При выпаденіи ручки дѣлается вправленіе и поворотъ—операція, поручаемая мужчинамъ. Если женщина умираетъ во время родовъ, то непремѣнно и безъ промедленія дѣлаютъ кесарское сѣченіе для извлеченія младенца. Пупочный канатикъ не перевязываютъ, а только перерѣзываютъ близъ дѣтскаго мѣста острымъ осколкомъ тростника и прикрѣпляютъ къ тѣлу ребенка. Кормленіе грудью продолжается $1\frac{1}{2}$ года; въ теченіе всего этого времени женщина живетъ отдѣльно отъ мужа. Изъ заболѣваній часто встрѣчаются падучая (считающаяся неизлѣчимою), душевныя болѣзни (пользуемыя потогонными и снотворными травами), оспа (обыкновенно кончающаяся смертью: оспопрививаніе неизвѣстно), и сифилисъ (обнаруживающій склонность къ самородному излѣченію). Племя Monbuttu, питающееся преимущественно бананами, имѣетъ обыкновеніе съѣдать умирающихъ родственниковъ. Всѣмъ мальчикамъ по достиженіи 5—6 лѣтъ дѣлается обрѣзаніе, при чемъ кровотеченіе останавливается золою растеній, а рана перевязывается какими-то листьями и заживленіе наступаетъ черезъ 5 — 6 дней. Среди правящихъ классовъ въ ходу уплощеніе головы новорожденнаго

въ горизонтальномъ направленіи помощью особой повязки. Племя Nyam-Nyam—карлики, ростомъ около 42 д., покрытые сплошь густыми, жесткими волосами, похожими на войлокъ.—**26**. Д-ръ *Carl Lumholtz* («The British Medical Journal»), прожившій 4 года среди людоѣдовъ Сѣверной Австраліи, въ отчетѣ о своихъ наблюденіяхъ описываетъ, между прочимъ, мѣстный обычай производить искусственную гипоспадію у мужчинъ съ цѣлью помѣшать умноженію населенія. У иныхъ племенъ такой операціи (именуемой milka) подвергаются дѣти, при чемъ оставляются необезображенными лишь 5%; у другихъ же—всякій мужчина, имѣющій уже 1—2 дѣтей. Операція дѣлается помощью кремневаго ножа. Рану прижигаютъ горячими камнями и поддерживаютъ въ зіяющемъ состояніи посредствомъ тонкихъ палочекъ. Боязнь имѣть многихъ дѣтей объясняется, по автору, лѣностью туземцевъ и желаніемъ избѣжать лишнихъ хлопотъ, связанныхъ съ добываніемъ пищи. Интересно, между прочимъ, что австралійскіе чернокожіе не употребляютъ въ пищу мяса бѣлаго человѣка, такъ какъ оно имъ кажется невкуснымъ и сверхъ того вызываетъ будто бы болѣзнь «komerbory kawan», т. е. «ужасную тошноту»; именно благодаря этому обстоятельству, отважному автору и удалось благополучно вернуться въ Европу.

Вятскія Г. В.—**38**. Памятники древности Вятскаго края (изъ Прав. Вѣстн.)—**44**. Корр. изъ Вятки. Дѣтскій праздникъ. Объ ярмаркѣ игрушекъ, называемой «свистунья», которая издавна устраивается тутъ въ 4-ю субботу послѣ Пасхи (извѣстно изъ Снегирева).—**47**—**50**. Выставка Волжско-Камскаго края (изъ Нов. Вр.)—**51**. Отчетъ о рефератѣ *И. Н. Смирнова*: „О бесермянахъ Вятской губ."—**58**. *Свящ. А. Шерстенниковъ*: Краткія свѣд. о приходѣ с. Уканскаго, Глазовск. у.—**61**. Изъ Эст. Губ. Вѣд. перепечатана легенда о трехъ братьяхъ, воспитанныхъ змѣемъ (см. выше Волжск. Вѣстн. 171).

Донскія Еп. В.—**9**. Секта деснаго братства, или „Сіонская вѣсть".—**10**. *Свящ. Θ. Сланскій*: Сельскія весеннія молебствія на поляхъ. Во время крестнаго хода на поляхъ служатъ молебенъ св. Власію, Онисиму, Флору и Лавру надъ крестьянскими стадами, при чемъ остатокъ св. воды выливается на главнаго чабана, а ведро надѣвается ему на голову для того, чтобы весенніе дожди были обильны.

Донская Пчела—**49** *Дерингъ*. Путешествіе по верхней „Бирманіи". Кромѣ историко-географич. данныхъ мы находимъ не лишенныя интереса этнографич. свѣдѣнія (напр., экзаменъ на жреца и праздники, его сопровождающіе и т. п.)-**53** «Новости армянской прессы» Нѣкоторыя географическія, этнографич. и статистич. данныя о Турецкой Имперіи-**54** тоже: Турки, Арабы—**55**—Армяне.—**56** Греки.—**58** Черкессы, Молдо-Валахи, Болгары и Сербы. Персіяне, Мароны, Дурзы, Туркмены, Халдейцы и Насранскіе Ассирійцы, Евреи, Лазы, Цыгане, Езиды.

Донская Рѣчь.—**63, 64**. *Михаилъ Поповъ*: О лѣсахъ Раздорской

на Медвѣдицѣ станицы. Говорится о различныхъ способахъ владѣнія лѣсомъ въ названной станицѣ.—**67**. Замѣтка о IV кн. «Этногр. Обозр.» **75**. Новое изданіе (о предполагаемомъ изданіи «Живой Старины»)—**71**. Корр. изъ стан. Казанской о нахожденіи кости мамонта и 2 стрѣлъ—стальной и бронзовой.—Замѣтка о V кн. «Этногр. Обозр.».—**94**. Изъ области народной медицины. О цѣлебныхъ свойствахъ растенія Ephedra vulgaris var. submonostachya, которымъ пользовался при лѣченіи извѣстный знахарь Өеодоръ Кузьмичъ Муховиковъ.

Düna—Z.—**106**. *U. Müller*: Der Ring und seine symbolische Bedeutung. — **110**. *Паст. Mickwitz*: Abergläubisches aus Nord-Westl. Estland. По народн. повѣрью при нѣкоторыхъ лицахъ живетъ rääг. Rääг—лягушка или жаба, кот. является духомъ-покровителемъ своего хозяина. Интересно, что боль, причиненная rääг'у, отражается на его хозяинѣ. Такъ напр., одного rääг'а, который выдаивалъ коровъ, избили рябиновыми прутьями (они имѣютъ волшебную силу въ борьбѣ съ rääг'омъ) и хозяинъ этого rääг'а оказался тоже избитымъ. — **113**. Памяти М. Веске (рѣчь пр. И. Смирнова).—**119**. Die letzten Schicksale der Krimgothen. Зам. о книгѣ г. Ф. Броуна того же названія.—**133**. О тибетск. экспед. полковн. Пѣвцова. — **134**. Eine türkische Hochzeit.— **140**. О Казанской научно-промышлен. выставкѣ. — **141**, **171**. О раскопкахъ, произвед. близъ г. Люцина Е. Романовымъ.—**150**. Объ эксп. ген. Громбчевскаго —**164**. «Der Mann im Monde». Приведены легенды и повѣрья, связанныя съ свѣтилами и нѣкоторыми метеорологическ. явленіями.—**188**. Die Ehe in China.—Die indischen Scheiterhofen.—объ обычаѣ азіатскихъ индѣйцевъ сожигать умершихъ и останки ихъ бросать въ священную рѣку.—**194**. Negerfabeln. Изъ сказокъ, запис. у негритянск. племенъ Dr. Эминомъ: 1) о гіенѣ и леопардѣ (объ ихъ внѣшнемъ видѣ), 2) объ исправленіи злой жены.

Екатеринбургская Недѣля.—**29**. Появленіе новой секты «стригуновъ» въ Уфимской губ. Происхожденіе этой секты неизвѣстно. Появившись въ какой-нибудь деревнѣ, сектанты тайкомъ ночью остригаютъ куръ, овецъ или попавшагося имъ подъ руку пьянаго человѣка, затѣмъ торжественно сжигаютъ остриженные волосы, перья и шерсть и съ крикомъ развѣваютъ пепелъ по воздуху. Пойманные отказались объяснить смыслъ своихъ дѣйствій и сдѣлать какія-нибудь сообщенія о самой сектѣ и ея послѣдователяхъ. („Волж. В.“) [1]).

Екатеринославскія Г. В.—**32** О найденныхъ запорожскихъ лодкахъ», *Д. И. Эварницкаго*.—**43** «Изъ записной книжки малорусскаго Этногра-

---

[1]) Въ обзорѣ «Екат. Нед.» за прошлый годъ («Этн. Об.» IV, 348, № 45) былъ упомянутъ рефератъ о вогулахъ, чит. 4 мар. 1889 г. въ засѣд. Уральскаго Общ. Любит. Естествозн., при чемъ было замѣчено, что онъ составленъ по печатнымъ источникамъ. Согласно письменному заявленію автора,

фа». *Его-же*. Заговоръ отъ «прыстрита» (глаза). Бабуся, придя во дворъ больного, предварительно вынимаетъ изъ стрѣхи «повитки», т. е. сарая, или просто изъ плетня заостренный колышекъ, затѣмъ входитъ въ хату, молится на иконы, низко кланяется хозяевамъ и, наконецъ, приступаетъ къ больному. Осѣнивъ себя и «недужнаго» крестнымъ знаменіемъ и слегка прикалывая его то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ колышкомъ, бабуся шопотомъ приговариваетъ: «Прыстритъ, прыстрище! Я жъ тебе вызываю, я жъ тебе выклыкаю, я жъ тебе выговарюваю, изъ твоихъ очей, изъ твоихъ плечей, изъ твого носа, изъ твого рота, изъ твого билого тила! Тутъ тоби не стояты, тутъ тоби не лежаты, жовтои кости не ломаты, билого тила не сушыты! Иды соби на очерета та на болота, де пивни не спивають, де собакы не лають, де дивкы косы не мають! Тамъ тоби стояты, тамъ тоби лежаты, жовту кисть ломаты, билое тило сушиты! Я жъ тебе вызываю, я жъ тебе выклыкаю, я жъ тебе выговарюваю. (Ср. Н. Маркевича «Обыч., повѣрья» и пр., Кіевъ 1860, 89).

— «Родительская молитва отъ пропасныци». По мѣстному повѣрью лихорадки насылаются на людей дочерьми Ирода. Михаилъ всегда выступаетъ врагомъ дочерей Ирода: онъ старается хватать ихъ и уносить куда-то далеко за горы, чтобы сдѣлать безвредными для людей; потому въ молитвѣ отъ «пропасныци» всегда нужно обращаться къ архистратигу Михаилу. «Святый Михаиле архистратиже, безплотныхъ силъ воине, ангеловъ начальниче и чоловиковъ наставниче, стань мени рабу Божію (имя рекъ) на помичь! Ты еси знавъ Иродскихъ дочекъ, за камьяны горы ставъ ихъ засылаты и ставъ ихъ въ зализо куваты. Хто буде сіи слова именоваты, до вику не буде одъ ныхъ напасты маты». Заговоръ «на загодування своихъ пчилъ», т. е. для удержанія роя въ своей пасѣкѣ. Когда пчелы вывозятся въ степь впервые послѣ зимы, пасѣчникъ укладываетъ ульи на гарбу, т. е. большую безъ лубковъ по бокамъ повозку, беретъ съ собою икону преп. Зосимы и Савватія и отправляется въ заранѣе облюбованное мѣсто гдѣ нибудь среди поля, въ густомъ кустарникѣ, или среди лѣса, въ глубокой балкѣ. Тамъ онъ прежде всего ставитъ среди пасѣки въ особомъ набитомъ на высокую палку кіотѣ икону преподобныхъ, затѣмъ вынимаетъ изъ гарбы деревянный шворень, кладетъ его на землю подъ кіотомъ и приговариваетъ: «Уже якъ сему древу своринню на пни не стояты, гиллемъ (вѣтвями) не шумиты, листомъ не зелениты, такъ зъ моеи пасикы моимъ роямъ до трехъ сутокъ изъ вихи (вѣжки) никуды не летиты, чужихъ пасикъ, бортей и вулливъ не шукаты, а мене господаря дожидаты; я васъ рой мой, буду у пчельный

г. Ив. Остроумова, очеркъ составленъ былъ кромѣ печатныхъ источниковъ, также на основанія данныхъ, почерпнутыхъ изъ архива Пермскаго комитета Правосл. Миссіон. Общ. и изъ статей, представленныхъ въ комитетъ бывшей Сибирско-Уральской научно-промышлен. выставки (1887 г.). *Ред.*

горнъ собираты; принесите, пчелы, воскъ Господеви на свичу, медъ на пищу». Только послѣ этого пасѣчникъ ставитъ привезенные ульи по мѣстамъ и устраиваетъ для себя курень. Пчеламъ могутъ вредить чужія; послѣднихъ напускаетъ какой нибудь завистливый дидъ, и тогда первымъ можетъ помочь только «знаючій дидъ», который долженъ прочесть заговоръ «для отвращенія отъ своихъ пчилъ чужихъ». «Знаючій» дидъ идетъ въ лѣсъ съ топоромъ и ищетъ въ немъ такого дерева, которое имѣло бы отъ самаго корня три ствола, вырубаетъ съ корнемъ приноситъ въ пасѣку, кладетъ на землю у иконы и причитываетъ: «Усытитеся, насланіи чужіи пчелы, на сихъ трехъ древахъ и не сходите зъ нихъ, бо сіе древо со святого Зосима и Савватія! Я васъ, чужи пчелы, Божіею помощью и дійствомъ святого Зосима и Савватія замовляю и заклинаю одъ своихъ пчилъ одвертаю». По этимъ словамъ дида чужія пчелы будто-бы садятся на трехетвольное дерево и перестаютъ безпокоить «своихъ» пчелъ.

Земскій Врачъ.—17. *В. Арнольдовъ* въ статьѣ: «Случай сибирской язвы (изъ практики среди башкиръ)» приводитъ краткую замѣтку о домашней обстановкѣ обитателей Башкиріи.—32. *М. Г.* въ «Замѣткѣ о народномъ акушерствѣ въ Череповскомъ уѣз. Новг. губ.» слѣдующимъ образомъ описываетъ процессъ родовъ въ поименованномъ уѣздѣ: мѣстомъ, гдѣ рожаетъ женщина, служитъ изба, баня, хлѣвъ. Актъ родовъ тщательно скрываютъ отъ окружающихъ и сосѣдей, избѣгаютъ разспросовъ и боятся „дурного глазу", въ особенности таятся отъ „дѣвичьяго глазу", ибо если дѣвушка узнаетъ, то за каждый ея волосокъ на головѣ, роженица должна мучиться. Акушерка приглашается непремѣнно ночью и цѣль объясняетъ обинякамн, не упоминая даже слово роды. Если необходимость заставляетъ пріѣхать за акушеркой днемъ, то по дорогѣ при встрѣчахъ съ проѣзжающими слѣдуетъ закрываться рогожей или чѣмъ инымъ, и на вопросъ «куда ѣздилъ?» возница долженъ кратко отвѣчать: «на мельницу». Описаны разныя положенія роженицы при родахъ. Для облегченія и ускоренія родовъ употребляютъ слѣдующія механическія средства и пріемы: дуютъ въ бутылку, роженица скачетъ съ сундука или лавки на полъ, разминаютъ ей животъ, вызываютъ рвоту глотаніемъ волосъ или какого-нибудь масла, даютъ пить дрожжей, встряхиваютъ роженицу, приподнимая подъ мышки, и съ силою опускаютъ на полъ, держатъ за ноги внизъ головою. Изъ симпатическихъ средствъ употребляются слѣдующія: зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, обмываютъ водою, благословляютъ вѣнчальною иконою, обмываютъ яйцо, которое курица-молодка снесла первымъ, и эту воду даютъ пить, обмываютъ всѣ замки въ домѣ и въ другихъ хозяйственныхъ постройкахъ и даютъ пить эту воду, обливаютъ изъ ковшика неожиданно водой.

Иркутскія Г. В.—20. „Н. М. Ядринцевъ о миссіи нашихъ забайкальскихъ инородцевъ" (по поводу ст. г. Ядринцева „Настоящее и прошлое монголовъ" въ март. кн. «Русс. Мысли».—32. Распространеніе хри-

стіанства среди инородцевъ (о бурятахъ Иркутскаго и Верхоленскаго окр.).

Казанскій Биржевой Листокъ.—97. *Ишимовъ.* «На Оби». Описаніе самоѣдскаго стана, краткое описаніе кушанья самоѣдовъ — «урака», приготовленіе хлѣба и упоминаніе объ употребленіи самоѣдами въ пищу крысъ —**98.** *Н-н-с-въ*, «Пуреховская ложка». Характеристика Балахнинскаго уѣзда, главн. образомъ въ экономическомъ и промысловомъ отношеніяхъ.—Странный обычай—замѣтка. Въ М. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, обрядъ поминовенія усопшихъ заканчивается игрой, извѣстной подъ названіемъ «довгой лозы».—Захарчеи и живые мертвецы — газетная замѣтка. Описывается обычай калмыковъ—въ важныхъ дѣлахъ обращаться за совѣтомъ къ своему духовенству, именно къ захарчеямъ (духовная степень—предсказатели). Между прочимъ, опредѣлять мѣсто переселенія души умершаго лежитъ на обязанности захарчеевъ. Въ случаяхъ низкаго перерожденія души захарчеи, по просьбѣ родственниковъ умершаго, принимаютъ на себя ходатайство передъ бурханомъ о переселеніи въ лучшую степень перерожденія, за что взимаютъ значительную плату. Затѣмъ послѣ моленія объявляютъ, что молитва услышана и опять требуютъ приношенія. [1])—**132.** *Ишимовъ.* „На Оби". Описаніе обстановки самоѣдскаго шалаша и украшеній женщины-самоѣдки. Отсутствіе зимней одежды у самоѣдовъ-работниковъ, которая дается имъ нанимателями-лѣсопромышленниками „подъ разсчетъ". Зависимость самоѣдовъ-работниковъ отъ нанимателей-лѣсопромышленниковъ. Бытъ самоѣдовъ звѣроловов, ихъ одежда и оружіе для охоты; ихъ зависимость отъ кулаковъ-торгашей. Жизнь самоѣдовъ и обстановка юрты зимой. Религія самоѣдовъ: внѣшнее православіе и поклоненіе идоламъ и священнымъ камнямъ въ кумирняхъ, устроенныхъ въ глухихъ урліанахъ (лѣсныхъ чащахъ); дѣленіе идоловъ; трудность отысканія кумиренъ и ихъ обстановка; обираніе ихъ русскими торговцами; шаманы и ихъ значеніе.—**155.** „Сказанія путешественниковъ о Нижегородскомъ краѣ"—нѣсколько выдержекъ изъ статьи, помѣщенной въ приложеніи къ IX тому Нижегородскаго Сборника подъ тѣмъ же заглавіемъ и заключающей въ себѣ выдержки объ этомъ краѣ изъ описаній иностранныхъ путешественниковъ, начиная съ XVI вѣка.—**155,156.** *Ур-ецъ.* Рыболовство уральскихъ казаковъ. Время и причины возникновенія этого промысла на Уралѣ; условія его дальнѣйшаго развитія и его вліяніе на юридическія воззрѣнія уральскихъ казаковъ, выразившіяся въ способѣ пользованія рыбными богатствами р. Урала; время рыбной ловли; описаніе ору-

---

[1]) Ср. подобныя злоупотребленія ламъ, у бурятъ (Труды Этн. Отд., кн. 3 в. 1, стр. 20—21, статья Н. Г. Керцелли).

дій и способовъ ловли; измѣненія въ артельныхъ началахъ, появившіяся въ послѣднее время, и причины ихъ.

Казанскія Г. В. — 46. «Африканская раса карликовъ». Сообщеніе объ открытіи Стэнли въ лѣсахъ Арувими племени карликовъ. (Прав. В. 1890 г., № 79, изъ Indép Belge). — **55, 56.** «Очерки народнаго юридическаго быта»: недвижимая собственность.—**60.** Бирки и инородческіе знаки собственности сравнительно съ русскими. — **64.** Кустарная промышленность въ Пермской губ.

Каспій.—181, 180. Какъ женятся мусульмане. Передавъ довольно подробно обряды, которыми сопровождается мусульманская свадьба, авторъ останавливается на положеніи жены въ семьѣ. Имѣются въ виду Кавказскіе мусульмане.

Киргизская Газета. (Прибавленіе къ Акмолинскимъ Обл. В.).—**20.** О тюркскихъ нарѣчіяхъ: киргизскомъ, джагатайскомъ, казанскомъ, адербайджанскомъ, османскомъ и др.—**28.** *А. Алекторовъ.* Ранніе браки между киргизами.—**32.** Браки въ Китаѣ («Прав. Вѣст.»). Восточныя рукописи въ Ташкентѣ. Большинство мусульманскихъ рукописей ташкентской библіотеки — персидскія: ихъ находится въ библіотекѣ 69; арабскихъ— 6, тюркскихъ—11. На араб. яз. есть сочиненія по логикѣ, одно юридич. сочиненіе и 2 сборника; тюркскія рукописи—исключительно религіознаго и историч. содержанія. Изъ нихъ интересна извѣстная исторія хивинскихъ туркменъ Абулъ-Газе-хана, — рукопись, писанная въ 1071 г. Въ числѣ тюркскихъ рукописей есть, между прочимъ, нѣсколько сборниковъ стихотвореній. Интересна также «Исторія Бухары и Кокандскаго ханства», составленная Магометъ Хакимъ-ханъ-тюря. Начинается она разсказомъ о древне-иранскихъ царяхъ, до Афросіаба, и кончается походомъ Ширъ-Али-хана на Ташкентъ и смертью Аталыкъ-хана. Всемогущество Божіе (азіатская легенда). Браки въ Китаѣ (изъ «Правит. Вѣст.»). Восточныя рукописи въ Ташкентѣ. Дохлая собака (сказка). Изъ Эстляндіи. —**34.** Всемогущество Божіе.

Костромскія Г. В. — 21. О предполагаемой экспедиціи въ дальнюю Сибирь отъ И. Р. Г. Общ.—**22.** О Тобольскомъ музеѣ, состоящ. изъ слѣд. отдѣловъ: естественно-историч., археологич., этнографич., промышленнаго и общеобразовательнаго.—**34.** Сообщеніе о найденныхъ при раскопкахъ проф. Веселовскаго въ Симферополѣ вещахъ (золотой левъ, золотые ножны и рукоятка меча и т. п.).

Костромскія Еп. В.— 10, 12, 14, 16. Протоіер. М. Я. Діевъ и его историко-археологическіе и этнографическіе труды.

Крымъ.—64. «Конопляный богъ». Сообщеніе о томъ, что въ дер. Болванахъ, Рославскаго у., среди крестьянскихъ коноплянниковъ, стоитъ каменный идолъ, котораго крестьяне украшаютъ цвѣтами на Духовъ день.—**70.** «Африка. Въ плѣну у Дагомейцевъ». Описаніе казней, совершаемыхъ Дагомейскимъ королемъ, видѣнныхъ губернаторомъ Котону, Байо-

лемъ.—**71**. Объ играхъ, сопровождавшихъ поминки въ Абхазіи (изъ «Саратовскаго Дневника».). — **73**. Приведено нѣсколько заговоровъ Черниговской губ.: отъ лихорадки, отъ укушенія змѣи, отъ вывиха и отъ дурного глаза. (см. ниже Южанинъ).

Крымскій Вѣстникъ.—93. Выраженіе привѣтствія у дикихъ народовъ (центр. Африки).—**121**. Докладъ Н. М. Ядринцева въ Парижѣ, въ Географич. Обществѣ —**156**. Сообщеніе объ открытіи двумя швейцарскими путешественниками Паулемъ и Сарасэномъ въ центрѣ Цейлона темнокоричневаго племени Веддаховъ, лишеннаго всякой культуры; сообщаются нѣкоторыя черты его внѣшняго быта.

Курскія Г. В.—47. Археологическія раскопки, о поѣздкѣ ген. Бранденбурга и проф. Антоновича въ Каневскій у. Кіевской губ. съ цѣлью отысканія древне-русскаго оружія.

Минскія Г. В. — 1889 (дополн.).—**64**. Замѣтка о Смол. губ. оттѣняетъ особенную музыкальность смольнянъ; описыв. Кучумово городище. („Нов. Вр.").—**68**. Смертная казнь въ Китаѣ („Рус. Вѣд."). —*II*. Городъ Новогрудокъ (Мин. губ.). По поводу этой статьи см. *А. Слупскаго* въ „Мин. Лист.". № 89.—**76**. „Суевѣріе". На Подоліи, вообще, какъ и во всей Малороссіи, существуетъ множество разныхъ бабъ, которыя пользуютъ крестьянъ отъ разныхъ болѣзней, вывиховъ, ушибовъ, «пристритовъ» и т. п., но между этими бабками находятся еще и такія, которыя спасаютъ крестьянскихъ парней отъ рекрутчины. Для этой цѣли прибѣгаютъ къ слѣдующему оригинальному способу «лѣченія». Ночью бабка, нагая, должна бѣжать на кладбище и достать земли изъ свѣжей могилы. Принесши эту землю, бабка кладетъ ее въ макитру (миску) и начинаетъ тереть макогономъ; потерши немного, она, какъ сумашедшая, съ распущенными волосами, выбѣгаетъ изъ хаты съ макитрой, въ которой находится земля, и обѣгаетъ три раза вокругъ дома, гдѣ живетъ ея паціентъ, и при каждомъ такомъ обходѣ спрашиваетъ: „А що баба Палажка въ макитри тре?" и сама-же отвѣчаетъ: „ничого!" — „ну то и парубкови (имя рекъ) въ прыёми не буде ничого". Послѣ троекратнаго повторенія этой процедуры баба дѣлаетъ изъ тертой земли вареники, которыми кормитъ своего паціента. Затѣмъ, послѣ всѣхъ нашептываній, какъ во время тренія земли и дѣланія изъ нея вареникөвъ, такъ и во время ѣды ихъ ея паціентомъ, бабка учитъ его, какъ слѣдуетъ садиться на повозку, когда онъ ѣдетъ въ присутствіе для отбытія воинской повинности. На повозку или на сани слѣдуетъ, по ея совѣту, садиться не такъ, какъ обыкновенно садятся, а вспрыгивать сзади и не оглядываться. Затѣмъ бабка рекомендуетъ еще одно шептаніе, которое парубокъ долженъ проговорить, когда входитъ въ пріемное присутствіе. Онъ долженъ говорить: «Нехай тогди мене пріймутъ въ москали, колы встане той, що я зъ его могилы землю йівъ». И крестьяне вполнѣ увѣрены, что послѣ этого «курования парубка въ москали

николы не пріймутъ», такъ какъ онъ по виду дѣлается совершенно похожъ на мертвеца на то время, когда находится въ пріемѣ, когда же изъ него выйдетъ, то принимаетъ свѣжій и бодрый видъ, какимъ онъ пользовался до того времени. Нѣтъ сомнѣнія, что не мало находится охотниковъ-парубковъ, прибѣгающихъ къ помощи бабъ, которымъ, пока судъ да дѣло, щедро платятъ за ихъ «курования».—**81**. Палатскіе писаря (изъ Тамб. Г. В.); ср. выше ст. г. Бондаренко, стр. 64—5.—**87**. Отчетъ о засѣд. Кіевск. Общ. лѣтоп. Нестора (раскопки г. Завитневича въ Полѣсьѣ)—**1890** (продолж.).—**24**. Дикари Австраліи по недавнимъ наблюденіямъ норвежца Карла Лумгольца въ сѣв.-вост. части Квинсланда. Важнѣйшія особенности отмѣчены: вымираніе и людоѣдство (Weser Zeit.; см. выше «Врачъ»).—**26**. Библ. зам. о книгѣ д-ра П. Ѳ. Ѳедорова: „Соловки". („Э. О". IV, 226).—**27**. Замѣтка о шарлатанѣ-лѣкарѣ по сообщ. «Гражд.». Библіогр.: «Слово о полку Игоревѣ», Барсова.—**28**. «Ошибочныя побужденія къ переселенію» трактуется объ обычаѣ посылать ходоковъ и о легковѣрномъ отношеніи крестьянъ къ обманнымъ письмамъ изъ новыхъ мѣстъ.—**33**. *П—скій*. „О населеніи Западнаго края". Статья полемическая, имѣющая цѣлью при помощи старыхъ статистическихъ данныхъ (50-хъ и 60-хъ гг.) доказать несправедливость притязаній «польской эмиграціи» (т. е. поляковъ, эмигрировавшихъ заграницу) на русско-литовскія области.—**34**. „О прошломъ и настоящемъ Монголіи". Изложеніе лекцій Н. М. Ядринцева („Новости").—**35**. Празднов. Вербн. воскресенія у христіанъ разн. странъ.—Пасха у евреевъ.

Mitausche Zeit—**40**. Случай самосожженія вслѣдствіе религіозн. фанатизма въ Радомск. губ.,—**44**. Von estnischer Kunst und Sage. Приведена эстонск. легенда о Коитѣ и Аэмаринѣ, т. е. утренней и вечерней зарѣ.

Московскія Вѣдомости.—**118, 119**. Огненный праздникъ въ Мушир-бадѣ. Описывается праздникъ „Бера", совершаемый, по словамъ мѣстной легенды, въ память чудеснаго спасенія прекрасными дѣвами одного принца, имя котораго неизвѣстно. —**125**. *И. Мауринъ*. Іонъ Конгъ. Сообщаются свѣдѣнія о жизни Китайцевъ. —**126—128, 130**. *В. Ж*. На ловлѣ сельди бѣшенки. Свѣдѣнія объ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ.—**134**. Каменецъ Подольскъ. Археологическія изслѣдованія. —**142**. *И. Мауринъ*. Фузанго. Сообщаются свѣдѣнія о китайскихъ бурлакахъ, кумирняхъ и о выдѣлкѣ кирпичнаго чая.—**146**. Корреспонденція изъ Корсуни сообщаетъ объ остаткахъ въ окрестностяхъ названной мѣстности казачьей старины.—**147**. *Хр. Корчинскій*. Поѣздка къ штундистамъ. Корреспонденція изъ Астраханской губерніи говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ крещеныхъ и некрещеныхъ калмыковъ, объясняя низкій уровень религіознаго состоянія первыхъ кочеваніемъ и совмѣстною жизнью крещеныхъ съ некрещеными.—**148**. Изъ путешествій по Индіи.—**153**. Казанская выставка (антропологo-археологическій отдѣлъ).—**157**. Библіографическая замѣтка о книгѣ Гопчевича: Makedonien und Alt Serbien (Этн.

Об. V, 192). — **159**. *И. Мауринъ*. Шанхай.— **161**, **173** *А. Жакмонъ*. „Областные Киргизы“. Киргизы Тургайской Области; ихъ образъ жизни; зимовки и лѣтовки; пища и одежда; религія; народное образованіе; усвоеніе нѣкоторыхъ привычекъ цивилизованнаго міра; Высочайше утвержденное положеніе о киргизахъ Оренбургскаго вѣдомства; выборное начало; суды киргизовъ; судъ по народному обычаю; конокрадство. Культурное вліяніе Оренбурга на киргизовъ; торговля киргизовъ съ русскими купцами; переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому; нѣсколько словъ о киргизской женщинѣ; ранніе браки и ихъ вліяніе на вырожденіе киргизовъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, довольно поверхностны и отрывочны. —**163**. Казанская выставка (этнографич. отдѣлъ).—**166**. *Му—евъ*. Письма изъ Персіи.—**184**. Памятники старины въ Подольской губ.—**242**. *Гульбатъ* (псевдон.). „Дань розъ“—грузинская (?) легенда. „Грузинская“ легенда оказывается прекрѣпленной къ Чечнѣ и не содержитъ никакого намека на грузинъ. Содержаніе ея—преступная любовь брата (Тимича) къ сестрѣ (Тушоли). Тимичъ поражаетъ кинжаломъ старика, воспитателя своей сестры, Самсона, защитившаго Тушоли отъ его покушенія. Умирая, старикъ проклялъ Тимича, а Тушоли бросилась въ пропасть. Вслѣдствіе проклятія Тимичъ превратился въ вѣтеръ, а Самсонъ—въ розовый кустъ, среди котораго красовалась необычайной величины роза. Въ ея сердцевину перенесли ангелы тѣло Тушоли. Но братъ не успокоился: обращенный въ вихрь, онъ разнесъ лепестки розы. Тогда тѣло сестры испарилось въ благоуханіи. Жители аула Мохде, около котораго появился чудесный розовый кустъ, обнесли его каменной оградой, назвали это мѣсто Тушоли и ежегодно справляютъ праздникъ, называемый „дань розъ“. Церемонія описывается слѣдующимъ образомъ: „Каждая молодая дѣвушка набираетъ полный подолъ розовыхъ лепестковъ и, ставъ одна за другою, ожидаютъ выхода самаго древняго старика селенія. Онъ выходитъ одѣтый въ бѣлую одежду, неся въ рукѣ бѣлое знамя, древко котораго увито розами и увѣшано колокольчиками, а наверху горитъ восковая свѣча. Ставъ во главѣ дѣвушекъ, старикъ подаетъ знакъ, и процессія чинно направляется къ Тушоли, за нею на большомъ разстояніи слѣдуютъ молодые люди, ведя барановъ и неся обыкновенныя приношенія, то-есть рога, пули, копья, шелкъ и пр. Процессія обходитъ Тушоли три раза съ пѣніемъ, въ которомъ повѣствуется все вышеразсказанное; тогда дѣвушки по очереди входятъ въ ограду и высыпаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ свое благоухающее приношеніе, приговаривая: „Святая Тушоли, помогай мнѣ; Святой Самсонъ, защищай меня отъ проклятаго Тимича и ему подобныхъ!“. На образовавшуюся груду розовыхъ лепестковъ старикъ ставитъ свое знамя, говоря: „Святая Тушоли, умудри меня; святой Самсонъ, помоги мнѣ защитить всѣхъ этихъ дѣвъ отъ проклятаго Тимича и ему подобныхъ!“ Послѣ чего старикъ садится у подножія знамени, а у ногъ его располагаются молодыя дѣвицы. Тогда входятъ молодые люди и, ставъ на одно колѣно, говорятъ почтительное

привѣтствіе старцу и дѣвамъ, и потомъ обращаются въ противоположный уголъ, гдѣ проклинаютъ Тимича, осрамившаго аулъ ихъ, за симъ рѣжутъ барана и пируютъ со всѣми присутствующими". Авторъ, повидимому кавказецъ, „своими глазами" видѣлъ съ дѣтства еще розы внутри ограды, но, къ сожалѣнью, придалъ легендѣ беллетристичекій колоритъ. Желательно было бы провѣрить его разсказъ особенно въ томъ, дѣйствительно ли названіе Тушоли, прикрѣпленное въ Чечнѣ и къ другимъ древнимъ христіанскимъ святилищамъ *), находится въ связи съ именемъ сестры, преслѣдуемой преступной любовью брата.

Нижегородскія Г. В.—17. Очерки Поветлужья. — **17**. С. Азрапино (Лукоян. у.) Сообщ. обычай стрѣлять холостыми зарядами во время свадебныхъ пирушекъ.—**22**. Шесть пѣсенъ, записанныхъ въ Сергачскомъ у.—**30, 31**. *Альбицкій*. Этнографическіе наброски. У мишарей. Сообщ. кой-какія свѣдѣнія по внѣшнему быту. — **28** — **32**. „Сказанія путешественниковъ о нижегородскомъ краѣ". (См. выше „Каз. Бирж. Л." 155).

Новое Время.—5089, 5122, 6172, 5179. *В. Машковъ*. «Изъ Абиссиніи»; нѣкоторыя этнографическія данныя. — **5180**. «Дикари-карлики внутренней Африки»; статья компилятивная.—**5142—5147, 5168, 5172**. *А. Чеховъ*. Изъ Сибири. Путевыя замѣтки. — **5145**. *А. Молчановъ*. Пьянство въ деревнѣ.—**5160, 5161**. *Его же*. По селамъ и деревнямъ.

Новое Обозрѣніе.—2228. Горійская башня. Грузинская народная легенда. *Вас. Величко*.—**2232, 2235, 2237**. «Пѣшая прогулка въ Сванетію». *П. I. Дмитріева*.—**2250**. Двѣ ингилойскія легенды «Вардовани» (мѣсто розъ). *И. Хонели*. Рядъ писемъ, имѣющихъ этнографическій интересъ подъ названіемъ «Горныя письма». Черная рѣчка. Легенда. *Ал. Амфи*.—**2256, 2263** Очерки Эривани. Аланъ.—**2265 и 2276**. Изъ грузинскихъ народныхъ сказокъ. Дочь лѣсника. Испытаніе сына— *Ил. Хонели*.—**2272**. «Князь отщепенецъ», изъ абхазской жизни. *Ил. Хонели*.—**2267, 2271, 2274**. «Восточные анекдоты. Мулла Насръ-Эддинъ», *А. Д. Ерицова*. Авторъ собралъ до 800 анекдотовъ о муллѣ Насръ-Эддинѣ. Этому муллѣ, лицу полумифическому, приписываются похожденія и анекдоты различныхъ временъ и различнаго происхожденія. — **2288**. Изъ міра фантазіи. Чинки (нечистые духи), *Ил. Хонели*.

Новороссійскій Телеграфъ.—4775. *Одесситъ*: Русскія владѣнія въ средней Азіи; нѣкоторыя черты туземнаго населенія.—**4781**. Въ «смѣси» «Народные обычаи и повѣрья на нашемъ югѣ». — Описанія обычая — «женитьба рака» и заговоръ отъ сглаза.—Способы привѣтствій у различныхъ народовъ. Секта пьющихъ кровь.—**4853**. Сообщеніе о находкѣ въ Крыму, при раскопкахъ древнихъ могилъ, скелетовъ окрашенныхъ

*) См. Матеріалы по археологіи Кавказа, издаваемые И. Моск. Арх. Общ. Вып. I стр. 3.

краскою (см. Э. О. V, 256). — **4859**. Сообщенія о раскопкахъ различныхъ кургановъ Таврич. г. и о находкахъ.

Новости. — **135**. По Россіи. У синеморцевъ; нѣсколько этнографическихъ данныхъ.—**144**. Изъ записной книжки малорусскаго этнографа. Д. И. Эварницкаго (см. Екатериносл. Г. В.). — **145**. Сообщеніе объ открытіи въ Городкѣ, Вит. губ., кустарной выставки, устроенной мѣстнымъ комитетомъ «Общ. улучш. нар. труда».—**181**. Рец. на книгу О. Вильчинскаго „Древнѣйшія каменныя орудія въ Европѣ" (см. выше).—**145**. По Россіи. На югѣ Волги. Путевыя записки.—**210**. Рец. на кн. «Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края», собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I. ч. II. (см. выше).—**211**, **212**, **214**, **215**. *А. А. Исаевъ*. По Россіи. Нижній Новгородъ. Казань.

Одесскій Листокъ.—**116**. *Р. И.* «Дагомейское государство». Статистико-географическій очеркъ, въ которомъ есть также нѣсколько свѣдѣній о характерѣ и воинственности королевской гвардіи амазонокъ и о религіи дагомейцевъ.

Окраина.—**177**. Сказаніе объ Иссыкъ-кулѣ. Приведенноое здѣсь авторомъ одно изъ многочисленныхъ преданій, передаваемыхъ киргизами объ образованіи оз. Иссыкъ-куля, уже сообщено въ печати г. Корольковымъ («Восточ. Обозр.», 1890 г., № 6) и А. А. Ивановскимъ («Дневн. Антропол. Отд.», вып. V); отмѣтимъ только, что авторъ, приводя это сказаніе, указываетъ еще на другое преданіе совершенно аналогичнаго содержанія, вошедшее въ составъ брегонскаго цикла и сохранившееся въ монастырской хроникѣ IX в. по Р. Хр.,—преданіе о гибели города Is (изъ «Laroele Chonort».). См. ниже «Семипал. Обл. В.».

Олонецкія Г. В.—**37**—**52**. *С. Бѣляевъ:* Ялгубскій приходъ (прод.) Географ., этнографич. и экономическ положеніе. Интересны описанія посидѣлокъ, бесѣдъ, танцевъ и игръ молодежи, построекъ и одеждъ мѣстнаго населенія, такъ же какъ и свѣдѣнія объ экономическ. положеніи крестьянъ и описаніе орудій, употребляемыхъ при земледѣльческихъ работахъ и рыбной ловлѣ.—**38**. О катакомбахъ, открытыхъ въ Керчи.—**59**—**65**. *К.Ф.Ф.* Коштугскій приходъ. Интересъ представляютъ нѣкот. обычаи, записанные авторомъ, которые однако ошибочно считаются имъ принадлежащими спеціально коштугскимъ жителямъ. Между прочимъ, авторъ сообщаетъ слѣд. повѣрье: весеннюю запашку начинаютъ непремѣнно 25-го апр , въ день св. Марка, ожидая отъ этого хорошаго урожая.— **65**. Археологич. находка въ Вятской губ.

Оренбургскія Г. В.—**27**. Описаніе 3-го стана Оренбургскаго у., составленное станов. приставомъ *Грѣховымъ*. Краткія замѣтки о бытѣ и занятіяхъ мѣстныхъ жителей: башкиръ и русск. крестьянъ.— **31**—**33**. *П. Юдинъ*: Городокъ Сакмарскъ (историко-этнографическ. оч.). Вслѣдъ за историч. очеркомъ Сакмарской станицы слѣдуетъ описаніе посидѣлокъ,

свадьбы, похоронъ, занятій, одежды, построекъ сакмарскихъ жителей. Отмѣтимъ роль, которую играетъ въ свадебномъ церемоніалѣ вѣникъ. Его съ пѣснями несутъ въ домъ жениха подруги невѣсты, изукрасивъ его лентами и насадивъ на высокій шестъ. Послѣ вѣнчанія молодые идутъ въ баню и парятся имъ. Въ Сакмарской станицѣ и покойнику въ гробъ подъ голову кладутъ вѣникъ.—**34**. *П. Л. Юдинъ*: Башкиры (бытовой очеркъ) I. Башкирія и башкиры (прод. слѣд.).

Оренбургскій Листокъ—**16, 17**. *А. Алектровъ* Образъ жизни киргизовъ—**18**. *А. Алектровъ* Киргизская пѣснь—**19, 20** *А. Алектровъ*. Чѣмъ питаются киргизы.—**22, 23** *Его-же* Баранта (грабежи)—**25** (и **69** Листка объявленій). *Его-же*: эконом. положеніе осѣдлаго и кочеваго населенія степныхъ областей.—**30** *Его же*. Кочевали-ли киргизы между Ураломъ и Волгой до перехода сюда съ Букеемъ съ 1801 г.?—**32** *В. Симагинъ*. Вырожденіе калмыковъ въ оренбург. казачьемъ войскѣ.—**35** Новолинейскіе калмыки. О ихъ фиктивной христіанской вѣрѣ и нѣк. сторонахъ внѣшняго быта.

Орловскія Г. В.—**58**. Великаны первобытныхъ временъ. (См. Хар. Г. В. 151).

Пензенскія Г. В.—**92**. О появленіи въ Глазовск. у. Вятск. губ. новой секты «дыромоляевъ» или «вертидырниковъ», послѣдователи которой молятся въ дыру, сдѣланную въ одномъ углу избы.—**98**. Объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ И. Р. Г. Общ.—**101**.—О катакомбѣ, открытой въ Керчи.—**106**. Пчеловодство у башкиръ.—**117**. *А. Пелетьминскій*: Изъ путевыхъ замѣтокъ (по нѣкотор. уѣз. Пенз. губ.). Авторъ сообщаетъ нѣкот. средства, которыя употреблялись крестьянами для прекращенія засухи: при совершеніи молебствій о ниспосланіи дождя священнослужителей окачивали водой или сталкивали въ воду; обливали прохожихъ; такъ какъ было замѣчено, что хвосты у пѣтуховъ стали короче, что приписывалось чорту, то пѣтуховъ купали впродолженіе 12-ти дней на зарѣ; поднимали «истиннаго Христа», т. е. рѣзныя статуи Спасителя, кот. прежде стояли въ церкви, но потомъ по распоряженію епархіальнаго начальства были убраны въ церковныя кладовыя.—**127**. О тибетской экспедиціи полк. Пѣвцова.—**133**. О поѣздкѣ ген. Бранденбурга и проф. Антоновича въ Каневскій у. Кіевск. губ. съ археол. цѣлью.—**158**. Въ отд. «Мѣстн. изв.» приводится слѣд. случай: крестьяне Чамбарск. у. выкопали трупъ псаломщика и перенесли его въ другое мѣсто для прекращенія засухи.—**168, 170, 172, 174, 176, 178**. *Н. Прозинъ*: Травяная растительность въ окрестностяхъ Пензы. При перечисленіи растеній авторъ иногда указываетъ на способы ихъ употребленія въ народн. медицинѣ.

Пермскія Губ. Вѣд.—**35**. Народный обычай—выборъ пахаря (переп. изъ Рязанск. Г. Вѣд.). Въ Зарайск. у. Ряз. губ. замѣчается слѣдующ. обычай. На Пасхѣ послѣ общаго молебствія на деревнѣ, каждый домохозяинъ подноситъ священнику пирогъ. Чей пирогъ покажется священнику

лучшимъ, тотъ и выбирается въ пахари. Онъ долженъ начать весеннюю запашку съ благословенія міра. Тамъ же существуетъ обычай передъ весенней запашкой крошить въ сѣмена заздравную благовѣщенскую просфору и ѣсть заупокойную, вынутую въ тотъ же праздникъ. — **38**. Памяти В. Н. Шишонко.—**43**. Сооб. о поѣздкѣ И. Н. Смирнова въ пермяцкія деревни.—**45, 48, 58, 66, 67, 68**. *И. И. Архангельскій*: Этнографическіе очерки Горнозаводскаго населенія Урала.

Пермскія Еп. В.—**9**. О происхожденіи и значеніи нѣкот. пасхальныхъ обычаевъ (перепеч. изъ Полт. Еп. В.), — **15, 16**. *Д. Смышляева*: Воспоминаніе о Востокѣ (прод.) (см. кн. V «Этногр. Обозр.»).

Рязанскія Г. В.—**37**. «Кустарное крашеніе»—историческія данныя о возникновеніи и дальнѣйшемъ ходѣ этого кустарнаго промысла («Пр. Вѣстн.»). —**54**. О народныхъ примѣтахъ.

Самарскія Г. В.—**36**. «Самара на географической картѣ XV в.» Выдержка изъ реферата г. Чекалина: «Нижнее Поволжье по картѣ космографа XV в. Фра-Мауро».—**43**. Сообщеніе о находкѣ въ песчаномъ бутѣ, въ 50—100 саж. отъ р. Мерло, въ 2-хъ верстахъ отъ с. Колонтава Богодуховскаго у. Харьков. губ. мѣдныхъ сѣкиръ.

Саратовскія Г. В.—**34**. Кое-что о пчеловодствѣ у крестьянъ на Полѣсьѣ (Виленск. Вѣстн.).—**35, 40, 41**. *А. Можаровскій*. Народное знахарство. Суевѣрное врачеваніе, наузы., примѣты и проч. — Ложкарство въ Семеновскомъ у. Нижегородской губ. —**44**. «Крестьянское суевѣріе». Сообщеніе объ отрытіи крестьянами с. Усовки Саратовскаго у. могилы опойцы, трупъ котораго былъ выброшенъ ими въ рѣку.—**59**. Примѣты о погодѣ.—**61**. С. Бузовлево Петровскаго у., *И. Архангельскаго* (очеркъ); сообщеніе объ обычаѣ сватать молодыхъ людей за нѣсколько лѣтъ до брака и объ обычаѣ собираться на «посѣденки».

Семипалатинскія Обл. Вѣд.—**31, 33**. *В. I*. Поѣздка въ долину озера Иссыкъ-куль. Приведены нѣкоторыя мѣстныя преданія объ образованіи этого озера. См. выше «Окраина» и «Дневн. Антр. отд.».

Сибирскій Вѣстникъ. 55, 56, 61. *Графъ Вержбовскій*. Новое изслѣдованіе Г. Н. Потанина по вопросу о происхожденіи русскаго народнаго эпоса (см. «Этнограф. Обозр.», кн. V, стр. 219—220). **85, 88, 90**. *С. Чугуновъ*. Антропологическій очеркъ остяковъ Сургутскаго края. Очеркъ содержитъ въ себѣ краткія географич. и историч. свѣдѣнія о Сургутскомъ краѣ, среднія цифры главныхъ антропометрическихъ измѣреній 122-хъ особей (94 взрослыхъ мужчинъ, 21—моложе 20 лѣтъ, 6 женщ. и 1 дѣвочки) и описаніе одного кладбища у Нѣмчиновскихъ юртъ, по Юганской Оби. Кладбище, по словамъ автора, представляетъ крайне своеобразный видъ. Всѣ могильныя насыпи расположены съ сѣв. на югъ; только одна имѣетъ направленіе съ зап. на вост. и на восточ. концѣ ея стоитъ крестъ, а на западномъ—палочка, на верхушкѣ которой надѣта грубо-сдѣланная фигура птицы, носикъ которой обращенъ на

западъ. На могилахъ находятся надгробные деревян. памятники, въ родѣ длинныхъ ящиковъ, съ крышеобразнымъ верхомъ. Внутри этихъ ящиковъ г. Чугуновъ нашелъ: три раза лыжи, разъ лукъ, топоръ, волосы, лапки и кости бѣлокъ; часто находилъ желѣз. котелки и всегда берестяные куженьки (пестери, коробки). Въ пяти случаяхъ на западн. сторонѣ могилъ лежали опрокинутыми узкія, выдолбленныя изъ цѣльнаго дерева, небольшія остяцкія лодочки (облазки) съ веслами. Въ одной могилѣ, въ головахъ (съ сѣверн. стороны), вблизи гробницы найденъ силокъ для ловли птицъ, рядомъ съ гробницей: справа (съ запад. стороны)—опрокинутая лодка, весло и истлѣвшія нарты, а слѣва—деревян. крестъ. При раскопкѣ могилъ взрослыхъ часто вынимались обыкновенные желѣз. топоры; если ихъ не было надъ гробомъ, то всегда находили въ самомъ гробу. Глубина могилъ до гроба различна: отъ 55 до 130 сант. Гробъ представлялъ деревян. ящикъ, сходный съ надгробн. памятникомъ (верхнія доски его также расположены крышеобразно и всегда былъ плотно обвернутъ и зашитъ въ бересту. Трупъ—въ мѣховой одеждѣ. Въ гробахъ найдены: мѣдный и желѣз. котелокъ, ножъ, деревян. ложки (обыкновенныя крестьянскія и большихъ размѣровъ, въ родѣ уполовника), берестян. куженьки и бураки, корневатики, начевки, въ которыхъ остяки чистятъ и ѣдятъ рыбу; при мужчинахъ находились табакерки, разъ деревян. трубка, роговыя, коническаго вида, орудія для наведенія рисунка на табакеркахъ, мѣрка для пороха, пороховница, мѣдный крестъ на груди и мѣдный перстень на среднемъ пальцѣ правой руки. Очеркъ свой авторъ заканчиваетъ нѣсколькими словами о степени культурнаго развитія остяковъ.

Смоленскій Вѣстникъ. — **50**. *И. В. Нелидовъ*. Петровская ель и другіе памятники старины въ Оршанскомъ у.—**53**. *В. Грачевъ*. Празднованіе Вознесенія Госп. въ Смоленскѣ и поклоненіе явл. иконѣ Б. Матери Одичитріи; ср. № 86 и Пам. кн. Смол. губ. 1856 г.—**55**. *Его-же*. Обычаи и повѣрья Смол. губ. (семикъ).—**57**. Сообщ. изъ Порѣчскаго у. о наплывѣ туда поселенцевъ—латышей.—**58**. *С. Писаревъ*. „Любопытный документъ, касающійся Смоленска" (и его ближайш. окрестностей): раздѣльно-межевой актъ времени Ѳеодора Алексѣевича.—**59**. *А. Щ-нъ*. Этнографическіе очерки Смол. губ. I. Хоровыя игры въ г. Рославлѣ (отъ Святой—до Вознесенія). Особенность мѣстныхъ хороводовъ та, что съ пѣніемъ и пляской они соединяютъ сценическую игру: «играющіе стараются жестикуляціей обратно представить всѣ характеристичныя положенія, которыя обрисованы въ извѣстной пѣснѣ. Приводятся пѣсни. Вѣрно ли объяснены слова: *усновъ*—кросна (*основа?*) и *утдкъ*—лотокъ для тканья (?).—**61**. *Его-же*. Продолженіе, II: народный календарь, обычаи, повѣрья,—**71**, **79**, **80**, **94**. Пожертвованія въ Смол. ист.-арх. музей.—**71**, **75**. Этногр. очерки Смол. г. III. Свадебные обычаи въ Дорогобужск. у., *П. В. Людоговскаго*. Есть нѣкоторыя новыя данныя. Интересна пѣсня съ упоминаніемъ необычныхъ покровителей свадьбы:

Около Иванова двора пролегали три дороженьки:
По одной дороженькѣ шла Мать Пречистая;
Ена породила, давно благословила (разум. жениха);
По другой (дороженькѣ шла) *Лука* съ *Лучицею*:
Случи намъ свадебку Нефедову съ Степанидою;
По третьей дороженькѣ шелъ Кузьма съ Демьянушкой:
Кузьма—Демьянъ, скуй намъ свадебку!

И другая:
Не стой, Боже, подъ окномъ,
Ходи, Боже, въ хату,
Сядь, Боже, на кутѣ (въ красномъ углу),
Дай долю сиротѣ. (№ 71).

— **22.** *К. Ровинскій*. „Необходимость учрежденія въ Смоленскѣ этнографическаго музея" (доводы главн. образомъ изъ статьи Пыпина о задачахъ рус. этнографіи). — **74.** Въ „мѣстной хроникѣ" замѣтка: „Конецъ міра" — по поводу ходячихъ легендъ, изъ которыхъ одна приводится въ такомъ видѣ (изъ Кощинск. вол. подъ Смоленскомъ): Крестьянинъ пахалъ; изъ лѣсу вышла женщина, поманила его къ себѣ и сказала: „много нынѣшній годъ уродилось плодовъ, и хлѣба, и ягодъ, только кто-то будетъ убирать ихъ послѣ Петрова дня? Замѣть это хорошенько, да гляди, не сказывай" — и скрылась. Мужикъ проговорился передъ бабами и онѣмѣлъ. Легенда, очевидно, вызвана вѣстями о холерѣ. Въ связи съ этимъ въ № 83 приводятся легенды о холерѣ изъ другихъ газетъ: 1) Екатериносл. г., изъ „Новостей": Сѣетъ мужикъ пшеницу и видитъ, на степи стоитъ нагой человѣкъ, только ноги чѣмъ-то прикрыты. Мужикъ подошелъ на его зовъ и хотѣлъ прикрыть его своей свитой, но онъ отказался: „Нѣтъ, мнѣ твоей свитки не надо, а ты поѣзжай домой, захвати тамъ сорочку да штаны—то мнѣ надо". Мужикъ исполнилъ его просьбу, онъ одѣлся и говоритъ мужику: „Подойди ко мнѣ да посмотри въ правый рукавъ". Мужикъ посмотрѣлъ и видитъ, что тамъ такая пшеница, „ажъ вылягла". Посмотрѣлъ въ лѣвый рукавъ, а тамъ все „узлики". „Вотъ то-жъ знай, будетъ большой урожай, а на людей будетъ великій моръ: уродится много хлѣба, да некому будетъ жать, а черезъ три года настанетъ страшный судъ. А будете каяться и молиться Богу, можетъ быть Богъ и прибавитъ еще вамъ вѣку". Сказавъ это онъ исчезъ, а платье осталось. 2) изъ „Петерб. Листка": За недѣлю до Петрова дня ѣхалъ мужикъ изъ Кіева въ Голосѣевъ, остановился покормить лошадей. видитъ—навстрѣчу идетъ сѣдой старикъ; подошелъ и проситъ напиться. Мужикъ отказалъ, говоря, что негдѣ взять воды. Старикъ тряхнулъ правымъ рукавомъ своей свитки — посыпалось жито, тряхнулъ лѣвымъ — посыпался песокъ. Это значило, что будетъ урожай, но люди будутъ засыпаны землею, перемрутъ. Старикъ, очевидно, уже не есть

образъ самой холеры, которая обыкновенно представляется въ видѣ женщины, какъ и въ смоленской легендѣ. (см. «Этн. Об.» IV. 95).—**76.** Корресп. изъ Ельни сообщаетъ мѣстную легенду о Петрѣ В. и о построеніи имъ церкви въ с. Песошнѣ. — **77.** *Щ.* Замѣтка объ археол. памятн. (курган., городищ. кладб.) въ Рославльск. у.—**78.** *В. Гр...в.* Обычаи при зажинаніи въ Духовщинск. у.—*Л. Г.* Рец. на кн. Виноградова: „Историч. очеркъ г. Вязьмы — до XVII в. включит." (Моск. 1890).—**79.** *А. Щ.* Этногр. очерки Смол. губ. IV. Свадебные обычаи въ г. Рославлѣ. — **85.** Изъ Духовщинск. у. краткое извѣстіе объ арх. поѣздкѣ В. И. Сизова, ученаго секретаря Имп. Историч. музея (въ Москвѣ). — **83.** См. выше., № 74. — **97.** Отзывъ о 2-й ч. I-го т. «Матеріаловъ» П. В. Шейна (перепеч. изъ Рус. Вѣд.).—**98.** Замѣтка о Рославльскихъ курганахъ и ихъ разореніи.

Смоленскія Еп. В.— **12.** «Изъ Японіи», нѣсколько выдержекъ изъ замѣтокъ путешественника д-ра Елисѣева (по Востоку) о распространеніи православной религіи въ Японіи и отношенія къ ней Японцевъ и ихъ печати. («Москов. Церк. Вѣд.»—**15.** «Замѣтка». Нѣсколько выдержекъ и рецензія *И. Сперанскаго* на статью свящ. I. М—ча, помѣщенную въ № 20 Подольскихъ Епарх. Вѣд. и указывающую на нѣкот. народныя суевѣрія и предосудительные съ религіозной точки зрѣнія обычаи.

Ставропольскія Еп. В.—**9.** Обычай гадать на книгахъ священнаго Писанія. *М. С.*—**12.** Расколъ на Терекѣ, нѣкоторыя нравственныя черты терскихъ раскольниковъ. *Св. К. Затонскаго.*

Таврическія Еп. В.—**11 и 12.** *Свящ. Алекс. Накропинъ.* «Скиѳскія могилы». Мѣсто нахожденія могилъ; географическіе предѣлы древнихъ скиѳовъ и ихъ страна (по Геродоту); скиѳы—предки славянъ; богатство скрытыхъ въ могилахъ вещей, ихъ разнообразіе и многочисленность; величина могилъ.

Тамбовскія Г. В. — **61**. Корресп. изъ Шацкаго уѣзда — объ обычаѣ ходить на первый и второй день Троицы въ лѣсъ завивать вѣнки. — Способы привѣтствій у разныхъ народовъ. — «Страна фараоновъ». Краткое описаніе Египта и пирамидъ (изъ статьи Е. Л. Маркова. «Въ странѣ фараоновъ», помѣщенной въ «Русск. Вѣстн.»).—**64.** Село Вышенка, Кирсановск. у. Сообщенъ обычай судиться неоффиціально въ сельской расправѣ, причемъ судьями являются выборные отъ сельскаго схода (по 1 на 10 дворовъ) подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты.—**68.** Извлеченія изъ ст. Ишимова «на Оби», помѣщенной въ «Каз. Бирж. Листкѣ». — **68, 69.** Ужасы прошлаго. Описаніе пытокъ.—**69.** Праздникъ «Купала». Время возникновенія этого праздника; обычаи и празднества пріуроченные къ этому дню.—**76.** «Китай и китайцы». Исторія китайцевъ; религія ихъ, уваженіе къ власти; китайцы земледѣльцы; степень культуры ихъ.—**84, 87.** *И. Д.* «Тамбовскія бытовыя черты XVI—XVII вв.» —*В. Бон—ко.* «Народныя повѣрья». Домовой и отношеніе къ нему крестьянъ. Міръ злыхъ

духовъ, по воззрѣнію крестьянъ; ихъ воззрѣнія на животныхъ. Нѣкоторыя повѣрья и обычай не давать взаймы хлѣба во время сѣва.

Тамбовскія Еп. В.—10. *Г. Зарубкинскій.* Молокане села Рыбнаго Моршанскаго у. Краткая исторія молоканства въ селѣ Липягахъ Борисоглѣбскаго у.—**12** *П. С—въ.* «О современномъ состояніи русскаго православнаго миссіонерства среди сибирскихъ инородцевъ—язычниковъ». Гл. I. Религія сибирскихъ инородцевъ Шаманизмъ и шаманы. Религіозные обряды. Теогонія самоѣдовъ; ихъ пенаты. Описанія отдѣльныхъ идоловъ. Жертвоприношенія идоламъ шаманами. Ламаизмъ. Ламы и ихъ обѣты. Начало появленія ламаизма въ Сибири. Борьба ламаизма съ шаманизмомъ. «Положенія о ламайскомъ духовенствѣ Восточной Сибири» 15 Мая 1853 г. и его невыгодныя стороны. Отправленія службъ у ламъ. Ламайскія празднества—«Хуралы». Нравственность ламъ. Ламайскій богъ—«Очирвани». Авторитетъ Ламъ у инородцевъ. — **13 и 14.** То-же. Гл. II: миссіонерская дѣятельность.

Томскія Еп. В.—11, 12. Записки миссіонера Алтайской дух. миссіи Кебезен. отд. Сергія Ивановскаго за 1889 г. (пагубное вліяніе раскольниковъ на алтайскихъ инородцевъ).—**13.** Матеріалы для изученія языка Васьюганскихъ инородцевъ (остяковъ) Нарымскаго края: счетъ у Васьюганскихъ остяковъ; склоненія, мѣстоим., прилагат., предлоги, союзы, нарѣчія, междом., отриц. частицы; переводъ символа вѣры; названія членовъ семьи; снасти; шаманство; сказка «о 30-ти разбойникахъ» (на остяц. и рус. яз.).

Тульскія Еп. В.—11, 14. *Прот. Г. Пановъ.*—«Къ исторіи хлыстовщины и скопчества въ Тульской епархіи». Келіи и келейницы и ихъ пропаганда. Нѣкоторыя черты изъ жизни хлыстовъ, скопцовъ и келейницъ.

Туркестанскія В.—32, 33. *М. Михайловъ.* Рыболовство въ Аральскомъ бассейнѣ.—**33, 34.** *А. Каргополовъ* «Что я видѣлъ» (очеркъ изъ путешествія г. Каргополова по Африкѣ).

Уфимскія Г. В.—23. *Я. И. Малафѣевъ.* «Легенды (народные сказы)». 1-я легенда о томъ, что правда всегда торжествуетъ, а зло получаетъ возмездіе. Кабатчикъ, увидѣвъ у мужика, который ѣхалъ со внучкой, много денегъ, послалъ за нимъ разбойниковъ. Чуя погоню, крестьянинъ спряталъ внучку подъ мостъ, давъ ей и деньги, а самъ поѣхалъ дальше и былъ убитъ. Дѣвочка вернулась назадъ въ село къ кабатчику и разсказала ему о случившемся. Онъ уложилъ ее спать рядомъ съ своей дочерью и, желая потомъ убить ее, убилъ по ошибкѣ свою дочь, а чужая дѣвочка еще раньше успѣла убѣжать въ село и разсказать народу о случившемся. Собрались крестьяне и захватили у кабатчика разбойниковъ и его самого на мѣстѣ преступленія. (Мензелинск. у.).

Харьковскія Г. В.—123. Описаніе африканскихъ карликовъ, найденныхъ Стэнли въ лѣсахъ Арувими. Первыя извѣстія о карликахъ, дошедшія въ Европу. Племена карликовъ: Абатра, Дако, Монбутту, Акка.—

—128. *В. Л—съ.* Троицынъ день. Зелены святки. Народныя вѣрованія и обряды, пріуроченные къ этому дню. Юридическое значеніе Троицына дня въ древней Руси.—**134.** Похороны индѣйца (въ Москвѣ); танецъ смерти.—**135.** *Шерцль.* О названіяхъ и прозвищахъ женъ у разныхъ народовъ.—Развалины городовъ, найденныя въ С.-Америкѣ, и культура ихъ древнихъ обитателей-—**143.** Выдерж. изъ сообщ. Д. Эварницкаго („Новости") о нар. обычаяхъ и пр.—**145.** Нѣкоторыя данныя о сектѣ бабидовъ въ Персіи (изъ ст. Уманца, помѣщенной въ „Историч. Вѣстникѣ").—**150.** Описаніе буддійскаго богослуженія (изъ статьи г. Ядринцева: «Прошлое и настоящее монголовъ» въ Русской Мысли).—**151.** О великанахъ. Нѣкоторыя предположенія объ ихъ существованіи. основанныя на антропологическихъ находкахъ. («La Nature»).—**159.** *Эварницкій.* Легенда изъ Екатеринославской г., созданная по поводу появленія тяжелыхъ эпидемическихъ болѣзней (см. выше «Смол. Вѣстн.» № 74).—**191.** Народныя пѣсни—литературная справка. Нѣсколько выдержекъ изъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ г. Огіевскимъ и напечатанныхъ въ «Кіевлянинѣ», и замѣчанія по поводу ихъ.—**201.** *Д. М.* Рецензія: „Нов·е документы по исторіи Харьковщины"—на 2-й томъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быт· Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній и краткія указанія на составъ его", проф. Багалѣя.—Народныя примѣты, предсказывающія погоду. (Недѣля). Обзоръ періодической печати. Выдержки изъ статей г. Ишимова, напечатанныхъ въ Каз. Бирж. Листкѣ, рисующихъ бытъ сибирскихъ инородцевъ (самоѣдовъ) подъ заглавіемъ: „На Оби".—**172.** „Въ дебряхъ Афруки". Выдержки изъ описанія послѣдняго путешествія Стэнли, изданнаго имъ отдѣльною книгой подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.—**174.** Легенда о скорой кончинѣ міра (изъ Смол. Вѣст.).

Черниговскія Г. В. „Изъ Новгородъ Сѣверскаго у." Народныя повѣрья литвиновъ - жителей Новгородсѣверскаго, Стародубскаго, Мглинскаго и Суражскаго уѣздовъ—относящіяся къ земледѣльческо-хозяйственному быту.—**42.** Корресп. объ обычаѣ сажать 25 мая капусту, огурцы и пр. съ приговорами о сохраненіи ихъ отъ расхищенія птицами; нѣкоторые повѣрья и обычаи, пріуроченные къ этому времени, и примѣты относительно урожая.—**62.** П. Клинцы (корресп.). Упоминается о существованіи секты „нѣтовщины", основное ученіе которой заключается въ отрицаніи священства, семи таинствъ и всѣхъ обрядовъ православной церкви.

Эстляндскія Г. В.—18 и 19 *К. Тизикъ.* Повѣрія эстовъ. Разныя повѣрья эстонцевъ. Интересъ представляютъ слѣд. два: Черпая воду изъ цѣлебнаго источника, надо опустить въ него монету, иначе вода не будетъ дѣйствовать. Если колъ въ изгороди заостренъ лишь съ нижняго конца, то змѣи поползутъ вверхъ по колу и перегрызутъ нитки, къ кот. прикрѣплены облака, и тогда облака рухнутъ внизъ.—**14,18 20 22—25.** О—ва Большой и Малый Роге, очеркъ. *І. Р.* Полное историко-этнографическое описаніе мѣстнаго населенія—шведовъ. Авторъ касается характера,

занятій, пищи, одежды жителей: сообщаетъ о толокахъ (по шведски—talko, по эстонски—talgus), не вдаваясь въ детальныя подробности, описываетъ обряды при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Интересны сообщаемыя имъ свѣдѣнія о суевѣріяхъ при лѣченіи нѣкоторыхъ болѣзней, о представленіи, связанномъ съ нѣкот. животными. Крайне интересны и замѣтки по народному дневнику, причемъ въ празднованіи и отличіи нѣкот. дней сказываются порой остатки язычества (культъ богини Фрейи и почитаніе бога Тора), порой же вліяніе католицизма. Въ рождественск. обрядахъ обращаетъ на себя вниманіе обычай вносить въ домъ хлѣбъ, испеченный въ видѣ свиньи, кот. съѣдается постепенно (въ день Срѣтенія и на масляницѣ), а нѣкоторыми сохраняется до слѣд. Рождества. Въ вѣрованіяхъ рогесскихъ жителей, относящихся къ духамъ, замѣтны слѣды скандинавской миѳологіи. Изъ духовъ особенное вниманіе заслуживаетъ такъ наз. скратъ. Скратъ—духъ покровитель; это — большое огненное привидѣніе съ хвостомъ, которое приноситъ своему владѣльцу деньги, зерно, шерсть и т. д., которыя онъ иногда грабитъ у другихъ. Чтобы гарантировать себя отъ хищничества скрата, рисуютъ на домѣ его изображеніе. Хозяинъ, скрата въ благодарность за услуги, долженъ его кормить. Скрата можно добыть на отдаленныхъ островахъ (Эзель и др.), гдѣ живутъ мудрые люди, знающіе, какъ добывать ихъ. Впрочемъ скрата можно сдѣлать самому. Для этого приготовляютъ чучело скрата съ разными обрядами, выносятъ его на перекрестки и, наконецъ, брызжутъ на него своею собственною кровью, чтобы оживить его, при чемъ отдаютъ свою душу дьяволу. Тотчасъ послѣ оживленія, скратъ вскакиваетъ па приведенную ему лошадь, хозяинъ же долженъ непремѣнно имѣть подъ собою лучшую лошадь, чтобы до возвращенія домой, скратъ, непосредственно слѣдующій за нимъ, не догналъ его,—въ противномъ случаѣ хозяину грозитъ смерть. Пріѣхавъ домой, хозяинъ долженъ встрѣтить скрата съ пищей въ рукахъ и сказать ему, что̀ онъ долженъ приносить въ домъ. Отдѣлаться отъ скрата очень трудно; его нужно продать непремѣнно за цѣну меньшую той, за кот. онъ былъ пріобрѣтенъ, иначе онъ вернется къ прежнему хозяину. Изъ другихъ духовъ рогесцамъ извѣстны: биза (кот. сближаютъ съ богомъ грома), некъ (водяной), подземные духи (landsgulbar), кот. живутъ подъ землей и знаютъ въ совершенствѣ кузнечное мастерство, и домовой. Подземные и злые духи часто крадутъ дѣтей, подмѣнивая своихъ собственныхъ или кладя на мѣсто ребенка простое чучело, кот. чортъ оживляетъ, вкладывая въ него душу злого человѣка, взятую изъ ада. Чортъ порой играетъ комичную роль въ представленіяхъ рогесцевъ. Привидѣнія можно удалить, выстрѣливъ въ нихъ серебромъ. Интересенъ разсказъ, какъ одна женщина явилась послѣ смерти, потому что ей не дали чепца; не желая разрывать ее, положили слѣдующему покойнику въ гробъ чепецъ съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ его явившейся женщинѣ.—Свѣдѣнія, приводимыя авторомъ, въ

высшей степени интересны. Статья кончается краткимъ очеркомъ правовыхъ и церковныхъ отношеній жителей острововъ Б. и М. Роге.—**21 — 34**. Былины изъ Гапсаля и его уѣзда и съ острововъ Эзеля и Руно. Былины, легенды, преданія, пріуроченныя къ извѣстнымъ лицамъ, мѣстностямъ, иногда же рисующія народное міросозерцаніе. Интересны легенды о Сольме и Линдѣ (ихъ рожденіе и сватовство за нихъ мѣсяца, солнца, сына полярной звѣзды, вѣтра и др.) и тѣ преданія, въ кот. затрогивается дѣятельность неко, скратовъ, бизъ, великановъ, подземныхъ жителей и т. д., а также космогоническія легенды.—**21**. Отрывки изъ эпическихъ пѣсенъ эстовъ (переп. изъ кн. Neus'a: Estnische Volkslieder). Въ этихъ пѣсняхъ, простымъ и безыскуствен. языкомъ, рисуется тяжелая зависимость эстовъ отъ шведовъ и нѣмцевъ.—**25**. Эстонское преданіе о 3 хъ братьяхъ, воспитанныхъ змѣемъ (см. Витеб. Г. В.). — **29**. *Ю. Т.* Эстонское преданіе о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ (по поводу вышеупомянутаго сказанія).

Южанинъ.—**86**. Заговоры, употребляемые въ Черн. губ. отъ разныхъ болѣзней. 1) Отъ лихорадки: Стоитъ дубъ на синемъ морѣ, а въ томъ дубу Ирода. Было у него девять - семь дочекъ, шли онѣ по синему морю и встрѣтили ихъ святые отцы Исаакъ и Іаковъ.—«А куда вы идете, Иродовы дочки?»—«Идемъ мы на бѣлую Русь бѣлую кость крошить, горячую кровь лить». – Идите вы лучше на сыръ-боръ, сѣрое болото, крошите курчавье—пѣнявье непотребное и забудьте дорогу на святую Русь. Иродовы дочки дорогу забудутъ, а у раба Божьяго (имя) повѣкъ трясца не будетъ.—2) Отъ укушенія змѣи: Гадя, гадя, гадя! Уними свой яде, а не унимешь своего яду, буду гадю заклинать яснымъ солнцемъ, дробными звѣздами и всѣмъ міромъ православнымъ, Михаиломъ Архистратигомъ, чуднымъ Іеремою, утреннею и вечернею зарею.—3) Отъ вывиха: Ѣхавъ звихъ по зеленому лугу, а тамъ дѣвки краски рвали, звихъ поймали. звихъ ты мой хорошій, звихъ ты мой пригожій, датуль ты горѣвъ, датуль ты болѣвъ, пакуль я тебя не сѣрѣвъ, а теперь ты и горѣть и болѣть перестань! Дай Боже на помощь (имя)!—4) Отъ дурного глаза: На бѣломъ мори бѣлый камень лежитъ; на томъ камнѣ двѣ бабки живутъ, яны ни шьютъ, ни вышиваютъ, отъ суроцы помощи даваютъ. Дай Боже на помощь (имя). Ср. выше «Екатеринос. Г. В.».

Южный Край. – **3243**. Каменный болванъ въ д. Болванахъ Рославльск. у. (Смол. г.) и его почитаніе.—**3251**. Помѣщены 4 заговора (заклинанія), практикующіеся въ Черниг. губ. (см. выше „Южанинъ“). — **3263**. Среди крестьянъ Саратовскаго уѣзда до сихъ поръ еще существуетъ повѣрье, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ схороненъ трупъ опойцы или утопленика, никогда, по ихъ мнѣнію, не бываетъ дождя. Твердо вѣря въ это предположеніе, они зачастую вырываютъ „подозрительныхъ“, по ихъ убѣжденію, покойниковъ, похороненныхъ въ предѣлахъ общественныхъ надѣловъ, и тайно зарываютъ ихъ на чужомъ полѣ или пускаютъ въ рѣку, но

водѣ. Подобный фактъ былъ обнаруженъ недавно въ селѣ Усовкѣ. — **3273.** Эстонская легенда о призваніи русскихъ князей (см. Вит. Г.).— **3272** и **3273.** *Павелъ Чугуевецъ.* „Веснянки и пѣсни на Купала"— этнографическій очеркъ. Приведена масса весеннихъ малорусскихъ пѣсенъ.—**3272—73.** *Павелъ Чугуевецъ.* „Веснянки и пѣсни на Купала"— этнографическій очеркъ. — **3281.** „Ильинъ день" (замѣтка). — **3300.** „Японскія дѣти". Нѣсколько свѣдѣній о жизни и развитіи японскихъ дѣтей.

Эстонская печать. *)

Валгусъ (эстонская газета), **1890.—12—20** «Изъ жизни эстовъ» (заимств. изъ St.-Petersburger Zeitung). Авторъ статьи нѣмецкой газеты тенденціозно относится къ эстамъ, какъ низшей породѣ людей, а потому этотъ очеркъ былъ принятъ всѣми эстонскими газетами, за малымъ исклю ченіемъ, какъ возмутительный пасквиль на эстовъ. По этому поводу въ вышеназванной газетѣ Валгусъ явился рядъ отвѣтовъ, именно въ №№ 15—20, съ изложеніемъ фактовъ изъ жизни эстовъ, представляющихъ этонографическій интересъ. **21—27.** Біографія доктора финнологіи Мих. Петр. Веске, умершаго въ Казани въ качествѣ лектора чудскихъ нарѣчій. Біографія эта представляетъ этнографическій интересъ не но одной личности доктора Веске, ставшаго изъ деревенскаго пастуха лекторомъ въ университетѣ, но и потому, что въ ней безпристрастно характеризуется отношеніе балтійскихъ нѣмцевъ къ эстамъ и указывается на тѣ затрудненія, съ которыми долженъ былъ бороться ищущій высшаго развитія эстонецъ во время полновластія балтовъ.

Олевикъ (эстонская газета). **1890.—24.** Очеркъ волости «Пайсте», родины д-ра Веске и другихъ выдающихся эстонскихъ дѣятелей.

Oma Maa (Отчизна). **1890** г.—**2.** Статья *М. Пыдера* «Эстонская пословица»; происхожденіе, содержаніе и употребленіе пословицъ.—**1889** г. **№ 2** Юрій Трусманъ приводитъ рядъ древнихъ эстскихъ и ливскихъ собственныхъ именъ, числомъ 92.

Postimees. (газ.). **1890** г. **42, 43, 44.** «Прошедшее, настоящее и будущее земледѣлія у эстовъ.» Проводится мысль, что такъ какъ эсты и въ древности были земледѣльческими народами, такъ и въ будущемъ ихъ благосостояніе заключается въ земледѣліи, въ каковой отрасли эсты являются самостоятельными, а не подражателями нѣмцамъ. — **51.** Некрологъ М. П. Веске.

---

*) Настоящія замѣтки запоздали и не могли быть включены въ отдѣлъ библіографіи на надлежащемъ мѣстѣ. Не откладываемъ однако ихъ до слѣдующей книжки въ виду того, что до сихъ поръ у насъ не было обзора эстонской печати и мы считаемъ нужнымъ поспѣшить ознакомленіемъ съ нею читателей.

Ред.

Сакала (эстонск. газета). 1890—7. Описывается слѣдующій свадебный обычай у эстовъ Ревельскаго уѣзда, Эстляндской губерніи: Когда молодые, сопровождаемые гостями, ѣдутъ изъ церкви домой послѣ вѣнчанія, то свадебный поѣздъ, не доѣзжая до дома, гдѣ имѣетъ совершиться свадебный пиръ, останавливается гдѣ нибудь по близости, а главный дружка одинъ ѣдетъ впередъ, входитъ въ домъ, гдѣ долженъ быть накрытъ столъ съ яствами, и если увидитъ на столѣ свиную голову, то беретъ ножъ, отрѣзываетъ одно свиное ухо, предварительно тщательно осмотрѣвъ его, не спрятанъ ли въ немъ желѣзный гвоздь, и кладетъ на канделябръ, висящій подъ потолкомъ и сдѣланный изъ соломы, тряпокъ и разноцвѣтной бумаги на подобіе церковнаго паникадила гдѣ это свиное ухо должно оставаться во все время свадебнаго пира. Затѣмъ дружка наливаетъ полную кружку пива, съ нею возвращается къ поѣзжанамъ, которые послѣ этого только подъѣзжаютъ къ дому, гдѣ и начинается свадебный пиръ. Свиное ухо предназначается для угощенія домового, который послѣ такого вниманія къ себѣ долженъ благосклонно относиться и къ молодымъ.—**14.** У приморскихъ рыбаковъ Перновскаго и Такерортскаго побережья существуетъ такое убѣжденіе, что ранняя гроза предвѣщаетъ обильный уловъ салаки и плохой урожай хлѣба. Относительно этого у нихъ существуетъ даже слѣдующая поговорка: «Kui Jumal merd ónnistab, jiis póldu nuhtleb» —если Богъ благословляетъ море, то наказываетъ поле.—**20.** Сельскій учитель *М. Камнманъ* сообщаетъ интересное эстонское преданіе о змѣѣ-домовикѣ. У эстовъ есть повѣріе о существованіи змѣя-домовика, какъ друга дома, каковымъ въ дѣйствительности является безвредный ужъ, обитающій въ баняхъ, подпольяхъ, часто вползающій въ жилыя помѣщенія и кладовыя лакомиться молокомъ и даже высасывающій молоко изъ коровьяго вымени. Указанное преданіе о змѣѣ-домовикѣ интересно тѣмъ, что змѣй является воспитателемъ хозяйскихъ сыновей, которые, воспитанные змѣемъ, являются героями и воинами и, наконецъ, отправляются въ дальнюю страну, гдѣ дѣлаются царями, подъ особенными именами, данными имъ воспитателемъ змѣемъ и сходными съ именами первыхъ русскихъ князей: Рахурикуя— сокращенный Рурикъ, средній Синій-усь и младшій Трувааръ. Преданіе это помѣщено на русскомъ языкѣ въ № 25 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, съ присовокупленіемъ предположенія существованія связи между эстонскимъ преданіемъ и историческимъ происхожденіемъ первыхъ русскихъ князей и Руси. Въ № 29 тѣхъ же Вѣдомостей помѣщено опроверженіе такого предположенія.—**22, 23.** *Г. Суппъ,* Лаймецкій сельскій учитель, описываетъ унаслѣдованный отъ временъ рабства обычай эстонской молодежи устраивать ночныя свиданія и гулянья, преимущественно въ ночь съ субботы на воскресенье, съ цѣлью знакомства и соглашенія между женихами и невѣстами, и представляетъ происходящій отсюда вредъ въ экономич. и нравственномъ отношеніяхъ.

Tallina Jober (эстонская газета). **1890—15.** Замѣтка объ упорномъ застоѣ въ религіозномъ и экономическомъ развитіи шведовъ острова Вормса и о значеніи для нихъ въ этомъ отношеніи шведскаго методиста проповѣдника Остерблома, который пробилъ значительную брешь въ ихъ замкнутости и произвелъ между ними религіозное движеніе, открывшее возможность и общаго развитія, и распространенія православія.

«Загадки Эстовъ», собранныя *М. Т. Эйзеномъ* (числомъ 1770), расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ и снабженныя отвѣтами. Интересенъ способъ собиранія матеріала для этого сборника г. Эйзеномъ. Задавшись мыслью издать такой сборникъ, онъ обратился при посредствѣ газетъ ко всѣмъ, сочувствующимъ его предпріятію, съ просьбою помочь ему собираніемъ загадокъ. На приглашеніе отозвались многіе любители, преимущественно сельскіе учителя, и энергично принялись за дѣло. Настоящій сборникъ представляетъ только часть собраннаго матеріала и изданъ съ тою цѣлью, чтобы собиратели не повторялись и не записывали уже записаннаго. Этотъ способъ собиранія древностей удачно практикуется по почину доктора Гурта, которому со всѣхъ сторонъ шлютъ массу пѣсенъ, вѣрованій, сказокъ и проч.,—и сборникъ Гурта обѣщаетъ быть въ высшей степени интереснымъ. Жаль, что г. Эйзенъ выпустилъ многія старинныя загадки только потому, что онѣ трудно объяснимы.

Сообщ. Свящ. **К. Тизикъ.**

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ БИБЛІОГРАФІИ.

УКАЗАТЕЛЬ

этнографическихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ сибирскихъ газетахъ отъ начала ихъ изданія.

Сост. *А. А. Ивановскій.*

Сибирь.

1875 г. — 1. Корр. изъ Благовѣщенска — о молоканахъ. — **6.** Изъ Забайкалья — о водвореніи крещен. инородцевъ Забайкалья особо отъ некрещ. — **8.** Библ. зам. по поводу изслѣдов. А. П. Щапова о бурятской общинѣ (V т. «Изв. Вост.-Сиб. отд.»).—**11.** Дунганы.—**12.** Изъ Туркестана—о дунганахъ.—**13.** Необдуманныя жалобы (экономич. обстановка, какъ главнѣйшій дѣятель по улучшенію нравовъ; вліяніе экономич. быта на вѣрованія и обычаи; безсиліе вѣрованій въ дѣлѣ нравственности). — **19.** Изъ Балаганскаго окр.—о ламахъ аларскаго дацана, принявшихъ православіе.

—**23.** Священный бурятскій камень (недалеко отъ г. Балаганска). —**24.** Продажа дочерей и женъ у бурятъ.

1876 г.—**4.** *О. Васильева.* Постъ Камень-Рыболовъ и его окрестности, этногр. очеркъ. — **7.** Библ. зам. о статьѣ Щапова («Изв. Сибир. отд. И. Р. Г. О.», т. VI, №№ 5—6), объясняющей, между прочимъ, причины обилія уродствъ у кочевыхъ инородцевъ,—**8.** Изъ Нарымскаго края: идолы у остяковъ, обитающихъ на сѣвер. притокахъ Оби.—**10.** Изъ Балаган. окр. — выборъ главнаго родоначальника въ Аларскомъ инородч. вѣд.—Ачинскіе и Минусинскіе татары, этногр. очеркъ.—Сибирскіе курганы. Авт. дѣлитъ сибир. курганы на 3 разряда: 1) курганы отъ наносныхъ массъ песку, глины и ила; 2) происшедшіе отъ погребенія труповъ остяковъ, вогулъ и пр. и 3) собственно, такъ наз. клады, зарытые во времена набѣговъ и разбоевъ ордъ туземцевъ.—Библ. зам. о «Сборникѣ истор.-статист. свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ» (т. I, вып. I); въ числѣ статей сборника находятся: Указатель сочиненій и статей, касающихся Сибири; Корейцы на Амурѣ, *В. Вагина*; этнографич. очерки, *Наумова*; женщины у инородцевъ въ Томской губ., князя *Кострова.*—**11.** Виновата-ли инородч. кровь? Въ опроверженіе мнѣній гг. Чалѣева и Неймана о томъ, что русскіе, смѣшавшись въ Сибири съ тунгусами, остяками, бурятами, выродились, и что отсюда-то происходитъ разница между нынѣшней мелкой (?) фигурой сибиряка и колоссальной (?) фигурой стараго землепроходца, — авт. статьи доказываетъ, что въ утратѣ прежней предпріимчивости сибиряковъ виновата не метисація, а тѣ новыя условія, которыя создала воеводская Русь, взявшая верхъ надъ землепроходческой и пріучившая послѣднюю къ постоянной осѣдлости.—Корр. изъ Омска—о распространеніи между пріѣзжими крестьянами азарт. игры «въ ремешокъ». — **15.** Алтай и его экономич. положеніе: обездоленіе теленгутовъ продѣлками купцовъ; болѣе сносное положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ смежно съ русскими и занялись хлѣбопашествомъ и огородничествомъ.—**16.** Изъ бурятскаго быта— о развитіи ростовщичества и міроѣдства между инородцами. — **17.** Корр. изъ Верхоленска — о бракахъ и обычаѣ калыма.—Библ. зам. о 1 и 2 №№ «Изв. Сибир. отд.», содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, статьи: о писаницахъ Минусин. окр., о религіоз. значенія медвѣдя у сибир. инородцевъ и изваяніяхъ его и пр. — **19.** Переселеніе корейцевъ въ Южно-Уссур. край. — Библ. зам. объ «Указателѣ литературы объ Амурскомъ краѣ», сост. Ѳ. Буссе, 1874 г. Въ отношеніи вообще Сибири,—говоритъ авт. замѣтки,—извѣстенъ только одинъ опытъ подоб. указателя, помѣщ. въ «памятной книжкѣ Иркутской губ. за 1865 г.», подъ назв.: «Матеріалы для сибир. библіографіи

1750—1865 гг.», Н. Щукина».—**23**. Чукчи и торговля съ ними. —**24**. Изъ Пріаргунья—мѣновая торговля казаковъ съ монголами. —**25**. Новый приливъ корейцевъ въ Южно-Уссур. кр. — Изъ Минусин. края—торговля съ сойотами.—**26**. Изъ Аларскаго инор. вѣд.—о выборѣ тайши. —**27**. Сибирскіе инородцы, *Авесова*. Причина вымиранія сибир. инородцевъ, по мнѣнію автора, только одна—экономическая, которая разнообразится мѣстными условіями и зависитъ: 1) отъ хищническаго, сырьеваго характера промысла инородцевъ и 2) отъ низкаго нравствен. уровня піонеровъ цивилизаціи.—Пещера Бекъ-Аулы-Тасъ (въ 80 вер. отъ г. Сергіополя, въ горѣ Конуръ-Аулье).—**29**. Зам. объ охотѣ въ зап. Сибири на медвѣдей и кабановъ.—**32**. Изъ Балаган. окр. — образчикъ юридич. отношеній крестьянъ къ инородцамъ.—**33**. Съ береговъ Иртыша: суевѣрія киргизовъ и казаковъ; нравы послѣднихъ. — Изъ Хабаровки— оспа въ гольдскихъ деревняхъ. — **34**. Сборъ ясака въ старое время,—разсказъ старожила Ирбейскаго с., Канскаго окр., какъ исправникъ Ш. собиралъ ясакъ съ бурятъ и, спаивая ихъ, вымѣнивалъ по соболю за чарку водки.—**37**. Сибир. обычное право, неоконч. ст. по поводу соч. кн. Кострова: «Юридическіе обычаи старожиловъ Томской губ.» и «Сборникъ обычнаго права инородцевъ», Д. Самоквасова.—**38**. Замѣтки объ инородч. бракахъ, архимандрита *Мелетія*. — **41**. Изъ быта сѣрыхъ людей, — описана жизнь бродягъ и эксплуатація ихъ въ Сибири.—**44**. Еще о калымѣ. —**45**. Изъ Верхоленска—о калымѣ.—**46**. О суевѣріяхъ въ Ачинскомъ окр.: лѣченіе паралича водою «изъ-подъ шума» и несчастія при этомъ.—Бѣглянки, этногр. оч. изъ забайк. жизни.—**48**. Извл. изъ ст. кн. Кострова: «Торговыя сношенія Томской губ. съ Монголіей».—**49**. Извл. изъ очерка Гребницкаго объ эконом. положеніи Уссур. края (чит. въ общемъ собраніи Сибир. Отд. И. Р. Г. О. 22 нояб.). — Изъ Якутска—о рыбопромышлености на Ленѣ.—Изъ Омска—записка И. С. Полякова о положеніи сѣвер. инородцевъ. —**50**. Корр. изъ Верхоленска: крестьян. вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ; столкновеніе новыхъ эконом. условій быта крестьянства съ его старыми патріарх. понятіями.—Съѣзжій праздникъ, разск. изъ жизни крестьянъ Зап. Сибири.—**51**, **52**. Артельное рыболовство въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ. Авт., на основаніи разсказовъ и нѣкоторыхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, описываетъ устройство ольхон. инородч. рыболовн. артелей, приближающихся къ типу общественно-родовыхъ, гдѣ всѣ получаютъ одинаковые паи.

1877 г.—**2**, **3**. Богучанскій край, — этногр. очеркъ населенія Пинчугской и Кежемской волости, расположенныхъ по обоимъ берегамъ Ангары отъ с. Рыбнаго, вверхъ по рѣкѣ, до дер. Савиной.—**3**. Извл. изъ донесенія адмирала Пузино о жизни на Саха-

линѣ.—Судъ надъ женщиной,—сцена изъ дерев. жизни: наказаніе за воровство «проводами по деревнѣ».—Присяга шаманистовъ,—разск. объ одномъ случаѣ привода бурятъ къ присягѣ по обычной формѣ шаманистовъ—на ружьѣ.—Въ Гиляцкой деревнѣ—описаны жилища гиляковъ.—**4**. Къ вопросу объ отцахъ и дѣтяхъ: результаты антропометр. измѣреній дѣтей, работающихъ на Тельминской фабрикѣ.—**5**. Корр. изъ Цурухайтуя—о монгол. погранич. стражѣ.—**7**. На родинѣ,—авт. описываетъ свои пут. впечатлѣнія по Тобол. губ. и жизнь одной деревни Курганскаго окр.—**8**. Замѣтка о карагасахъ,—этногр. очеркъ инородцевъ Нижнеудин. окр.—Лѣченіе падучей болѣзни у киргизовъ; въ замѣткѣ сообщены подробности объ истязаніяхъ одной больной знахарями въ урочищѣ Ой-Чиликъ.—Базаръ въ Гученѣ.—**9**. Съ Амура: неудачные опыты заселенія о. Сахалина крестьянами и объ айнахъ, жителяхъ Курильскихъ острововъ.—**11**. Отъ Батеней до Минусинска,—описаніе дороги по лѣвой сторонѣ Енисея и деревень, по ней лежащихъ на разст. 116 вер.—Въ библ. зам. о кн. Григорьева «Россія и Азія» (18 6 г.) извлечены нѣкоторыя историч. и этнографич. свѣдѣнія о чукчахъ, обитателяхъ сѣв.-востока Азіи.—**12**. Замѣтки о чукчахъ,—этногр. очеркъ о кочевомъ племени, обитающемъ между рр. Анадыромъ и Колымой.—**13**. Библ. зам. о «Сборникѣ обычнаго права сибир. инородцевъ», изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава. 1876 г.—**14**. Извѣстія изъ Китая: празднованіе Новаго года китайцами 1 февр. (2-ой г. правленія Гуанъ-сю).—Праздникъ медвѣдя у амурскихъ гилякъ,—бой съ медвѣдемъ, бѣга и пр.—Изъ Якутской жизни, этногр. очеркъ.—**16**. Зам. о скопцахъ, поселенныхъ въ Якутской обл.—Свѣдѣнія о жизни остяковъ долины Оби.—Къ вопросу объ интернатахъ для киргиз. дѣтей.—Изъ быта зап.-сибир. казаковъ.—**18**. Корр. изъ Минусинска—о жадности, грубомъ невѣжествѣ и возмутительныхъ насиліяхъ здѣшнихъ торговцевъ по отношенію къ сойотамъ, отчего послѣдніе бѣднѣютъ.—Обдорская ярмарка,—описанія селенія и ярмарки, на которой производится обирательство довѣрчивыхъ инородцевъ зырянами.—**20, 21**. Общинное землевладѣніе въ Сибири.—**22**. Населеніе Камчатки,—статист. свѣдѣнія о населеніи въ г. Петропавловкѣ, его округѣ и на Командорскихъ островахъ.—**23**. Съ Лены—о предразсудкахъ мѣстнаго населенія.—**25**. Условія крестьян. землевладѣнія на Алтаѣ.—**26**. Библ. зам. о брошюрѣ А. Кистяковскаго «Собраніе и разработка матеріаловъ обычнаго права».—**27**. Степные барантачи (киргиз. конокрады).—**28**. Киргиз. суды; описанъ порядокъ разбора дѣлъ судомъ біевъ.—**33**. Корр. изъ Пріаргунья: свиданіе хайларскаго амбаня съ акшинскимъ исправникомъ въ Цурухайтуѣ.—**34**. Своимъ судомъ,—очерки сибир.

нравовъ.—**36**. Статист. свѣдѣнія о населеніи Японіи за 1875 г.—Свѣдѣнія о бытѣ алтайскихъ инородцевъ (изъ «Миссіонера»).—**37**. О скопцахъ въ Якут. обл. — Монгольская медицина въ вост. Сибири. — Путевыя замѣтки по зап. Сибири. — **38**. Къ вопросу объ общинѣ и въ частности сибирской. — **39**. Съ Лены: упадокъ производительности края и вырожденіе бодраго, здороваго населенія въ безхарактерный, слабосильный и тупой народъ, благодаря золотопромышленности.—Корр. изъ Омска—объ юртѣ, стоимостью съ доставкой около 12,000 руб., отправляемой киргизами Зайсан. приставства въ подарокъ вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему.—Изъ Ханькоу—судъ надъ отце-убійцемъ.—Путь въ землю урянхаевъ.—**42**. Путешествіе на р. Усъ и въ землю урянхаевъ.—**44**. Письмо въ редакцію И. С. Полякова о печальной участи остяковъ.—**46**. Торговля съ урянхайцами (описана поѣздка въ г. Улясутай).—**48**. Пароходо-рабочая артель въ зап. Сибири.—**49**. Еще путешествіе въ землю урянхаевъ.—**50**. Къ вопросу о сибир. землевладѣніи и хлѣбопашествѣ,—о земледѣл. обычаяхъ и порядкахъ у минусин. крестьянъ.—Русскіе инородцы или киргизская байга.—**52**. Корр. изъ Омска—объ интернатахъ для киргиз. дѣвочекъ.

1878 г.—**1**. Войсковая Бухтарминская рыбалка (статист. свѣд. о рыболовствѣ на Норъ-Зайсанѣ и Черн. Иртышѣ).—**3**. Экономич. положеніе Тобол. губ.—Путешествіе въ землю урянхаевъ (продолж.).—**4**. Корр. изъ Омска—объ юртѣ, предназначенной для отправленія на Дунай.—**7**. О положеніи рабочаго класса въ Россіи, на основаніи изслѣдованій проф. Эрисмана, и о физическихъ качествахъ новобранцевъ Иркут. губ.—**9**. Самоуправленіе у сибир. инородцевъ.—**10**. Корр. изъ Бухтармы (Семипал. обл.)—о звѣропромышленности крестьянъ дер. Фыкалки въ лѣсахъ Тарбагатая.—**11**. Корр. изъ Омска—объ экспедиціи Г. Н. Потанина.—Корр. изъ Барнаул. окр.: дробленіе семействъ въ крест. населеніи Алтая и упадокъ семейной нравственности.—**12**. Борзинское соленое озеро—описаніе Борзинской, или Заононской степи; истор. и стат. свѣд. о добычѣ соли на Борз. оз.—**13**. Куяндиновская (Ботовская) ярмарка въ сибир. киргиз. степи.—**15**. Дошлый сибирякъ,—этногр. очеркъ изъ тюремныхъ нравовъ.—**18**. Отъ Иркутска до Балаганска—пут. очерки.—**20**. Народная экономія и народное право (по поводу ст. Ефименко «Трудовое начало въ обычномъ правѣ» въ жур. „Слово", № 7).—Библ. зам. о ст. Полякова «Остяки и рыбопромышленность въ долинѣ Оби» («Природа и Охота», 1878 г., № 11), въ которой авт. указываетъ на жалкое положеніе и вырожденіе остяковъ, благодаря эксплоатаціи рус. рыбопромышленниковъ.—**23**. Извл. изъ сообщенія Лаказъ-дю-Тьера въ засѣд. Общ. Коммерч. Географіи—«Русскіе въ Сред. Азіи».—**24**. Зам.

д-ра *Бычковскаго* о тибетской медицинѣ.—**25**. Корр. изъ Омска—о байгѣ (киргиз. скачкахъ).—Охота за дикими верблюдами между Зайсан. погран. постомъ и г. Гученомъ.—**27**. Корр. съ китайской гран.—о сойотахъ.—**30**. Амгинская слобода—изъ пут. замѣтокъ по Якут. обл.—**33**. Съ китайской гран.: мѣстное инородч. самоуправленіе и его недостатки; жалобы сойотовъ на рус. торговцевъ.—**35**. О сойотахъ.—**36**. Корр. изъ Омска—о дѣятельности Зап.-Спб. Отд. И. Р. Г. О.—Корр. изъ Семипалатинска—о причинахъ перекочевки 750 кибитокъ киргизовъ изъ Устькаменогорскаго уѣзда въ Китай.—**38**. Съ Оби—о бѣдств. положеніи остяковъ.—**40**. Корр. изъ Верховенскаго окр.—о калымѣ у бурятъ.—**41**. Лѣто въ Башкиріи.—**45, 46**. Ученыя экспедиціи въ Азію (по поводу экспедиціи Пржевальскаго).—Сельскій судъ,—изъ очерковъ Нарымскаго края.—**51, 52**. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ замѣтокъ д-ра Бретшнейдера о путешествіи чрезъ Монголію въ Китай.

1879 г.—**3**. Ученыя экспедиціи: бар. Аминова, Потанина, Пѣвцова.—**7**. О торговлѣ въ Обскомъ заливѣ.—Торговля въ Кульджѣ.—**8**. О торговлѣ въ Монголіи.—**9**. Лѣто въ Башкиріи.—**10—12, 14**. Сибирскіе нищіе.—**11**. Корр. изъ Капсала—о бурятахъ.—**13**. *Кн. Костровъ*. Землевладѣніе въ Томской губ.—**14**. Докладъ *Н. Ядринцева* объ Алтаѣ въ Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.—Объ эксплоатаціи озеръ на Барабѣ.—**17**. Очерки изъ судебно-коммерч. быта.—**19**. Старообрядцы въ Барнаул. окр.—**19, 21, 44, 48**. Ачинскія степи.—**20**. По поводу чтеній Шлезингера о происхожденіи человѣческихъ расъ.—**21**. Истребленіе лѣсовъ на Алтаѣ и опалка ихъ.—**22**. Рыбные промыслы по р. Оби.—**25**. Лѣса по Иркуту и ихъ истребленіе.—**28**. Вверхъ по Нерчѣ (объ орочонахъ). **30**. Къ вопросу о вліяніи волости на народъ.—**34**. Статист. данныя о Тобол. губ. за 1878 г.—**35**. Томская губ. въ 1878 г.—**39**. На пути изъ Березова.—**44**. Библ. зам. объ «Очеркѣ забайкальской жизни», И. Сибирякова.—**48**. Казачье самоуправленіе за Байкаломъ.—**50**. По Онону (Шундуя, Забайк. обл.)

1880 г.—**6**. Сибир. жизнь, какъ почва для искусства.—Заселеніе киргиз. степей.—**7**. Лекція *Г. Н. Потанина:* легенда и миѳы у средне-азіат. племенъ.—По вопросу изслѣдованія переселеній.—**9**. Записка о музеѣ и библіотекѣ въ Минусинскѣ.—**10**. Численность народонаселенія въ улусахъ Селенгинской степной думы. Пастьба скота въ Зап. Сибири*).

1881 г.—**1**. Ученыя экспедиція въ 1880 году: Пржевальскаго, Аму-Дарьинская, Уйфальви.—**2, 3, 5—8**. Сибир. крестьяне (особыя

*) Изданіе „Сибири" въ 1880 г. прекратилось послѣ 11-го № по случаю пожара въ Иркутскѣ, уничтожившаго типографію газеты.

условія жизни; борьба съ природой; уменьшеніе угодій; физіономія сибир. деревень; сосредоточеніе достатковъ въ немногихъ рукахъ; недостатокъ школъ; безправіе деревни; паденіе общинныхъ началъ и проч.) —**2—6**, **8**, **14**. Библ. указатель книгъ о Сибири за 1880 г., *И. Щеглова*.—**3**. Экспедиція на Алтай Н. М. Ядринцева.—**3**, **20**. Онскія и чунскія селенія.—**6**. Корр. изъ Красноярска: оскопленіе мужчины женщинами.—О торговлѣ съ Монголіей.—**7**. Раскольники въ Сибири.—**9**. Обществен. крестьян. управленіе въ Вост. Сибири.—**10**. Дешевые граждане (мѣщане и ихъ положеніе).—**12**. Чумазый въ Сибири (роль кулаковъ въ Сибири).—**19**. Сибир. женщины.—**19**, **23**. Крестьяне мастеровые на Алтаѣ.—**20**. Физич. воспитаніе въ Томской губ., *кн. Кострова*.—Поѣздка по Кузнецко-томскому тракту.—**27**. Олекминскіе скопцы.—Сибир. шерсть и продукты изъ нея.—**29**. О крестьян. опекахъ.—**29**, **44**,**46**. Путевой дневникъ по Амуру. —**31**, **36**, **38**. Возможно-ли въ Якут. обл. земледѣліе?—**32**. О лѣсахъ въ Сибири.—**38**. Замѣтки по части заводской промышленности въ Сибири.—Изъ дневника забайкальца.—**39**. Очеркъ промышленности Якутскаго края.—**40**, **41**. Элементы земства въ Сибири.—**44**. Сельскіе и волостные выборы.—**44**, **46**. Плаванія по Ледовитому морю (1760—1826 гг.).—**45**. Гигіена и медицина нашей деревни. —**47**, **51**, **52**. По тундрѣ (изъ путеш. Финша).—**50**. Кемско-кетскій край.

1882 г.—**2**, **4**. Наше сельское хозяйство (отсутствіе данныхъ о сибир. хозяйствѣ; ухудшеніе земледѣлія, причины этого и пр.).—**2**. Кемско-кетскій край, ст. 2-ая.—**3**, **4**. Очерки дальняго края.—**3**,**5**. По тундрѣ (по Финшу).—**6**, **9**. Нужды сибир. инородцевъ: внутрен. управленіе, кабала у русскихъ, оскудѣніе промысловъ и пр.—**6**. Язвы нашихъ деревень: воры, конокрады, безправіе.—**7**. Извозный промыселъ.—Ссудная касса для якутовъ.—**8**, **20**. О нѣкоторыхъ условіяхъ оздоровленія нашихъ деревень.—**14**. Судьба Амурскаго края; необходимость его изученія.—**15**, **43**. Изъ дневника забайкальца.—**16**. Забайкальскія рыбныя ловли (санитарн. ихъ состояніе).—**17**. Обдорская ярмарка.—**18**, **19**. Аборигены Иркутской губ. (по раскопкамъ Н. Витковскаго). **20**. Рыбопромышленность на Ленѣ.—**21**. Пища якутовъ.—**28**. Деревенскія нужды.—**29**. Забайкальскія школы (на 152 тыс. инородцевъ 7 школъ съ 199 учащимися; на 149 тыс. казаковъ—39 шк. съ 1115 учащ., на 118 тыс. крестьянъ—21 шк. съ 430 учащ. и 17 тыс. горожанъ 10 шк. съ 496 учащ.). —**30—33**. По Ленѣ.—**32**. Корр. изъ Олекминска—о скопцахъ.—**34**. Современныя формы кабалы.—Нѣсколько словъ объ экономич. положеніи вост.-сибир. земледѣльцевъ.—**38**. Численность сельскаго и инородч. населенія Сибири.—Опытъ обрусѣнія киргизовъ.—**41**. Статист. свѣдѣнія объ Якут.

обл. за 1878 г.—**43.** Что пишутъ о Сибири американцы.—**44, 45.** На Байкалѣ.—**45.** О нашихъ архивахъ, *И. Щегловъ.*—**49.** Роль инородцевъ.—**51.** Инородч. школы.—**52.** Поземельный вопросъ въ Алтаѣ.—Извѣстія о рус. экспедиціяхъ.—Инородч. школа въ Олекминскомъ окр.

1883 г.,—**2.** Истребленіе волковъ за Байкаломъ—**3.** Корр. изъ Кабанска о **300**-лѣтнемъ юбилеѣ Сибири у бурятъ; изъ Забайкалья—о томъ-же.—Посѣщеніе Берингова острова, *проф. Норденшельда.*—**4.** Волостной судъ.—**5.** Волостной судъ и всесословная волость.—Чтеніе Агапитова о шаманствѣ.—**9, 12, 17.** Современные завоеватели Сибири (изъ наблюденій надъ переселенч. движеніемъ.—**10, 11.** Отъ Верхоянска до Якутска.—**14.** Юридическіе обычаи и волостные суды.—**18.** Корр. изъ Тобольска - объ Обдорской ярмаркѣ.—Кое-что о суевѣріяхъ и предразсудкахъ простого народа. — **19, 21, 23, 39, 50.** Очерки Забайкалья. — **21.** Отчего бѣднѣетъ мужикъ? (одиночество, пьянство, непосильные платежи и пр.).—**24.** Состояніе народ. образованія въ Сибири. — **28.** Изъ дневника забайкальца.—Изъ дорожныхъ замѣтокъ по Амуру и Уссури.—**29.** Забайкалье (статист. данныя).—Сибир. народ. присловія.—**33.** Описаніе экспедиціи Норденшельда —**34.** Корр. изъ Сучана—очеркъ Южно-Уссурійскаго края.—**36.** Корр. изъ Олекминска—о промыслахъ якутовъ.—Цугольскій дацанъ.—**37.** Свѣдѣнія Дыбовскаго объ охотѣ на Камчаткѣ. — Цуганскій дацанъ. **39.** Якутская обл. (статист. данныя). **43.** Библіографія: Сборникъ оффиц. свѣдѣній о Вост. Сибири; Труды православныхъ миссій; Матеріалы для изученія шаманства.—**47.** Сельскія выборныя должности.—**48.** Арестантскія пѣсни.—**49.** Необходимость изслѣдованія обычнаго права въ Сибири.

1884 г.—**3.** Волостныя и сельскія смѣты.—Промыселъ бурятъ на Ольхонѣ. **5, 7.** Изъ дневника забайкальца (тунгусы; воровство у бурятъ).—**6.** Корр. изъ с. Карсакова—о смертности дѣтей у бурятъ. — **9.** О значеніи кустарныхъ промысловъ для Сибири.— **12.** Корр. изъ Усолья: составъ населенія. — **13.** Съ монгольской границы,—пут. замѣтки по Олекминскому окр..—**20.** Еще о бурятскомъ управленіи (упадокъ хозяйства бурятъ; необходимыя мѣры къ поднятію ихъ благосостоянія).—Корр. изъ Балаганска о бурят. управленіи.—**21.** По Аргуни,—пут. замѣтки. — **22.** Корр. изъ ст. Доно,—эконом. очеркъ.—**23.** Корр. изъ Томска—о кулачныхъ бояхъ.—**26.** Нужды сел. хозяйства —**28.** Опять инородцы (роль тайшей).—**29.** Наши сел.-хоз. нужды.—**30.** Изъ Южно-Уссурійскаго края—экономич. положеніе его.—**30—34.** Отъ Тюкалы до Сургута,—пут. замѣтки.—**31.** Корр. изъ Хивы—о сидкѣ араки (водки).—**33.** Экспедиція Г. Н. Потанина.—**35.** Круговая

порука. **35—37**, **39**, **41**, **43**, **45**, **48—52**. Женщина у монголо-бурятъ, *Я. Дубровы*.—**42**. Иркут. ремесленники. — **44**. Чудскія сопки близъ д. Дониной, за Байкаломъ.—**46**. Писаря у балаганскихъ бурятъ.—Библ. зам. о ст. Л. Шренка «Объ инородцахъ Амурскаго края».—**47**. Отъ Колымска до Якутска. – **49**. Хронолог. перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири съ 1032 г. до 1882-го, *И. Щеглова*.—**50**. Податная душа на Алтаѣ.—Енисейскіе остяки.—**52**. Еще объ управленіи сибир. инородцами. — Минусинскій край,—пут. очерки.

1885 г.—1. Орѣховый промыселъ въ Тункинскомъ краѣ.—Изъ лѣтнихъ экскурсій (лѣсные промыслы въ Нижнеудин. окр.: охота на медвѣдя).—**2**. Смертность дѣтей въ селеніяхъ.—**4**. Корр. изъ Акмолин. обл.—о киргизахъ.—**7**, **9**, **10**. Отъ Колымска до Якутска,—пут. замѣтки.—**9**. Корр. изъ Балаган. окр.: совѣщанія бурятъ о раздѣленіи вѣдомства на управы. — **10**. Баргузинскій и Кургуликскій рыбные промыслы.—**11**, **16**, **17**. Поземельная община на Алтаѣ.—**11**, **12**. Задачи сибирской этнографіи, *Я. Дубровы*.— **13**, **14**. Крестьян. раздѣлы въ Сибири. — Экономич. замѣтки о Баргузинскомъ окр.. **13**, **14**, **16**, **18**, **19**, **21**. Краткій очеркъ Амурской торговли.—**16**. Незаконные сборы съ бурятъ.—**17**. Бытовыя условія Сибири.—Неурядицы у идинскихъ бурятъ.—**18**. Насущные вопросы для якутовъ.—Шаманъ,–очеркъ. **18**, **19**. Заселеніе Уссурійскаго края.—**20**, **22**, **42**, **43**, **51**. Дикій Алтай (изъ воспом. о путеш. къ верш. Абакана). **23**, **24**. Замѣтки о Вилюйскомъ краѣ. —**24**. Неурядицы у бурятъ.—Еще объ ангарскомъ рыболовствѣ.—Замѣчанія о богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ инородцевъ.—**25**. Очерки Забайкалья.—**26**. Женщины сельской уголовщины.—**26**, **27**. Долина р. Джаибы (изъ пут. зам. по Китаю), *Г. Потанина*.—**27**. «Золотая кукушка», богатыр. поэма.— **28**. Наши пути по Монголіи и Китаю.—**29**. Религіозная пляска въ монастырѣ Кадигова (въ Китаѣ), *Потаниной*.—**32**. Еще объ инородч. управленіи.—Кое-что о предразсудкахъ и суевѣріяхъ.— **36**. Бабій стонъ въ Сибири.—**36—41**. Гиляцкія сказки. — **38**. Знахари.—**40**. Горный уголокъ Алтая.—Объ экспедиціи Г. Н. Потанина.—**41**. Еще печальное явленіе крестьян. жизни (разложеніе семьи и раздѣлы).—**43**. При-Аргунь.—**45**. Сельская грамотность въ Сибири (процентъ учащихся въ Евр.—12, въ евр. Рос.— 1,29, въ Сибири—0,38). **45**, **48**. Цурухайто — ауйгунскій путь, *Н. Долголевича*.—**46**. Инородческіе порядки.—**48**. Карагасы.— **50**. Дѣло крестьянъ съ бурятами Баргузин. окр.—**51**. Общественное управленіе крестьянъ Вост. Сибири.—На Еравинскихъ рыбныхъ промыслахъ.—**52**. Суевѣрія Забайкал. крестьянъ.—По Ишимскому окр., пут. замѣтки.

1886 г.—1. Корр. изъ Олекминска—о скопцахъ.—**1, 2**. По Ишимскому окр. (продолж.).—**2**. Кор. изъ Якутска—о сел.-хозяйств. бытѣ якутовъ въ связи съ ихъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ. **2—8**. Причины сибир. застоя (письма о Минусин. окр.)—**3**. Объ обществен. приговорѣ инородцевъ Кударинской степной думы, которымъ они отказываются отъ стариннаго обычая брать калымъ за выдаваемыхъ замужъ дочерей.—**4**. О Балаганскомъ инородч. вѣдомствѣ.—**4, 22, 29**. Баклашинскія пѣсни (Баклаши—деревня въ 18 вер. отъ Иркутска).—**5**. Изъ Братской вол.,—экономич. положеніе волости.—„Маяки" (такъ наз. въ Нерчин. окр. камен. курганы). — На восточ. взморьи (Уссурійскій заливъ).—**6, 7**. Борьба съ нищетой.—**7**. Библ. зам. о ст. К. Михайлова „Общинный бытъ у крестьянъ Забайкал. обл. Вост. Сибири" въ „Рус. Мысли", 1885 г, № 12.—**10**. Дикій Алтай (прод.).—**12**. Переселеніе и ссылка.—**14**. Монгольскій хошунъ Кэшиктенъ, *Г. Потанина*.—**15, 16**. Карагасы, ст. 2-я. **17**. Цивилизація на крайнемъ сѣверѣ (о вилюйскихъ якутахъ).—**18**. О бурят. и якут. учителяхъ-инородцахъ.—**19—21, 24, 26**. Аграрный вопросъ въ Ишимскомъ окр..—**21**. Земельныя неурядицы. — Лѣсоистребленіе.—**22**. Упорядоченіе байкальскаго рыбнаго промысла.— Корр. изъ Минусинска—о мѣстн. музеѣ.—**24, 25**. На границѣ Тибета: городъ Сигусянъ и деревня Упинъ, *Г. Потанина*.—**27**. По поводу вопроса о байкал. рыболовствѣ.—**28**. Корр. изъ Бохана—о дорож. повинности и наплывѣ крестьянъ инородцевъ изъ Приленскаго края.—**31**. Задачи этнографич. и экономич. изслѣдованія въ Сибири.—Переполохъ среди сибир. „странниковъ" (матеріалы для изученія рус. раскола].—**32**. Недостатки крестьянскаго управленія.—Марханскіе скопцы (Якут. обл.).—Что дѣлается въ Зап.-Сибир. Отд. Геогр. Общества?—**33**. Еще замѣтка о байкал. рыболовствѣ.—Кое-что о современ. экономич. состояніи минусин. крестьянина. **34—41**. Новый трудъ объ Амурскомъ краѣ (*Ф. Шперкъ*: „Россія дальняго востока". 1885 г.), *В. Вагина*.—**35**. Вопросъ объ изученіи Сибири.—**36**. Лама и врачъ.—**37**. „Чуна" (верхн. теченіе р. Уды въ Нижнеудин. окр.).- **40**. Матеріалы для сибир. демонологіи (заговоры отъ ногтя, чирья, шатуна, червей и проч.).—**40, 43, 44, 49, 50**. Изъ жизни промышленныхъ рабочихъ въ Сибири.—**43, 45**. Народные промыслы и связанные съ ними суевѣрія.—**43, 47**. Результаты крестьян. самоупр. въ Минусин. окр..—**45**. Волостной судъ.—**48**. Русская экспедиція въ Китай (лекція Г. Н. Потанина).

1887 г.—**1, 2**, Народные промыслы и связанныя съ ними суевѣрія.—**2**. Изученіе сибирскихъ общинъ. **3, 5**. Ссылка въ Якут. обл., **3, 5, 7**. Характеръ и степень преступности Тюкалинскаго

населенія.—**4**, **6**. Изъ монгольской миѳологіи, *Г. Потанина*.—**5**. Библ. зам. о кн. Вл. Птицына: „Обычное судопроизводство крестьянъ Саратовской губ.“, 1886 г.—**7**. О сибир. отдѣлахъ И. Р. Г. Общества —**7**, **10**, **11**, **13**. Крестьянская свадьба въ Запад. Сибири (въ Ишимскомъ окр.).—**8**. Корр. изъ Олекминска—о школахъ для обученія якутскихъ мальчиковъ.—Курскіе переселенцы въ Минусин. окр..—**8**, **24**. Зимою внизъ по Витиму и Ленѣ,—пут. замѣтки.—**9**. Крестьянскія недоимки.—Корр. изъ Балаган. вѣд.—о раздѣленіи вѣдомства на инородныя управы и объ упраздненіи степной думы.—Корр. изъ Хогота—о раздѣленіи вѣдомства на управы.—30-лѣтіе Верхоленскаго окр..—**11**. Сбереженіе лѣсовъ—**12**. Нѣчто о рыбопромышленности по Байкалу въ 1886 г.—Странствія и ученые труды Г. Н. Потанина.—Изъ воспоминаній бурята.—**13**· Ламаизмъ у бурятъ. **14**, **15**, **17**, **19**, **21**, **24**.—Очерки кустарной промышленности въ Тобол. губ.—**16**. Обмѣнъ Сибири съ Россіей на Ирбитской ярмаркѣ.—**16**, **17**, **20**. По деревнямъ (сел.-хоз. замѣтки). **17**, **19**. Рыбный промыселъ на р. Ангарѣ.—**19**, **22**. Школы на Амурѣ.—**20**. Отъ Владивостока до Новокіевска и обратно, пут. наброски.—**21**. Податной налогъ на крестьянъ и недоимки.—**22**. Изъ дневника окружной акушерки (знахарство).—**23**. Къ исторіи крестьянскаго самоуправленія (изъ Минусин. окр.).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СМѢСЬ.

Къ вопросу о прозвищѣ былиннаго Ильи.

На страницахъ „Э. О.“ уже нѣсколько разъ говорилось о древнѣйшей формѣ прозвища Ильи. Мнѣ кажется, правильное рѣшеніе вопроса о томъ, что древнѣе, *Муромецъ*, или *Моровеиъ*, *Муровецъ*,—въ значительной степени зависитъ отъ рѣшенія другого вопроса: подъ какимъ названіемъ былъ извѣстенъ въ Кіевѣ стараго времени великорусскій городъ *Муромъ?* Я владѣю только однимъ фактомъ для отвѣта на этотъ второй вопросъ. Лѣтописные списки и хроники, составленныя на основаніи лѣтописей въ южной Руси XVII в., въ разсказѣ о раздачѣ Владиміромъ св. удѣловъ сыновьямъ, всѣ, сколько мнѣ извѣстно, сохраняютъ названіе *Муромъ* безъ измѣненій. Но въ извѣстномъ Синопсисѣ по кіевскому изданію 1674 г., основанномъ на лѣтописяхъ, мы читаемъ въ названномъ разсказѣ: *Муровъ*, при чемъ на полѣ добавлено: *Муромъ* Очевидно, составитель Синопсиса зналъ великорусскій городъ подъ именемъ *Мурова*, въ формѣ образовавшейся, по всей вѣроятности, въ самомъ Кіевѣ подъ вліяніемъ хорошо знакомыхъ Кіеву мѣстныхъ названій: *Моровейскъ* (городъ), *Муровецъ* (островъ подъ Кіевомъ; Акт. Ю. и З. Р. XII, № 102), *Муравскій* шляхъ.

Точно съ такимъ же искаженіемъ названіе *Муромъ* найдено мною еще въ одномъ памятникѣ—въ сербскомъ Синаксарѣ 1340 г, въ краткомъ житіи Бориса и Глѣба: Борысь Ростовѣ, Глѣбь *Муровѣ* [1]). Такъ какъ нельзя сомнѣваться въ заимствованіи житія изъ русскаго (всего скорѣе южно-русскаго) источника, то позволительно предположить, что искаженіе названія *Муромъ* произошло въ Кіевѣ не въ XVII в., а значительно раньше.

Сверхъ того, мнѣ думается, для рѣшенія вопроса о прозвищѣ Ильи было бы полезно изслѣдовать вопросъ о торговой роли Кіева въ средніе вѣка русской исторіи. Извѣстно, что въ это время московскіе купцы и послы ѣздили въ Крымъ и Турцію всего чаще Днѣпромъ и при этомъ останавливались передъ вступленіемъ въ степь въ Кіевѣ. Документы дипломатическихъ сношеній Москвы съ Литвою показываютъ, что московскіе купцы, останавливавшіеся въ Кіевѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв , были многочисленны, и что товары возились ими на огромныя по тому времени суммы. Я не берусь изслѣдовать этотъ вопросъ, но замѣчу, что въ Кіево-Печерской Лаврѣ хранится старый помянникъ, начатый послѣ нашествія Менгли-Гирея на Кіевъ и Лавру (въ концѣ XV в.). Я нашелъ въ немъ огромное количество великорусскихъ именъ и фамилій, какъ знатныхъ, такъ и простыхъ, которыя записаны разными почерками старше XVII в. (иногда съ указаніемъ городовъ, откуда родомъ были записанные въ помянникъ).

Заговоривъ объ Ильѣ, я позволяю себѣ коснуться одной подробности нѣкоторыхъ (немногихъ) былинныхъ пересказовъ. Они говорятъ о томъ, что Илья преставился въ Печерскомъ монастырѣ и что „тамъ его и мощи нетлѣнныя". Откуда и какъ могла попасть въ великорусскіе (по преимуществу сѣверно-великорусскіе) пересказы эта подробность? Наши сѣверяне совсѣмъ не бываютъ на богомольѣ въ Кіевѣ, да и мощи св. Ильи въ Кіевскихъ пещерахъ ничѣмъ не останавливаютъ на себѣ вниманія богомольцевъ; во всякомъ случаѣ они не выдѣляются изъ массы Кіевскихъ мощей и мало извѣстны. Я думаю, что подробность о мощахъ Ильи въ Кіевскихъ пещерахъ вошла въ былины, благодаря знаменитымъ „Поморскимъ Отвѣтамъ", составленнымъ въ началѣ XVIII в. и до сихъ поръ широко распространеннымъ среди раскольниковъ—и поповцевъ, и особенно безпоповцевъ. Доказывая древность двуперстія, „Пом. Отвѣты" говорятъ: „тамо (въ Печерской Лаврѣ), въ пещерѣ преп. Ѳеодосія, почиваетъ нетлѣненъ Илія Муромецъ, на персѣхъ согбенѣ руцѣ, въ деснѣй руцѣ сложени имѣя персты, яко же знаменуются двѣма перстома".

А. Соболевскій.

Мелкія этнологическія замѣтки.

1. *Вѣра въ метаморфозъ (превращенія) и ея значеніе.*

Въ III книжкѣ „Этнографическаго Обозрѣнія", стр. 42, 50—53 и 211, обращено было вниманіе на разсказы о превращеніяхъ въ растенія и животныя, циркулирующіе въ народныхъ массахъ. Собираніе такихъ разсказовъ намъ представляется дѣломъ существенно важнымъ, и мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое они могутъ имѣть для исторіи культуры. Въ представленіи о томъ, что человѣкъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ обращаться въ растеніе, животныя, и пр., заключается, намъ кажется,

---

[1]) Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ Загребѣ, и Вѣнѣ, стр. 114.

ключъ къ такъ называемому анимистическому созерцанію природы, источникъ вѣрованій въ духовъ растеній, водъ, горъ и др. предметовъ и явленій природы. Съ тѣхъ поръ, какъ въ умѣ первобытнаго человѣка сложился смыслъ, что подобный ему человѣкъ можетъ обращаться въ различные предметы и существа, для него были разрѣшены главнѣйшіе вопросы, которые ставили жизнь и природа. Онъ понялъ жизнь природы, генезисъ вещей и тайну загробнаго существованія человѣка.

Чтобы наши положенія не показались бездоказательными, мы позволимъ себѣ пояснить ихъ на первый разъ примѣрами изъ міровоззрѣнія Вотяковъ.

Вотяки убѣждены, что умершій продолжаетъ жить въ землѣ той же жизнью, какой онъ жилъ на землѣ; онъ пьетъ, ѣстъ, любитъ, по временамъ выходитъ на землю и посѣщаетъ своихъ родныхъ. Большая часть явленій этой загробной жизни представляются Вотяку вполнѣ понятными. Только связь умершихъ съ живыми, обитающими на землѣ, ихъ визиты къ родичамъ представляются не достаточно ясными. Умершихъ видятъ на землѣ въ тѣлесной оболочкѣ, и эта оболочка не призракъ—они въ одномъ случаѣ хозяйничаютъ, въ другихъ ласкаютъ своихъ женъ. Въ то же время Вотяки убѣждены, что умершіе живутъ въ могилахъ, засыпаны землей. Какъ выходитъ мертвый изъ своего подземельнаго жилища, неразрушая могильной насыпи,—вотъ вопросъ, который оставался бы неразрѣшимымъ, если бы Вотяку была чужда мысль о метаморфозѣ. Идея метаморфоза дѣлаетъ это явленіе какъ нельзя болѣе удобопонятнымъ. Мертвецы обладаютъ способностью оборачиваться и благодаря этой способности преодолѣваютъ затрудненія, которыя ставитъ могильная насыпь. Въ нашей книгѣ о Вотякахъ приведена сказка, въ которой разсказывается, какъ одинъ солдатъ выслѣдилъ путешествіе своей покойницы жены изъ дома въ могилу и обратно. Покойница выходитъ изъ могилы *мышкой*, затѣмъ оборачивается въ собаку, изъ собаки въ корову, изъ коровы въ женщину. Возвращаясь въ могилу, она продѣлываетъ тѣ-же превращенія въ обратномъ порядкѣ.

Ту-же службу служитъ Вотяку идея метаморфоза и въ области другихъ вѣрованій. Вотяки населяютъ духами окружающую природу — растенія, воды, огонь и пр. и пр. О томъ, какъ они представляютъ себѣ этихъ духовъ по ихъ существу, лучше всего говоритъ терминъ, которымъ они обозначаются. Всѣ духи явленій природы называются съ различными спеціальными эпитетами *муртами*, т. е. людьми (Ву-муртъ - водяной человѣкъ, Нюлесъ-муртъ - лѣсной человѣкъ и т. д.). Какимъ образомъ человѣкообразный духъ живетъ въ водѣ или огнѣ, когда обыкновенному человѣку это представляется невозможнымъ? Въ нашей книгѣ приведенъ отвѣтъ, который дала на этотъ вопросъ вотская мысль относительно одного изъ духовъ—водяного. Они намазываются особой мазью, которая дѣлаетъ возможнымъ существованіе въ водѣ. Но есть другой отвѣтъ, который одинаково легко разрѣшаетъ тайну присутствія духовъ во всѣхъ предметахъ видимаго міра: духи обладаютъ способностью метаморфоза. Въ книгѣ Верещагина „Вотяки Сарапульскаго уѣзда" мы находимъ сказку, въ которой водяной фигурируетъ въ видѣ громадной *рыбы*. Эта форма вполнѣ удовлетворительно объясняетъ пребываніе человѣкообразнаго духа въ водѣ. Въ приложеніи къ нашей книгѣ помѣщена была другая сказка, которая объясняетъ отношеніе человѣкообразныхъ духовъ къ огню. Сестра водяного, который преслѣдуетъ бѣжавшаго отъ него мальчика съ цѣлью его съѣсть, совѣтуетъ ему *обратиться въ огонь* и, когда мальчикъ подойдетъ погрѣться, схватить и пожрать его. Этотъ эпизодъ вотской сказки очень поучителенъ. Онъ прежде всего объясняетъ намъ, какимъ образомъ устанавливается связь между человѣкообразнымъ духомъ и истребительной стихіей огня—духъ *превращается* въ пламя. Кромѣ этого прямого вывода, намѣчается еще другой, вводящій насъ въ глубину вотскаго анимизма. Стихійные духи оказываются не связанными нераз-

рывно съ той или другой стихіей. Духъ воды при случаѣ превращается въ огонь, т. е. дѣлается духомъ огня. Міръ представляется Вотяку наполненнымъ массой человѣкообразныхъ духовъ, которые принимаютъ видъ различныхъ предметовъ, его окружающихъ.

Уяснивши намъ темную сторону анимизма—связь антропоморфныхъ духовъ съ предметами видимаго міра,—идея метаморфоза даетъ возможность установить важнѣйшіе тезисы первобытной космологіи—первобытныя представленія о сущности и генезисѣ вещей. Если міръ наполненъ массой человѣкообразныхъ духовъ, принимающихъ видъ тѣхъ или другихъ предметовъ, то что такое всѣ эти предметы видимаго міра, какъ не различныя формы (воплощенія) антропоморфныхъ по существу духовъ; откуда произошли они всѣ, какъ не изъ тѣхъ формъ, которыя принимали по тѣмъ или другимъ частнымъ причинамъ человѣкообразные духи?

Въ народныхъ вѣрованіяхъ Вотяковъ, по нашему мнѣнію, заключается положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Относительно медвѣдя Вотяки разсказываютъ, что онъ произошелъ отъ *колдуна*, который въ него оборачивался, т. е. принималъ эту форму. Мы убѣждены, что такіе разсказы отыщутся и относительно другихъ животныхъ и растеній, какъ есть они въ поэзіи и вѣрованіяхъ другихъ народовъ.

Позволяемъ себѣ указать еще на одну сторону жизни первобытныхъ народовъ, гдѣ идея метаморфоза можетъ оказаться полезнымъ руководителемъ для изслѣдователя—этнолога. Безчисленное множество людей и Вотяки въ частности приносятъ жертвы богамъ, сожигая ихъ. Какъ возникъ этотъ обычай? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Въ однихъ случаяхъ огненнаго духа представляютъ посредникомъ между людьми и богами; въ другихъ говорятъ, что боги наслаждаются ароматомъ сожигаемыхъ жертвъ. Оба отвѣта относятся къ высшимъ стадіямъ анимизма. Боги уже отличаются отъ людей по природѣ. Они довольствуются тонкими элементами жертвы—ароматомъ, субстанціей, душой, стало быть, и сами уже являются болѣе тонкими, духовными существами. Но этой стадіи возврѣній на боговъ предшествовала стадія полнаго антропоморфизма, когда богамъ нуженъ былъ не ароматъ, не субстанція, а главная матерія жертвы. На этой стадіи услуги огня являются невыгодными для боговъ, а жертва все таки сожигается. Не сдѣлается-ли эта форма жертвоприношенія для насъ болѣе понятной, если мы поставимъ ее въ связь съ способностью боговъ къ метаморфозу: богъ, обратившись въ пламя, поглощаетъ приносимую ему жертву?

Мы видимъ изъ приведенной выше вотской сказки, что духамъ самимъ иногда этотъ способъ поглощенія жертвы представляется наиболѣе удобнымъ. Что касается людей, то для нихъ онъ еще удобнѣе. Для приносящаго жертву важно быть убѣжденнымъ въ томъ, что богъ принялъ, т.е. потребилъ, принесенную ему жертву, а какой другой способъ жертвоприношенія дастъ ему возможность сильнѣе убѣдиться въ этомъ, чѣмъ всесожженіе? Вѣря въ способность боговъ обращаться въ пламя, дикарь смѣло кладетъ въ него жертву: она, несомнѣнно, будетъ поглощена богомъ, стоитъ только призвать его.

На этомъ мы пока окончимъ. Если наша замѣтка послужитъ къ тому, что кто-нибудь изъ читателей, заинтересовавшись народными разсказами о превращеніяхъ, займется собираніемъ и изслѣдованіемъ ихъ, то мы сочтемъ свой трудъ болѣе, чѣмъ вознагражденнымъ.

(*Продолж. слѣдуетъ*).

И. Смирновъ.

Au fond ce sont les idées de Tylor poussées à l'excès.

Пѣсенные мотивы о превращеніяхъ.

Мотивъ превращенія въ деревья и растенія, о которомъ была рѣчь въ „Этногр. Обозр." (III, 42, 50—52, 211), иллюстрируется также нижеслѣдующими пѣснями, представляющими впрочемъ варіанты болѣе или менѣе извѣстныхъ.

I [1]).

Оженила мати сына тай не по іі волі,
Та узяла невісточку тай не до любови;
Та послала сина въ велику дорогу,
Молоду невістку до дрібного лёну,
Ой якъ посилала, то ще й приказала:
„Не виберешъ лёну, то й не йди до дому".
Не вибрала лёну — не пришла до дому,
На чистому полі тай заночувала,
До білого світу тополею стала.
Ой пріхавъ синъ зъ дороги до дому.
—„Ой матінко, де я не бувавъ,
Такоі тополі нігде не видавъ,
Такоі тополі, якъ на нашому полі:
Тонка та висока, на листу широка".
—„Ой візьми жъ ти, сину, гострую сокиру,
Та зрубай ти, сину, тую тополину".
Ой ударивъ разъ—вона зашуміла,
Ой ударивъ другий—вона похилилась,
Ой ударивъ третій—тай заговорила:
—„Я жъ не тополина, я жъ твоя мила
Це жъ намъ твоя мати та такъ наробила!"

(Зап. А. А. Илличевской въ Керчской вол. Александрійскаго у. Херс. г. въ 1886 г.).

II [2]).

Ой що жъ то за верба,
Що безъ корня взросла;
Ой що жъ бо то за вдова
Сімъ літъ безъ мужа жила;
Сімъ літъ безъ мужа жила,
Два купчика любила,
Два синочка привела;
Сама й бабушка була,
Сама й імя імъ дала—
Іванюта Василя;
Спородивши сповила,
На Дунай іхъ однесла.
Ой ти корабъ, корабель,
Гляди моіхъ дітей;
А ти, жовтий пісочокъ,
Годуй моіхъ діточокъ,
А ти, дунайска вода,
Промивай дітямъ глаза.
На сімнадцятомъ году
Пришла вдова по воду;
Стала вдова воду брать,
Ставъ корабель підпливать,
Ставъ молодчикъ підступать
І зъ вдовою розмовлять:

---

1) Вар. см., напр., у Чубинскаго, V, 704, № 808; польск. у Zygm. Gloger'a Starodawne dumy i pie'sni. Warsz. 1877, p. 11, № 7. *Ред.*

2) Варіанты бѣлорусскіе указаны мною въ статьѣ: „По Минской губерніи" (Труды Этн. Отд., кн. IX. Сборникъ матер. для изуч. быта крест. насел. Россіи, вып. I, подъ ред. Н. Н. Харузина), примѣч. къ пѣснѣ 101. *Ред.*

—„Ой ти, вдова молода,
Чи пойдешь ти за меня?“
—„Я за тебе сама йду,
За другого дочь даю“.
—„Які жъ теперъ попи стали—
Брата зъ сестрою звінчали;
Який теперъ світъ наставъ,
Що синъ неньки не пізнавъ!
Іди, мамо, въ монастирь,
Нехай тебе Богъ простить;
Ходімъ, сестро, горою,
Розсыпимся травою;
Розсипимся травою,
Та зацвітемъ зорею;
Ти зацвітешь красненько,
Я зацвіту біленько.
Будуть діти цвіти рвать,
Ізъ насъ гріхи собірать.

(Зап. А. А. Илличевской въ Тимковкѣ (Викторовкѣ) Александр. уѣзда Херсон. губ.). Ср. Пѣсни буковинск. народа, Лоначевскаго, № 302.

М. К. Васильевъ.

Кирикъ и Іулита.

У крестьянъ Курской губ. Тимскаго уѣз. за все лѣто чуть-ли не самый страшный и самый чтимый день—это 15-ое іюля, память мчч. Кирика, Іулиты и Авудима и св. равноапост. князя Владиміра. Муч. Авудима и св. Владиміра крестьяне не знаютъ,—знаютъ и боятся только „Кирикія и Уликія“; это, по ихъ словамъ, „вздорные святые“, которые строго слѣдятъ, чтобы въ ихъ праздникъ не работали. Вотъ недавно не послушались стариковъ, пошли на работу,—и что жъ? У одного двухъ сыновей громомъ хватило, насилу отошли, у другого корова пала, третій вилами прокололся. Нѣтъ, это вздорные святые, строго слѣдятъ и долго не терпятъ. Хоть на Пасху готовы работать, а на Кирикія и Уликія нѣтъ. Такой отвѣтъ дали крестьяне на предложеніе заняться въ этотъ день работой хоть послѣ обѣда.

9-я, 10-я и 11-я пятницы, это переходные, тоже весьма чтимые праздники. Точныхъ мотивовъ празднованія этихъ пятницъ не знаютъ и сами крестьяне: „какъ-же, завсегда такъ“—вотъ отвѣтъ большинства. Одинъ изъ уважаемыхъ крестьянами стариковъ далъ такое объясненіе этихъ праздниковъ: 9-я пятница—Курской Б Матери; 10-я пятн. въ Пузачахъ престолъ; 11-я пятн.—въ Тиму ярмарка. Но врядъ ли мотивъ празднованія этихъ пятницъ объясняется указанными причинами, такъ какъ празднованіе ихъ перешло далеко за границу не только Тимскаго уѣз., но и Курской губ.

Характеръ празднованія пятницъ совершенно противоположенъ характеру празднованія дня Кирикія и Уликія. 15-го іюля у крестьянъ проявляется какая-то сдержанность, боязнь, что святые долго не будутъ терпѣть. Проводятъ этотъ день не въ кабакѣ за выпивкой, а собираются на площади или гдѣ-нибудь на улицѣ и разсуждаютъ о праздникѣ и общественныхъ дѣлахъ. По словамъ крестьянъ, теперь и нѣмцы въ степи (арендаторы) боятся Кирикія и Уликія. Между тѣмъ во время престольнаго праздника и въ 9-ю, 10-ю и 11-ю пятницы каждый изъ крестьянъ считаетъ себя обязаннымъ праздновать и непремѣнно напиться. Народъ не идетъ уже на работу, а съ утра еще идутъ въ кабакъ, гдѣ собираются почти всѣ поголовно.

Сообщ. **Г. Р. Шидловскій.**

Въ параллель къ этому описанію празднованія „Кирикія и Уликія“ я привожу почитаніе свв. Квирика и Ивлиты, особенно уважаемыхъ сванетами. Изъ постороннихъ въ монастырь этихъ святыхъ не можетъ войти никто кромѣ свана. Въ немъ чествуется одна икона, прежде находившаяся въ Эцерской общинѣ, въ селѣ Пхотрери. Каждую весну, по легендѣ, къ церкви приходила лань и оставляла эвоего маленькаго новорожденнаго. Потомъ эту икону украли кальцы и спря-

тали ее въ сундукъ, привязавши цѣпями. Сначала она была у какого-то кальскаго жителя, а потомъ уже перенесли ее въ монастырь. Тамъ ее стерегутъ три сторожа, иначе она опять уйдетъ въ Пхотрери.

Квирике, вѣроятно, былъ уважаемъ во всей Грузіи. До сихъ поръ первое воскресенье послѣ Пасхи посвящается его имени — квирикоба, т. е. праздникъ Квирике. Г. Церетели отождествляетъ Квирике съ Геркулесомъ и считаетъ праздникъ въ честь его остаткомъ язычества. Гераклъ, какъ извѣстно, почитался во всей Малой Азіи и въ особенности въ Финикіи. Культъ его могъ быть занесенъ и въ Грузію

Для полноты заимствуемъ еще слѣдующія свѣдѣнія изъ корреспонд. изъ Сванетіи въ „Нов. Обозрѣніи", 1889 г., № 2031.

15 октября въ оградѣ бывшаго монастыря свв. Квирика и Ивлиты (въ кальскомъ обществѣ) собрались сваны для обнаруженія воровъ пропавшихъ быковъ и лошадей. Предъ иконой „Шаліани" происходила очистительная присяга. Къ знаменитой иконѣ прибѣгаютъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и не было примѣра, чтобы виновный предъ ней не исповѣдалъ своей вины. Такъ воры были обнаружены въ 1880 г. Икона лежитъ въ сундукѣ, и ключъ отъ него хранится у благонадежныхъ людей. „Шаліани"—образъ Распятія, очень драгоцѣнный. Преданіе разсказываетъ, что въ Вольной Сванетіи жилъ нѣкто Шаліани Мальчикъ его разъ камнемъ пробилъ брюхо коровы. Камень этотъ былъ найденъ отцомъ и отданъ кузнецу, чтобы послѣдній сдѣлалъ изъ него косу. Съ этой косой онъ явился, по обязанности, къ имеретинскому царю и обѣщался скосить въ одинъ день все „гегутское" поле, если царь отдастъ икону Распятія. Исполнивъ обѣщаніе, съ иконой въ козьей сумкѣ онъ возвратился домой въ сел. Ипори; ночевать по дорогѣ пришлось въ кальскомъ обществѣ. Товарищи Шаліани провѣдали, что онъ несетъ на родину драгоцѣнную икону. Кальцы, придравшись къ нему за соблазнъ жены хозяина дома, отняли у него икону. Они запрягли двухъ быковъ въ сани, поставили туда образъ и пустили ихъ на волю. Быки привезли икону на гору, гдѣ нынѣ находится монастырь. Впослѣдствіи эту икону похитили Чубехевцы, но подкупомъ Іосселіани кальцы возвратили ее къ себѣ. За это Іосселіани освобождены отъ принесенія въ жертву коровы или соразмѣрной платы предъ присягой. „Шаліанская" икона играетъ важную роль при прекращеніи кровопролитій, при заключеніи мира между враждебными сторонами, при веденіи общиной важныхъ процессовъ, при открытіи воровъ и пр.

А. Хах овъ.

Одноглазый людоѣдъ *).

(*Вотяцкій варіантъ*).

Одинъ человѣкъ былъ до того безстрашенъ, что никого и ничего на свѣтѣ не боялся, и никто не могъ его испугать. Вотъ онъ однажды и вздумалъ пройтись по свѣту и поискать случая чего-нибудь испугаться. На дорогѣ онъ встрѣтился съ однимъ мужикомъ, который давно уже ходилъ по деревнямъ, но которому также ни разу не случалось чего-либо бояться. Они поговорили другъ съ другомъ и согласились итти вмѣстѣ отыскивать случая, какъ бы имъ испугаться. Идутъ они по лѣсу и видятъ въ чащѣ лѣса маленькую избенку, а такъ какъ они давно шли и устали, то зашли въ избушку и сѣли. Вдругъ въ избушку входитъ людоѣдъ, *палясь-муртъ*, и говоритъ: „что васъ мало? мнѣ васъ и на одинъ день на ѣду, пожалуй, не хватитъ!" Сейчасъ-же беретъ одногла-

*) См. „Этногр. Обозр." IV, 25—43 и 94—95.

зый второго мужика, зарѣзываетъ и съѣдаетъ его, а потомъ загоняетъ своихъ овецъ на ночь въ ту-же избушку и ложится спать. Но первый мужикъ ничего не испугался и спокойно легъ спать рядомъ съ хозяйскими овцами. На другой день раннимъ утромъ овцы стали блеять, увидѣвши чужого, а палэсъ-муртъ, еще не выспавшійся послѣ сытнаго ужина, началъ ихъ выгонять; когда-же овцы не пошли, онъ, не раскрывая отъ сна своего глаза, началъ хватать ихъ за шерсть на спинѣ или на головѣ и выбрасывать въ двери, и между овцами съ-просоня схватилъ за волосы и выбросилъ за двери и человѣка. Очутившись въ полѣ, человѣкъ поторопился уйти домой, а самъ про себя думаетъ: „знать, нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бы могло испугать меня!" По выходѣ изъ лѣсу, онъ видитъ: воткнутъ въ одинъ пень топоръ, съ красивымъ золотымъ топорищемъ, съ радостью подбѣгаетъ къ этому топору и схватываетъ его. Вдругъ онъ почувствовалъ, что рука его пристала къ топорищу такъ сильно, что онъ не можетъ ее оторвать; а въ это время по лѣсу раздались шаги палэсъ-мурта, который вдобавокъ громко закричалъ. Тогда мужикъ узналъ, что идетъ палэсъ-муртъ и, предполагая, что онъ идетъ его доѣсть, такъ испугался, что выхватилъ изъ за пояса ножъ, обрѣзалъ себѣ руку и опрометью прибѣжалъ домой, говоря: „вотъ теперь я знаю, что значитъ испугаться". (Лудошурская волость).

Изъ собранія Н. Г. Первухина: „Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣз. Эскизъ IV". (Календарь Вятской губ. на 1890 г., стр. 50, 51. См. „Этн. Обозр". IV, 220).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

— На VIII Археологическомъ Съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ, съ 9 по 24 января 1890 г., было сдѣлано разными лицами 136 сообщеній. Изъ этого числа, согласно нашему обѣщанію (Э. О. IV, 263), отмѣтимъ тѣ сообщенія, которыя имѣютъ отношеніе къ этнографіи, какъ наиболѣе для насъ интересныя. Эти сообщенія слѣдующія:

1) *И. Е. Забѣлинъ*: О древнѣйшемъ поселеніи Москвы; 2) *Д. И Багалѣй*: Общій очеркъ древностей Харьковской губ.; 3) *В. Н. Поливановъ*: Древнее кладбище и городище у с. Муранокъ, Сенгилеевскаго у., Симбирской губ.; 4) *Д. Я. Самоквасовъ*: Хронологія могильныхъ находокъ въ южной и центральной Россіи (см. выше библ.); 5) *В. В. Антоновичъ*: О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губ.; 6) *Д. И. Прозоровскій*: О славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени; 7) *М. С. Дриновъ*: Сказаніе о Святогорѣ и Тягѣ Земной въ южно-славянской народной поэзіи; 8) *Е. Э. Картальякъ*: О значеніи русской доисторической археологіи для Зап. Европы; 9) *Гр. Луи де-Флёри*: О нѣсколькихъ городищахъ въ бассейнѣ Вислы; 10) *Бар. И. де-Бай*: О восточномъ вліяніи на звѣриный орнаментъ у германскихъ народовъ; 11) *В. С. Передольскій*: О вновь открытыхъ древностяхъ у истоковъ р. Волхова; 12) *Г. Л. Скадковскій*: Типы погребенія въ курганахъ близъ мѣстечка Бѣлоозерки, Херсонскаго у.; 13) *А. Ѳ. Мержинскій*: О прусской Sicco; 14) *М. А. Веневитиновъ*: Росписныя кирпичныя избы (Э. О. IV, 227); 15) *А. И. Кирпичниковъ*: Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ; 16) *В. Ѳ. Миллеръ*: Новое сарматское божество; 17) *Ѳ. Ѳ. Чекалинъ*: Мещера и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ; 18) *Д. А. Хвольсонъ*: О Русахъ у арабскаго писателя Ибн-Хордабея; 19) *А. С. Будиловичъ*: Къ вопросу о происхожденіи слова „Русь"; 20) *И. А. Линниченко*: Черты изъ исторіи землевладѣнія въ юго-западной Руси XIV и XV вв.; 21) *Г. А. Халатовъ*: О новомъ божествѣ у др. армянъ Ангелъ или Ангелъ; 22) *И. Н. Смирновъ*: Воспоминанія объ эпохѣ канибализма въ народной поэзіи вотяковъ; 23) *Д. Н. Анучинъ*: О древнѣйшихъ иностранныхъ картахъ Сибири; 24) *Д. Я. Самоквасовъ*: О происхожденіи русскихъ славянъ;

25) *В. З. Звѣвитневичъ*: Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ; 26) *Аспелинъ*: Слѣды вліянія готовъ въ сѣверной Россіи; 27) *В. Ѳ. Миллеръ*: Кавказскія народныя сказанія о циклопахъ (Э. О. IV, 25): 28) *Д. Н. Анучинъ*: Къ вопросу о дивіихъ людяхъ; 29) *Н. М. Ядринцевъ*: О распространеніи въ Монголіи и Сибири каменныхъ могилъ (керексуръ) и 30) о каменныхъ бабахъ въ Сибири и Монголіи; 31) *И. Н. Смирновъ*: Бесермяне Вятской губ; 32) *Н. А. Янчукъ*: Эпизодъ изъ области критики народной поэзіи; 33) *А. И. Кирпичниковъ*: О Страфиль-птицѣ; 34) *Ф. Хегеръ*: Кавказскіе могильники и ихъ отношеніе къ западно-европейской культурѣ; 35) *Гр. Л. де-Флёри*: Стоянка неолитическаго періода у м. Кемпа, Гродненской губ.; 36) *Н. М. Ядринцевъ*: О слѣдахъ азіатской культуры въ южно-русскихъ и скиѳскихъ древностяхъ; 37) *В. М. Михайловскій*: Первобытное искусство и образное письмо (пиктографія) по этнографическимъ даннымъ; 38) *А. А. Ивановскій*: Къ вопросамъ: a) о существованіи совмѣстнаго обряда погребенія и сожженія, b) о каменныхъ бабахъ и c) о намогильныхъ камняхъ по даннымъ современной этнографіи; 39) *Н. Е. Бранденбургъ*: Къ вопросу о каменныхъ бабахъ; 40) *І. А. Хойновскій*: Изслѣдованіе кургана Сауръ, въ Верхнеднѣпровскомъ у., Екатеринославской губ.; 41) *Е. Н. Мельничъ*: Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ; 42) *А. А. Гатцукъ*: Къ вопросу о скульптурѣ у древнихъ русскихъ племенъ; 43) *В. И. Сизовъ*: Дьяково городище подъ Москвой и его отношеніе къ московскимъ и смоленскимъ курганамъ; 44) *Д. Н. Анучинъ*: О культурныхъ вліяніяхъ на доисторической почвѣ Россіи.

Желающихъ познакомиться подробнѣе съ содержаніемъ указанныхъ рефератовъ отсылаемъ къ вышедшей недавно книгѣ «Занятія восьмаго Археологическаго Съѣзда» (М. 1890), а также къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» за январь мѣсяцъ 1890 г. Рефераты будутъ напечатаны въ «Трудахъ VIII-го Археологическаго Съѣзда».

— Международная тюремная выставка, устроенная IV Международнымъ Конгрессомъ (въ іюнѣ текущаго года въ Петербургѣ) представляла значительный интересъ для этнографа. Особенно обращалъ на себя вниманіе отдѣлъ, посвященный острову Сахалину. Не касаясь богатой коллекціи предметовъ, могущихъ интересовать тюрьмовѣда, и предметовъ, наглядно рисующихъ производительность острова, его фауну и флору, мы отмѣтимъ, что въ этомъ отдѣлѣ нашла себѣ мѣсто и богатая коллекція предметовъ чисто этнографическаго характера. Такъ, наприм.: одежда, предметы обихода, оружіе гиляковъ и другихъ посѣщающихъ островъ инородцевъ были представлены въ достаточно большомъ количествѣ (120 №№) для того, чтобы получить ясное представленіе о ихъ бытѣ. Кромѣ того было выставлено 13 гипсовыхъ бюстовъ, айновъ, гиляковъ и ороковъ, и наконецъ 24 черепа, именно: 15 череповъ айновъ, 7—айно-гиляковъ, 1—гиляка и 1—орока. Не меньшій интересъ представляли и выставленные предметы религіознаго культа гиляковъ, какъ-то: изображенія бога горъ, грома, солнца, луны, плодовитости, злого духа, шаманскій бубенъ и т. п. Этотъ отдѣлъ выставки, имѣвшій цѣлью не только обрисовать бытъ нашихъ ссыльно-каторжныхъ, но и бытъ окружающихъ послѣднихъ инородцевъ, благодаря умѣнью составителя этого отдѣла д-ра П. Супруненко, вполнѣ исполнилъ свою задачу.

— Дѣятельность Восточно-Сибирскаго Отдѣла Им. Рус. Геогр. О. въ 1889 г., какъ видно изъ отчета, приложеннаго къ «Извѣстіямъ» Отдѣла, т. XXI, № 3, была весьма плодотворна. *Я. А. Макаровъ* вернулся въ Иркутскъ изъ своего путешествія, длившагося $1^1/_2$ года и имѣвшаго цѣлью изслѣдованіе въ геологическомъ отношеніи нѣкоторыхъ золотоносныхъ раіоновъ въ Амурскомъ и Ококскомъ бассейнахъ. *Г. Ядринцевъ* совершилъ поѣздку въ

Монголію (результаты ея уже извѣстны). *В. И. Чекулаевъ* совершилъ поѣздку въ Илийской край. *В. А. Обручевъ*—поѣздку по Иркутской губ. и р. Окѣ, и *П. А. Подгорбунскій*—въ Забайкалье, *А. С. Еліевъ* произвелъ раскопки въ бирюсинскихъ пещерахъ, *П. С. Проскуряковъ*—изслѣдованіе іюсскихъ пещеръ. Въ началѣ истекшаго года Комитетомъ В.-С. Отдѣла была устроена выставка принадлежностей буддійскаго богослуженія; всего было выставлено 560 предметовъ. На общихъ собраніяхъ Отдѣла, которыхъ было 6, и на секціонныхъ засѣданіяхъ, которыхъ было 10, въ томъ числѣ по отдѣленію этнографіи 3, было сдѣлано 14 сообщеній, изъ которыхъ слѣдующія для этнографа представляютъ интересъ. 1) *Н. М Астыревъ*: О численности и промыслахъ племени каракасовъ; 2) *Н. И. Витковскій*: Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ Ангары (нап. въ Изв. XX № 2); 3) *М. М. Дубенскій*: Объ извозномъ промыслѣ въ трехъ округахъ Иркутской губ.: Иркутскомъ, Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ; 4) *П. А. Молодыхъ*: О крестьянскихъ промыслахъ въ Хомутовской вол., Иркутской губ. (нап. въ Изв. XXI № 1); 5) *Г. Н. Потанинъ*: О каменныхъ бабахъ съ изображеніями оленей; 6) *В. А. Теремецъ*: О пѣсняхъ мѣщанъ г. Селенгинска и пѣсняхъ бродягъ, записанныхъ г Дудинымъ. Въ теченіе истекшаго года въ Музей Отдѣла поступило всего 1873 предмета, изъ которыхъ 170 относятся къ археологіи края, 359 къ этнографіи.

— Эстонское Ученое Общество въ Дерптѣ, праздновавшее 50-тилѣтіе своего существованія еще въ 1887 г., пользуется малою извѣстностью среди русскихъ ученыхъ, хотя его дѣятельность заслуживаетъ вниманія. Весьма поучительна исторія этого скромнаго провинціальнаго Общества, которую мы и передадимъ здѣсь вкратцѣ, резюмируя рѣчь секретаря его г. А. Гассельблата (въ Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1888. Dorpat, 1889, in 8⁰, стр. 295). Въ 1838 г было основано Общество, цѣлью котораго было «способствовать изученію прошлаго и настоящаго эстонскаго народа, его языка и литературы и населяемой имъ мѣстности». Общество это состояло изъ 19 членовъ; не обладая почти никакими средствами, не имѣя помѣщенія, Общество собиралось поочередно у каждаго изъ членовъ; трудовъ своихъ оно не издавало за неимѣніемъ средствъ; музей, мало-по-малу, составлявшійся изъ коллекцій и пожертвованій, оно принуждено было переносить изъ одного помѣщенія въ другое. Но члены этого кружка любителей родного края и народа не теряли энергіи; они смѣло боролись съ невзгодами, и мало-по-малу достигли прекрасныхъ результатовъ. Ко дню празднованія 50-тилѣтняго юбилея общество насчитывало 280 членовъ; оно владѣло библіотекою въ 7755 номеровъ и значительнымъ музеемъ. Изъ изданій Общества мы имѣемъ 13 томовъ извѣстій, нѣсколько народныхъ изданій и Протоколы засѣданій за 27 лѣтъ. Въ первую половину своего существованія Общество занималось преимущественно эстонскимъ языкомъ и литературой; во вторую же—изслѣдованіями эстонской древности и доисторической археологіи.

Въ вышеназванномъ томѣ Протоколовъ засѣданій обращаютъ на себя вниманіе: 1) сообщенія г. *v. Seidlitz* и г. *Jul. Doering*: Die weberschifförmige Steine, при чемъ первый референтъ склоненъ видѣть въ нихъ военныя орудія, второй же—просто оселки для оттачиванія наконечниковъ стрѣлъ или амулеты; 2) Ein estnischer aberglaubischer Segensspruch aus d. J. 1704, сооб. г. *Fr. Amelung*; 3) реф. пр. *Dr. Loeschke*: Alte Gräber in d. Umgegend v. Neuhausen, и 4) редактора г. *K. Masing*: Ueber estnische Pflanzennamen.

— Въ Митавѣ устраивается **Курляндскій музей**, какъ гласитъ оффиціальное объявленіе г. курляндскаго губернатора. Предположены отдѣлы:

естественно-историческій, экономическій, этнографическій и историческій (см. Mitauische Zeit. № 162).

— Въ Радомѣ, по сообщенію газетъ, устраивается археологическій музей, основаніе котораго положено мѣстнымъ сторожиломъ, д-ромъ Роволинскимъ, пожертвовавшимъ музею свое собраніе древностей, особенно монетъ (Вит. Г. В.).

— Въ 1893 г. предстоитъ празднованіе столѣтія со времени присоединенія Подоліи къ Россіи. Изъ приготовленій къ юбилею намъ извѣстно пока, что епархіальное начальство готовитъ духовно-историческій очеркъ судебъ края (Рижск. Вѣстн.). Будемъ надѣяться, что въ этомъ очеркѣ не будетъ забыта и этнографія Подольскаго края хотя бы въ видѣ подведенія итога тому, что до сихъ поръ сдѣлано для него въ этомъ отношеніи.